

Л. Д. ТРОЦКИЙ

ЛЕНИЗДАТ

УРОКИ ОКТЯБРА

Л. Д. ТРОЦКИЙ

УРОКИ ОКТАБРЯ

(с приложением
критических материалов
1924 года)

ЛЕНИЗДАТ
1991

Составитель
кандидат исторических наук
Ю. А. Прохватилов

Автор вводной статьи
доктор исторических наук,
профессор
В. И. Старцев

Редактор
В. Ф. Лепетюхин

Т $\frac{0503020400-123}{M171(03)-91}$ 34-91

ISBN 5-289-01025-4

- © Ю. А. Прохватилов, составление, 1991
- © В. И. Старцев, вводная статья, 1991
- © Ю. А. Прохватилов, В. И. Старцев, комментарии, 1991
- © Н. И. Абрамов, оформление, 1991

ВТОРОЙ РАУНД СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКИ

В 1965 г. я работал в подмосковном Красногорске, в Архиве кинофотодокументов СССР. Мне надо было подобрать иллюстрации к коллективной монографии ленинградских историков из нашего отделения Института истории (ЛОИИ АН СССР) о революционных событиях в Петрограде в 1917 г. Ко мне очень хорошо отнеслись в этом архиве и дали не только фотоматериалы, но и все пленки тогдашней кинохроники с аппаратом-проектором. Это было фантастическое ощущение: передо мной ожила революция, воочию предстала давно ушедшая жизнь Петрограда, его площадей и улиц, знакомых мне по самым первым детским впечатлениям. Тогда, в начале 30-х гг., еще ходили те же вагоны трамвая, на которых в 1917 г. катались вот эти улыбающиеся солдаты, беззаботно лущающие семечки.

Вот площадь у Мариинского дворца 20 апреля 1917 г., демонстрации против ноты Милюкова о войне «до окончательной победы». Солдаты Финляндского полка, вышедшие на улицу с оружием. Матрос машет газетой с нотой, выступая с насупом сколоченной трибуны. А перед ним, занимая весь первый план, колышутся штыки. Как железная трава, как стальная осока, преодолевающая бешеный ветер!.. Глядя на эти штыки, я впервые понял, что Временное правительство спас тогда только случай. Министров не было в тот момент во дворце, они заседали у постели больного военного министра А. И. Гучкова. И прав был Ленин, утверждавший в начале сентября 1917 г. в статье «Русская рево-

люция и гражданская война», что Советы могли взять власть еще тогда, 20—21 апреля...

А вот другие сцены. Массовая демонстрация 18 июня. Дюжие молодцы из революционного 1-го пулеметного полка срывают плакат с надписью «Доверие Временному правительству!» и швыряют его в Неву с Троицкого моста... Колонны и толпы июльских демонстрантов. 3—5 июля власть Временного правительства снова висела на волоске.

Ну и, наконец, Октябрь. Вот полдень 25 октября 1917 г. Юнкера школы прапорщиков инженерных войск оборудуют пулеметные гнезда на баррикаде из дров перед фасадом Зимнего дворца. Экранчик проектора маленький, сантиметров двадцать пять по диагонали. Но юнкера бегают как всамделишные, юрко снуют перед аппаратом с саженными плахами на плечах. И день 26 октября: рабочие, солдаты, просто зеваки, питерские мальчишки пришли смотреть на захваченный Зимний дворец. Длинная панорама вдоль дворца. Невольно обращаешь внимание на то, как хорошо одеты люди: на них добротные пальто, многие в шляпах, при шарфах из натуральной шерсти. Совсем нет оборванных или грязных людей, в вошедших позже «в моду» засаленных ватниках. Все веселые, покуривают папироски. Чья-то рука в кожаной перчатке показывает следы от шрапнели на решетке пандуса подъезда «Ее Величества».

Пленка бежит дальше. И тут я увидел Троцкого! Первый раз в жизни. Живого (в смысле — шевелящегося на экране). Он стоял в одном костюме во дворе Смольного, у его гранитных ступеней. Он улыбался и так же, как и люди на площади, курил папироску, держа ее внутри ладони.

Впрочем, лик Троцкого я видел, если уж быть точным, не в первый раз. Я тут же припомнил карикатуры в газете «Правда» 1937 г. Наш замечательный карикатурист Борис Ефимов изображал Троцкого в виде отвратительной бесхвостой обезьяны, утыканной фашистскими знаками. Этот «платный агент фашизма» управлял не менее мило изображенными марионетками — Каменевым, Зиновьевым, Бухариным, Рыковым и пр. (Лишь недавно я узнал, что именно Троцкий дал путевку в жизнь Борису Ефимову, напечатав положительную рецензию в начале 20-х гг. на первый сборник его рисунков и карикатур...)

Тогда же, в 1965 г., я впервые получил в спецхране III том собрания сочинений Л. Д. Троцкого, чтобы прочесть там «Уроки Октября», в то время еще весьма однозвонное произведение, оказавшееся при ближайшем рассмотрении оригинальным и интереснейшим. Я внимательно читал и ловил себя на мысли, что все события в нем изложены на 99 процентов правильно! Ведь до этого я 10 лет уже изучал историю Октября не по трудам историков, а по самым что ни на есть подлинным документальным материалам, делопроизводственным источникам — милицейским рапортам, резолюциям райсоветов, протоколам фабзавкомов и т. п. В главах кол-

лективной монографии, посвященных подготовке и проведению Октябрьской революции, мы попытались, насколько это было возможно, объективно показать роль Троцкого в вооруженном восстании в Петрограде. Нам сильно помог тогда влиятельный член редколлегии Евгений Яковлевич Зазерский. Говорю спасибо ему и сегодня. Без его поддержки книга «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде», вскоре признанная за рубежом лучшей советской книгой об Октябре, никогда не вышла бы. Но историографическую главу, где, в частности, давалась оценка и «Урокам Октября», мы с моим соавтором О. Н. Знаменским отстоять все же не смогли. По требованию Н. Е. Носова, тогдашнего директора ЛОИИ АН СССР, она была выброшена из книги уже в корректуре. Вся правда о роли Троцкого в Октябре, в истории большевистской партии и Советского государства была тогда все еще невозможной, несмотря на XX и XXII съезды КПСС и их продолжавшееся влияние. Только теперь, на шестом году перестройки, мы начали всматриваться в Троцкого, узнавать его заново, не только читать, но и издавать его труды.

Лев Троцкий возвращается не только в нашу историографию, но и в нашу жизнь. Возвращается по-своему — без фанфар и умиленного сюсюканья, даже без казенно-формальной реабилитации, преодолевая злобное недовольство охранителей ответшалых сталинских «принципов», обильно одобренных антисемитской мерзостью. Сегодня, когда Октябрь 1917-го подвергается неприкрытому остракизму, когда над коммунизмом вопиют разноголосые похоронные тризны, Троцкий предстает перед нами как страстный и квалифицированный защитник идей Октябрьской революции, как убежденный коммунист, марксист-ленинец. В дни, когда мир охвачен критически-негативным отношением к социализму как общественному строю (дискредитированному прежде всего тлетворной сущностью его сталинско-брежневской модели), полезно ознакомиться с мыслями и идеями искреннего поборника социалистического строя, решительно отвергавшего уродливый сталинистский путь его развития. Мы уже дали зеленую улицу взглядам Н. И. Бухарина, который проявил себя как теоретик и апологет нэпа, а до 1921 г. с тем же рвением воспевал «военный коммунизм». Надо вслушаться и в голос критика бухаринского противоречивого курса, а до этого каменевско-зиновьевского оппортунизма, главного противника сталинского беспринципного карьеризма.

Для тех, кто до сих пор сомневается в преданности Троцкого идеям марксизма-ленинизма и делу социализма, небесполезно будет прочесть такие его слова: «Буржуазная демократия имеет преимущества по сравнению с предшествующими ей государственными формами. Но она не вечна. Она должна уступить свое место социалистическому обществу. Мостом к социалистическому обществу является диктатура пролетариата»¹. Это полностью соответствует революционной

линии Маркса и Ленина. И это Троцкий. Он писал эти слова за границей, уже будучи высланным из СССР, тщетно пытаясь получить визу для въезда в Европу или Америку. Писал по убеждению, а не для пропаганды, не для сохранения своего места на пиру победителей.

Приведу еще одно высказывание Л. Д. Троцкого об Октябрьской революции из заключительной главы его автобиографии.

«Рабочий класс России под руководством большевиков сделал попытку перестроить жизнь так, чтобы исключить возможность периодических буйных помешательств человечества (Троцкий имел в виду первую мировую войну.— В. С.) и заложить основы более высокой культуры. В этом смысл Октябрьской революции. Разумеется, задача, поставленная ею, не разрешена, но эта задача по самому существу рассчитана на ряд десятилетий. Более того, Октябрьскую революцию нужно брать как исходную точку новейшей истории человечества в целом.

К исходу тридцатилетней войны немецкая реформация должна была представляться делом людей, вырвавшихся из сумасшедших домов. До известной степени так это и было: европейское человечество вырвалось из средневекового монастыря. Современная Германия, Англия, Соединенные Штаты, да и все вообще человечество, не были бы, однако, возможны без реформации с неисчислимыми жертвами, которые она породила. Если вообще жертвы допустимы,— хотя у кого спрашивать разрешения? — то это именно те, которые движут человечество вперед.

То же надо сказать и о французской революции. Узкий реакционер и педант Тэн воображал, что делает бог вещь какое глубокое открытие, устанавливая, что через несколько лет после обезглавления Людовика XVI французский народ был беднее и несчастнее, чем при старом режиме. В том-то и дело, что такие события, как Великая французская революция, нельзя рассматривать в масштабе «нескольких лет». Без великой революции была бы невозможна вся новая Франция, и сам Тэн оставался бы клерком у одного из откупщиков старого режима, вместо того чтобы чернить революцию, открывшую перед ним новую карьеру.

Еще большей исторической дистанции требует Октябрьская революция. Уличать ее в том, что в течение 12 лет она не дала всеобщего умиротворения и благополучия, могут только безнадежные тупицы»².

Прошло еще 60 с лишним лет после этого, а умиротворения и благополучия все нет, говорят сегодня критики Октября. Верно, согласимся мы, но пробивает себе путь и более широкий взгляд на Октябрьскую революцию: а что она дала миру, в том числе и капиталистическому? Не она ли заставила правящие классы капиталистических стран Европы и Америки пойти на широкие социальные уступки трудящимся, чтобы не допустить насильственной революции пролетариа-

та? Именно под влиянием Октябрьской революции, как это совершенно ясно теперь, постиндустриальное западное общество двинулось по пути глубоких социальных реформ. И в этом смысле Троцкий совершенно прав: Октябрьскую революцию нужно брать в качестве исходной точки новейшей истории человечества в целом. Другое дело, что наша-то страна начиная с 1929 г. сдвинулась с магистрального социалистического пути, свернула на боковой, который привел нас на уже, казалось, оставленный в прошлом круг военно-коммунистического, казарменного социализма. Из этого порочного круга КПСС так и не смогла найти настоящего выхода.

Россия всегда была «страной великих опозданий», не избежал этой участи и СССР. Запаздываем всегда с реформами, запаздываем и с реабилитациями. Если бы еще Н. С. Хрущев решился реабилитировать Н. И. Бухарина в 1956 г. (а он сам откровенно признался в мемуарах, что уже тогда был абсолютно уверен в невинности его и в том, что все процессы конца 30-х гг. были сфальсифицированы), то какой мощный импульс это дало бы развитию марксистской теории, оскопленной и засушенной Сталиным, Ждановым, Сусловым и иже с ними. Увы, это было сделано только через 32 года — в 1988 г., когда обострившееся кризисное состояние страны уже не слишком располагает к серьезному и плодотворному изучению бухаринского теоретического наследия. Начало фактической реабилитации Троцкого относится к апрелю 1989 г. Если бы Троцкий был подобающим образом реабилитирован хотя бы в 1986 г., то обращение к его многочисленным трудам, может быть, успело бы дать мощный импульс защите социализма, вооружило бы коммунистов дополнительными вескими аргументами в пользу «социалистического выбора». Но опоздали и с этим. В 1989 г. общественное развитие резко двинулось дальше — от критики Сталина и сталинизма к критике КПСС, Октябрьской революции, социализма и марксизма, к критике Ленина и ленинизма. Рано или поздно придет время более взвешенного и объективного отношения к нашей истории. Тогда ученые и публицисты, опираясь и на сегодняшние публикации, непременно вновь вернутся к осмыслению личности Троцкого, его роли в нашей истории.

Сегодня, казалось бы, уже нет необходимости пересказывать читателю всю биографию Троцкого. Вышло несколько журнальных публикаций его произведений³, появились брошюры, посвященные его политическому портрету⁴. Политиздат выпустил в свет сборник произведений Троцкого под названием «К истории русской революции». Его открывает большая статья Н. А. Васецкого «Л. Д. Троцкий: политический портрет»⁵. В 1990 г. в издательстве «Наука» вышла репринтным изданием книга Л. Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций». Издательский центр «Терра» выпустил двухтомник Л. Троцкого «Сталин» и четырехтомник «Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР.

1923—1927». Переизданы книги Троцкого «Литература и революция» (с предисловием Ю. Борева), «Преданная революция» и, наконец, его двухтомная автобиография «Моя жизнь».

Но все же для тех, кто впервые приобщается к политической деятельности Л. Д. Троцкого, я назову основные вехи его биографии до 1924 г. включительно, когда разворачивается основное действие событий, запечатленных на страницах данного сборника.

Он родился 26 октября (7 ноября по новому стилю) 1879 г. в селе Яновка Херсонской губернии, в семье зажиточного землевладельца Давида Бронштейна. Последний владел 400 десятинами земли в колонии Грамаклея, где земли принадлежали в основном немцам-колонистам еще с XVIII в. Десяти лет маленький Лева расстался с родительским домом и был определен в Одесское реальное училище святого Павла (тоже основанное немецкими колонистами, дети которых составляли тогда большинство его учеников). В шестом классе он увлекся освободительным движением и революционными идеями. Сначала он примкнул к народникам и лишь постепенно стал интересоваться марксизмом. В предпоследнем классе училища Лев Бронштейн связался с подпольной социал-демократической организацией. Вскоре возникло подозрение, что за ним следят и арест неминуем. Тогда организация настояла на его переводе в Николаевское реальное училище, которое он и закончил. Вместе с несколькими другими учащимися и студентами Лев принял участие в организации в г. Николаеве «Южнорусского рабочего союза», аналогичного петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», основанному В. И. Лениным и Ю. О. Мартовым. Вскоре юных революционеров выдал полицейский провокатор. Последовало заключение в херсонской, николаевской и одесской тюрьмах. Там Лев Бронштейн пополняет свое марксистское образование и становится убежденным социал-демократом.

Его и других активных участников николаевского рабочего союза ссылают в Восточную Сибирь сроком на четыре года. По пути в Сибирь он отсидел пять месяцев в московской пересыльной тюрьме. Там он продолжал свои занятия и, наконец, оказался в селе Усть-Кут Иркутской губернии. В ссылке Лев пробыл два года. Он устроился там волостным писарем, сотрудничал в газете «Восточное обозрение» (Иркутск). В 1902 г. ему удалось утаить бланк паспорта, и он сам выписал его себе на имя Николая Троцкого (это была фамилия одного из надзирателей одесской тюрьмы). Новоименованный Троцкий решил выбраться за границу, так как понял, что в самой России сплотить разрозненные социал-демократические кружки воедино невозможно из-за слишком уж неравных сил в противоборстве с царской охранкой. Надеялся Лев и на то, что за границей он сможет найти применение своему, уже обнаружившемуся, публицистическому таланту.

В Иркутске он получил явку-агентам «Искры» в Самаре. Среди них был соратник В. И. Ленина по петербургскому «Союзу борьбы» Г. М. Кржижановский. Он направляет Троцкого в Полтаву и Киев, дав партийную кличку «Перо». Вскоре при помощи контрабандистов Троцкий переходит австрийскую границу и объявляется в Вене. Завязав знакомства с некоторыми австрийскими социал-демократами, он затем продолжает свой путь и через Цюрих и Париж приезжает в Лондон. Там он узнает адрес В. И. Ленина и в одно прекрасное утро предстает перед «Ильичами» (так в партийных кругах звали Ленина и Крупскую).

Ленин устраивает Троцкому настоящий экзамен по марксистской литературе. «Перо» блестяще выдерживает его. Так начался недолгий период прямо-таки восторженного отношения В. И. Ленина к Троцкому и их плодотворное сотрудничество в «Искре». Оно продолжалось и во время подготовки II съезда РСДРП. На съезде Троцкий настолько горячо защищает линию Владимира Ильича, что его зовут «ленинской дубинкой». Но именно на съезде происходит и разрыв между ними. Независимый характер Троцкого не способствовал его послушным действиям в «ленинской команде», Троцкий, очевидно, считал, что он стоит «большого». Он переходит на сторону меньшевиков и становится ведущим публицистом «Искры» уже под их знаменем.

Однако и у меньшевиков Троцкий удержался недолго. Как только с конца 1904 г. в России складывается кризисная обстановка, он расходится с меньшевиками в ее оценке (о разрыве Троцкого с меньшевиками нигде формально не сообщалось). С этого момента и вплоть до августа 1917 г. Троцкий известен как «внефракционный социал-демократ», весьма левый, иногда даже «левее» большевиков, но всегда сам по себе — не с Даном, но и не с Лениным.

С начала 1905 г. Л. Д. Троцкий тесно сошелся с А. Л. Парвусом, работы которого нравились ему и ранее. Парвус с конца XIX в. занимал леворадикальную позицию в германской социал-демократии, предсказывал скорую победу социалистической революции в Европе, плодами которой воспользуется-де еще современное ему поколение революционеров. По словам самого Троцкого, это дало ему ощущение социализма как вполне достижимой цели и вдохнуло в него колоссальную энергию для борьбы. Парвус сотрудничал еще в ленинской «Искре» под псевдонимом «Молотов» (никто, надеюсь, не спутает его с известным сталинским клеветом В. М. Молотовым-Скрябиным) весной 1905 г.

Парвус при содействии Троцкого разработал теорию «перманентной революции». Он отталкивался от одного из высказываний К. Маркса о перманентной, т. е. непрерывной, революции. По Парвусу и Троцкому, революцию, начавшуюся в России как буржуазно-демократическая, надлежит сделать непрерывной. Победившая в России при поддержке

крестьянства диктатура пролетариата перенесет революцию в развитые капиталистические страны Европы — более, чем Россия, созревшие для социалистического переворота.

В те же месяцы В. И. Ленин разрабатывал теорию перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Рассматривая обе эти теории объективно, без учета личного соперничества между их авторами, можно заметить в них много общего, особенно в конечных целях революции. Однако ленинская теория полнее учитывала особенности России, как страны по преимуществу мелкобуржуазной, с огромным, стомиллионным крестьянским населением и еще очень малочисленным промышленным пролетариатом. Ленин считал, что в результате насильственного свержения царского строя в стране установится революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая образует временное революционное правительство. Оно будет представлять собой коалицию партий большевиков, эсеров и меньшевиков, без допуска к власти буржуазных партий. Большевики в этом правительстве, по мысли Ленина, должны стать доминирующей силой. И, получив возможность определять правительственную политику, они будут сверху направлять процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в зависимости от успехов революции в странах Западной Европы.

Троцкий же, солидаризуясь с Парвусом, считал, что партии, выражающие интересы пролетариата, могут сразу же прийти к власти, опираясь на крестьянство. Можно будет, считал он, установить в России непосредственно диктатуру пролетариата, которая понесет революцию в Западную Европу и при поддержке пролетариата развитых капиталистических стран начнет движение к социализму.

Еще весной 1905 г. Троцкий сумел вместе с Парвусом нелегально вернуться в Россию и принять участие в революционном движении. Он получил большой опыт участия в массовой борьбе в полулегальных условиях лета 1905 г., а когда в середине октября того же года в Петербурге возник Совет рабочих депутатов, Л. Д. Троцкий был избран туда (под псевдонимом *Яновский*). Вскоре он сделался одним из популярных ораторов Совета. В противоположность сектантским попыткам части большевиков и меньшевиков превратить Петербургский Совет в чисто партийный орган РСДРП, вытеснив оттуда эсеров и беспартийных, Троцкий видел в Совете прообраз органа революционной власти, настаивал на том, чтобы Совет стал коалиционным органом рабочих, принадлежащих к самым различным партиям, и беспартийных.

В. И. Ленин вернулся в Россию только в начале ноября 1905 г., после издания закона об амнистии за политические преступления, вышедшего вслед за Манифестом 17 октября.

Еще до возвращения в Россию, узнав по газетам о возникновении Петербургского Совета рабочих депутатов, о позиции большевиков по отношению к нему, Ленин занял позицию, совпадавшую с той практической политикой, которую проводил в Совете Троцкий. Ленин познакомился с работой Петербургского Совета, когда популярность в нем Троцкого была в зените. По свидетельству А. В. Луначарского, он считал, что в условиях восходящего этапа революции вновь сблизилась позиция не только большевиков и Троцкого, но и меньшевиков и большевиков. Исключительно велика была тяга к единым действиям в низах партий, среди самих рабочих. Это нашло отражение в проведении объединительной политики обеими фракциями РСДРП, создании федеративных комитетов, в проведении весной 1906 г. IV (Объединительного) съезда РСДРП.

После ареста президиума Совета 28 ноября 1905 г. Троцкий на следующем заседании Совета выбирается одним из трех членов нового президиума и проводит заседание Петербургского Совета в качестве его председателя как раз в тот момент, когда весь Совет арестовывается царской полицией, — 2 декабря 1905 г.

Надо признать, что активная деятельность Л. Д. Троцкого в Петербургском Совете рабочих депутатов в октябре — декабре 1905 г. — это его огромный личный вклад в первую российскую революцию, в копилку революционного опыта пролетариата. 65-летняя борьба с «троцкизмом», начатая как раз в полемике против «Уроков Октября» в 1924 г. Л. Б. Каменевым, Г. Е. Зиновьевым и И. В. Сталиным, привела к тому, что советские историки фактически вычеркнули из историографии первой российской революции славные страницы деятельности первого Петербургского Совета, безосновательно утверждая, что им руководили «меньшевики», что он не занимал подлинно революционной позиции.

Троцкий попал в тюрьму и вплоть до суда над 50 активными членами Петербургского Совета находился в «Крестах», потом в Петропавловской крепости. В тюрьме, пользуясь тогдашним либеральным внутренним режимом, он не только много читает, но и пишет, его работы легально издаются в Петербурге и других городах страны. В конце 1905 г. и в 1906 г. его теория перманентной революции значительно сближается с ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Впрочем, и та и другая оставались в 1905—1907 гг. только теориями, ибо после разгрома Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. революция явно вступила в свою нисходящую стадию.

В феврале 1907 г. Троцкого вместе с другими активными участниками процесса приговорили к длительной ссылке на север Западной Сибири. Но по дороге он бежит из Березова. Через Екатеринбург он нелегально приезжает в Петербург. Оттуда в марте 1907 г. по нелегальным каналам его переправляют в Финляндию, где он встречается с Ю. О. Мар-

товым и В. И. Лениным. С последним он обнаруживает много сходства в анализе политического положения и накопленного уже опыта революционной борьбы. Это позволило им действовать в ряде случаев солидарно: на V съезде РСДРП и на Штутгартском конгрессе II Интернационала. Троцкий поселяется в столице Австро-Венгрии — Вене, которая вплоть до начала первой мировой войны станет главным местом его эмиграции.

РСДРП переживала тогда трудные времена. Объединительный съезд не привел на практике к реальному объединению партии. Большевики, оказавшись в меньшинстве, не смирились с этим и под руководством Ленина продолжили внутрипартийную борьбу, укрепили свои фракционные органы. Конец революции возбудил споры в обеих фракциях РСДРП. У меньшевиков произошел раскол на «ликвидаторов» и «партийцев», большевики раскололись на «ленинцев» и «отзовистов». Отзовисты — небольшая группа большевиков во главе с А. А. Богдановым — выступили за отзыв депутатов социал-демократов из Государственной думы после третьенеюнского переворота, так как считали их присутствие там компромиссом с царской властью. Левые большевики-отзовисты требовали продолжать готовить кадры боевиков, создавать подпольные склады оружия, мобилизовать силы для близкого, как им казалось, нового подъема революции. Вся эта борьба в старых и новых фракциях разворачивалась на фоне резкого сокращения численности партии и партийных организаций. Если в 1906—1907 гг. в партии состояло около 100 тыс. человек, то теперь осталось всего несколько тысяч членов, в основном в эмигрантских кружках руководителей всех четырех новых фракций РСДРП.

Троцкий в этой обстановке вновь отмежевался как от Ленина и большевиков, так и от двух фракций меньшевиков и сохранил свою внефракционность. В Вене он нашел себе двух сотрудников — М. И. Скобелева (впоследствии одного из видных лидеров меньшевиков-центристов) и А. А. Иоффе (впоследствии члена ЦК большевистской партии) — и с их помощью наладил выпуск еженедельной популярной рабочей газеты «Правда». Не всегда выдерживая периодичность, газета эта выходила вплоть до 1912 г. 5 мая 1912 г. большевики в Петербурге, наладив выпуск ежедневной рабочей газеты, воспользовались названием, которому первый дал жизнь Троцкий. Последний не смог выдержать конкуренции с ежедневной газетой, да еще в самой России. Надо сказать, что В. И. Ленин, видя еще в 1909 г. успех «Правды» Троцкого, пытался привлечь его к сотрудничеству с большевиками, а «Правду» предлагал взять на партийный бюджет. Но Троцкий отказался. Вместо этого он заигрывал с отзовистами, участвовал в работе созданной ими партийной школы в итальянском городе Болонье.

Предвоенные годы, особенно 1912—1913-й, были самыми худшими во взаимоотношениях В. И. Ленина и Л. Д. Троц-

кого. Именно из этого периода, как мы покажем далее, черпали Каменев, Сталин и их сторонники в 1924—1925 гг. свои аргументы в борьбе против «троцкизма». Стремясь преодолеть внутрипартийный кризис, большевики-ленинцы собрали в январе 1912 г. в Праге свою конференцию, которая провозгласила полное отделение большевистской фракции от старой единой РСДРП и создание своей полностью самостоятельной партии. В противоположность большевикам Троцкий выступил с инициативой созыва конференции организаций РСДРП, не вошедших в число тех, что были представлены в Праге. Эту организацию Ленин назвал «августовским блоком». Но уже в начале 1914 г. Троцкий сам вышел из этого блока и опять стал полностью независимым. Это несколько смягчило общую отрицательную оценку В. И. Лениным деятельности Троцкого.

Но до их нового сближения было еще очень далеко. Предпосылкой для этого стало только отношение к европейской войне. Троцкий, как и Ленин, оценил ее как империалистическую с обеих сторон. Именно отношение к войне — интернационализм или шовинизм и национализм — стало новой разграничительной линией внутри российской социал-демократии независимо от принадлежности к старым, довоенным фракциям.

После объявления войны Троцкий с семьей вынужден был по требованию австрийской контрразведки покинуть Вену уже 2 августа 1914 г. Они выехали в Швейцарию, а затем во Францию. Там вместе с бывшими большевиками-отзовистами А. В. Луначарским и Д. З. Мануильским Л. Д. Троцкий начинает издавать интернационалистскую газету «Голос», а после ее закрытия — «Наше слово». В этих газетах сотрудничали также такие впоследствии известные большевики, как М. С. Урицкий, А. М. Коллонтай, В. А. Антонов-Овсеенко. Ленин и Зиновьев в столице Швейцарии Берне издавали газету «Социал-демократ», претендовавшую на то, чтобы являться Центральным Органом РСДРП. Троцкий и другие «нашесловцы» поддержали инициативу В. И. Ленина и других интернационалистов по проведению в 1915 г. в Циммервальде (Швейцария) антивоенной конференции интернационалистов, но не вошли в созданную Лениным «циммервальдскую левую» (в этом ядре будущего ленинского III Интернационала было в тот момент всего 9 человек, из них 7 — россияне!). Между «Нашим словом» и «Социал-демократом» велась постоянная резкая полемика, но сегодня видно, что она питалась не действительными разногласиями по отношению к войне, а старыми обидами и амбициями, в частности претензиями В. И. Ленина на лидерство среди всех интернационалистов.

Французское правительство в конце 1916 г. закрыло «Наше слово». Редакция возобновила ее издание под новым названием — «Начало», но Троцкий уже не смог участвовать в работе этой газеты. Французское правительство выслало его

в Испанию, а испанские власти — в Америку. В конце декабря Троцкий с семьей прибыл на Кубу и оттуда сразу же переехал в США. С января 1917 г. он активный участник редакции издававшейся уже несколько лет в Нью-Йорке на русском языке газеты «Новый мир». В ней участвовали также Н. И. Бухарин, В. Володарский, И. А. Вожнов, Г. Н. Мельничанский, другие большевики и меньшевики-интернационалисты. Троцкий также читает публичные лекции на русском и немецком языках в соответствующих секциях американской Социалистической партии, часто выступает на митингах, завоевывая быструю популярность. Именно в Нью-Йорке застаёт его весть о победе Февральской буржуазно-демократической революции в России.

И он немедленно начинает собираться на родину. Редакция «Нового мира» проводит среди своих читателей сбор денег на покупку билетов. Троцкий с семьей и еще несколько русских интернационалистов садятся на норвежский пароход «Святой Олав». Но в канадском порту Галифакс английские власти снимают их с борта парохода и сажают в концентрационный лагерь, где содержались интернированные немецкие моряки. Заметим, что этот факт еще раз показал В. И. Ленину, что ехать официальным путем в Россию через Францию и Англию нельзя, это грозит арестом. Поэтому он и еще свыше двадцати русских политических эмигрантов выбирают при посредничестве руководства швейцарской Социал-демократической партии возвращение через территорию Германии.

Только вмешательство Петроградского Совета, к которому обратился Троцкий, заставляет Временное правительство потребовать его освобождения. 4 мая 1917 г. он наконец возвращается в революционный Петроград. Так начался новый период его жизни.

В данной книге оппоненты Троцкого постоянно апеллируют к дореволюционному периоду деятельности Троцкого, который изобиловал спорами и расхождениями с В. И. Лениным. Целью спекуляций на их прежних расхождениях было посеять сомнения в том, что Л. Д. Троцкий, войдя в партию, стал настоящим и искренним большевиком. Именно массивная атака на его «Уроки Октября» явилась первым шагом к методично рассчитанной Сталиным кампании по созданию образа Троцкого — врага ленинизма. Но, как показывают материалы сборника, Сталин тогда отнюдь не был оригинален и по существу повторял Каменева и Зиновьева. Однако с годами, когда они сами стали противниками сталинского большинства в Политбюро и были объявлены врагами партии, а затем и врагами народа, истоки анитроцкистской критики «забылись», Сталина стали представлять единственным критиком троцкизма, а Каменева и Зиновьева — подголосками и подручными злодея Троцкого.

Что же внушали советским людям, что пытались заставить их забыть? Прежде всего — тесный политический союз

Ленина и Троцкого, их совместную дружную работу по подготовке и проведению Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, плодотворное сотрудничество в борьбе за победу диктатуры пролетариата в нашей стране, огромные заслуги на этом этапе Л. Д. Троцкого перед большевистской партией и Советским государством.

Тем более настоятельной задачей становится рассказать, хотя бы кратко, о деятельности Троцкого в 1917—1923 гг. Особенно важно рассмотреть его работу в революционном 1917 г.

Как и Ленин, Троцкий отсутствовал в Петрограде в момент Февральской революции. Оба они узнали о ее первых боях тогда, когда в самом центре событий она уже закончилась победой: царь отрекся от престола и были созданы Петроградский Совет и Временное правительство. Поэтому повлиять на итог Февраля ни Ленин, ни Троцкий не могли. И все будущие активные участники дискуссии об «Уроках Октября» также отсутствовали на авансцене событий. Сталин и Каменев находились в ссылке в Восточной Сибири и вернулись в Петроград в середине марта 1917 г., а Зиновьев был, как и Ленин, в Швейцарии и вернулся в Россию через Германию в том же «запломбированном вагоне», прибыв в Питер вечером 3 апреля. Троцкий прибыл на месяц позже. Но за это время много событий уже миновало по бурному революционному календарю: общественный скандал, связанный с выступлением В. И. Ленина с Апрельскими тезисами, Петроградская и Всероссийская конференции большевиков, победа в партии ленинского курса на социалистическую революцию, апрельский кризис в связи с намерением Временного правительства продолжать империалистическую внешнюю политику и вести войну до победы и т. д.

Троцкий прибыл к шапочному разбору апрельского кризиса, когда Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял 5 мая решение об одобрении вступления представителей Совета — меньшевиков, эсеров и народных социалистов в числе шести человек — во Временное правительство. Троцкий успел выступить на этом заседании и высказался за переход власти к Советам.

Победа Февральской революции и та форма, в которую вылились ее первые политические результаты, сняли многие противоречия между Троцким и Лениным в теоретическом плане. С крушением царизма рухнули все преграды на пути развертывания борьбы РСДРП за социалистическую революцию в России. Не было больше никаких существенных препятствий для того, чтобы Ленин и Троцкий оказались единомышленниками. Уже в день своего приезда в Питер Троцкий сказал Г. Ф. Федорову, приветствовавшему его на Финляндском вокзале от имени большевиков, что он поддерживает идею перехода всей власти к Советам и желает работать вместе с большевиками. Узнав об этом, Ленин приветствовал данное намерение, но отнесся к нему с осторожностью:

слишком хорошо он знал Троцкого «с плохой стороны», чтобы немедленно поверить ему на слово. Чтобы прийти к большевикам теперь, нужно было это заслужить делом.

И Троцкий стал искренне сотрудничать с большевиками. Он помогал в составлении документов большевистской фракции на I Всероссийском съезде Советов, поддерживал большевистскую программу на многочисленных митингах. Наконец, он открыто солидаризовался с большевиками во время июльских событий, не побоявшись преследований, которые правительство Керенского обрушило на большевистскую партию. Ленин и Зиновьев перешли на нелегальное положение, а Троцкий был арестован властями и посажен в «Кресты» (где он уже сидел во время первой русской революции). Он продолжал работать и в тюрьме, его статьи регулярно появлялись в большевистских газетах.

Вступление Троцкого в большевистскую партию было уже делом решенным, и он вместе с так называемыми «межрайонцами», интернационалистской организацией, которая до этого ставила себя вне раскола на большевиков и меньшевиков, вошел в состав РСДРП(б) на VI съезде партии. Троцкому был даже поручен доклад о текущем моменте на съезде, но арест его заставил ЦК перепоручить этот доклад И. В. Сталину. Троцкий был избран членом Центрального Комитета большевистской партии. Мощный революционный подъем, начавшийся в ходе борьбы с корниловским мятежом, заставил Временное правительство выпустить Троцкого под залог. 5 тысяч рублей залога внесла за него большевистская партия. 5 сентября 1917 г. Троцкий оказался на свободе и со всей страстью вновь бросился в политическую борьбу.

Создалась парадоксальная ситуация: Троцкий вынужден был фактически возглавить работу ЦК РСДРП(б) в Петрограде. Только что принятый в большевистскую партию, он сразу же шагнул к ее руководству. Он не был свидетелем и участником того, что происходило в партии большевиков в марте — апреле 1917 г. В мае он был лишь доброжелательным наблюдателем, в июне стал союзником большевиков, в июльские дни активно принял их сторону. Но участие в выработке важнейших решений ЦК партии большевиков он тогда еще принимал, имея как бы только совещательный голос. Еще до открытия VI съезда РСДРП(б) он оказался в тюрьме. И вот только теперь, в первых числах сентября, вернулся к политической работе.

Все это читатель должен иметь в виду, чтобы оценить степень информированности Троцкого о внутрипартийных делах и взаимоотношениях партийных лидеров, которая отражена в «Уроках Октября». Л. Б. Каменев именно с апреля, а также в июне и июле показал себя активным оппонентом В. И. Ленину, выступал против него почти по всем важнейшим политическим вопросам. И. В. Сталин вначале поддерживал Каменева, а потом стал колебаться в сторону ленинских предложений, но эти колебания продолжались у не-

го, как мы знаем теперь, вплоть до 24 октября 1917 г. Г. Е. Зиновьев приехал как активный сторонник В. И. Ленина. Но, столкнувшись с реальностью политической борьбы в России, стал все больше опасаться последствий радикально-революционного курса Ленина. Уже в дни июньского кризиса он примкнул к Л. Б. Каменеву. После июльских дней он был не согласен с Лениным по вопросу о снятии лозунга «Вся власть Советам!». Выехав из Разлива, Зиновьев и Ленин расстались: Ленин нелегально переехал в Финляндию, а Зиновьев остался под Петроградом, близ станции Удельная. Это косвенно свидетельствовало о наличии между ними расхождений, затруднявших для Ленина нахождение бок о бок с Зиновьевым. Живя в пригороде столицы, Зиновьев часто принимал у себя Сталина, виделся и с Каменевым после его освобождения из тюрьмы Временным правительством в начале августа.

На фоне этих взаимоотношений между ведущими лидерами партии и появился в Смольном Лев Троцкий. Лидером большевиков в Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и в ЦИК являлся Каменев. Зиновьев продолжал оставаться на нелегальном положении. Но важнейшей задачей для партии стала подготовка к участию в Демократическом совещании, которому ЦИК Советов торжественно поручил формирование демократического правительства. Эту подготовку возглавили теперь Каменев и Троцкий. Они с воодушевлением одобрили тактический поворот, определенный В. И. Лениным в статье «О компромиссах» и ряде других статей первой половины сентября. Он заключался в намерении большевиков предложить меньшевикам и эсерам устранить правительство Керенского и взять власть самим от имени Советов. Большевики же при этом обещали отказаться от курса на вооруженное восстание и боролись бы за влияние в Советах исключительно мирными средствами.

Эту линию они проводили перед созывом Демократического совещания на заседаниях Петроградского Совета и в первые дни работы совещания. Однако сам Ленин, ознакомившись с содержанием последних меньшевистско-эсеровских газет, пришел к выводу, что эти партии уже отказались от предложенного им компромисса. Опираясь же на переход на сторону большевиков Петроградского и Московского Советов, можно было вполне самим назначить и успешно провести в самом ближайшем будущем вооруженное восстание с целью захвата государственной власти партией большевиков, выступавшей от имени пролетариата и беднейшего крестьянства. Власть была бы в результате такого восстания передана Советам.

Письма Ленина с таким предложением были обсуждены на заседании ЦК РСДРП(б) 15 сентября 1917 г. Призыв Ленина к восстанию был на этом заседании отклонен. Но буквально через день-два Троцкий, вероятно под влиянием ленинской критики, стал с сомнением относиться к возмож-

ности Демократического совещания «создать однородную социалистическую власть. С трибуны совещания Троцкий при чтении большевистской декларации провозгласил возвращение к старому лозунгу партии — «Вся власть Советам!».

Однако большинство фракции Демократического совещания во главе с Л. Б. Каменевым все еще ориентировалось на достижение соглашения с меньшевиками и эсерами. Поэтому оно проголосовало за вступление в выделенный Демократическим совещанием Временный совет Российской республики — Предпарламент. Ленин, узнав о такой реакции на свои предложения о восстании, о вступлении партии в Предпарламент, пришел в ярость. Он бомбардирует ЦК РСДРП(б) письмами, в которых критикует руководство партии, позитивно выделяя при этом Троцкого за его позицию по отношению к Предпарламенту: Троцкий был против участия в нем.

25 сентября 1917 г. Л. Д. Троцкий, который за три недели сентября сумел не только подтвердить свою прежнюю популярность у рабочих и солдат Петрограда, но и гигантски расширить свой авторитет, избирается председателем Петроградского Совета. Его кандидатура была предложена Центральным Комитетом большевистской партии.

Но между позициями Троцкого и Ленина в эти дни — конца сентября и начала октября — имелись и существенные расхождения. Если Ленин требовал от большевиков *немедленного* взятия власти, то Троцкий поддержал выдвинутую снизу идею первоочередного созыва II Всероссийского съезда Советов, который должен был бы принять резолюцию о взятии власти в свои руки, а если бы Временное правительство не подчинилось такому решению, оно было бы арестовано. Ленину эта идея весьма не понравилась. Он называл такую тактику «назначением восстания по-глупому» и в своих письмах конца сентября — начала октября резко критиковал ее.

После возвращения В. И. Ленина из Финляндии Троцкий, который до этого еще 5 октября добился принятия ЦК РСДРП(б) решения о выходе из Предпарламента в первый день его работы (7 октября), поддержал предложение Владимира Ильича на заседании ЦК 10 октября об организации в ближайшее время вооруженного восстания для свержения Временного правительства. Оно должно было произойти во всяком случае до съезда Советов, назначенного первоначально на 20 октября. Но два члена ЦК — Каменев и Зиновьев — не только голосовали против внесенной В. И. Лениным резолюции, но и написали 11 октября письмо партийным организациям, где оспаривали решение большинства членов Центрального Комитета РСДРП(б). В ночь на 16 октября было собрано новое, расширенное заседание ЦК большевиков. А в промежутке между этими заседаниями Ленин и Троцкий провели встречу с глазу на глаз в квартире рабочего завода «Айваз» Никандра Кокко на Выборгской стороне. Там они согласовали свои позиции. На расширенном заседании ЦК в ночь на 16-е снова лишь Каменев и Зиновьев

ев прямо выступили против решения прежнего заседания о вооруженном восстании. Большинство же, включая Троцкого, поддержало ленинское предложение⁶. В принятой резолюции говорилось, что ЦК и Петроградский Совет укажут момент и целесообразные способы выступления. И тут Каменев через газету «Новая жизнь», редактировавшуюся Максимом Горьким, заявил 18 октября 1917 г. о несогласии своем и Зиновьева с решением большевиков провести вооруженное восстание до съезда Советов. Более того, на вечернем общем собрании Совета 18 октября Каменев сказал председательствовавшему Троцкому, что хочет внести свою резолюцию по вопросу о «большевистском выступлении». Но Троцкий опередил его и сделал заявление о том, что Совет выступления не назначал, однако Временное правительство, видимо, уже назначило выступление против Совета. И в таком случае, пояснил Троцкий, оно встретит сокрушительный отпор. Каменев тут же попросил слова и заявил, что он «обеими руками» присоединяется к тому, что сказал сейчас товарищ Троцкий.

В. И. Ленин одобрил поведение Троцкого на собрании Совета 18 октября, заявление же Каменева назвал «низкой уверткой». Тем не менее в позиции Л. Д. Троцкого перед восстанием заметно некоторое колебание. С одной стороны, он всячески помогал военно-организационной подготовке восстания. Он поддержал инициативу военного отдела и руководства солдатской секции Петроградского Совета о создании революционного штаба по обороне Петрограда, который взял бы на себя и защиту от внутренней контрреволюции. Именно по предложению Троцкого этот штаб на заседании Исполкома Совета 12 октября получил название *Военно-революционный комитет*. Троцкий помогал его формированию и оформлению в дни 13—19 октября, одобрил назначение первых комиссаров ВРК в воинские части, предъявление ультиматума Штабу Петроградского военного округа 21 октября о признании контроля за его действиями со стороны ВРК. Но, с другой стороны, 23 октября, в день, наиболее благоприятный для начала восстания, Троцкий не отдал приказа о наступлении (как этого прямо требовал в своем письме Ленин). Троцкий явно хотел отсрочить восстание до начала съезда Советов (его открытие было перенесено с 20 на 25 октября). Именно против попытки оттянуть решение вопроса о власти до резолюции съезда было направлено знаменитое ныне письмо В. И. Ленина, написанное вечером 24 октября, в котором сказано: «Промедление в выступлении смерти подобно»⁷.

И все же, несмотря на эти колебания и отсрочки, план вооруженного восстания начал осуществляться уже с вечера 24 октября. Вскоре в Смольный прибыл В. И. Ленин: восстание стремительно набирало темпы. В ночь на 25 октября состоялось заседание ЦК РСДРП(б), обсудившее вопрос о создании Советского правительства. Именно по предложению

Л. Д. Троцкого решено было назваться не министрами, а *народными комиссарами*, чтобы подчеркнуть революционный характер создаваемого рабоче-крестьянского правительства. Днем 25 октября 1917 г. Троцкий открыл заседание Петроградского Совета, на котором сделал краткий доклад об успешном ходе вооруженного восстания. Затем он предоставил слово В. И. Ленину, заявившему о совершении рабочей и крестьянской революции, о необходимости которой все время говорили большевики. На втором заседании II Всероссийского съезда Советов Л. Д. Троцкий сделал доклад о составе нового правительства. В постановление съезда об утверждении Совета Народных Комиссаров (текст его был написан Лениным) Троцкий включен как народный комиссар по иностранным делам.

На здании бывшего Штаба Петроградского военного округа на Дворцовой площади, у ворот бывшего Путиловского завода висят мемориальные доски, гласящие, что там побывал В. И. Ленин, руководивший защитой Красного Петрограда от войск Керенского — Краснова. Но это только половина правды. И в штабе, и на заводе Ленин был не один, а вместе с Троцким, и оба они выступали с действительными мерами по отстаиванию Советской власти в столице. Троцкий рядом с Лениным организует не только отпор контрреволюционным войскам генерала Краснова и Керенского, захватившим Гатчину и Детское Село, не только руководит разгромом мятежа юнкеров в центре Петрограда, но и всеми силами защищает новорожденную под эгидой большевистской партии Советскую власть от тех большевиков, которые, испугавшись неожиданной для них победы в вооруженном восстании, требовали немедленно поделиться властью с меньшевиками и эсерами.

Под давлением левых эсеров, Всероссийского исполкома железнодорожного союза (Викжеля), угрожавшего всеобщей политической стачкой, ЦК большевиков вынужден был пойти 29 октября 1917 г. на ведение переговоров об организации так называемого *однородного социалистического правительства* — от большевиков до народных социалистов. Сторонники сдачи власти, а среди них тон задавали Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, В. П. Ногин, Д. Б. Рязанов, даже соглашались не настаивать на включении в правительство В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Чтобы показать, что успех этого замысла означал бы крах всей попытки повернуть Россию на социалистический путь, достаточно отметить, что участники переговоров от меньшевиков и эсеров соглашались допустить в правительство из большевиков только А. В. Луначарского и М. Н. Покровского, которые должны были войти в правительство с Ф. И. Даном, Н. Д. Авксентьевым, В. М. Черновым. Ясно, что никакой «диктатуры пролетариата» в нашей стране в этом случае не было бы...

Это прекрасно понимали Ленин и Троцкий, отчаянно борясь за сохранение большевистского правительства. Только

с помощью Троцкого Ленину удалось опровергнуть большинство членов ЦК, настроившихся на фактическую сдачу власти, склонить на свою сторону подавляющую часть колеблющихся и предъявить ультиматум оставшейся части. 1 ноября 1917 г. на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) Ленин назвал Троцкого «лучшим большевиком» — за то, что тот выступил против всякого соглашения с меньшевиками и эсерами по вопросу о власти⁸. И хотя 15 членов ЦК, наркомов и их заместителей 4 ноября ушли в отставку со своих постов, надеясь таким образом вызвать кризис и заставить Ленина и Троцкого отказаться от власти, полученной путем победы в вооруженном восстании, ЦИК Советов одобрил предложение Ленина заместить большевиками же освободившиеся посты. Ленин и Троцкий выиграли в этом первом политическом кризисе Советского правительства. Власть Советов была спасена.

В качестве наркома по иностранным делам Л. Д. Троцкий обеспечил выполнение одного из принципиальных лозунгов большевиков, под которыми они пришли к власти: борьба за мир. Именно под его руководством (а не Н. Г. Маркина — одного из помощников Троцкого в этом деле) была наложена публикация тайных договоров, заключенных Россией со странами Антанты. Затем Троцкий возглавил российскую делегацию на переговорах в Брест-Литовске с Германией и ее союзниками. Уже в середине ноября 1917 г. было заключено перемирие. На переговорах Троцкий выступал под большевистским лозунгом мира без аннексий и контрибуций, пропагандировал мировую революцию. Речи его вынуждены были печатать и немецкие газеты.

Но в практической части деятельность Троцкого в Брест-Литовске оказалась неудачной и привела к серьезному поражению советской стороны. Ожидая близкое начало социалистической революции в Германии, он отверг предложение германской стороны о том, чтобы признать фактическую линию фронта между русскими и германо-австрийскими войсками в качестве временной границы вплоть до заключения всеобщего мира. Следует, правда, заметить, что принятие этого предложения означало бы нарушение прав на самоопределение народов Польши, Литвы, Латвии. Поэтому В. И. Ленин давал инструкции делегации *затягивать* переговоры насколько возможно (вдруг за это время разразится революция в Германии!), а после предъявления немцами ультиматума *соглашаться* на их условия, так как русская армия сражаться больше не могла. Но Троцкий поступил иначе: после предъявления немцами ультимативных условий мира он заявил, что считает их грабительскими, поэтому Россия такого соглашения не подписывает, но состояние войны объявляет прекращенным, а армию демобилизует. Этот шаг Троцкого, весьма эффектный с точки зрения революционной пропаганды, оказался тяжелым просчетом с точки зрения государственных интересов России: он предопределил разрыв

немцами перемирия, возобновление их наступления, предъявление еще более тяжелых территориальных претензий, требование контрибуции.

Приказ о демобилизации армии Ленин отменил через шесть часов после его отдачи верховным главнокомандующим прапорщиком Крыленко. Но вред для армии уже был нанесен непоправимый. И когда немцы через три дня после разрыва Троцким переговоров начали свое наступление в Латвии и Эстонии, русская армия побежала от них, оставляя окопы, технику, артиллерию, склады. Экстренные меры по ускорению организации Красной Армии не смогли спасти положения. Над Петроградом и самим существованием Советского правительства в столице нависла смертельная угроза. Лишь после захвата всей Эстляндии, Пскова и части Псковской губернии к 24 февраля 1917 г. немцы ответили на отчаянные радиогаммы СНК.

Переговоры возобновились. Но теперь «левые коммунисты» во главе с Н. И. Бухариным (а это примерно половина руководства партии!) объявили о необходимости сорвать переговоры и вести с немцами *революционную войну*. Бухарин и его сторонники зашли так далеко, что посчитали возможным ради развязывания революционной войны пойти даже на временную утрату Советской власти.

И тут Троцкий наконец понял пагубные последствия своего недавнего шага. Вместе со своими сторонниками (исповедовавшие его лозунг «ни мира, ни войны» составляли примерно четверть членов руководства) Троцкий перешел на сторону В. И. Ленина и высказался за немедленное принятие германских условий мира. Поэтому Ленин смог собрать необходимое большинство для одобрения Брест-Литовского мирного договора. Старательно подчеркивая неправоту Троцкого на первом этапе брестской эпопеи, наша историческая наука хранила полное молчание о поведении Троцкого на втором ее этапе.

Но Троцкий посчитал, что не имеет больше морального права оставаться руководителем Наркоминдела и на VII съезде партии подал в отставку. Однако состояние армии, как старой, так и новой, было таким плачевным, что требовало немедленного властного вмешательства. И по совету В. И. Ленина не кто иной, как именно Л. Д. Троцкий 13 марта 1918 г. назначается народным комиссаром по военным делам. Реальная жизнь показала: без форсированного создания армии Советская Россия станет игрушкой в руках империалистических держав. Главным исполнителем этого наиважнейшего дела стал Троцкий, проявив себя не только умелым организатором, но и жестким администратором. В тяжелейших условиях второй половины 1918 г. он в короткий срок сумел добиться превращения первых разрозненных и слабо организованных красноармейских частей в боеспособную и дисциплинированную армию. Обстановка требовала применения самых суровых мер для поднятия дисциплины.

И Троцкий шел на них, получая быстрое и охотное одобрение со стороны В. И. Ленина. Опубликованные в 1989—1990 гг. на страницах журнала «Известия ЦК КПСС» материалы показывают, что в период острой борьбы с военной оппозицией на VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин поддерживал именно Троцкого. После заключения Брестского мира и вплоть до зимы 1920/21 г. никаких политических разногласий между Лениным и Троцким не было. По большинству политико-стратегических вопросов между ними существовало полное единство. Это относится и к жестокому подавлению казацкого восстания на Дону, и к плану перевода ряда соединений Красной Армии на положение трудовых армий (этот план был, кроме того, одобрен специальной резолюцией IX съезда партии).

Троцкий по совместительству был в 1920 г. назначен руководителем железнодорожного транспорта и сумел наладить безотлагательный ремонт паровозов. Очевидно, что именно опыт создания новой администрации на железных дорогах с привлечением сил профессиональных союзов подал ему идею «огосударствления» профсоюзов, или, как он сам это называл, «сращивания» государственных и профсоюзных органов в рамках новых управленческих структур. Требование такого сращивания, конечно, представляло собой один из элементов дальнейшего укрепления и без того мощной командно-административной системы образца гражданской войны и «военного коммунизма». Именно тогда, когда гражданская война уже кончилась, эта система достигла критической массы своего разбухания и всеохватности.

Видя, что экономический кризис постепенно охватывает все стороны жизни страны, Троцкий попытался бороться с ним дальнейшим усовершенствованием административной системы. Это было вызвано отчасти и тем, что его предложение Политбюро о замене продразверстки натуральным продовольственным налогом не было принято тогда руководством партии⁹.

Констатируя наличие разногласий по вопросу о профсоюзах между Лениным и его сторонниками и Троцким, надо вспомнить, что, по признанию самого Ленина, его разногласия с Бухариным, выдвинувшим «буферную» платформу, были гораздо значительнее. Все эти разногласия моментально прекратились после перехода к новой экономической политике. Ко времени работы X съезда партии относится и подавление кронштадтского восстания, осуществленное под руководством Л. Д. Троцкого. По прямому указанию Ленина мятеж был подавлен с примерной жестокостью. За Кронштадт Троцкий был удостоен второго ордена Красного Знамени (первый был им получен за организацию защиты Петрограда от войск Юденича осенью 1919 г.). Все годы гражданской войны и вплоть до января 1925 г. Троцкий занимал высшие военные посты в стране, являясь наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета. В октябре

1917 г. и с марта 1919 г. (т.е. с момента его окончательного учреждения) до 1926 г. Троцкий был также членом Политбюро ЦК. Все это подтверждает, что его по праву называли тогда вторым человеком после Ленина в партии и государстве.

К 1922—1923 гг. относится завязка того конфликта, в результате которого Л. Д. Троцкий оказался противопоставленным всему Политбюро ЦК РКП(б), ушел в оппозицию, которая в разном составе оспаривала правильность избираемого большинством Политбюро под руководством И. В. Сталина курса внутренней и внешней политики, внутрипартийного режима. Именно в итоге этой борьбы Троцкий оказался в мизерном меньшинстве в партии и был удален вначале в ссылку в Алма-Ату, в январе 1928 г., и затем выслан за границу, в начале 1929 г. Репрессии обрушились и на его сторонников. Разумеется, эти акции были незаконной мезтью Сталина и нарушали права Троцкого и «троцкистов» как лояльных советских граждан. Они отражали то злоупотребление властью с использованием во внутрипартийной борьбе государственных карательных органов, которое было характерно даже для первого этапа складывания сталинского самовластья.

Данная книга рисует нам второй раунд этой исторической, поистине смертельной схватки в борьбе за власть и влияние между двумя самыми выдающимися деятелями тогдашнего ЦК после Ленина — И. В. Сталиным и Л. Д. Троцким. Первый раунд состоялся осенью 1923 г. и в последующие месяцы зимы 1923/24 г. Второй — это «литературная дискуссия» вокруг «Уроков Октября», третьим раундом были действия и противодействия объединенной оппозиции Троцкого, Зиновьева и Каменева в 1926—1927 гг. И наконец, заключительный раунд привел к поражению Троцкого — его ссылке под гласный надзор ОГПУ, затем высылке из СССР и террористической казни. Таково место дискуссии вокруг «Уроков Октября» в общей истории внутрипартийной борьбы в 20-х гг.

И все же в интересах читателя следует несколько подробнее рассказать о «первом раунде» этой схватки, непосредственно предшествовавшем появлению «Уроков Октября», а до этого и о событиях 1922—1923 гг.

В основе конфликта лежало соперничество между Сталиным и Троцким, возникшее еще в 1918—1920 гг. в неравных для Сталина условиях и приведшее к тому, что Сталин застал злобу на Троцкого и желание отомстить за то, что в большинстве вспышек этого конфликта Ленин принимал сторону Троцкого, а не его, Сталина. Централизованная дисциплина или увековечивание партизанщины? Так стоял вопрос принципиально. Руководство Красной Армией из единого центра или всевластие командования и комиссаров отдельных фронтов и армий? Сталин при помощи К. Е. Ворошилова и ему подобных «партизанил» на местах, Троцкий бо-

ролся за прерогативы центра. В. И. Ленин пытался сглаживать острые углы. Пока здоровье позволяло Ленину держать в своих руках все общегосударственные и внутривластные нити управления, этот конфликт сохранялся, но не представлял еще опасности в общем объеме. Но к лету 1922 г. положение изменилось.

Еще в конце 1921 г. дали резко себя почувствовать болезнью и невероятная усталость В. И. Ленина. Он ушел в месячный отпуск, ему были назначены три заместителя — по Политбюро, СНК и Совету труда и обороны (СТО). Ими стали Каменев, Рыков и Цюрупа. Несмотря на отпуск и последующие периодические перерывы в работе, Владимир Ильич чувствовал себя все хуже и хуже. Однако он смог еще провести под своим руководством XI съезд РКП(б). Первый же пленум ЦК, избранного этим съездом, решил учредить по предложению Л. Б. Каменева пост Генерального секретаря ЦК партии. И тот же Каменев рекомендовал на должность генсека И. В. Сталина. Они давно и, как считал Каменев, хорошо знали друг друга. Последний полагал, что Сталин охотно признает его политическое лидерство и руководство и разгрузит его от всей организационной и текущей работы по Центральному Комитету — ведь Каменев стал первым заместителем Ленина по Политбюро! Само Политбюро было избрано на этом пленуме в следующем составе: В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, И. В. Сталин, А. И. Рыков, М. П. Томский. Кандидатами в члены Политбюро стали Н. И. Бухарин, М. И. Калинин и В. М. Молотов.

В конце апреля 1922 г. В. И. Ленину была сделана операция по извлечению пули, застрявшей после покушения 1918 г. с левой стороны шеи, в нескольких миллиметрах от сонной артерии. Врачи полагали, что она зажимает артерию и тем препятствует нормальному кровоснабжению левой половины мозга, вызывая головные боли, усталость и пр. Но операция, прошедшая с хирургической стороны успешно, привела к противоположным результатам: соединительная ткань, облекаявшая ранее пулю, сместилась и стала действительно зажимать сонную артерию. Ровно через месяц в Горках, куда за день до этого переехал Ленин для необходимого отдыха, у него произошел первый инсульт. Ильич потерял дар речи, правая рука и правая нога не двигались, состояние его здоровья в первые дни вызвало крайнюю тревогу.

В этих условиях Каменев, Сталин и Зиновьев провели совещания, целью которых было взаимно организовать, с тем чтобы не допустить к власти Л. Д. Троцкого в случае внезапной кончины Ленина. Этот первый «триумvirат» обладал мощной политической и организационной силой. Сталин — генсек и глава Оргбюро ЦК, вершитель судеб всех кадров партии; Л. Б. Каменев — фактический председатель Политбюро и первый заместитель Ленина по СНК и СТО; Г. Е. Зиновьев — член Политбюро, председатель Исполкома

Коммунистического Интернационала. Этот блок должен был перевесить сложившийся в партии и стране огромный авторитет «второго вождя» пролетарской революции — Троцкого.

Последнему даже о болезни Ленина сказали на третий день. Да и сделал это лишь случайно Н. И. Бухарин, посетивший на дому Троцкого, лежавшего с простудой. Но В. И. Ленин неожиданно даже для врачей стал быстро поправляться, у него прошел паралич конечностей, вернулась речь, способность к письму, восстановился почерк. И до Ленина дошли сведения об интригах Сталина и Каменева. В июле 1922 г. он письменно заявил Каменеву о своем несогласии с планами отстранить Троцкого от руководства, настаивал на сохранении единства в ведущей группе ЦК партии и недопущении раскола.

Однако напряженность в Политбюро нарастала. В. И. Ленин смог приступить к работе только в начале октября 1922 г. К этому моменту он уже находился в резком конфликте со Сталиным по вопросу о форме объединения советских республик, о внешней торговле и др. И все чаще Владимир Ильич стал обращаться за поддержкой к Троцкому против Сталина. За сближением Ленина и Троцкого в период болезни и первых недель после возвращения Ленина к работе с неослабным вниманием следили Каменев и Сталин.

Меж тем работа в Совнаркоме, выступления с докладами в Коминтерне на его IV конгрессе, в Моссовете оказались для Ленина пределом его физических возможностей. Он быстро уставал, иногда утрачивал нить мысли, забывал отдельные слова на немецком и русском языках. Состояние здоровья его вновь ухудшилось — с 18 ноября врачи ограничили время его рабочих занятий, а с 13 декабря настояли на полном прекращении работы. Но, конечно же, вопросы партийной и государственной жизни по-прежнему горячо волновали Ленина, ежедневно он диктовал стенографисткам письма и записки, списки поручений замам.

18 декабря 1922 г. пленум ЦК РКП(б) возложил на Сталина «персональную ответственность за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки»¹⁰. Через три дня после этого по разрешению немецкого профессора Ферстера Н. К. Крупская под диктовку Ленина записала его письмо к Л. Д. Троцкому по поводу успешной защиты последним принципа монополии внешней торговли и дальнейших планов по этому поводу. Троцкий, выполняя поручение Ленина, сообщил об этом Каменеву, а тот послал тревожную записку Сталину. Сталин немедленно ответил ему: «Записку получил. По-моему, следует ограничиться заявлением в твоём докладе, не делая демонстрации во фракции, как мог Старик организовать переписку с Троцким при абсолютном запрещении Ферстера»¹¹. Тогда же Сталин «расследовал» это дело и, узнав, что письмо записала Крупская, пригрозил ей разбором дела на

Контрольной комиссии, а также позволил себе грубые выражения по отношению к ней. 23 декабря она написала личное письмо Каменеву, в котором просила его и Зиновьева оградить ее «от грубого вмешательства в личную жизнь, недостойной брани и угроз»¹². Ленину об этом Надежда Константиновна ничего не сказала, тем более что именно в ночь на 23 декабря у него произошел второй инсульт, приведший опять к параличу правой руки и правой ноги.

Около 8 часов вечера 23 декабря Ленин вызвал секретаря-стенографистку М. А. Володичеву и продиктовал ей краткое «Письмо к съезду» (как оказалось далее, еще только первую часть к нему). Уже в этом тексте говорилось о необходимости «пойти навстречу тов. Троцкому» по поводу придания законодательных функций Госплану. Здесь же упоминалась и опасность раскола в руководстве партии¹³. Володичева по телефону из Горок сразу же передала в Кремль Сталину весь текст этой диктовки. Через несколько дней вторая стенографистка, Л. А. Фотиева, разгласила Сталину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву и Орджоникидзе содержание диктовки из «Письма к съезду» от 24 и 25 декабря 1922 г., где Ленин давал характеристики шести руководителям партии и говорил о том, что главной опасностью с точки зрения возможного раскола являются отношения между Сталиным и Троцким. 29 декабря Ленин спохватился и проверил, сохраняется ли все то, что он диктовал, в тайне. Судя по тексту письменного объяснения Фотиевой, Володичева утверждала, что Ленину только показалось, что он просил ее сделать надпись о секретности продиктованного им. В 23 часа 29 декабря Фотиева пришла к Каменеву в его кремлевскую квартиру и рассказала всю эту историю. Он и заставил ее написать письменное объяснение. Каменев сделал на нем приписку, в которой просил товарищей, которые узнали содержание ленинского «Письма к съезду», не разглашать его. Сталин написал на письме Фотиевой: *«Читал. Сталин. Только т. Троцкому»*. Троцкий подписал сбоку: *«Читал. О письме В. И., разумеется, никому из цекистов не рассказывал. Л. Троцкий»*¹⁴.

Очевидно, что после разглашения содержания письма В. И. Ленина к съезду, где констатировались противоречия между Сталиным и Троцким и высказывалось опасение в возможности раскола из-за взаимоотношений этих «двух выдающихся вождей современного ЦК», их неприязнь друг к другу еще более обострилась. Пока нет данных о том, что непосредственно заинтересованные лица узнали тогда же содержание заключительной, самой главной части «Письма к съезду», от 4 января 1923 г. Там Ленин решительно стал на сторону противников генсека, предлагая обдумать способ перемещения его с этого поста. В те же дни в других своих диктовках Ленин подчеркивал недоляльность Сталина и говорил о необходимости идти навстречу Троцкому. Желание Ленина установить блок с Троцким для смещения Сталина

с места генсека на XII съезде РКП(б) усматривается и в его стремлении согласовать с Троцким действия по поводу «грузинского дела», по вопросу о реформе ЦК и ЦКК и др. История пока оставляет вопрос открытым относительно того, кем Ленин хотел заменить Сталина на посту Генерального секретаря. Сам этот пост, как можно судить по его статье «Как нам реорганизовать Рабкрин?», он не предполагал ликвидировать, он лишь хотел поставить туда человека, более лояльного и терпимого по отношению к товарищам. Мое личное мнение, что все-таки Ленин склонялся к тому, чтобы сделать новым генсеком Троцкого, хотя тот и не во всем отвечал этим требованиям.

Однако замыслам В. И. Ленина, каковы бы они ни были, не суждено было сбыться. 5 марта 1923 г. Н. К. Крупская случайно проговорила ему об инциденте со Сталиным 22 декабря прошлого года. Ленин страшно заволновался и продиктовал письмо Сталину с требованием извиниться перед Надеждой Константиновной под угрозой полного разрыва всех отношений. По просьбе самой Крупской Володичева, записавшая письмо, не передала его Сталину. Но в ночь на 7 марта у Ленина началось новое обострение болезни, сопровождавшееся афазией (временной потерей речи). Напуганная этим Володичева заявила Надежде Константиновне, что она, исполняя волю Владимира Ильича, передала письмо Сталину. Тот сразу же ответил «извинительной» запиской. Но текст ее свидетельствует, что Сталин фактически отрицал, что чем-то обидел Крупскую¹⁵. Письмо показывает также, что Сталин фактически почти перестал к этому времени считаться с Лениным и его волей. Ленин же в этот момент уже связно не говорил и с трудом понимал речь окружающих. Письмо Сталина ему так и не было показано.

Л. Д. Троцкий узнал о новом приступе болезни Ильича от доктора Гетье, который лечил и его и был весьма близок к нему. С другой стороны, как позже рассказывал сам Троцкий, к нему 6 или 7 марта явился Л. Б. Каменев и выразил большую тревогу по поводу содержания ленинского письма Сталину с угрозой разрыва отношений. Каменев предложил заключить определенный компромисс между сталинской группой в Политбюро и Троцким. Последний соглашался на условиях выполнения ленинских предложений, содержащихся в его последних статьях и письмах. Договорились, что Каменев попытается склонить Сталина к принятию условий Троцкого и написанию извинительного письма Ленину. Обо всем этом Каменев обещал позвонить Троцкому из Тифлиса, куда он отправлялся как представитель ЦК на съезд компартии Грузии.

Но когда этот звонок состоялся, то Каменев говорил с Троцким уже другим тоном. Ему от Сталина стало первому известно, что 7—8 марта Ленин окончательно потерял дар речи и перестал понимать окружающих. Паралич правой стороны тела усилился, частично была парализована и левая

рука. Над Ильичем встала тень близкой смерти. Теперь Сталин, Каменев и Зиновьев знали, что Ленин уже не сможет помочь Троцкому, ни того ни другого можно было не бояться так, как всего несколько суток тому назад...

Разбираясь в этих «кремлевских тайнах» почти семидесятилетней давности, историки не могут не испытывать определенной симпатии к Троцкому в ситуации конца 1922 г. и начала 1923 г. Тем более что и сам В. И. Ленин был явно на его стороне. Но этой симпатии не дают полностью развернуться некоторые нюансы поведения Троцкого в те дни. Так, трудно понять, зачем он сообщил Каменеву о получении записки Ленина от 22 декабря 1922 г. Именно это повлекло за собой наглый выпад Сталина против Крупской, а информация о данном инциденте спровоцировала третий инсульт у Ленина. Конечно, Троцкий не виноват в этой цепи последствий, но первое звено в ней — его разговор с Каменевым.

Еще примеры. Когда Политбюро, Оргбюро и Секретариат ЦК обсуждали судьбу ленинской статьи «Как нам реорганизовать Рабкрин?», именно Троцкий предложил после публикации ее в «Правде» разослать секретный циркуляр по губкомам и крайкомам партии, дезавуировавший эту статью. Под ним стоят подписи членов всех вышперечисленных партийных органов, включая и члена Политбюро Л. Д. Троцкого. Крайне осторожной была помощь Троцкого грузинским коммунистам, сторонникам М. Г. Мдивани, хотя Ленин прямо просил его об этом. В тезисах Троцкого по организационным вопросам перед XII съездом РКП(б) лишь частично использован ленинский план политической реформы ЦК и ЦКК (справедливости ради надо сказать, что остальные члены Политбюро просто игнорировали эти ленинские предложения). Когда же обнаружилось беспомощное состояние Ленина в результате третьего инсульта, Троцкий не решился на прямой конфликт со Сталиным, как это они собирались сделать ранее вместе с Лениным. Что же касается большинства членов Политбюро, то они не посчитались с доброй волей Троцкого и предъявили ему ультиматум по поводу его тезисов по промышленности. Тут уже определился и Н. И. Бухарин, который в 1922 г. еще колебался — к кому примкнуть? Теперь он четко перешел на сторону Сталина.

Таким образом, Троцкий упустил важнейшие моменты в борьбе за лидерство в партии. Ситуация была благоприятной для него именно в начале 1923 г., когда Ленин, хоть и ограниченный в своих физических возможностях, еще мог говорить и диктовать, как-то влиять на ход событий. С 8—10 марта это стало невозможным. Но и в это время еще сохранялись шансы для Троцкого разоблачить на XII съезде перед активом партии гегемонистские замашки Сталина и его сторонников. Троцкий мог опереться при этом на содержание ленинских писем, которое к тому времени было известно всем членам Политбюро. Всем этим был упущен момент *возможной альтернативы* в развитии нашего общества. Отступив в

начале 1923 г., Троцкий, как это показывает анализ всех последующих событий, фактически расчистил Сталину путь к дальнейшей узурпации власти. А это сделало сталинистский тоталитаризм в нашей стране неизбежным.

Ну а потом для Троцкого были полгода сомнений, сожалений, лихорадочных поисков предлога для серьезного и значимого выступления. Надежды на выздоровление Ленина и его помощь были минимальны, а Сталин и его группа вели себя все более вызывающе и нагло по отношению к Троцкому. Есть разные точки зрения на мотивы поведения Троцкого в 1923 г. Некоторые считают, что он не хотел бороться за власть, что он искренне хотел только улучшить внутренний режим в партии, что он искал принципиального компромисса со Сталиным. По нашему мнению, основывающемуся на анализе текста автобиографии Л. Д. Троцкого «Моя жизнь», он несомненно хотел стать первым лицом в государстве, «наследником» Ленина. Он писал задним числом, что шансы на победу, на смещение Сталина с поста генсека на XII съезде у него были. Но он считал, что победа эта была бы в тот момент непрочной. Поэтому он не выступил, а выжидал. Понять же, что шанс свой, единственный для него, он упустил, что выгодная позиция и помощь Ленина уже безвозвратно потеряны для него, он смог только позднее, когда прямая атака на большинство Политбюро закончилась для него политическим и организационным поражением в январе 1924 г.

Летом и в начале осени 1923 г. Троцкий изредка выступал в печати — то по проблемам нового быта, то по вопросам дисциплины труда. Он как бы нащупывал тот плацдарм, который позволил бы ему теперь кинуться в бой и победить своих противников. Внешне казалось, что он достиг вершины своего влияния и власти. Журналы печатали очерки о нем, в его честь бывший город дворцового ведомства Гатчина был переименован в Троцк... Но все это лишь маскировало реальное положение дел: его медленно, но верно оттирали в сторону.

И только в октябре 1923 г. он, защищаясь от очередных наскоков на него, напал на тему, которая стала для него на несколько месяцев золотой жилой: внутривнутрипартийная демократия! Этот человек, о котором даже Ленин писал, что он отличается «чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела», вдруг выступил как страстный защитник внутривнутрипартийной демократии и убежденный сторонник ее немедленного расширения.

Надо сказать, что ему «помогли» внутреннее положение в стране и те трудности, с которыми встретилась экономика в своем освоении законов нэпа. Осенью 1923 г. в стране возник кризис из-за так называемых «ножниц цен». Цены на сельскохозяйственную продукцию оставались низкими, а промышленность, используя свое монопольное положение, поднимала цены на свои изделия. Доходы крестьян падали, воз-

ник кризис: сбыта. Промышленность не могла вернуть затраченные средства. Рабочие, которые тогда получали зарплату еженедельно, остались без денег. Это вызвало недовольство и в рабочем классе, прошли сотни забастовок. К этому добавилось и недовольство среди членов партии, особенно в первичных организациях. В экономике прошли крупные реформы, а партия все еще жила по законам гражданской войны и военного времени. Партия отстала от экономической перестройки, в ней продолжали преобладать методы директивного, приказного руководства, назначенчество секретарей первичных организаций. Крайне редко проводились партийные собрания. Ширилась пропасть между узким слоем секретарей и прочей партийной бюрократией и бесправными партийными массами. Все эти настроения и учел Троцкий, предложив свой вариант выхода из кризиса. Сегодня, спустя 67 лет, наконец опубликованы основные документы этой дискуссии: письмо Троцкого от 8 октября 1923 г., «Заявление 46-ти», документы сталинского руководства. И мы можем составить собственное мнение и оценить беспристрастно позиции сторон.

Состояние партии характеризовалось наличием двух нелегальных группировок — «Центральной группы „Рабочей правды“», возникшей еще весной 1921 г., и «Рабочей группы РКП», возникшей весной — летом 1923 г. В связи с вышеописанными трудностями осенью 1923 г. наблюдалось оживление деятельности этих групп. 18 сентября Политбюро образовало комиссию из Ф. Э. Дзержинского, Г. Е. Зиновьева, В. М. Молотова, А. И. Рыкова, И. В. Сталина и М. П. Томского для анализа экономического и внутрипартийного положения. Комиссия, в частности, предложила в связи с возникновением забастовок, вызванных, по ее мнению, агитацией нелегальных внутрипартийных группировок, чтобы члены партии, знавшие об их деятельности, считали своим партийным долгом доносить об этом в ГПУ, ЦК и ЦКК. Результаты работы комиссии были доложены на заседании пленума ЦК 23 сентября 1923 г.¹⁶ Как отмечал Троцкий в своем письме, в самом этом требовании к членам партии он не видел ничего плохого, но то, что об этой «обязанности» пришлось принимать особое постановление, свидетельствовало, по его мнению, что есть члены партии, пренебрегшие этим партийным долгом, что, в свою очередь, подтверждает факт неблагополучия в партии. Это неблагополучие явилось следствием и того, что на XII съезде партии большинство Политбюро, прикрываясь болезнью Ленина и взывая по этой причине к консолидации партии, не допустило обсуждения многих острых вопросов, загнало их внутрь. Теперь же, в связи с кризисными явлениями, все это вылезло наружу¹⁷.

Одновременно сталинская группа решила подобраться и к самому Троцкому, и ко всем его политическим бастионам. Сентябрьский пленум постановил ввести в Реввоенсовет Республики несколько членов ЦК и создать при председателе

РВС «исполнительный орган». В него планировалось ввести С. С. Каменева, Г. Л. Пятакова, Э. М. Склянского, М. М. Лашевича, И. В. Сталина и др.¹⁸ Это должно было лишить Троцкого полноты власти в военном ведомстве, установить контроль сталинской группы над армией. Этой же цели служили попытки вмешательства в военную политику, назначение ставленников Сталина, образование разных комиссий и т. п., которые должны были создать вокруг Троцкого сеть из надежных для Сталина людей. Троцкий в знак протеста покинул заседание сентябрьского пленума.

Несколько ранее, после июньского пленума ЦК 1923 г., был смещен председатель Совнаркома Украины Х. Г. Раковский (один из двух ближайших к Троцкому людей), произведена смена ряда советских работников. Все это ясно показало Троцкому, что сталинская группа перешла в решительное наступление с целью его дискредитации и политической изоляции. «Недаром же т. Куйбышев на брошенный ему мною упрек, — отмечал Троцкий в своем письме от 8 октября, — что действительные мотивы предложенных изменений в Ревсовете не имеют ничего общего с официально заявляемыми мотивами, не только не отрицал этого противоречия — да и как его отрицать, — но прямо сказал мне: "Мы считаем необходимым вести против вас борьбу, но не можем вас объявить врагом; вот почему мы вынуждены прибегать к таким методам"»¹⁹.

Методы были уже типично сталинские, методы аппаратных игр, так хорошо известные нам сегодня. Предоставляем читателю, который заинтересуется сутью этих разногласий в партии по экономическим и внутрипартийным вопросам, самому ознакомиться с документами. Здесь для этого просто нет места. Я останавливаюсь на этом первом раунде открытой внутрипартийной борьбы лишь для того, чтобы обрисовать политическую обстановку перед появлением «Уроков Октября» Троцкого.

Он показал текст своего письма нескольким своим сторонникам. Были сняты копии, они начали циркулировать по Москве. В связи с этим Политбюро было вынуждено официально распространить письмо Троцкого среди членов ЦК и ЦКК. Бюро Московского комитета РКП(б) 14 октября, а президиум ЦКК 15-го расценили письмо Троцкого как «платформу и попытку образования фракции»²⁰. Никакого стремления разобраться в существе дела, противопоставить аргументам Троцкого свои доводы проявлено не было. Однако в те же дни часть сторонников Троцкого и партийных работников, недовольных все более крепнувшим сталинским диктаторским режимом, разработали свое заявление. Оно было подписано в течение нескольких дней сорока шестью высокопоставленными партийными работниками и вошло в историю как «Заявление 46-ти». В самом начале оно констатировало, что «продолжение политики большинства Политбюро грозит тяжкими бедами для всей партии»²¹. Указав на наличие кри-

зиса в партии и стране в самых различных экономических и политических формах, авторы заявления не сочли представителей большинства Политбюро неспособными к руководящей работе. Они протестовали лишь против того, что «под внешней формой официального единства мы на деле имеем односторонний, приспособляемый к взглядам и симпатиям узкого кружка подбор людей и направленные действия»²². В документе констатировалось, что идет «уже почти ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, подбираемых сверху, и прочую партийную массу, не участвующую в общественной жизни»²³. «Фракционный режим должен быть устранен — и это должны сделать в первую очередь его насадители, он должен быть заменен режимом товарищеского единства и внутрипартийной демократии»²⁴ — таков был вывод письма.

Реакция «узкой группы» была быстрой. 18 октября Политбюро решило созвать на 25 октября экстренный пленум ЦК совместно с пленумом ЦКК. Для получения гарантированного большинства и осуждения крамольников «от лица рабочего класса» решено было пригласить на пленум по два представителя от 10—15 «наиболее крупных пролетарских парторганизаций». Список приглашенных был составлен Секретариатом ЦК и разослан всем членам Политбюро²⁵. Вот где рождалась практика, благополучно дожившая и до наших дней, до августа 1991 г.!

19 октября Троцкий направил в президиум ЦКК и Политбюро ЦК новое письмо. В нем он подчеркивал, что решение о созыве пленума принято в его отсутствие, без заслушивания его объяснений по существу письма от 8 октября. «Президиум ЦКК,— писал Троцкий,— характеризует мое письмо как платформу для создания фракции. В этой оценке я не могу не усмотреть продолжения той самой борьбы, о которой т. Куйбышев говорил мне до моего письма и независимо от него»²⁶. В тот же день все члены и кандидаты в члены Политбюро подписали свой ответ по существу письма Троцкого от 8 октября 1923 г. В этом письме большинство Политбюро обвиняло Троцкого в том, что он «нападает первый на ЦК», что «уже не один год» он не работает в Политбюро, а общается с его членами «преимущественно в форме рассылки писем и деклараций, в которых неизменно подвергает критике чуть ли не всю деятельность ЦК». Тут же лживо утверждалось, что Ленин время от времени «отвечал письменными объяснениями на то или другое из особенно неверных заявлений тов. Троцкого». Троцкий уличался в «чудовищных ошибках», от которых необходимо заставить его отказаться, обвинялся в том, что требует для себя слишком много. Вопреки фактам авторы письма заявляли, что Ленин был против высоких назначений для Троцкого, и тут же... упрекали Троцкого в отказе от предложенного ему Лениным поста своего заместителя по Совнаркому. Засим сле-

довало глубокомысленное резюме: «Он категорически отказался от поста заместителя тов. Ленина. Это он, по-видимому, считает ниже своего достоинства. Он ведет себя по формуле: «или все, или ничего». Тов. Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что: или партия должна предоставить тов. Троцкому фактически диктатуру в области хозяйства и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйства, оставляя за собою лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе. Мы заявляем, что так же, как и прежде, Политбюро не может взять на себя ответственность за удовлетворение претензий тов. Троцкого на эту его диктатуру в хозяйственном руководстве, в дополнение к тем полномочиям, которые он уже имеет как Предреввоенсовета. Наш долг сказать: за рискованный опыт в этой области мы ответственность взять на себя не можем»²⁷.

Далее шел разбор отдельных положений письма Троцкого от 8 октября по вопросам внутренней и международной политики, внутрипартийного положения. В конце давалась негативная оценка и «Заявлению 46-ти», которое уничижительно обзывалось «петицией» и «перепевом письма Троцкого». Платформа 46-ти фактически приравнивалась к незаконной антипартийной фракции, и делался вывод, что «тов. Троцкий стал центром, вокруг которого собираются все противники основных кадров партии»²⁸.

Письмо большинства Политбюро заканчивалось утверждением, что Троцкий в решающий для мировой революции момент (имелись в виду планы поднять вооруженное восстание в Германии) «колеблет единство партии». «Дружный отпор со стороны партии,— декларировалось в последней фразе письма,— заставит искренних революционеров признать ошибку и сойти с губительного пути раскола»²⁹.

Естественно, что после такой подготовки расширенный пленум ЦК и ЦКК, состоявшийся 25—27 октября 1923 г., принял угодные правящей группировке решения. В голосовании приняли участие 114 человек, из них 20 — это приглашенные от 10 парторганизаций. За резолюцию Политбюро, осуждавшую письмо Троцкого от 8 октября и «Заявление 46-ти», проголосовало 102 человека, против — 10, и 2 воздержались. Письмо Троцкого трактовалось как сигнал к фракционной политике, ставящей под угрозу единство партии в ответственный для страны и международной революции момент³⁰.

Недавно опубликовано письмо Н. К. Крупской от 31 октября 1923 г. Г. Е. Зиновьеву, в котором она дает критическую оценку этому пленуму, хотя сама участвовала в нем и выступала с осуждением фракционеров. Напоминая об этом, Крупская писала далее: «Но во всем этом безобразии — Вы согласитесь, что весь инцидент сплошное безобразие,— приходится винить далеко не одного Троцкого. За все происшедшее приходится винить и нашу группу: Вас, Сталина и

Каменева. Вы могли, конечно, но не захотели предотвратить это безобразие. Если бы вы не могли этого сделать, это бы доказывало полное бессилие нашей группы, полную ее беспомощность. Нет, дело не в невозможности, а в нежелании. Наши сами взяли неверный, недопустимый тон. Нельзя создавать атмосферу такой склоки и личных счетов... Совершенно недопустимо также то злоупотребление именем Ильича, которое имело место на пленуме. Воображаю, как он был бы возмущен, если бы знал, как злоупотребляют его именем. Хорошо, что меня не было, когда Петровский сказал, что Троцкий виноват в болезни Ильича, я бы крикнула: это ложь, больше всего В. И. заботил не Троцкий, а национальный вопрос и нравы, водворившиеся в наших верхах. Вы знаете, что В. И. видел опасность раскола не только в личных свойствах Троцкого, но и в личных свойствах Сталина и других. И потому, что Вы это знаете, ссылки на Ильича были недопустимы, неискренни. Они были лицемерны. Лично мне эти ссылки приносили невыносимую муку. Я думала: да стоит ли ему выздоравливать, когда самые близкие товарищи по работе так относятся к нему, так мало считаются с его мнением, так искажают его? А теперь главное. Момент слишком серьезен, чтобы устраивать раскол и делать для Троцкого психологически невозможной работу. Надо пробовать с ним по-товарищески столкнуться. Формально сейчас весь одним за раскол свален на Троцкого, но именно свален, а по существу дела — разве Троцкого не довели до этого? Деталей я не знаю, да и не в них дело — из-за деревьев часто не видать леса, — а суть дела: надо учитывать Троцкого как партийную силу и суметь создать такую ситуацию, где бы эта сила была для партии максимально использована»³¹

Эти искренние слова Н. К. Крупской ценны еще и тем, что она лично всегда относилась к Троцкому с антипатией, а Каменева и Зиновьева, напротив, считала самыми близкими к Ленину людьми и доверяла им. Но и она вынуждена здесь признать пристрастный и недобросовестный характер претензий к Троцкому. Именно события 1923 г. обнажают тот факт, что в основе всего конфликта, доведенного потом Сталиным и его подручными до «вселенского уровня», лежали не идейные расхождения, не забота о единстве и чистоте партийных рядов, а личная склока, беспринципная борьба за власть, за «диктатуру» свою, а не соперника, которому постепенно придавался «образ врага». И в этой борьбе такая мощная интеллектуальная, организационная и политическая «партийная сила», как Троцкий, была принесена в жертву личным амбициям Каменева и Зиновьева, патологической жажде власти Сталина.

Все они пренебрегли советами Крупской. Да и Троцкий не мог простить им явной несправедливости и незаслуженного шельмования, спекуляции на имени Ленина. Поэтому конфликт разрастался.

Накануне октябрьских торжеств Троцкий простудился на

охоте и 7 ноября отсутствовал на параде на Красной площади. Это сразу же породило разноречивые слухи. 9 ноября 1923 г. «Правда» опубликовала сообщение о болезни пред-реввоенсовета. Несмотря на болезнь, Троцкий откликнулся на решение Политбюро создать согласительную комиссию из трех человек (Зиновьева, Сталина, Троцкого) для разработки резолюции о партийном строительстве. Дважды работа комиссии была под угрозой срыва: Троцкий уходил, хлопая дверью. Но в конце концов 5 декабря 1923 г. Политбюро приняло согласованный текст резолюции. Л. Д. Троцкий впоследствии ставил себе в заслугу включение в резолюцию пунктов, допускающих возможность возникновения эпизодических разногласий в партии и критику руководства.

Одновременно в партии — и прежде всего в московской ее организации — разворачивалась дискуссия. Лишь в некоторых партийных коллективах вузов и научных институтов сторонники Троцкого сумели собрать значительное число голосов. В большинстве же партийных организаций, особенно на промышленных предприятиях, основная масса членов партии голосовала за линию большинства Политбюро. Болезнь Троцкого, из-за которой он долго нигде не появлялся, сильно облегчила работу его противникам. Троцкий противопоставил им лишь четыре статьи в «Правде» под общим названием «Новый курс», где пытался опереться на резолюцию Политбюро от 5 декабря 1923 г., без достаточных оснований изображая именно ее как некий «новый курс» в развитии внутривнутрипартийной демократии. Публикуя статьи Л. Д. Троцкого, «Правда» противопоставляла им статьи Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, И. В. Сталина, Н. И. Бухарина. 14—15 января прошел пленум ЦК, утвердивший повестку дня XIII партийной конференции. А Троцкий в это время по требованию врачей готовился к поездке в Сухуми.

Конференция почти единогласно одобрила позицию большинства Политбюро по вопросам партийного строительства, сторонники Троцкого потерпели полное поражение. Так закончился первый раунд схватки между Сталиным и его сторонниками и Троцким. Общеполитические и внутривнутрипартийные позиции Л. Д. Троцкого значительно ухудшились.

За ходом дискуссии и работой XIII партконференции насколько мог следил тяжелобольной Ильич. У него к концу 1923 г. восстановились некоторые возможности для интеллектуальной жизни. Но дар речи к нему так и не вернулся. По мнению наблюдавших за ним в эти последние месяцы его жизни, Ленин понимал обращенную к нему речь Крупской, осмысленно относился к содержанию того, что она ему читала. Он требовал, в частности, читать ему материалы партконференции. В особенно сильное волнение он пришел, когда уяснил суть резолюции, явно направленной против Троцкого. Рушился намеченный им совместно с Троцким план смещения Сталина, вопреки воле Ленина к власти в партии и стране рвался совершенно неприемлемый для него человек. Оче-

видно, что именно связанные с этим сильные переживания послужили непосредственной причиной четвертого инсульта. В ночь на 21 января Владимир Ильич впал в бессознательное состояние и в 19 часов 50 минут того же дня скончался.

На вокзале в Тифлисе Троцкому вручили шифрованную телеграмму Сталина, извещающую о смерти Ленина. И даже в этот скорбный час Сталин пошел на сознательный подлый обман: дата похорон В. И. Ленина в телеграмме была указана *на день раньше*, с таким расчетом, что-де ехать Троцкому на похороны бесполезно, все равно не успеет. Поэтому ему рекомендовалось не прерывать лечения и в Москву не приезжать. Этим обманным маневром Сталин устранил Троцкого от участия в похоронах Ленина, что, безусловно, принесло Сталину и его группе дополнительные акции при дележе власти.

Несколько месяцев Троцкий провел в Сухуми, работая над циклом воспоминаний о Ленине. Первую их часть он продиктовал сразу же по телефону в Москву с тифлисского вокзала. Эти строки вошли в сборник «У великой могилы». Но к написанию целой серии воспоминаний его, несомненно, подтолкнуло теплое письмо Н. К. Крупской, которое она послала ему 28 января 1924 г.: «Дорогой Лев Давидович! Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам. И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В. И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти. Я желаю Вам, Лев Давидович, сил и здоровья и крепко обнимаю»³².

Кончина Ленина, XIII съезд партии, прошедший в мае 1924 г., несколько сгладили, казалось, остроту противоречий между Троцким и «шестеркой» в Политбюро (она сложилась после того, как Н. И. Бухарин стал полноправным членом Политбюро, заняв место Ленина). Но не оставившие противоборства стороны бдительно следили одна за другой. Продолжалось медленное «выжимание» Троцкого из тех областей партийного и государственного руководства, которые он еще возглавлял.

Вторую половину лета и осень 1924 г. Л. Д. Троцкий провел в Кисловодске. Именно там он работал над подготовкой к печати III тома своих сочинений, где были собраны его статьи и речи 1917 г. Он решил предпослать ему большое предисловие, которое озаглавил «Уроки Октября». Собственно, идея эта зародилась у него раньше, еще в декабре 1923 г. В одной из глав «Нового курса», косвенно отвечая на обвинения в том, что большевик он совсем недавний и вроде бы

«не смеет» поучать «старых большевиков» и «верных учеников» Ленина, Троцкий замечал как бы походя, что если уж заниматься биографическими исследованиями, то надо вспомнить, кто как себя вел в Октябре, кто, повинувшись учителю в мелочах, отступал от него в главном. И вообще, является ли послушание главной добродетелью ленинизма? ³³ Теперь, в «Уроках Октября», он занялся этим вплотную.

Главным героем этого очерка является В. И. Ленин. Именно с ним сверяет Троцкий часы истории, именно его непреклонно революционную линию рисует с самой большой симпатией. Но, в соответствии с законами драматургии, у героя должен быть антипод. У Троцкого это Л. Б. Каменев, который и на самом деле являлся основным оппонентом Ленина в партии на протяжении всех восьми месяцев — от начала апреля до ноября 1917 г. ³⁴ Вторые роли отданы со стороны Ленина самому рассказчику, а со стороны Каменева — В. П. Ногину и Г. Е. Зиновьеву. Заданность чувствуется и в позиции сторон: Ленин и Троцкий решительны и во всем правы, только они отстаивают интересы движения к социалистической революции. Каменев, Зиновьев, Ногин — социал-демократическое крыло партии, способное только к тому, чтобы быть левым флангом единого социалистического фронта, а в большевизме оказавшиеся на правом фланге. Их цель — доведение до конца демократической революции, увенчание ее созданием парламентарной республики. Движение к социализму, по их мнению, может осуществляться только через парламентскую борьбу, через годы развития в условиях буржуазной республики и вслед за передовыми капиталистическими государствами Запада.

Сегодня, когда симпатии общественного мнения поменяли знаки в оценке многих событий начала XX в., читатель может спросить: а что в этом плохого? Может быть, как раз Каменев и Ногин были правы? Может быть... Эта альтернатива была возможной, и развитие событий могло пойти по другому пути. Но ведь победила тогда другая, последовательно революционная альтернатива, предлагавшаяся Лениным и Троцким. Поэтому с точки зрения большевиков 1924 г. не было страшнее обвинения, чем обвинение в социал-демократическом уклоне, в «меньшевизме». Поэтому, независимо от целей выяснения исторической истины, Л. Д. Троцкий имел еще одну цель: показать антиленинскую, меньшевистскую суть политики Каменева 1917 г. И намекнуть читателю: вот кто стоит у власти сегодня! Как можно доверить движение к социализму противникам Ленина, полуменьшевикам, захватившим теперь в ЦК временное большинство? В силу этой сверхзадачи мощь и влияние правого фланга в большевистской партии в 1917 г. несколько преувеличивались автором (может быть, и непреднамеренно). Все это надо иметь в виду при чтении данного произведения Л. Д. Троцкого.

Почти с самых первых слов своей статьи Троцкий пишет:

«Можно, правда, указать на то, что нельзя изучать Октябрь и даже издавать октябрьские материалы, не вороша при этом старые разногласия. Но такой подход к вопросу был бы уж слишком ничтожным. Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение». Актуальность такого подхода объяснялась автором недавними событиями в Болгарии и Германии, где попытки назначить и провести «пролетарское восстание» потерпели неудачу.

Начинает Троцкий «ввинчиваться» в историю с мыслью о партии как основном инструменте вооруженного захвата власти пролетариатом. Новые условия, смена тактики всегда вызывают кризис в партии. Эту справедливую идею он мог проверить на Февральской революции и всё 1917 г., на переходе к новой экономической политике. В последние 40 лет мы сами проверили ее и на хрущевской эпохе XX и XXII съездов, на нашей «революционной перестройке», наконец. А вот вывод Троцкого: «Если тактические повороты ведут обыкновенно к внутренним трениям в партии, то насколько же сильнее и глубже должны быть трения, вызываемые стратегическим поворотом! А самый крутой поворот — это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского — меньшевистского, — поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми — у вчерашних противников-оппортунистов. Это явление мы будем еще наблюдать не раз».

С этой точки зрения автор анализирует поведение руководства большевистской партии в марте — апреле 1917 г., после выхода ее из подполья и в момент первой реакции на план Ленина, изложенный в Апрельских тезисах и написанных в их развитие статей. Он справедливо отмечает, что «старые большевики» пришли в Февральскую революцию с формулами 1905 г. — лозунгом демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Так как Временное правительство не отвечало этой формуле, то следовало бороться за ее осуществление, т. е. за доведение до конца демократической революции. «Становиться в реальных условиях революции, — констатировал Троцкий, — на позицию доведенной до конца демократии против социализма как «преждевременного» означало сдвигаться политически с пролетарской позиции на мелкобуржуазную, переходить на положение левого фланга национальной революции». Трудно сказать, чутье ли, опыт

ли политика, марксистская ли школа тому причиной, но Троцкий совершенно точно и ясно указал на важнейшую особенность тактики большевистской партии сразу после выхода ее из подполья в феврале 1917 г. Период этот у нас в литературе все еще не отражен так, как он того заслуживает. Сюда в свое время устремился Э. Н. Бурджалов, видя именно в этом периоде «слабое место» Сталина — его теснейшую связь с Каменевым³⁵. Тогда, в 1955 г., это был «компромат» на Сталина, так как Каменев был фигурой донельзя одиозной. Но Бурджалову так дали по рукам, что он десять лет вообще не печатался. Сталин, даже подмоченный критикой, был все еще канонизирован, его нельзя было ставить на одну доску с «врагом народа» Каменевым. Но в 1961 г. на XXII съезде КПСС Сталин снова стал объектом критики. И теперь уже Е. И. Бугаев, громивший пять лет тому назад Бурджалова³⁶, торопливо, чтоб не отстать от указаний, повторял за ним все сказанное ранее³⁷.

В 1989 г., выполняя свою часть работы по новым «Очеркам истории КПСС», я постарался заново ознакомиться с документами этого периода. Притом не только ЦК РСДРП(б), Русского бюро ЦК, Петербургского комитета, но и с политическими резолюциями Московского и Киевского комитетов, еще двух-трех десятков комитетов губернских, промышленных и уездных центров. И хочу сказать, что позиция, критиковавшаяся в «Уроках Октября» Л. Д. Троцким как «капитулянтская, меньшевистская», разделялась в марте и начале апреля 1917 г. всеми оформившимися тогда организациями партии. Были оттенки: большая или меньшая степень условной поддержки Временного правительства, более решительные формулировки или более спокойные в отношении контроля над Временным правительством, большая или меньшая степень уступок оборонцам. Но суть при всем этом одна. Большевистская партия в марте и начале апреля (включая и общепартийное совещание, проводившееся в момент Всероссийского совещания Советов) считала себя входящей в общий фронт революционной демократии, всех партий, представленных в Советах рабочих и солдатских депутатов, занимая там крайний левый фланг. Ожили объединительные тенденции конца 1905 — начала 1906 г. Сталин, например, выступая на большевистском совещании, ратовал за объединение с партией Церетели и Чхендзе! Вот в каком положении застал партию в целом Ленин, когда высадился на Финляндском вокзале из курьерского поезда вечером 3 апреля 1917 г. Поэтому не один Каменев или там Ногин были противниками ленинского революционного курса. Эти люди лишь выражали господствовавшие в тот момент в большевистской партии взгляды. Вот этот-то вывод советские историки еще не сделали.

Поэтому мы можем еще выше оценить колоссальную волю, упорство, силу убежденности и убеждения Ленина, который сумел переломить этот примиренческий настрой сна-

чала в Петрограде (на это понадобилось ему почти две недели!), а потом и во всей партии в лице ее представителей на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

Заслуживает нового осмысления и такое утверждение Троцкого в рассматриваемом очерке (как раз в духе излюбленной ныне проблемы «альтернатив»): «Если бы эта политика воспреобладала, развитие революции пошло бы в обход нашей партии, и мы получили бы, в конце концов, восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами, июльские дни гигантского масштаба, т. е. уже не как эпизод, а как катастрофу». Да, такое развитие было возможно, его чувствовал и Ленин, говоря в октябре 1917 г., что если мы не выступим, то массы разнесут все «по-анархически». Но и этот вариант — добавим мы сегодня — не был единственно альтернативным. Если бы удалось Временному правительству дожить до Учредительного собрания (а оставался-то всего месяц — до 28 ноября!), принять на нем закон о земле и провозгласить начало переговоров о мире, народные массы могли бы и удовлетвориться этим, поспокойтсья, взрыв мог и не произойти. В обоих случаях судьба большевиков была бы печальной. В случае бунта, как справедливо пишет Троцкий, «непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партии», а в случае удачи Учредительного собрания — быстрое падение ее авторитета и популярности.

Точно так же заслуживает внимания историков и наблюдение Троцкого, касающееся причин успеха меньшевиков и особенно эсеров на первом этапе революции. Они сумели опереться на готовую организацию — армию, большинство которой составляли крестьяне. Их чаяниям отвечала эсеровская аграрная программа, а оборончество питалось подлинным народным патриотизмом, еще не разложенным идеей интернационализма. И новая альтернатива: если бы война не прервала развитие революционной ситуации летом 1914 г., то в случае победы «движения 1914—1915 гг.» Советы могли стать сразу же большевистскими, а вовлечение крестьян в революцию прошло бы по классической схеме 1905 г. — через гегемонию пролетариата, а не через эсеровские полковые, армейские и корпусные комитеты.

Уже эти примеры показывают, насколько современен Троцкий в осмыслении нашей революционной истории. Он протягивает нам руку из 20-х гг. А ведь наши головы, забитые чурбаками догматизма, не привыкли к такому уровню исторического мышления руководящих деятелей партии и государства...

«Основной спорный вопрос, вокруг которого группировались все остальные, — пишет Троцкий, — был таков: бороться за власть или нет? Брать ее или не брать? Уже одно это показывает, что мы имели перед собой не эпизодические расхождения взглядов, а две тенденции исключительно принципиального значения. Одна из этих тенденций, основная, была

пролетарская и выводила на дорогу мировой революции; другая была «демократической», т. е. мелкобуржуазной, и вела в последнем счете к подчинению пролетарской политики потребностям реформирующегося буржуазного общества. Тенденции эти сталкивались враждебно на всех сколько-нибудь существенных вопросах всего 1917 г.»

Опять словно для сегодняшнего дня писано! Будто специально для некоторых наших современных историков или занявшихся историей Октября философов-публицистов. Чтобы они учли: большевистская партия в 1917 г. не была сплошь обтесанным монолитом, не была лишь инструментом в руках гениального манипулятора людским сознанием Ленина. Нет! В ней и тогда были реформисты и радикалы, как и сегодня — реформаторы и консерваторы. Консерваторы, генетически исходящие от ультрарадикалов 1917 года!

Так словно кругами подходит Троцкий к исторической сердцевине своего эссе, так постепенно он захватывает читателя в плен своими сравнениями, парадоксами, энергичным, но простым до азбучности стилем...

А вот с историческими фактами у Троцкого случаются и нелады. Это относится, например, к изложению им событий апрельской демонстрации. Но, конечно, есть и некоторое извинение этому: сам Троцкий поспел в Россию только к заключительной фазе апрельского кризиса, образованию первого коалиционного правительства. Но все-таки допущенная им неточность имеет принципиальное значение. В его изложении выходит, что именно Ленин выдвинул 20 апреля лозунг «Долой Временное правительство!». Далее Троцкий повествует: «Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства. Он снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей. Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой. Во временном отступлении Ленина не было и намека на изменение линии. Он исходил не из того, что демократическая революция еще не закончена, а исключительно из того, что масса сегодня оказалась еще неспособной свергнуть Временное правительство и что нужно поэтому сделать все, чтобы рабочий класс оказался способен опрокинуть Временное правительство завтра».

На самом деле все было наоборот. Ленин выдвинул лозунг «*Вся власть Советам!*», причем *эсеро-меньшевистским* Советам, которым полнота власти была вроде бы и ни к чему. А вот часть членов Петербургского комитета большевиков пошла дальше. С. Я. Багдатов вывел 30 тыс. путиловцев под лозунгом «Долой Временное правительство!». Этот лозунг поддержали и десятки тысяч рабочих Выборгской стороны. Ленин осудил их, но довольно мягко, а Каменев использовал этот инцидент, чтобы показать, к чему приходят массы, если им говорят, что Временное правительство поддерживать не надо.

Но у этой истории есть продолжение, смыкающееся, как это ни странно, с интерпретацией Троцкого, но совсем с другого конца. В статье «Русская революция и гражданская война», написанной в конце первой декады сентября 1917 г., Ленин возвратился к оценке апрельских событий, к стихийному выводу войск на улицу вольноопределяющимся Ф. Ф. Линде. «Между прочим...— писал Ленин,— этот факт вывода войск не обследован и не изучен. А когда вдумываешься в него, поставив 20 апреля в историческую связь событий, т. е. рассматривая его как звено цепи, идущей от 28-го февраля к 29 августа, то ясным становится, что виной и ошибкой большевиков была *недостаточная* революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры»³⁸. В итоге, следовательно, Ленин приходил к выводу, что лозунг «Долой Временное правительство!» в апреле был не таким уж неправильным, большевики ошиблись, недооценили революционный порыв солдат и рабочих. Уже тогда были шансы низвергнуть Временное правительство! Но сам он этого в апреле не понимал и такого лозунга тогда не выдвигал и не поддерживал. Вплоть до июльских дней Ленин считал, что реален мирный путь перехода к социалистической революции, что рабочие и солдаты не пойдут на свержение правительства, так как еще доверяют ему через соглашательские Советы. Поэтому если разведка в апреле и была, то стихийная, непреднамеренная, о сознательной разведке не могло быть и речи. Здесь Троцкий ошибался по причине, очевидно, недостаточного знания материала о событии, свидетелем которого он не был.

Уточнить следует и другое. Троцкий считал, что тактико-стратегический замысел Ленина заключался в овладении большинством в Советах и последующем переходе власти к «большевистским» Советам. Спор об этом идет давно. Но правда, очевидно, состоит в том, что и до июльских дней, и в первой половине сентября 1917 г. Ленин считал содержанием лозунга «Вся власть Советам!» переход власти к *эсеро-меньшевистским* Советам.

Известным преувеличенным выглядит и схема Троцкого, которой он подводит итоги Апрельской конференции РСДРП(б): «Таким образом, на Апрельской конференции формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения: демократическую, прикрытую формальными социалистическими оговорками, и социально-революционную, или подлинно большевистскую, ленинскую». Да, обе эти линии были представлены на конференции, но неравномерно. Явную победу одержала ленинская линия. А вторая, действительно демократическая, была подавлена, представлена незначительным меньшинством, стушевавшимся при голосовании ленинских резолюций.

Но победа большинства не была окончательной: при каж-

дом кризисе революции сторонники завершения демократической революции неизменно подавали свой голос.

Так было во время июньского кризиса, особенно его первой части, когда разгорелись страсти вокруг отмененной большевистской демонстрации 10 июня, которая Троцким упомянута всего в одной фразе. Тут к Каменеву и Ногину открыто перебежал от Ленина (в первый раз) и Г. Е. Зиновьев. Именно его голос решил вопрос об отмене демонстрации³⁹.

Июльский кризис хоть и в немногих словах, но разобрал Троцким весьма толко. Он не стесняясь признает наличие определенных военных приготовлений левого крыла большевиков. Сам он это не акцентирует, но историки — как у нас, так и за рубежом — установили, что Выборгский райком и Военная организация большевиков имели в своих рядах в июльские дни немало экстремистов, которые считали, что настал момент вооруженного свержения Временного правительства. «Весьма вероятно, — писал Троцкий, — что отдельные, чисто военные действия во время июльских дней происходили по инициативе товарищей, искренне считавших, что они не расходятся с ленинской оценкой обстановки. Ленин позже говорил: «В июле мы наделали достаточно глупостей». Но по существу дело и на этот раз свелось к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе движения»⁴⁰.

В изображении Троцким отношения В. И. Ленина к вооруженному захвату власти, к восстанию, есть некая заданность. Ленин, по Троцкому, и приехал с этой мыслью, и проводил ее через апрель и июль и через корниловщину и далее. На самом деле отношение Ленина к восстанию как способу совершения второго этапа революции было более гибким. Да, в Швейцарии он считал, что народ созрел для «свержения гучковско-милюковского правительства». Но, приехав в Петроград, он убедился и в революционно-оборонческих настроениях большинства народа, и в доверчивом отношении его к Временному правительству. В этих условиях восстание было невозможным. И из-за невозможности его Ленин выдвигает идею мирного развития революции. Только после июльского поражения он делает вывод об окончании периода мирного развития революции и о необходимости готовиться к восстанию. Но время его даже Ленину кажется пока еще далеким и неопределенным Троцкий совершенно выпускает из поля своего зрения своеобразный период первой половины сентября, когда Ленин написал свою статью «О компромиссах», где предложил партии вернуться к лозунгу «Вся власть Советам!» в его доиюльском значении: образование Советского правительства из представителей партий меньшевиков и эсеров. Только после отказа их от этого компромисса Ленин вновь, и теперь уже окончательно, возвращается к идее подготовки восстания. Впрочем, этого поворота и наша официальная историческая наука не замечала до начала 60-х гг.

Троцкий в своей статье скороговоркой пробегает сентябрьские дни и работу Демократического совещания, так как и сам он в это время был близок к позиции Каменева и для него шоком явились ленинские письма о восстании, полученные на заседании ЦК 15 сентября. Он сразу переводит повествование к решению большевистской фракции Демсовещания об участии в Предпарламенте. Троцкий был против этого решения. И Ленин был против. Это явилось первым шагом для их полного единства и солидарности в Октябрьские дни.

То, что Троцкий пишет о совещании большевистской фракции, весьма интересно. Протоколов его не сохранилось, отчеты о нем не публиковались. Поэтому приведенные им сведения о совещании можно рассматривать как своего рода воспоминания участника. «Прения в большевистской фракции Демократического совещания по вопросу о бойкоте Предпарламента имели, несмотря на сравнительную ограниченность своей темы, исключительное значение. В сущности это была наиболее широкая и внешне успешная попытка правых повернуть партию на путь „завершения демократической революции“» — так оценивал Л. Д. Троцкий этот внутрипартийный момент.

В качестве ведущих ораторов «правых» Троцкий называет Л. Б. Каменева и В. П. Ногина. Он даже излагает приблизительную суть их выступлений. «Борьба за участие в Предпарламенте,— замечает при этом Троцкий,— была борьбой за «европеизацию» рабочего движения, за скорейшее его введение в русло демократической «борьбы за власть», т. е. в русло социал-демократии. Фракция Демократического совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, не отличалась, особенно по тем временам, от партийного съезда. Большая половина фракции высказалась за участие в Предпарламенте. Уже сам по себе этот факт должен был вызвать тревогу; и Ленин действительно бьет с этого момента тревогу непрерывно».

С точки зрения историка, во всем этом есть свои недоговоренности, своя намеренная приблизительность и неточность. Ленин начал бить тревогу *раньше*, уже после первого дня работы Демократического совещания. А Троцкий выступил за бойкот совещания неделей позже того, как Ленин «начал бить тревогу». Троцкий, может быть, сознательно сближает эти моменты. Далее. Не только фракция совещания, но и большинство ЦК 15 сентября отвергло предложение Ленина о подготовке восстания и об оставлении на Демократическом совещании только наблюдателей. И Троцкий был среди этого большинства вместе с Каменевым. Лишь дней через пять он начал отходить от «большинства» и присоединяться к «меньшинству», в котором как раз находился в этот момент Ленин. Поэтому сентябрь может рассматриваться как откат не только большинства представителей партийных организаций на местах (70 человек проголосовали за

вхождение в Предпарламент, 50 — против), но и самого ЦК РСДРП(б) от курса VI съезда партии на восстание, как желанье пойти по пути парламентского развития, «европеизации» рабочего движения, а не по пути подготовки восстания, к которому звал Ленин. Ему потребовалось снова, уже в третий раз, мобилизовать всю свою силу и энергию, талант полемиста, авторитет теоретика, чтобы побороть это демократическое большинство в ЦК и заставить руководство партии пойти по той дороге, которая ему представлялась правильной. Троцкий, присоединившийся к Ленину после не слишком долгих раздумий, стал его первым помощником.

Это свидетельство Л. Д. Троцкого очень важно для нас сегодня, когда против КПСС сыплются обвинения в ее извечном недемократическом характере, авторитарности и пр. Нет, не всегда большевистская партия была такой. Демократическое, общесоциалистическое направление было присуще ей на разных этапах ее истории и проявлялось даже в достопамятном 1917 г.

Читатель прочитает в этой книге суровые слова Троцкого по адресу реформизма, социал-демократического пути развития, порочности парламентского пути к завоеванию власти рабочей партией и т. п. Тогда, когда он писал эти строки, никто не мог себе представить, что, скажем, в Швеции или в Германии (ФРГ) социал-демократы будут у власти десятилетиями, что они в рамках буржуазной демократии окажутся способными реформировать общество, добиться гораздо более высокой степени социальной защищенности и уровня жизни народа, чем в нашей стране и во всех других странах, где к власти насильственным путем пришли коммунисты. Для Троцкого все это было так же непредставимо, как и для Ленина. Читатель сам сможет убедиться, что Лев Троцкий был великим революционером, революционером до мозга костей, как Марат и Робеспьер, как Ленин, как Че Гевара. Реформистский путь был для него неприемлем уже просто потому, что он казался ему отвратительно долгим. Зачем ждать, когда пролетарская революция может сократить срок наступления реального социализма! Нельзя ждать, можно потерять все...

Это становится особенно ясным при знакомстве с анализом и оценкой Троцким октябрьских событий. Он начинает их разбор с письма Каменева и Зиновьева партийным организациям от 11 октября 1917 г. Этому письму не повезло в советской историографии: даже сегодня оно рассмотрено лишь в единичных трудах по истории Октября, хотя является важнейшим источником по истории большевистской партии накануне вооруженного восстания. Это — наследие сталинского «Краткого курса»: там о письме ничего не говорилось, значит, его и не было. «Против этого исторического решения, — написано в «Кратком курсе» о заседании ЦК РСДРП(б) от 10 октября, — выступали и голосовали два члена ЦК — Каменев и Зиновьев. Они так же, как и меньшевики,

мечтали о буржуазной парламентарной республике и клеветали на рабочий класс, утверждая, что у него нет сил для осуществления социалистической революции, что он еще не дорос до взятия власти»⁴¹. Любопытно, что эта оценка повторяет то, что говорил о письме Каменева и Зиновьева именно Троцкий в своих «Уроках Октября», но отнесена эта оценка (разумеется, без ссылок на автора!) не к письму, а к их устным выступлениям на заседании ЦК.

Отметим попутно, что о самом Троцком говорилось в «Кратком курсе» в связи с заседанием 10 октября так: «Хотя Троцкий на этом заседании прямо не голосовал против резолюции, но он предложил такую поправку к резолюции, которая должна была свести на нет и провалить восстание. Он предложил не начинать восстание до открытия II съезда Советов, что означало — затянуть дело восстания, заранее расшифровать день восстания, предупредить об этом Временное правительство»⁴². Сталинскую команду фальсификаторов не смущало то, что в протоколе заседания нигде не зафиксирована такая «поправка», ибо ее никогда не существовало.

В своей оценке письма Каменева и Зиновьева Троцкий совершенно прав. Это была последняя попытка правого крыла в руководстве партии (которое сумело добиться решающего влияния на определение партийного курса в сентябре 1917 г.) вернуть свои позиции, не допустить вовлечения партии в «безнадежную и опасную», как им казалось, авантюру захвата власти. Верно и то, что Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, десятки других партийных лидеров высокого и среднего ранга считали, что России предстоит еще долгий путь капиталистического развития и укрепления нормальной буржуазной демократии, прежде чем она, вслед за развитыми капиталистическими странами, повернет на социалистический путь. Если бы Каменеву и Зиновьеву удалось добиться сплочения этих правых сил и изоляции В. И. Ленина, никакой Октябрьской революции в нашей стране не произошло бы. Повторим, что если бы Временное правительство просуществовало еще месяц и провело бы Учредительное собрание, то народная поддержка большевистской партии, которая крепла в сентябре и октябре, начала бы с неизбежностью ослабевать, крестьянское большинство армии и страны могло бы обратиться вновь к партии эсеров, которые дали бы им наконец землю и начали от имени Учредительного собрания переговоры о мире. Все решали несколько недель. И Троцкий превосходно и совершенно по-ленински освещает эту убийственную для большевиков назревавшую перспективу. Мы не хотим лишать читателя удовольствия разобраться в этом самому.

Но одно дело рассуждать обо всем этом сегодня, когда прошло более пятидесяти лет после насильственной смерти Зиновьева, Каменева, Рыкова и самого Троцкого, и другое дело было писать обо всем этом в 1924 г., когда все перечисленные лица стояли у власти в партии и стране. Да, в

1917 г. Каменев упорно стремился отстоять место большевистской партии на крайнем левом фланге единого фронта всех социалистических партий России. Да, в этом ему помогали Зиновьев, Ногин, Рыков, десятки других руководителей партии по всей стране, образуя влиятельное правое крыло в большевистской партии. Отчаянно боролись они за это и в первые недели после успешного восстания в Петрограде, пытаясь вырвать власть из рук Ленина и Троцкого и передать ее «однородному социалистическому правительству от народных социалистов до большевиков».

Но во всех этих попытках они потерпели неудачу уже в ноябре 1917 г. Больше они не делали таких попыток. Семь лет они верой и правдой служили именно «пролетарской революции» в ее ленинском варианте. Они выполняли все указания Ленина, активно укрепляли сложившуюся форму Советской власти, отстаивали новую власть в гражданской войне. На них падал и ответ успехов Октябрьской революции, как первого шага к мировой социалистической революции, и ложилась ответственность за все ее ошибки и жертвы. На них не меньше крови, чем на Ленине и Троцком...

Все свои прежние «парламентские и демократические ошибки» они «искупили» своей деятельностью и большевистской честью. Они превратились в такие же механизмы авторитарного режима диктатуры пролетариата (в лице партии), как и бывшие левые радикалы и экстремисты 1917 г. Поэтому возлагать на них в 1924 г. ответственность за «ошибки», совершенные семь лет тому назад, было, по крайней мере, несправедливо. Историография могла с этим подождать. Но не мог ждать Троцкий, которого они, взяв себе в союзники уже утвердившегося у власти Сталина, упорно и нагло, шаг за шагом отодвигали от этой самой власти, которому они при всяком подходящем случае припоминали и былой «небольшевизм», и многое другое...

— Третировать меня, благодаря которому и совершилась Октябрьская революция! Благодаря которому все вы — и Каменев, и Зиновьев, и Рыков, и Сталин, и я же с ними — живете теперь в барских особняках, разъезжаете в персональных лимузинах, едите и пьете в три горла! Ну, погодите! Я покажу всем, какие вы пролетарские революционеры!

Так или примерно так мог рассуждать Троцкий, готовя свою бомбу против «выдающихся посредственностей», замышлявших перехватить у него славу и власть. И вот он метнул ее, защищая себя...

Этот «второй план», эта почти нескрываемая личностная подоплека исторических изысканий и выкладок Троцкого превращали «Уроки Октября» в акт злободневной политической борьбы за власть и влияние в партии. Именно это прежде всего и увидели оппоненты Троцкого — те, которых задевала всколыхнутая им историческая правда.

Эти словесные баталии, закончившиеся в итоге большой кровью, давно отшумели и стали достоянием истории, но

историография наша столько раз переделывалась и перелицовывалась, что задача стереть «белые пятна» состоит и в том, чтобы заново прочитать то, что скрыто за ними в первоисточниках. Вот почему эта книга содержит как сами «Уроки Октября», так и отклики на них, которые лишь в совокупности отражают один из самых напряженнейших моментов в истории большевистской партии.

Но и «первый план» работы Троцкого сегодня продолжает привлекать внимание специалистов и всех, кто интересуется историей нашей революции: и сам Троцкий, и все его оппоненты в процессе споров, борьбы рассказали много ценного, нового, до той поры неизвестного (а после тщательно затушеванного) о революционных событиях 1917 г., о жизни большевистской партии и внутреннем положении в ней. Пропущенные через фильтр сталинской цензуры, эти сведения либо исчезли, либо были искажены до неузнаваемости. Пора вернуть им первозданность.

Л. Д. Троцкий поставил точку в рукописи «Уроков Октября» 16 сентября 1924 г. в Кисловодске. Через месяц в Москве в госиздатовской типографии прошла их первая корректура. Ее, пахнущую краской, срочно доставили Л. Б. Каменеву, руководившему тогда всем издательским делом. Тот прочитал ее и пришел в ужас. Немедленно он пригласил к себе в кремлевскую квартиру И. В. Сталина и Г. Е. Зиновьева. Они ознакомились с работой Троцкого и нашли ее возмутительной. Было решено не препятствовать выходу тома с предпосланными ему «Уроками Октября», но сразу же дать публичный отпор Троцкому. Сбравшаяся тройка решила привлечь еще ряд своих сторонников и подготовить тексты докладов и статей с «разоблачениями» Троцкого. Каменев предложил в качестве основной линии критики идею о том, что Троцкий пытается подменить ленинизм троцкизмом, для чего нужно было извлечь из архива и перетряхнуть все цитаты Ленина против Троцкого периода 1910—1913 гг., теорию «перманентной революции», которую критиковал Ленин, и вообще реанимировать все случаи расхождений Ленина и Троцкого. Первоочередной, прямо-таки вопиющей целью кампании было «отмыть» Каменева и Зиновьева от их октябрьских ошибок, представить эти ошибки неважными, кратковременными и показать, что настоящим противником Ленина был Троцкий, каковой большевиком так и не стал. 18 ноября 1924 г. эта кампания одновременно и скоординированно началась и длилась практически два месяца.

Первую скрипку играл Л. Б. Каменев, больше всех задетый критикой Троцкого и ставший в развернувшейся кампании как бы ее теоретическим тараном. 18 ноября он выступил с многочасовой речью на собрании Московского комитета партии с приглашенным партийным активом Москвы. 19 ноября он повторил этот доклад на пленуме большевистской фракции ВЦСПС, 21-го — на совещании военных работников. «Стилистически обработанный», этот доклад был

помещен в сборнике «Об „Уроках Октября”» (Л., 1924). Доклад по объему превышает сами «Уроки Октября». Каменев сразу же попытался «повысить» уровень спора и заявлял, что статья Троцкого есть отступление от «официальной идеологии» партии, руководящей Коминтерном. Это не частное дело, не только спор между Троцким и Зиновьевым, Каменевым, Сталиным, а нападки на партию, служащие разложению и дискредитации большевизма «как идеологии пролетарской революции». Каменев заявлял, что Троцкий извратил решительно все моменты истории партии в 1917 г.

Если мы хотим найти истоки той лживо-претенциозной схемы, которая почти семьдесят лет выдавалась у нас за историю партии, если мы хотим найти истоки догматизма и сталинизма (как антипода правде), то мы должны внимательно прочесть этот доклад Л. Б. Каменева. Сегодня мы знаем, что он, как и Зиновьев, стал жертвой сфальсифицированного процесса, что он был убит циничным и мстительным выучеником Макнавелли. Но мы знаем и другое: тот же Каменев, боясь прихода Троцкого к власти, вошел в сговор с этим злым циником — Сталиным и помог ему залезть в кресло генсека на глазах у большого Ленина. И тут, защищая себя, свое «руководящее положение», Каменев громоздил горы лжи да еще призывал себе на помощь «официальную идеологию партии», Коминтерн, все тревожил тень Ленина. Шло открытое натравливание на Троцкого партийных масс, совершалось моральное давление, из памяти миллионов красноармейцев, сотен тысяч членов партии стремились выжечь образ Троцкого как первого соратника Ленина в Октябре и в годы гражданской войны, как одного из вождей «мирового пролетариата». Это делалось потом много раз, но первый раз этим неблагоприятным делом занялся именно Каменев, ну и, конечно, Сталин и Зиновьев. Горькое сожаление вызывают строки каменевского доклада, тем более что мы знаем всю последующую трагическую и жалкую судьбу его автора.

Подменяя предмет спора, Каменев утверждал, что большевизм сформировался и окреп в постоянной борьбе не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом. Искусственно конструировался этот «троцкизм», заострялся против личности Троцкого. Выказывания В. И. Ленина подавались таким образом, будто он считал именно Троцкого главным врагом русского пролетариата. Известно, что отношения Ленина и Троцкого до 1917 г. складывались непросто: были периоды борьбы, полемики, яростной вражды. Но были и времена сотрудничества, поисков совместных выступлений. И какое все это имело отношение к урокам *Октября*? Каменев опустил революционную работу Троцкого в Петербургском Совете 1905 г., его более чем годичное тюремное заключение, все его работы, в которых он постепенно сближался с большевиками, встречу с Лениным после побега, попытки наладить деловой контакт и сотрудничество на протяжении

1907—1910 гг. Нет, не это было нужно автору. Он с подробностями рассказывает о резких разногласиях между Лениным и Троцким, одну за одной зачитывает цитаты из Ленина, полные брани и нападок на Троцкого — «проводника влияния буржуазии», по словам Каменева, на пролетариат. Попутно он тщательно отрекается от себя самого, заявляя, в частности, что социал-демократическая парламентская тактика вырашивает «самые отравленные плоды для пролетариата». Как будто не он сам предлагал в октябре 1917 г. пролетариату ожидать Учредительного собрания, где партия имела шанс, по словам Каменева и Зиновьева, стать «сильной оппозицией». Начетнически приводя ленинские цитаты, Каменев, который в революционном 1917 г. проявил себя как последовательный социал-реформист, пытался создать у слушателей образ прислужника буржуазии, меньшевика, плетущегося в хвосте у западноевропейского социал-демократического движения. И это о Троцком? О революционере, не только на словах, но и на деле доказавшем свою веру в революцию — и в Смольном, и под Казанью и Самарой, и под Петроградом, и в борьбе с контрреволюционными мятежами.

Цепляясь за отдельные выражения Троцкого (вроде «я шел к Ленину с боями», «теория перманентной революции оправдалась через 12 лет», «большевики перевооружились после марта 1917 г.» и пр.), Каменев демагогически восклицал: Троцкий утверждает, что теория большевизма оказалась негодной и антиреволюционной, что большевики пришли к власти только потому, что заменили в Октябре 1917 г. большевизм троцкизмом! Это передергивание показывало, что Каменеву, по существу-то, крыть нечем, недаром большую часть его доклада составляют упражнения на тему о троцкизме вообще и о том, что Ленин-де 20 лет предупреждал партию, что троцкизм — самый страшный враг большевизма, более страшный, чем даже меньшевизм! Это показывает нам уровень дискуссии. Если Троцкого за то, что он в полемику о 1917 г. расчетливо привносил современные моменты и можно упрекнуть, то у Каменева на этом было построено абсолютно все. Это была не история и даже не политика, а открытая борьба, травля противника, удары ниже пояса. Так, например, Каменев заявлял: «Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным оружием для решения тех задач, которые встали перед ним с Февраля по Октябрь. Тут надо выбирать». Разве это не передергивание? Каменев свою с Зиновьевым позицию в 1917 г. (а именно ее и критиковал Троцкий!) пытался выдать за позицию всей партии (прием, увы, весьма нам знакомый). Каждый, кто внимательно прочтет «Уроки Октября» Троцкого, увидит, что тот и не замахивался на такие обобщения. Демагогия Каменева нацеливала массы на вывод: Троцкий никакой не соратник, а враг Ленина, враг Октября!

Далее Каменев выдвигает главный криминал против Троцкого: «Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина!» Тут уж налицо явная претензия на то, что главными ленинцами были в 1917 г. именно они: Зиновьев и Каменев, а также Рыков, Ногин и др. За семь лет верной службы пролетарской диктатуре они, видимо, «забыли», что как раз сами были идейными оппонентами и противниками Ленина в 1917 г. Свою «демократическую» линию, предпочтение парламентаризму, они пытались теперь во имя самосохранения (и сохранения своих высоких постов и привилегий) выдать за мелкие, незначительные отдельные ошибочки. Такова была выбранная Каменевым и другими линия защиты.

Нагло-претенциозными выглядят такие, например, слова Каменева: «На поверхности кажется, что это — разоблачение Каменева и Зиновьева. Там это есть, но там есть больше — там есть то, что ошибками Каменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм». Ничего этого «там» — в «Уроках Октября» — нет; наоборот, поражает уважительное и любовное отношение автора к В. И. Ленину, сотрудничеством с которым Троцкий дорожил до последнего дня своей жизни. Каменев же и Зиновьев свое «послушание» Ленину в мелочах выдавали за верность ему в главном, революционному духу его учения. Это было бессовестной ложью. Каменев был самым упорным и последовательным противником Ленина в основных вопросах революции. Именно он вел себя как стопроцентный меньшевик с 3 апреля по 4 ноября 1917 г. А Зиновьев — тот просто стал перебежчиком. Каменев в своем докладе неоднократно цитирует ленинское выражение по адресу Троцкого 1910—1913 гг. — «тушинский перелет». Но истинным таким «перелетом» был в 1917 г. Григорий Зиновьев.

Но вот Каменев добрался под конец своего доклада и до 1917 г. Он пытается доказать, что в апреле 1917 г. Ленин не предложил нового подхода, новой, по существу, теории борьбы за социалистическую революцию. Идеи 1905 г., вещает Каменев, полностью осуществились, и Ленин просто призвал идти дальше, а вот некоторые большевики поняли это не так быстро... И нечего «тов. Троцкому» злорадствовать по этому поводу, и незачем было большевикам «переворужаться».

Каменев затушевывал здесь острейший период своих разногласий с Лениным, замазывал неприятие ленинских идей о переходе к борьбе за социалистическую революцию целым слоем «старых большевиков», упорно цеплявшихся за догмы 1905 г. В чем была суть? Ленинские идеи 1905 г. гласили, что окончательная победа демократической революции произойдет лишь тогда, когда после свержения царизма революционным путем будет создана «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», органом которой станет временное революционное правительство без участия буржуазии. Что же получилось в марте 1917 г.? Было

создано буржуазное Временное правительство. Значит, говорили Каменев и другие «старые большевики», надо бороться за доведение демократической революции до конца, до создания правительства пролетариата и крестьянства без участия буржуазии. И пока дело это не сделано, о какой социалистической революции может идти речь?

Ленин же, указывая на Советы, говорил: вот она, уже осуществившаяся демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, но существующая в переплетении с диктатурой буржуазии. Значит, этап этот пройден, надо идти ко второму.

Это же открывало с теоретической точки зрения и возможность сотрудничества Ленина и Троцкого. Их разногласия 1905 г. касались того, *какая* диктатура должна установиться в результате свержения царизма. Ни та ни другая теория в ходе первой российской революции не осуществилась. А теперь, в феврале 1917 г., царизм был свергнут! То есть цель достигнута. Причем она была достигнута так быстро, что Ленин в Швейцарии, а Троцкий в США узнали о революции уже после ее победы и образования Временного правительства. Споры стали беспредметными. Вот что имел в виду Троцкий, когда писал, что Февральская революция устранила старые разногласия. А в том, что после свержения царизма нужно бороться за социалистическую революцию, за диктатуру пролетариата, Ленин и Троцкий были совершенно согласны.

Лишь походя, не развивая этой мысли, Каменев подметил одну реальную неточность в «Уроках Октября». Троцкий утверждает, что лозунг «Вся власть Советам!» означал передачу власти большевизированным Советам. Каменев указывает, что до июля Ленин понимал этот лозунг как переход власти к эсеро-меньшевистским Советам. Поэтому Ленин и предложил снять его после июльских дней. Упоминает Каменев и о ленинском предложении компромисса партиям эсеров и меньшевиков в начале сентября 1917 г., о чем Троцкий совершенно умалчивает.

Ну а далее опять начинаются натяжки и малообоснованные нападки. Так, Каменев, пожалуй, первый в исторической литературе укоряет Троцкого за его позицию на брестских переговорах, говорит даже, что Троцкий подавал заявление о выходе из партии на VII съезде РСДРП(б), но Ленин отговорил его и настоял на новом назначении для Троцкого. Потом в ход идет, естественно, и дискуссия о профсоюзах, так как, увы, с февраля 1918 г. по февраль 1921 г. других серьезных расхождений между Троцким и Лениным обнаружить Каменеву не удалось. Упоминает Каменев и о дискуссиях 1923 г. — по хозяйственным, плановым и внутрипартийным вопросам. Взгляды Троцкого трактуются им как нападки на «кадры», на руководящее ядро ЦК, как попытка ослабить партийное влияние на внепартийные организации.

И лишь после всего этого, с оговорками и уловками, по-

дошел Каменев к «еще одному козырю тов. Троцкого» — «нашей октябрьской ошибке». Он вроде бы и признает, что «ошибка была громадной», но тут же смягчает ее: «хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней». Каменев всячески преуменьшает значение «октябрьской ошибки». «Ни сама ошибка,— говорит он,— ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней «поправило» колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов». Добродушно жура Ленина за его «свирепые слова» по отношению к нему и Зиновьеву, Каменев тут же берет в свои защитники... самого Ильича! Он приводит слова Ленина из статьи, опубликованной в журнале «Коммунистический Интернационал», по поводу итальянского социалиста Серрати, в которой Ленин писал, что «без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены»⁴³. Но ведь Ленин говорил и писал по их собственному адресу слова много хуже тех, которые он говорил против Троцкого и которые Каменев с такой охотой только что цитировал! Здесь же Каменев ограничивается тем, что на одной страничке, в подстрочном примечании, дает краткую хронологию своих расхождений с Лениным в 1917 г. и быстрого «исправления» ошибок. Легко и просто Каменев разделяется со своими ошибками, замазав главное: свою «меньшевистскую» систему взглядов на задачи партии пролетариата в 1917 г. Да и письмо от 11 октября, эта настоящая платформа борьбы с вооруженным восстанием, упомянуто им в одной лишь фразе.

Зато далее Каменев разворачивает новый пласт критики Троцкого, основываясь на его экстравагантном выводе о том, что «восстание 25 октября имело только дополнительный характер». Действительно, это выражение не назовешь удачным. Вообще описание Троцким подготовки вооруженного восстания нельзя признать полностью соответствующим реальности. И утверждение о «дополнительном характере» восстания 25 октября — скорее оригинальный литературный прием. Но что в нем ценного? То, что Троцкий обращает внимание на выдающуюся роль петроградского гарнизона в событиях, на умелое прикрытие щитом Петроградского Совета создания органа восстания — Военно-революционного комитета, на удачное использование «советской легальности» в практически открытой подготовке вооруженных сил революции. Можно выделить и очень верное наблюдение Троцкого о фактическом восстановлении двоевластия в Петрограде в сентябре и особенно в октябре 1917 г. Что же делает Каменев? Он просто высмеивает «литературщину» Троцкого. И кто делает это, кто защищает мысль о длительной и кропотливой подготовке к восстанию? Человек, который вплоть до 24 октября 1917 г. делал все, чтобы не допустить самого восстания. Такова ирония истории. Действительные же расхождения Ленина и Троцкого — по поводу взаимодействия вос-

стания и съезда Советов — прошли мимо внимания критика. Итоговый вывод, сделанный Каменевым, таков: «Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибегнул к своему последнему отравленному оружию». Каждый, кто сопоставит спокойное, взвешенное изложение вопросов истории 1917 г. Л. Д. Троцким с камневскими заклинаниями, обвинениями в подрыве идеологии партии, в попытках дать выход антипартийным мелкобуржуазным силам, увидит их неадекватность.

Но ирония истории этим не исчерпывается. Ведь всего через год с небольшим Каменев отречется от всех этих слов, заключит с Троцким прямой союз против Сталина, который, однако, исхитрится провести и того, и другого. И Троцкий будет обниматься с Каменевым, который вчера представлялся им на страницах «Уроков Октября» как чисто меньшевистский деятель. Это свидетельствует, что история и для Троцкого, и для Каменева с Зиновьевым была прежде всего поставщицей аргументов в политической борьбе за власть.

Обратимся теперь к статье *И. В. Сталина* «Троцкизм или ленинизм?», которая представляет собой речь на том же пленуме ВЦСПС 19 ноября, на котором выступал и Л. Б. Каменев со своим четырехчасовым докладом. Она уступает камневскому докладу в объеме, но не в грубости нападок на Троцкого, не в наглом искажении действительных исторических событий. Сталин решительно защищает Каменева и Зиновьева от критики Троцкого, называет их «ленинцами» и утверждает вслед за Каменевым, что разногласия длились всего несколько дней. Он также спекулирует на Ленине, уверяя, что Ленин не согласился бы на включение Каменева и Зиновьева в Политбюро по руководству восстанием, если бы считал их ошибку столь страшной. Но ведь Ленин не возражал против их включения в Политбюро в ночь на 11 октября. А днем 11-го они и написали свое письмо, в котором вопреки партийной дисциплине выступили против уже принятого решения. Более того, сейчас мы знаем, что Ленин провел две частные встречи с ними, фактически два заседания этого «Политбюро» на квартирах М. И. Калинина и машиниста Гуго Ялавы, чтобы постараться ликвидировать разногласия. Каменев и Зиновьев отказались. Тогда-то и было решено созвать расширенное заседание ЦК РСДРП(б), состоявшееся в ночь на 16-е. Сталин умолчал об этих реальных разногласиях. Зато он выпятил на первый план брестские разногласия, словом, действовал по принципу «сам дурак».

Высказывая правильную мысль о том, что Ленин был настоящим и подлинным вождем Октября, Сталин в то же время пытается преуменьшить роль Троцкого. Его-де и в *практический центр* не выбрали, да и «другие дрались в Октябре не хуже Троцкого». Тут явно чувствуется уже обида за себя,

не зря Сталин процитировал состав «Партийного центра» по протоколу, ведь среди его пяти членов был и он. Троцкий, «как и все ответственные работники,— говорил Сталин,— являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов. Кто знаком с механикой партийного руководства большевиков, тот поймет без особого труда, что иначе и не могло быть: стоило тов. Троцкому нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел, разговоры об особой роли тов. Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми «партийными» кумушками». Тут в Сталине говорила уже задетая гордость генсека 1924 г., стоявшего во главе «партийной механики».

В речи Сталина есть собственные суждения по историко-партийным вопросам 1917 г., особенно по тем, к которым он имел прямое отношение. Так, он удивляется, почему Троцкий «не зацепился» за разногласия между Лениным и руководством партии в июле 1917 г. по вопросу о снятии лозунга «Вся власть Советам!». Эти разногласия действительно были. Именно они позволяют прочертить тенденцию правого крыла в большевистской партии за все восемь месяцев революции. А Сталин знал об этом лучше других, ибо, когда Каменев и Троцкий сидели в «Крестах», а Ленин и Зиновьев скрывались, Сталин оказался «старшим» среди большевистских лидеров в Петрограде и делал основные доклады на VI съезде партии. Он слишком хорошо знал, что даже осуждения эсеров-меньшевистских Советов за их поведение после июльских дней президиуму съезда удалось добиться нелегко. Московская и киевская делегации не были согласны с идеей снятия лозунга «Вся власть Советам!». А в октябре? Всячески кляня Троцкого, Сталин, по существу, излагает подготовку Октябрьского восстания именно по Троцкому, останавливаясь и на роли солдатской секции Совета, и на деятельности Военно-революционного комитета.

Речь Сталина направлена против Троцкого лично. Он старается не только расширить поле дискуссии за счет критики «старого» троцкизма, но и выстроить модель «нового» троцкизма, извлекая ее детали из «Уроков Октября» и только что вышедших воспоминаний Троцкого о Ленине. Целью «нового» троцкизма, смоделированного Сталиным, было якобы стремление опорочить «ленинские кадры», а также и самого Ленина, чтобы тем самым заменить ленинизм троцкизмом. Сталин задевал и роль Троцкого в гражданской войне, возражал против «легенды» о том, что Троцкий был основным создателем Красной Армии, заострял внимание на «ошибках» Троцкого в планировании военных операций против Колчака и Деникина. Своей речью Сталин явно делал заявку на роль нового теоретика в партии. В то же время, излагая сравнительно точно основной ход событий с марта по октябрь 1917 г., Сталин нередко отступал от ленинской их трактовки, делал и прямые ошибки (их мы отмечаем и исправляем в комментариях).

Г. Е. Зиновьев в своей большой статье «Большевизм или

троцкизм?» в отличие от Л. Б. Каменева с первых строк говорит о своей ошибке и признается в ней. Но тут же, подобно Каменеву, «поясняет», что, нападая на них, Троцкий в действительности нападает на Ленина. «Пока т. Ленин держал перо в руках,— утверждает Зиновьев,— тов. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь тов. Троцкий, по-видимому, решил, что «настал момент». Раньше, чем нанести «решающий удар» по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма, в частности на октябрьскую ошибку пишущего эти строки». Да, Ленин ругал их и бичевал, признается Зиновьев, но к началу Бреста уже считал все разногласия преодоленными. И он приводит те же слова Ленина 1920 г., которые цитировал Каменев как аргумент в пользу того, что не надо все вспоминать о прежних ошибках. Он сообщает читателям, что сам еще в 1922 г., т. е. задолго до Троцкого, в достаточной степени осудил свою ошибку, выступая перед иностранными коммунистами на IV конгрессе Коминтерна (так объяснив ее причину: «...в решающую минуту не мог отделаться от мысли, что меньшевики и эсеры являются хотя и правой фракцией, правым флангом, но все же частью рабочего класса»).

Да и можно ли его, Зиновьева, относить к «правому крылу»? Ведь он 20 лет работал рука об руку с товарищем Лениным! На Апрельской конференции 1917 г. тоже был с Лениным, а вовсе не с «т. Каменевым, Ногиним и Рыковым». Тут он признается, однако, что расхождение его с Лениным началось уже в сентябре 1917 г.: «Моя ошибка заключалась в том, что линию статьи «О компромиссах» (В. И. Ленина.— В. С.) я пытался продолжить на несколько дней позже». И далее он старается всячески преуменьшить суть и значение своей «октябрьской ошибки» и показать свое быстрое — уже 25 октября — «исправление».

Подробнее Зиновьев освещает события конца октября и начала ноября 1917 г., когда он, Каменев и еще десяток видных большевиков пытались заставить Ленина и Троцкого сдать власть «однородному социалистическому правительству», а когда это не удалось — вышли из ЦК партии и Совнаркома. Но тут же напоминает, что с 8 ноября он опять вернулся в дисциплинированный строй и выполнял все указания Ленина. Некоторое оправдание своей позиции Зиновьев видел в том, что в результате этого их демарша Ленин и склонился-де к приглашению в правительство левых эсеров. «С точки зрения нынешнего положения вещей,— пишет Зиновьев,— через 7 лет после событий, разве не чудовишно звучат слова в резолюции нашего ЦК, что «абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власть»? А ведь эти слова 20 ноября 1917 г. написал Ленин и их одобрил наш ЦК!» И верно, в эти слова трудно поверить и 70 лет спустя, ибо даже в условиях перестройки, пос-

ле отмены 6-й статьи брежневской Конституции 1977 г., мы видели, какой стальной хваткой цеплялись за власть преемники рожденного Лениным и взращенного Сталиным партиаппарата.

Далее Зиновьев обрушивается на Троцкого за его позицию на брестских переговорах с явной целью продемонстрировать: вот подлинный капитулянт, а не мы, которых Ильич давно простил! «На VII съезде,— подытоживает Зиновьев,— тов. Троцкий, находившийся в нашей партии тогда всего только около полугода, в первый раз создал троцкистский кризис. С тех пор, увы, эти кризисы повторяются периодически». Затем Зиновьев подробно и многословно развивает темы, уже «раскрытые» Каменевым и Сталиным, — о том, что Троцкий хочет заменить ленинизм троцкизмом, как Ленин относился к Троцкому на протяжении 1903—1916 гг., пропуская, естественно, все положительные отзывы Ленина о Троцком.

Следующий раздел статьи Г. Е. Зиновьева посвящен утверждениям, что в партии никогда не было и быть не могло правого крыла, «не могло быть — ибо ленинизм это и есть партия-монолит, партия, вылитая из одного куска».

Как видим, ответственность за насаждение партийного режима, исключаяющего всякое инакомыслие, несет не один Сталин. Как и Каменев, Зиновьев аргументировал свою позицию не сложностью событий 1917 г., не логикой политического поведения тех или иных партийных лидеров, а общими словами, заклинаниями о партии — незыблемом монолите. Повторю, что история была лишь разменной монетой в борьбе за власть и влияние руководящей сталинской фракции в Политбюро ЦК.

Вместе с тем статья Г. Е. Зиновьева и сегодня является полезным источником для изучения истории партии как в дооктябрьский период, так и в послеоктябрьский. В силу своей близости к Ильичу Зиновьев приводит некоторые подробности отношения Ленина к тем или иным течениям внутри РСДРП. А что касается послеоктябрьского периода, то Зиновьев отражает складывавшееся отношение высокопоставленных членов ЦК к народу, к массам, к внутрипартийной борьбе, отношение, которое сохранилось и у многих последующих поколений аппаратчиков.

Любопытно суждение Зиновьева о том, что если правого крыла не могло быть в партии при Ленине, то опасность его возникновения теперь появилась. Именно Троцкий, по мнению Зиновьева, являлся средоточием тех сил, которые могли сформироваться в такое крыло. Одну из причин этого он видит в том, что РКП — монополюбно правящая партия (это Зиновьев стопроцентно оправдывает как главное и единственное условие «успешного проведения диктатуры пролетариата»). Осколки других партий, представители враждебных классов теперь находятся (хоть и в малом количестве) внутри РКП (другие-то партии разгромлены!). Да и многие ис-

конные члены партии образца 1924 г. по своему социальному происхождению подозрительны: 100 тыс. крестьян, несколько десятков тысяч студентов, десятки тысяч служащих. Вот они-то и представляют опасность! Из них-то во главе с Троцким и может образоваться правое крыло!

Все эти рассуждения интересны еще и тем, что показывают генезис сталинизма как особого течения внутри «ленинизма-большевизма». Это особые правила и нормы учения об удержании власти от имени пролетариата в стране, где население в своем большинстве принадлежит к другим слоям общества; они эклектически были составлены Сталиным из идей своих более интеллектуальных, но и более слабых соратников — Каменева и Зиновьева, а затем и Бухарина с Рыковым. Стерев затем их с лица земли, он «освятил» своим именем многие их прагматические догадки и выводы. Критикуя сталинизм сегодня, мы должны распознавать не только его идейные истоки, но и заимствованные им конкретно-политические источники.

Заканчивает Зиновьев свою статью гневным разоблачением «попятной эволюции» Троцкого, его якобы поэтапного отхода от ленинизма. Он рисует гипотетическую картину ужасов, которые претерпела бы страна, коль скоро партия приняла бы к руководству рецепты Троцкого, а не оказала им «бешеное сопротивление». В профсоюзах возникла бы «нестребимая база» для меньшевизма. «Партия была бы отодвинута от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами. Советский аппарат получил бы большую самостоятельность». Специалисты приобрели бы огромное влияние во всех сферах жизни. Молодежь, особенно вузовская, была бы признана «барометром партии», а ведь в ее среде немало элементов, «которые тысячами нитей социально связаны с мелкой буржуазией, а через нее и с нэпом и с новой буржуазией...». Неуклонно падал бы «удельный вес социалистических элементов хозяйства в нашей стране». Во всем этом таилась гибель для партии и диктатуры пролетариата!

А теперь давайте-ка, читатель, сопоставим эти мрачные сослагательные выкладки Г. Е. Зиновьева, эти его страстные антитроцкистские филиппики с практикой и перспективными замыслами нашей сегодняшней перестройки. Что написано на знаменах перестройки? Власть Советам; устранение КПСС от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами; компетентность во всех сферах управления; омоложение кадров, т. е. повышение роли молодежи; развитие экономической инициативы и деловой предприимчивости и т. д. И именно консерваторы, силы торможения перестройки отчаянно цепляются за сохранение той роли партии, которую так горячо отстаивал незабвенный Григорий Евсеевич! Троцкого же, если признать справедливой характеристику, данную ему Зиновьевым, придется квалифицировать чуть ли не как первого «прораба перестройки»!

Вот ведь как полезно изучать историю. Вот какими стальными нитями притянута наша сегодняшняя жизнь к диктатуре пролстарииата 20-х гг. Добавим к этому, что и Каменев, и Зиновьев, и другие участники полемики непременно освящали все свои спекулятивные выкладки и рассуждения ссылками на В. И. Ленина, хотя все они уже вступили на путь деформации и ленинизма, и социализма. Скорбя сегодня о жертвах сталинских репрессий 30-х гг., не будем забывать, что пали они от рук той самой системы, которую с яростным убеждением строили уже в 1923—1924 гг. Именно в те годы, а не в 1929-м начался отход от ленинской модели нэповской России как этапа на пути к России социалистической. Его начал не один Сталин. Каменев, Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский и другие «вожди» столь же виноваты в создании сталинского «социалистического общества», как Ленин и Троцкий — при преданной поддержке этих второстепенных «вождей» — в создании военно-коммунистического строя в предшествующие 1918—1920 гг.

Далее в настоящей книге воспроизводится статья Э. И. Квиринга «Ленин, заговорщичество, Октябрь». Собственно, она представляет собой отклик на главу «Переворот» из воспоминаний Л. Д. Троцкого «О Ленине». Но последние страницы были добавлены автором после прочтения «Уроков Октября». На этих страницах, по сути, воспроизведена та же оценка соотношения ленинских предложений об организации восстания и реальной его подготовки и проведения, что и в предшествующем «отклике». Квиринг резко возражает против утверждений Л. Д. Троцкого о том, что Ленин-де предлагал устроить конспиративный переворот от лица партии, а Троцкий считал необходимым проведение его через Советы, и в частности через съезд Советов. Квиринг в большей степени, чем другие участники дискуссии, основывается на цитатах из писем В. И. Ленина июля — октября 1917 г. Он подчеркивает, что Ленин предлагал осуществить восстание опираясь на Петроградский и Московский Советы. Одно это, по мнению автора, опровергает утверждение Троцкого, что ему, а не Ленину принадлежит «советский вариант» восстания.

Вопрос здесь, однако, гораздо сложнее. Действительно, предлагая после июльских дней снять лозунг «Вся власть Советам!» и одновременно призывая поставить перед партией вопрос о непосредственной подготовке восстания, Ленин предупредал, что сохранение лозунга власти Советов может в новой обстановке быть понято как призыв к передаче власти данным, запятнавшим себя предательством эсеро-меньшевистским Советам. Известны воспоминания Г. К. Орджоникидзе, в которых утверждается, что Ленин прямо призывал опираться после июля на фабзавкомы, а не на Советы⁴⁴ (правда, в опубликованных на сегодня работах Ленина такого категорического утверждения нет). С середины сентября Советы вновь появились в ленинских призывах к восстанию. И здесь прав Квиринг и не прав Троцкий. Но

вот что касается II Всероссийского съезда Советов, то Ленин питал стойкую антипатию к отсрочке восстания до съезда. Тут он хотел поставить съезд перед фактом предварительного захвата власти партией большевиков от имени Петроградского и Московского Советов. В противоположность Квириngu, Ленин не доверял возможному составу съезда, считал, что его голосование может стать «колеблющимся». В отношении же того, что Ленин только вечером 25 октября (а вернее, поздно вечером 24-го — Троцкий здесь путает даты) согласился с той технологией проведения восстания, которую предлагал Троцкий (дотянуть его начало почти до самого съезда), то это утверждение остается на совести Троцкого (и Сталина, сказавшего то же самое еще в 1920 г.). Сам Ленин — в тех документах, что опубликованы на сегодняшний день, — нигде этого не признает. Следует иметь в виду, что в то же время в ленинских выступлениях и статьях 10—23 октября, которые опубликованы до сих пор, критики тактики ожидания съезда не содержится. Очевидно, убедившись, что главными противниками восстания с 10 октября проявили себя Каменев, Зиновьев и некоторые другие «правые», Ленин из тактических соображений прекратил критику Троцкого (они имели через день-два встречу наедине, как мы писали выше). Отчаянный призыв не ждать съезда вновь появляется только в письме В. И. Ленина, написанном вечером 24 октября.

Весьма ценной в информативном смысле является статья *О. В. Куусинена* «Неудавшееся изображение „немецкого Октября”» (она была включена только во второе издание сборника «Об „Уроках Октября”»). Наша историческая наука вообще замалчивает вопрос о революционной ситуации в Германии осенью 1923 г., о роли Коминтерна в «подготовке» ГКП к вооруженному захвату власти в стране и о причинах, почему это не было сделано. Читатель найдет в статье Куусинена (равно как и в самих «Уроках Октября») противоречивый, но дающий пищу для размышлений материал на эту недавно запретную тему. Подводить какой-то итог тут еще рано.

Автор строит свою атаку на Троцкого на следующем противоречии: явное осуждение им деятельности руководства ГКП в октябре 1923 г. (при этом Троцкий намекал на то, что и здесь виноват Зиновьев, пытавшийся в 1917 г. «провалить» русский Октябрь) и одобрение им же отказа ГКП от попытки взятия власти, содержавшееся в тезисах, которые К. Б. Радёк от своего имени, а также от имени Троцкого и Пятакова внес в Исполком Коминтерна в январе 1924 г., за восемь месяцев до «Уроков Октября».

Цитируя неопубликованные документы Коминтерна лета и осени 1923 г., *О. В. Куусинен* оправдывает *Г. Е. Зиновьева*, подчеркивая, что именно он уловил революционные тенденции в германском внутреннем положении того периода. Куусинен признает, что руководство ГКП во главе с Брандлером «сдрейфило», но считает, что это произошло с ним без всякой вины Зиновьева.

Представляет несомненный интерес и замечание Куусинена относительно революционной ситуации и гражданской войны в Финляндии в ноябре 1917 — январе 1918 г.

Мы хотели бы обратить также внимание читателя и на следующую статью сборника — «Как подходить к истории Октября?»², автором которой является Г. Я. Сокольников. Начинает он ее с разбора неверного суждения Л. Д. Троцкого о лозунгах апрельской демонстрации: Троцкий приписал линию С. Я. Багдатьяна В. И. Ленину. Мы уже отмечали выше эту ошибку и вместе с тем то, что Ленин не в апреле проявил архиреволюционность, а в сентябре. Уже ретроспективно разбирая апрельскую демонстрацию, Ленин посчитал, что партия в целом была в тот момент недостаточно революционна⁴⁵. Г. Я. Сокольников, восстанавливая историческую правду в этом вопросе, отрицает в то же время наличие разногласий в руководстве партии по поводу Апрельских тезисов В. И. Ленина и на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б).

Довольно точно освещает Сокольников и сложность отношений между Лениным и ЦК в сентябре и начале октября. Так, он справедливо упрекает Троцкого в том, что тот совершенно обходит такой зигзаг ленинской тактики, как статью «О компромиссах». Для историка ценно указание на то, что Центральный Орган партии газета «Рабочий путь» не хотела ее печатать, так как редакция не соглашалась с ней (Сокольников сам входил в это время в редакцию ЦО). Споры длились «два дня», как пишет Сокольников, и статья была напечатана. (Тут, правда, есть хронологическая неувязка. Ленин закончил свою статью в ночь на 4 сентября, а напечатана она уже в номере за 6-е. Следовательно, от момента, когда ее могли привезти в Петроград, до сдачи в типографию прошло всего полсуток 5 сентября 1917 г. Но факт споров, вероятно, имел место.)

Жаль, что Г. Я. Сокольников не рассказал о другом факте обращения редакции с ленинскими статьями. Рукопись статьи «О героях подлога и об ошибках большевиков» была редакцией сокращена таким образом, что из нее были удалены все ленинские указания на ошибки. Она получила и сокращенное название — «О героях подлога». Сокольников старается преуменьшить значение и размах разногласий между большинством ЦК и Лениным в сентябре и начале октября 1917 г., он неверно трактует упоминание о «взятии», вернее, «окружении» Александринки, содержавшееся в статье Ленина «Марксизм и восстание». Троцкого же он разоблачает в том, что у него две мерки: ругает ЦК, когда сам согласен с Лениным, и спорит с Лениным, когда согласен с ЦК. Статья Г. Я. Сокольникова не потеряла ценности как исторический источник и сегодня, хотя ее концовкой автор ясно показал, что в содержании «Уроков Октября» он видит прежде всего нападки Троцкого на стоящих у власти лидеров партии.

Сборник заключают две редакционные статьи. Первая из них — статья «Правды». Автором ее был, как теперь известно, Н. И. Бухарин, тогдашний главный редактор ЦО. Он безоговорочно стал на путь защиты Каменева и Зиновьева, большинства Политбюро от Троцкого. Напоминает автор о неудачной для Троцкого дискуссии конца 1923 г. и высказывает мнение, что «Уроки Октября» есть продолжение этой дискуссии другими средствами. Он полемизирует с утверждением Троцкого, что период непосредственной подготовки и взятия власти является важнейшим в истории любой партии. Автор редакционной статьи старается доказать, что наиболее важным является поведение того или иного лидера в «дооктябрьский период». И здесь, естественно, досталось Троцкому за его «небольшевизм», а Каменев и Зиновьев изображены «верными ленинцами». Автор напоминает, что на Апрельской конференции Каменев был оставлен в ЦК по личной просьбе Ленина, что Ленин быстро «простил» Зиновьева в ноябре 1917 г., что он призывал партию не напоминать об этой ошибке (кстати, включение Лениным в письмо XII съезду от 24 декабря 1922 г. упоминания об «октябрьском эпизоде» Каменева и Зиновьева показывает, что само он ни на минуту не забывал об этом характерном примере их политического поведения). Громко протестуя против якобы предпринимаемой Троцким попытки изобразить дело так, что большинство ЦК было против восстания, автор статьи (намеренно?) подменяет заседание ЦК 15 сентября заседанием 10 октября. А в первом случае большинство выступило за то, чтобы, как выражался сам Н. И. Бухарин на вечере воспоминаний в 1921 г., «сжечь письма Ленина». И он был с этим совершенно согласен. Далее в статье припоминаются старые грехи Троцкого, рассказывается, как он расходился с Лениным и во время войны, хотя несомненно, что именно с началом войны, в силу интернационалистского отношения к ней и Ленина, и Троцкого, создались предпосылки для их дальнейшего сближения (несмотря на перебранку, которой они по инерции продолжали обмениваться). Тогда это был вопрос политики, теперь же шла догматизация высказываний Ленина об ошибках Троцкого, для того чтобы доказать, что последний всегда был «плохим», таким и остался. В заключение Н. И. Бухарин обзывает работу Л. Д. Троцкого «кривым зеркалом Октября».

Наконец, последним материалом в сборнике 1924 г. (не считая статьи самого Троцкого, напечатанной в самом конце петитом) была редакционная статья, подготовленная ЦК РЛКСМ, «Октябрь и комсомол. Почему комсомол обязан выступить против ошибок тов. Троцкого». Эта статья тоже знаменательный факт своего времени. Лидеры комсомола, естественно, старались даже забежать вперед, чтобы «оправдать доверие» партии. Тем более что еще в «Новом курсе» Троцкий связывал кое-какие свои расчеты с молодежью. «История ценна для нас именно тем, что она служит арсеналом,

откуда берется оружие для будущей борьбы», — утверждают комсомольские аппаратчики. Ложная история — ложное оружие. Троцкий дал, по их мнению, именно такую историю. Стараясь похлестче ударить Троцкого, они сами оказываются временами в болоте антиисторизма, не зная этого, разумеется, по своей самоуверенности и доверчивости к «нужным» вождям. Так, Троцкий заявлял, что фракция Демократического совещания могла быть приравнена по своему значению к партийному съезду. «Это противоречит истине, — заявляют они, — потому что подлинные съезды партии, имевшие право говорить от ее имени (Апрельская конференция, 6-й съезд), целиком и полностью стояли на позиции Ленина». Но вот что писал Ленин как раз по этому поводу: «Вопрос в том, что наша партия теперь на Демократическом совещании имеет фактически *свой съезд*, и этот съезд решить *должен* (хочет или не хочет, а должен) *судьбу революции*»⁴⁶. Так что такая постановка вопроса возможна, она не противоречит истине. ЦК комсомола горой встал на защиту Каменева и Зиновьева. Троцкому-де нужна не истина, а резкая полемика против «двух занимающих в нашей партии руководящие посты товарищей», чтобы «добиваться изменения политики нынешнего дня». Повторяя за Каменевым и Зиновьевым довод о том, что 6 октября Ленин-де признавал «комбинированный тип» государства из сочетания Учредительного собрания и Советов, они забывали, что 17 октября в «Письме к товарищам» Ленин писал прямо противоположное: «...протащить теперь под словечком «комбинированный тип» отказ от передачи власти Советам, протащить *тайком*, боясь отречься от этого лозунга открыто, — что это такое? можно ли подыскать для характеристики этого парламентские выражения?»⁴⁷

Общий вывод деятелей РЛКСМ: «тов. Троцкий мешает молодежи правильно понять историю партии».

Вот то, что мне хотелось рассказать современному читателю о материалах сборника до того, как он начнет их читать. Но обязанность историка, знающего, что было потом, заставляет меня еще чуть-чуть продолжить это затянувшееся введение.

Каменев и Зиновьев не были бы тогда достойными соратниками Сталина, если бы одновременно не приняли и некоторые «организационные меры». Дискуссия набирала темпы на страницах центральной и местной печати, вовлекая все более широкий круг «старых» большевиков (да и «новых») в необходимость отмежеваться от Троцкого. Центром этой кампании был Ленинград, где вышел и сборник «Об „Уроках Октября“». И здесь же, в Ленинграде, более месяца гремели митинги и бушевали собрания в пролетарских коллективах РКП. Рабочие и работницы, рабочая и студенческая молодежь «единогласно» требовали принятия самых строгих

мер к Троцкому. «Он поднял руку на верных легионеров, на наших дорогих вождей товарищей Льва Борисовича Каменева и Григория Евсеевича Зиновьева! Требуем сурово наказать Троцкого!» Одна за другой уходили резолюции в адрес ЦК РКП(б), заполняли собой страницы «Ленинградской правды» и «Красной газеты». Пролетарии требовали беспощадно, «по-ленински», расправиться с «негодяем Троцким». А именно — исключить его из Политбюро, из ЦК, из партии. Каменев и Зиновьев, дергавшие за ниточки в организации этой злобной кампании (сколько мы их видели с тех пор, в том числе и те, в которых рабочие и работницы того же Ленинграда требовали расстрелять главарей банды троцкистско-фашистских убийц Каменева и Зиновьева!), потирали руки от удовольствия и считали, что окончательная расправа с Троцким — дело нескольких дней. Они рассчитывали на то, что Сталин, которого они спасли от снятия с поста генсека на XII съезде (а этого требовал Ленин при поддержке Троцкого), теперь в знак благодарности⁴⁸ отдаст им голову Троцкого...

Но они просчитались, и это было для них первым жестоким ударом. Сталин решил тогда, что Троцкий ему еще пригодится. И одна сторона, и другая достаточно скомпрометировали себя. Принять полностью сторону Каменева и Зиновьева — значило попасть к ним в определенную зависимость. Наоборот, если он спасет Троцкого от «кары», он сможет балансировать между ними. Таковы были циничные расчеты властолюбца. Сталин ограничился тем, что заставил Троцкого на январском пленуме 1925 г. «добровольно» подать в отставку с постов председателя Реввоенсовета и наркома по военным и морским делам. Троцкий, отлученный от армии, был теперь для него неопасен. Поэтому Сталин выступил против исключения Троцкого из Политбюро, из ЦК и из партии. Зиновьев же и Каменев предстали перед членами партии, таким образом, мстительными и кровожадными людьми. Не посчитался Сталин и с голосом «ленинградского пролетариата», поскольку это шло вразрез с его замыслами. Таков был итог всей этой «литературной дискуссии».

Но Каменев и Зиновьев слишком долго сидели в «вождях», слишком уже привыкли к опьяняющей бесконтрольной власти. Они восприняли «вероломство» Сталина (не подозревая, что это лишь цветочки) как пощечину. Несколько месяцев они думали и гадали, как отомстить Сталину, как обезопасить себя и свое положение «вождей пролетариата» с этой стороны. И выход они нашли в собственном вероломстве. На XIV съезде партии, состоявшемся в конце 1925 г., Зиновьев подбил ленинградскую делегацию (вспомним, что Сталин «не посчитался» с ее мнением год назад!) к выступлению против большинства ЦК и лично против Сталина. А Каменев даже публично вспомнил советы Ленина из его «Завещания» не оставлять Сталина на посту генсека. Но Сталин и тут переиграл их, еще раз доказав, что в аппаратных интригах ему равного нет.

После съезда прошло быстрое соединение Троцкого и его сторонников и Каменева и Зиновьева с их сторонниками в объединенную оппозицию Сталину, с которым оставались из старого ленинского Политбюро Бухарин, Рыков, Томский, Калинин, Куйбышев. Были забыты все обвинения, которые Троцкий адресовал «сторонникам буржуазного парламентаризма», людям, которые «сдрейфили» в Октябре. А они со своей стороны простили всё бывшему «небольшевику, меньшевику и антиленинцу». Их содружество продолжалось почти два года. Но перед XV съездом ВКП(б) Каменев и Зиновьев снова «сдрейфили», предали Троцкого и побежали опять к Сталину просить прощения. По мановению руки Сталина съезд простил их. А вот Троцкий был отправлен в ссылку в Алма-Ату, а через год — изгнан из страны. Об этом заключительном этапе борьбы в рамках большевистской партии (Троцкий был исключен из нее в конце 1927 г.) читайте в документальной книге Л. Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций» (Вопросы истории, 1989—1990; отдельное издание — М., Наука, 1990). Она как бы продолжает «Уроки Октября» и является своеобразной реакцией на сборник 1924 г. «Об „Уроках Октября“», статьи которого воспроизведены в данной книге. Заключает книгу «Документальная справка» Л. Д. Троцкого, имеющая прямое отношение к «литературной дискуссии» 1924 г.

В. СТАРЦЕВ

Л. Д. ТРОЦКИЙ

•
УРОКИ

— × —
ОКТЯБРЯ
•

Нужно изучать Октябрь

Если нам повезло в Октябрьской революции, то Октябрьской революции не повезло в нашей печати. До сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты. Более того, даже сырые материалы, непосредственно характеризующие отдельные стороны подготовки переворота или самого переворота — и притом важнейшие документы, — не изданы до сих пор. Мы много издаем историко-партийных документов и материалов, относящихся к дооктябрьскому периоду, мы немало издаем материалов пооктябрьской эпохи. Но Октябрю уделяется гораздо меньшее внимание. Совершив переворот, мы как бы решили, что повторять его нам все равно не придется. От изучения Октября, условий его непосредственной подготовки, его совершения, первых недель его закрепления мы как бы не ждали прямой и непосредственной пользы для неотложных задач дальнейшего строительства.

Однако такая оценка, хотя бы и полусознательная, представляется глубоко ошибочной, да к тому же еще и национально ограниченной. Если нам не предстоит более повторять опыт Октябрьской революции, то это вовсе не значит, что нам нечему учиться на этом опыте. Мы — часть Интернационала, а пролетариат всех других стран только еще стоит перед разрешением своей «октябрьской» задачи. И мы имели за последний год достаточно убедительные доказательства того, что наш

октябрьский опыт не только не вошел в плоть и кровь хотя бы только наиболее зрелых коммунистических партий Запада, но и прямо-таки неизвестен им с фактической стороны.

Можно, правда, указать на то, что нельзя изучать Октябрь и даже издавать октябрьские материалы, не вороша при этом старые разногласия. Но такой подход к вопросу был бы слишком уж ничтожным. Разумеется, разногласия 1917 г. были очень глубоки и отнюдь не случайны. Но было бы слишком мизерно пытаться делать из них теперь, спустя несколько лет, орудие борьбы против тех, кто тогда ошибался. Еще недопустимее, однако, было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение.

Мы имели в прошлом году два жестоких поражения в Болгарии: сперва партия, по соображениям доктринерски-фаталистического характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июньского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок. Болгарская революция должна была явиться вступлением к немецкой революции. К несчастью, дурное болгарское выступление нашло еще худшее развитие в самой Германии. Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения. Опять-таки ни болгарский, ни даже германский опыты прошлого года до сих пор не нашли достаточно полной и конкретной оценки. Автор этих строк дал общую схему развития немецких событий в прошлом году (см. книжку «Восток и Запад», в главах «На повороте» и «Через какой этап мы проходим»). Все, что произошло с того времени, целиком и полностью подтвердило эту схему. Никакого другого объяснения никто другой не пытался представить. Но схемы нам мало, нам необходима конкретная, насыщенная фактическим материалом картина развития прошлогодних немецких событий, которая выяснила бы во всей конкретности причины жесточайшего исторического поражения.

Но трудно говорить об анализе событий в Болгарии и в Германии, когда мы до сих пор не дали политически

и тактически проработанной картины Октябрьского переворота. Мы сами для себя не уяснили того, что совершили и как совершили. После Октября казалось сгоряча, что события в Европе развернутся сами собой и притом в такой короткий срок, который не оставит времени для теоретического усвоения октябрьских уроков. Но оказалось, что при отсутствии партии, способной руководить пролетарским переворотом, самый этот переворот становится невозможным. Стихийным восстанием пролетариат не может взять власть: даже в высокоиндустриальной и высококультурной Германии стихийное восстание трудящихся (в ноябре 1918 г.) оказалось способно лишь передать власть в руки буржуазии. Имуший класс способен овладеть властью, выбитой из рук другого имущего класса, опираясь на свои богатства, на свою «культурность», на свои неисчислимые связи со старым государственным аппаратом. Пролетариату же ничто не может заменить его партии. С середины 1921 г. только и начинается по-настоящему период оформленного строительства коммунистических партий («борьба за массы», «единый фронт» и пр.). «Октябрьские» задачи отодвинулись. Вместе с тем отодвинулось и изучение Октября. Прошлый год снова поставил нас лицом к лицу с задачами пролетарского переворота. Пора собрать все документы, издать все материалы и приступить к их изучению!

Разумеется, мы знаем, что каждый народ, каждый класс и даже каждая партия учатся, главным образом, на собственной спине. Но это вовсе не значит, что опыт других стран, классов и партий имеет мало важное значение. Без изучения Великой французской революции, революции [18]48 г. и Парижской коммуны мы никогда бы не совершили Октябрьского переворота, даже имея опыт 1905 г.: ведь и этот наш «национальный» опыт мы проделывали, опираясь на выводы прежних революций и продолжая их историческую линию. А затем весь период контрреволюции был заполнен изучением уроков и выводов 1905 г. Между тем в отношении победоносной революции 1917 г. нами не проделано такой работы хотя бы и в одной десятой части. Конечно, мы живем не в годы реакции и не в эмиграции. Зато и силы и средства, какими мы располагаем ныне, не идут ни в какое сравнение с теми тяжкими годами. Надо лишь ясно и отчетливо поставить задачу изучения Октябрьской революции как в партийном масштабе, так и в масштабе всего Интернационала. Надо, чтобы вся партия и особен-

по ее молодое поколение проработали шаг за шагом опыт Октября, который дал величайшую, неоспоримую, безапелляционную проверку прошлого и открыл широкие двери будущему. Прошлогодний немецкий урок является не только серьезным напоминанием, но и грозным предостережением.

Можно, правда, сказать, что и самое серьезное знакомство с ходом Октябрьского переворота еще не давало бы гарантий победы нашей немецкой партии. Но такого рода огульное и по существу филистерское резервство неспособно ни на шаг подвинуть нас вперед. Конечно, одного изучения Октябрьской революции недостаточно для победы в других странах; но могут быть условия, когда все предпосылки для революции наяву, кроме дальновзоркого и решительного партийного руководства, основанного на понимании законов и методов революции. Таково именно было положение в прошлом году в Германии. Оно может повториться и в других странах. Для изучения же законов и методов пролетарской революции нет до настоящего времени более важного и глубокого источника, как наш октябрьский опыт. Руководители европейских коммунистических партий, которые не проработали бы критически и притом во всей конкретности историю Октябрьского переворота, походили бы на военачальника, который, готовясь в нынешних условиях к новым войнам, не изучал бы стратегического, тактического и технического опыта последней империалистской войны. Такой военачальник неизбежно обречен бы в будущем свои армии на поражение.

Основным инструментом пролетарского переворота служит партия. На основании нашего опыта, взятого хотя бы только на протяжении года (от февраля 1917 до февраля 1918), и на основании дополнительного опыта в Финляндии, Венгрии, Италии, Болгарии, Германии можно установить, почти что в качестве непреложного закона, неизбежность партийного кризиса при переходе от подготовительной революционной работы к непосредственной борьбе за власть. Кризисы внутри партии, вообще говоря, возникают на каждом серьезном повороте партийного пути, как преддверие поворота или как его последствие. Объясняется это тем, что каждый период в развитии партии имеет свои особые черты и предъявляет спрос на определенные навыки и методы работы. Тактический поворот означает большую или меньшую ломку этих навыков и методов: здесь непосред-

венный и ближайший корень внутривнутрипартийных трений и кризисов. «Слишком часто бывало,— писал Ленин в июле 1917 г.,— что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории»¹ (т. XIV, ч. 2, стр. 12). Отсюда вырастает опасность: если поворот слишком крут или слишком внезапен, а предшествующий период накопил слишком много элементов инерции и консерватизма в руководящих органах партии, партия оказывается неспособной осуществить свое руководство в наиболее ответственный момент, к которому она готовилась в течение годов или десятилетий. Партия разъедается кризисом, а движение идет мимо нее — к поражению.

Революционная партия находится под давлением других политических сил. В каждый данный период своего развития она вырабатывает свои способы противодействия и отпора им. При тактическом повороте и связанных с этим внутренних перегруппировках и трениях сила сопротивления партии ослабевает. Отсюда постоянная возможность того, что внутренние группировки в партии, вырастающие из необходимости тактического поворота, могут далеко перерасти свои исходные пункты и послужить опорой для различных классовых тенденций. Проще сказать: партия, которая не идет в ногу с историческими задачами своего класса, становится или рискует стать косвенным орудием других классов.

Если сказанное выше верно в отношении каждого серьезного тактического поворота, то оно тем более верно в отношении больших стратегических поворотов. Под тактикой в политике, по аналогии с военным делом, мы понимаем искусство ведения отдельных операций; под стратегией — искусство побеждать, т. е. овладеть властью. Этого различения мы не делали обыкновенно до войны, в эпоху Второго Интернационала, ограничиваясь только понятием социал-демократической тактики. И это не случайно: у социал-демократии была парламентская тактика, профессиональная, муниципальная, кооперативная и пр. Вопрос же о сочетании всех сил и средств — всех родов войск — для одержания победы над врагом, по существу, и не ставился в эпоху Второго Интернационала, поскольку не ставилась практически задача борьбы за власть. Только ре-

революция 1905 г. выдвинула впервые, после большого перерыва, основные или стратегические вопросы пролетарской борьбы. Этим самым она обеспечила огромные преимущества за русскими революционными социал-демократами, т. е. за большевиками. Большая эпоха революционной стратегии начинается с 1917 г., сперва для России, а затем и для всей Европы. Стратегия, разумеется, не устраняет тактики: вопросы профессионального движения, парламентской деятельности и пр. не сходят с нашего поля зрения, но получают ныне новое значение, как подчиненные методы комбинированной борьбы за власть. Тактика подчиняется стратегии.

Если тактические повороты ведут обыкновенно к внутренним трениям в партии, то насколько же сильнее и глубже должны быть трения, вызываемые стратегическим поворотом! А самый крутой поворот — это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского — меньшевистского, — поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми — у вчерашних противников-оппортунистов. Это явление мы будем еще наблюдать не раз.

В период от Февраля до Октября, на основе широчайшей агитационной и организационной работы в массах, шел последний осмотр и отбор оружия партии перед решающим боем. В Октябре и после Октября это оружие было проверено в гигантском историческом действии. Теперь, несколько лет после Октября, заниматься оценкой разных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции, — совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду.

**«Демократическая диктатура
пролетариата и крестьянства».
Февраль и Октябрь**

Октябрьская революция ходом и исходом своим нанесла беспощадный удар той схоластической пародии на марксизм, которая весьма широко распространена была в русских социал-демократических кругах, начиная отчасти еще с группы «Освобождение труда», и которая наиболее законченное свое выражение нашла у меньшевиков. Сущность этого лжемарксизма состояла в том, что он условную и ограниченную мысль Маркса — «передовые страны показывают отсталым образ их будущего развития» — превратил в некоторый абсолютный, сверхисторический, по выражению Маркса, закон и на этом законе пытался обосновать тактику партии рабочего класса. При такой постановке вопроса не могло, разумеется, быть и речи о борьбе русского пролетариата за власть до тех пор, пока экономически более развитые страны не создали для этого «прецедента»². Не подлежит, разумеется, спору, что каждая отсталая страна находит *некоторые* черты своего будущего в истории передовых стран, но о повторении развития в целом не может быть и речи. Наоборот, чем больше капиталистическое хозяйство принимало мировой характер, тем своеобразнее становилась судьба отсталых стран, которые сочетали элементы своей отсталости с последним словом капиталистического развития. Энгельс писал в предисловии к своей «Крестьянской войне»: «На известном этапе — который не везде должен наступать одновременно или на одинаковой ступени развития — буржуазия начинает замечать, что ее пролетарский спутник перерастает через ее голову»³. Ходом исторического развития русской буржуазии пришлось сделать это наблюдение раньше и полнее всякой другой. Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции: выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства⁴. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство. Ленинская постановка вопроса, насквозь революционная, динамическая, была целиком и полностью противопоставлена меньшевистской схеме, согласно которой Россия могла претендовать лишь на повторение истории передовых народов, с буржуазией у власти, с социал-демократией

в оппозиции. Но у известных кругов нашей партии ударение в ленинской формуле ставилось не на *диктатуре* пролетариата и крестьянства, а на ее *демократическом* характере, который противопоставлялся социалистическому характеру. Это опять-таки означало: в России, как отсталой стране, мыслима только демократическая революция: Социалистический переворот должен начаться на Западе. Мы сможем стать на путь социализма лишь вслед за Англией, Францией и Германией. Но такая постановка вопроса неизбежно сбивалась на меньшевизм, и это обнаружилось полностью в 1917 г., когда задачи революции встали не как вопросы прогноза, а как вопросы действия. Становиться, в реальных условиях революции, на позицию доведенной до конца демократии *против* социализма, как «преждевременного», означало политически сдвигаться с пролетарской позиции на мелкобуржуазную, переходить на положение левого фланга национальной революции.

Февральская революция, если ее брать как самостоятельную революцию, была буржуазной. Но как буржуазная революция она явилась слишком поздно и не заключала в себе никакой устойчивости. Раздираясь противоречиями, сразу же нашедшими себе выражение в двоевластии, она должна была либо превратиться в непосредственное вступление к пролетарской революции — что и произошло, — либо, под тем или другим буржуазно-олигархическим режимом, отбросить Россию в полуколониальное существование. Наступивший после Февральского переворота период можно было, следовательно, рассматривать двояко: либо как период закрепления, развития или завершения «демократической» революции, либо как период подготовки пролетарской революции. На первой точке зрения стояли не только меньшевики и эсеры, но и известная часть руководящих элементов нашей собственной партии. Разница была та, что они действительно стремились толкнуть демократическую революцию как можно дальше влево. Но метод, по существу, был тот же: «давление» на правящую буржуазию — с таким расчетом, чтобы это давление не выходило за рамки буржуазно-демократического режима. Если бы эта политика воспреобладала, развитие революции пошло бы в обход нашей партии и мы получили бы в конце концов восстание рабочих и крестьянских масс без партийного руководства, другими словами — июльские дни гигантского масштаба; т. е. уже не как эпизод, а как катастрофу.

Совершенно очевидно, что непосредственным последствием такой катастрофы явился бы разгром партий. Этим дается мера всей глубины разногласий.

Влияние меньшевиков и эсеров в первый период революции не было, разумеется, случайным; оно отражало собою обилие мелкобуржуазных, т. е. прежде всего крестьянских, масс в народе и незрелость самой революции. Именно незрелость революции, при совершенно своеобразных условиях, созданных войною, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. Но это вовсе не значит, что русская революция могла идти только тем путем, каким она пошла с февраля по октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война. Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организовать под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войною крестьянской армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне. В июле 1914 г. Петроград сотрясали революционными стачками. Дело доходило до открытых уличных столкновений. В этом движении безусловное руководство принадлежало подпольной организации и легальной печати нашей партии. Большевизм укреплял свое влияние в прямой борьбе против ликвидаторства и мелкобуржуазных партий вообще. Дальнейший рост движения означал бы прежде всего рост большевистской партии. Советы рабочих депутатов 1914 г.—если бы дело дошло до Советов—были бы, по всей вероятности, уже на первых порах большевистскими. Пробуждение деревни пошло бы под прямым и косвенным руководством городских Советов, руководимых большевиками. Это не значит непременно, что эсеры сразу были бы обречены в деревне на исчезновение: нет, по всей вероятности, первый этап крестьянской революции прошел бы под народническим знаменем. Но при намеченном нами развитии событий сами народники оказались бы вы-

нуждены выдвинуть вперед свое левое крыло, ища смычки с большевистскими Советами в городах. Непосредственный исход восстания зависел бы, разумеется, и в этом случае прежде всего от настроения и поведения армии, связанной с крестьянством. Невозможно, да и нет нужды гадать задним числом, привело ли бы движение 1914—[19]15 гг. к победе, если бы не грянула война, включившая в цепь развития новое гигантское звено. Но многое говорит за то, что, если бы победоносная революция развернулась по тому пути, началом которого были июльские события 1914 г., низвержение царизма означало бы, по всей вероятности, непосредственный приход к власти революционных рабочих Советов, которые, через посредство (на первых порах!) левых народников, вовлекали бы в свою орбиту крестьянские массы.

Война прервала развертывавшееся революционное движение, отсрочила, а затем чрезвычайно ускорила его. Через посредство многомиллионной армии война создала для мелкобуржуазных партий совершенно исключительную, не только социальную, но и организационную базу: ведь особенность крестьянства в том и состоит, что его, при всей его многочисленности, даже когда оно революционно, трудно превратить в организационную базу! Встав на плечи готовой организации, армии, мелкобуржуазные партии импонировали пролетариату, обволакивая и его оборончеством. Вот почему Ленин сразу неистово выступает против старого лозунга «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», означавшего в новых условиях превращение большевистской партии в левый фланг оборонческого блока. Ленин видел главную задачу в том, чтобы вывести пролетарский авангард из оборонческого блока на чистое место. Лишь при этом условии пролетариат мог стать — на следующем этапе — стержнем группировки трудящихся масс деревни. Но как же быть при этом с демократической революцией или, точнее, с демократической диктатурой пролетариата и крестьянства? Ленин дает беспощадный отпор тем «старым большевикам», которые «не раз уже, — говорит он, — играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно *заученную* формулу, вместо изучения своеобразия новой, живой действительности»⁵. Надо равняться не по старым формулам, а по новой действительности. Ленин спрашивает: «Охватывается ли эта действительность старобольшевистской формулой т. Каменева: «буржуазно-демократическая революция не закончена»? Нет, — отвечает он, —

формула устарела. Она никуда не годна. Она мертва. Напрасны будут усилия воскресить ее»⁶ (Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 28 и 33).

Правда, Ленин иногда говорил, что Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в первую эпоху Февральской революции осуществляли собою до известной степени революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. И это верно постольку, поскольку эти Советы вообще осуществляли власть. Но, как неоднократно разъяснял Ленин, Советы февральского периода осуществляли лишь полувласть. Они поддерживали власть буржуазии, оказывая на нее полуоппозиционное «давление». Именно это их межумочное положение и позволяло им не выходить из рамок демократической коалиции рабочих, крестьян и солдат. По формам властвования эта коалиция, поскольку она опиралась не на урегулированные государственные отношения, а на вооруженную силу и непосредственное революционное усмотрение, тяготела к диктатуре, не дорастая, однако, до нее на несколько голов. Именно в этой демократической неформленности полувластной коалиции рабочих, крестьян и солдат заключалась неустойчивость соглашательских Советов. Они должны были либо сойти на нет, либо взять в свои руки власть по-настоящему. А взять власть они могли не в качестве демократической коалиции рабочих и крестьян, представляемых разными партиями, а в качестве диктатуры пролетариата, руководимого единой партией и ведущего за собой крестьянские массы, начиная с их полупролетарских слов. Другими словами, демократическая рабоче-крестьянская коалиция могла наметиться лишь как незрелая, не подымавшаяся до подлинной власти форма, — как тенденция, но не как факт. Дальнейшее движение в сторону власти должно было неизбежно взорвать демократическую оболочку, поставить большинство крестьянства перед необходимостью следовать за рабочими, дать пролетариату возможность осуществлять классовую диктатуру и тем самым поставить в порядок дня, наряду с полной и беспощадно-радикальной демократизацией общественных отношений, чисто социалистическое вторжение рабочего государства в права капиталистической собственности. Кто продолжал в этих условиях держаться за формулу «демократической диктатуры», тот на деле отказывался от власти и вел революцию в тупик.

Основной спорный вопрос, вокруг которого группировались все остальные, был таков: бороться за власть

или нет? Брать ее или не брать? Уже одно это показывает, что мы имели перед собой не эпизодические расхождения взглядов, а две тенденции исключительного принципиального значения. Одна из этих тенденций, основная, была пролетарской и выводила на дорогу мировой революции; другая была «демократической», т. е. мелкобуржуазной, и вела в последнем счете к подчинению пролетарской политики потребностям реформирующегося буржуазного общества. Тенденции эти сталкивались враждебно на всех сколько-нибудь существенных вопросах всего 1917 г. Именно революционная эпоха, т. е. такое время, когда накопленный капитал партии пускается в непосредственный оборот, должна была неизбежно вскрыть и обнаружить на деле такого рода разногласия. В большей или меньшей степени, с теми или другими отклонениями, эти две тенденции будут еще не раз проявляться в революционный период во всех странах. Если под большевизмом, выделяя самое в нем существенное, понимать такое воспитание, такой закал, такую организацию пролетарского авангарда, при которых он становится способен вооруженною рукой захватить власть; если социал-демократизм понимать в смысле реформистски-оппозиционной деятельности в рамках буржуазного общества и приспособления к его легальности; т. е. фактического воспитания масс в духе признания незыблемости буржуазного государства,— то совершенно ясно, что даже и внутри Коммунистической партии, которая ведь не выходит сразу готовой из печи истории, борьба между социал-демократическими тенденциями и большевизмом должна ярче, открытее, незамаскированное всего обнаружиться в непосредственно революционный период, когда вопрос о власти становится ребром.

* * *

Задача завоевания власти поставлена была перед партией только 4 апреля, т. е. после прибытия Ленина в Петроград. Но и с этого момента линия партии отнюдь еще не имеет целостного, неразрывного, для всех бесспорного характера⁷. Несмотря на решения Апрельской конференции 1917 г., сопротивление революционному курсу — то глухое, то открытое — проходит через весь подготовительный период.

Изучение хода разногласий между Февралем и закреплением Октябрьского переворота представляет не только исключительный теоретический интерес, но и не-

измеримое практическое значение. Разногласия, вскрывшиеся на II съезде, в 1903 г., Ленин назвал в 1910 г. «антиципацией», т. е. предвосхищением. Очень важно проследивать эти разногласия, начиная с их истоков, т. е. с 1903 г. и даже ранее того, например с «экономизма». Но это изучение получает смысл лишь в том случае, если оно доводится до конца и проводится через тот период, когда разногласия подвергались решающему испытанию, т. е. через Октябрь.

Мы не можем ставить себе задачей, в пределах настоящих страниц, исчерпать все стадии этой борьбы. Но мы считаем необходимым хоть отчасти заполнить тот вопиющий пробел, который имеется в нашей литературе по отношению к наиболее важному периоду в развитии нашей партии.

В центре разногласий стоит, как уже сказано, вопрос о власти. Это вообще оселок, на котором определяется характер революционной (и не только революционной) партии. В тесной зависимости от вопроса о власти ставится и разрешается в этот период вопрос о войне. Мы рассмотрим оба эти вопроса по главнейшим хронологическим вехам: позиция партии и партийной печати в первый период после низвержения царизма, до прибытия Ленина; борьба вокруг тезисов Ленина; Апрельская конференция; последствия июльских дней; корниловщина; Демократическое совещание и Предпарламент; вопрос о вооруженном восстании и захвате власти (сентябрь — октябрь); вопрос об «однородном» социалистическом правительстве.

Изучение этих разногласий позволит нам, как мы надеемся, сделать выводы, могущие иметь значение и для других партий Коммунистического Интернационала.

Борьба с войной и оборончеством

Низвержение царизма в феврале 1917 г. знаменовало, конечно, гигантский прыжок вперед. Но если взять Февраль только в рамках Февраля, т. е. не как ступень к Октябрю, он означал лишь, что Россия приблизилась к типу, скажем, буржуазно-республиканской Франции. Мелкобуржуазные революционные партии, как им и полагается, взяли Февральскую революцию не как буржуазную, но и не как ступень к социалистической, а как некоторую «демократическую» самоценность. На этом они и построили идеологию революционного оборончества.

Они защищали не господство того или другого класса, а «революцию» и «демократию». Но и в нашей собственной партии революционный февральский сдвиг породил на первых порах чрезвычайное нарушение политических перспектив. По существу дела, «Правда» в дни марта была гораздо ближе к позиции революционного оборончества, чем к позиции Ленина.

«Когда армия стоит против армии,— читаем мы в одной из редакционных статей,— самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика не была бы политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечая пулей и на снаряд — снарядом. Это непреложно. Мы не должны допустить никакой дезорганизации военных сил революции» («Правда», № 9, 15 марта 1917 г., статья «Без тайной дипломатии»). Речь идет не о классах, господствующих и угнетенных, а о «свободном народе»; не классы борются за власть, а свободный народ стоит «на своем посту». Идеи, как и формулировки, насквозь оборонческие! И далее в той же статье: «Не дезорганизация революционной и революционирующей армии и не бессодержательное «долой войну» — наш лозунг. Наш лозунг — давление (!) на Временное правительство с целью заставить его открыто, перед всей мировой демократией (!), непременно выступить с попыткой (!) склонить (!) все воюющие страны к немедленному открытию переговоров о способах прекращения мировой войны. А до тех пор каждый (!) остается на своем боевом посту (!)». Программа давления на империалистическое правительство с целью «склонить» его к благочестивому образу действий была программой Каутского — Ледебура в Германии, Жана Лонге во Франции, Макдональда в Англии, но никак не программой большевизма. Статья заканчивается не только «горячим приветствием» пресловутому манифесту Петроградского Совета «К народам всего мира» (манифест этот полностью продиктован духом революционного оборончества), но и с «удовольствием» отмечает солидарность редакции с явно оборонческими резолюциями двух петроградских митингов. Достаточно указать, что одна из этих резолюций заявляет: «Если германская и австрийская демократии не услышат нашего голоса (т. е. «голоса» Временного правительства и соглашательского Совета.— Л. Т.), мы будем защищать нашу родину до

последней капли крови». («Правда», № 9, 15 марта 1917 г.).

Цитированная статья — не исключение. Наоборот, она вполне точно выражает позицию «Правды» — до возвращения Ленина в Россию. Так, в следующем номере газеты, в статье «О войне»; хоть и имеются кое-какие критические замечания по поводу «манифеста к народам», но в то же время заявляется: «Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню» («Правда», № 10, 16 марта 1917 г.). На каком же пути искать выхода из войны? На этот счет дается ответ: «Выход — путь давления на Временное правительство с требованием заявления своего согласия немедленно открыть мирные переговоры» (там же).

Таких и подобных цитат — скрыто оборонческих, замаскированно соглашательских — можно было бы привести немало. А в то же самое время, даже неделей ранее, Ленин, еще не вырвавшийся из своей цюрихской клетки, громил в своих «Письмах из далека» (большинство их так и не дошло до «Правды») всякий намек на уступку оборончеству и соглашательству. «Абсолютно недопустимо, — писал он 8 (21) марта, улавливая облик революционных событий через кривое зеркало капиталистической информации, — скрывать от себя и от народа, что это правительство хочет продолжения империалистической⁸ войны, что оно — агент английского капитала, что оно хочет восстановления монархии и укрепления господства помещиков и капиталистов»⁹ («Пролетарская революция», № 7 (30), стр. 299). И затем, 12 марта: «Обращаться к этому правительству с предложением заключить мир¹⁰ — все равно, что обращаться к содержателям публичных домов с проповедью добродетели»¹¹ (там же, стр. 243). В то время как «Правда» призывает к «давлению» на Временное правительство с целью заставить его выступить в пользу мира «перед всей мировой демократией», Ленин пишет: «Обращение к гучковско-милюковскому правительству с предложением заключить поскорее честный, демократический, добрососедский мир есть то же самое, что обращение деревенского «батюшки» к помещикам и купцам с предложением жить «по-божески», любить своего ближнего и подставлять правую щеку, когда ударят по левой»¹² (там же, стр. 244—245).

4 апреля, на другой день после приезда в Петроград,

Ленин решительно выступил против позиции «Правды» в вопросе о войне и мире. «Никакой поддержки Временному правительству, — писал он, — разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии «требования», чтобы это правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским»¹³ (том XIV, ч. 1, стр. 18). Незачем говорить, что воззвание соглашателей от 14 марта, вызвавшее столь приветственные отзывы со стороны «Правды», Ленин называет не иначе как «пресловутым» и «путанным». Величайшее лицемерие — призывать другие народы рвать со своими банкирами и в то же время создавать с собственными банкирами коалиционное правительство. «Центр» весь клянется и божится, говорит Ленин в проекте платформы, что они марксисты, интернационалисты, что они за мир, за всяческие «давления» на правительство¹⁴, за всяческие «требования» к своему правительству о «выявлении им воли народа к миру»¹⁵ (том XIV, ч. 1, стр. 42).

Но разве революционная партия — можно бы на первый взгляд возразить — отказывается от «давления» на буржуазию и ее правительство? Разумеется, нет. Давление на буржуазное правительство есть путь реформ. Марксистская революционная партия не отказывается от реформ. Но путь реформ пригоден в отношении к второстепенным, а не к основным вопросам. Нельзя путем реформ получить власть. Нельзя путем «давления» заставить буржуазию изменить свою политику в том вопросе, с которым связана вся ее судьба. Война тем именно и создала революционную ситуацию, что не оставила места для реформистского «давления»: нужно было либо идти за буржуазией, до конца, либо поднимать против нее массы, с целью вырвать у нее власть. В первом случае можно было получать от буржуазии те или другие подачки во внутренней политике, под условием неограниченной поддержки внешней политики империализма. Именно поэтому социалистический реформизм с начала войны открыто превратился в социалистический империализм. Именно поэтому действительно революционные элементы оказались вынуждены приступить к созданию нового Интернационала.

Точка зрения «Правды» не пролетарски-революционная, а демократически-оборонческая, хотя и половинчатая в своем оборончестве. Мы низвергли царизм, мы оказываем давление на демократическую власть. Эта

последняя должна предложить мир народам. Если германская демократия не сможет оказать надлежащее давление на свое правительство, мы будем защищать «родину» до последней капли крови. Перспектива мира не ставилась как самостоятельная задача рабочего класса, которую он призван осуществить через голову буржуазного Временного правительства, потому что завоевание пролетариатом власти не ставилось как практическая революционная задача. Между тем одно неотделимо от другого.

Апрельская конференция

Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня¹⁶.

Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг: «Долой Временное правительство!» Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма. Весь вопрос состоял для него как раз в том, в какой мере Советы продолжают отражать действительное настроение масс, и не обманывается ли партия, ориентируясь по советскому большинству. Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством. Разведка привела к выводу о необходимости длительной подготовительной работы. Мы видим, как Ленин в начале мая сурово одергивает кронштадтцев, которые, зарвавшись, заявили о непризнании ими Временного правительства... Совсем иначе подходили к вопросу противники борьбы за власть. На партийной конференции в апреле т. Каменев жаловался: «В 19-м номере «Правды» товарищами (речь идет, очевидно, о Ленине.— Л. Т.) предложена была сперва резолюция о свержении Временного правительства, напечатанная до по-

следнего кризиса, а затем этот лозунг был отвергнут как дезорганизаторский, признан авантюристским. Это значит, что наши тт. научились чему-то во время этого кризиса. Предложенная резолюция (т. е. резолюция, предложенная Лениным конференции.— Л. Т.) повторяет эту ошибку...» Эта постановка вопроса в высшей степени знаменательна. Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства, а снял его на недели или на месяцы, в зависимости от того, с какой скоростью будет нарастать возмущение масс против соглашателей. Оппозиция же считала самый этот лозунг ошибкой. Во временном отступлении Ленина не было и намека на изменение линии. Он исходил не из того, что демократическая революция еще не закончена, а исключительно из того, что масса сегодня оказалась еще неспособной свергнуть Временное правительство и что нужно поэтому сделать все, чтобы рабочий класс оказался способен опрокинуть Временное правительство завтра.

Вся Апрельская конференция партии была посвящена этому основному вопросу: идем ли мы к завоеванию власти во имя социалистического переворота или же помогаем (кому-то) завершить демократическую революцию. К сожалению, отчет об Апрельской конференции не напечатан до сих пор¹⁷, а между тем вряд ли в истории нашей партии были съезды, которые имели бы столь исключительное и непосредственное значение для судьбы революции, как Апрельская конференция 1917 г.

Позиция Ленина была: непримиримая борьба с оборончеством и оборонцами, овладение большинством в Советах¹⁸, низвержение Временного правительства, захват власти через Советы, революционная политика мира, программа социалистического переворота внутри и международной революции вовне. В противовес этому, как мы уже знаем, оппозиция стояла на точке зрения завершения демократической революции путем давления на Временное правительство, причем Советы остаются органами «контроля» над буржуазной властью. Отсюда вытекает иное, несравненно более примирительное отношение к оборончеству.

Один из противников позиции Ленина возражал на Апрельской конференции: «Мы говорим о Советах рабочих и солдатских депутатов как об организующих центрах наших сил и власти... Одно название их показывает, что они представляют собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще незакон-

ценные буржуазно-демократические задачи: «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок не мог бы существовать... а пролетариат вел бы революционную борьбу против блока...»¹⁹ И однако мы признаем эти Советы как центры организации сил... Значит, буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все мы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата» (речь т. Каменева)²⁰.

Безнадежный схематизм этого рассуждения совершенно ясен: в том-то и дело ведь, что «полного окончания этой революции» никогда не наступит без перемены носителя власти. В приведенной речи игнорируется классовый стержень революции: задачи партии выводятся не из реальной группировки классовых сил, а из формального определения революции как буржуазной или буржуазно-демократической. Мы должны идти в блоке с мелкой буржуазией и осуществлять контроль над буржуазной властью до тех пор, пока буржуазная революция не будет доведена до конца. Схема явно меньшевистская. Доктринерски ограничивая задачи революции ее наименованием («буржуазная» революция), нельзя было не прийти к политике контроля над Временным правительством, к требованию, чтобы Временное правительство выдвинуло программу мира без аннексий и пр. Под завершением демократической революции подразумевается ряд реформ через Учредительное собрание, причем большевистской партии отводилась в Учредительном собрании роль левого фланга. Лозунг «вся власть Советам» совершенно лишался при такой концепции реального содержания. Об этом лучше, последовательнее и продуманнее всех сказал на Апрельской конференции покойный Ногин, также принадлежавший к оппозиции: «В процессе развития самые важные функции Советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. д. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем²¹ отрицать, что будет создано Учредительное собрание, а за ним парламент... Таким образом, выходит, что постепенно наиболее важные функции Советов отмирают; однако это не значит, что Советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции. При этих же Советах²² республика-коммуна у нас не осуществится»²³.

Наконец, третий оппонент подошел к вопросу с той

стороны, что Россия не готова для социализма: «Можем ли мы рассчитывать на поддержку масс, выкидывая лозунг пролетарской революции? Россия — самая мелкобуржуазная страна в Европе. Рассчитывать на сочувствие масс социалистической революции невозможно, и потому, поскольку партия будет стоять на точке зрения социалистической революции, постольку она будет превращаться в пропагандистский кружок. Толчок к социальной революции должен быть дан с Запада». И далее: «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма».

Не все противники ленинской точки зрения доходили на Апрельской конференции до выводов Ногина, — но все они логикой вещей оказались вынужденными принять эти выводы несколькими месяцами позже, накануне Октября. Либо руководство пролетарской революцией, либо оппозиционная роль в буржуазном парламенте — вот как встал вопрос внутри нашей партии. Совершенно очевидно, что эта вторая позиция была по существу меньшевистской или, вернее сказать, той позицией, которую меньшевики оказались вынуждены очистить после Февральского переворота. В самом деле, в течение долгого ряда лет меньшевистские дятлы долбили, что будущая революция будет буржуазной, что правительство буржуазной революции может выполнить только буржуазные задачи, что социал-демократия не может брать на себя задач буржуазной демократии и должна будет, «толкая буржуазию влево», оставаться на положении оппозиции. С особенно утомительным глубокомыслием эту тему развивал Мартынов. С наступлением буржуазной революции 1917 г. меньшевики скоро оказались в составе правительства. От всей их «принципиальной» позиции остался только тот политический вывод, что пролетариат не смеет посягать на власть. Но совершенно очевидно, что те из большевиков, которые обличали меньшевистский министрализм и в то же время выступали против захвата пролетариатом власти, фактически сдвигались на дореволюционные позиции меньшевиков.

Революция произвела политические сдвиги в двух направлениях: правые становятся кадетами, кадеты становятся республиканцами поневоле — формальный сдвиг

влево; эсеры и меньшевики становятся правящей буржуазной партией — сдвиг вправо. Такими путями буржуазное общество пытается создать себе новый хребет власти, устойчивости и порядка. Но в то время как меньшевики с формально социалистической позиции переходят на вульгарно демократическую, правое крыло большевиков сдвигается на формально социалистическую, т. е. вчерашнюю меньшевистскую позицию²⁵.

Та же перегруппировка сил произошла в вопросе о войне. Буржуазия, за вычетом немногих доктринеров, уныло тянула ноту: без аннексий и контрибуций,— тем более что на аннексии надежда была уже плоха. Большевики и эсеры-циммервальдцы, критиковавшие французских социалистов за защиту своего буржуазно-республиканского отечества, сами немедленно же стали оборонцами, как только почувствовали себя в буржуазной республике: с пассивно-интернационалистской позиции они передвинулись на активно-патриотическую. Одновременно с этим правое крыло большевиков заняло пассивно-интернационалистскую позицию — «давления» на Временное правительство в целях демократического мира, «без аннексий и контрибуций». Таким образом, на Апрельской конференции формула демократической диктатуры пролетариата и крестьянства теоретически и политически распалась и выделила две враждебные точки зрения: демократическую, прикрытую формальными социалистическими оговорками, и социально-революционную, или подлинно большевистскую, ленинскую²⁶.

Июльские дни, корниловщина, Демократическое совещание и Предпарламент

Решения Апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло, вместе с ходом событий, принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции — в дни Октября.

Попытка, по инициативе Ленина, устроить демонстрацию 10 июня подверглась обвинениям в авантюризме со стороны тех же товарищей, которые были недовольны характером апрельского выступления. Демонстрация 10 июня не состоялась вследствие запрета со стороны

съезда Советов²⁷. Но 18 июня партия получила реванш: общая питерская демонстрация, назначенная по довольно-таки неосторожной инициативе соглашателей, прошла почти сплошь под большевистскими лозунгами. Однако и правительство попыталось взять свое: началось идиотски легкомысленное наступление на фронте. Момент решительный. Ленин предостерегает партию от неосторожных шагов. 21 июня он пишет в «Правде»: «Товарищи, выступление сейчас было бы нецелесообразно. Нам приходится теперь изжить целый новый этап в нашей революции»²⁸ (том XIV, ч. 1, стр. 276). Но наступили июльские дни, важная веха на пути революции, как и на пути внутривнутрипартийных разногласий.

В июльском движении момент самочинного напора питерских масс играл решающую роль. Но несомненно, что Ленин в июле спрашивал себя: а не пришло ли уже время? Не переросло ли настроение масс свою советскую надстройку? Не рискуем ли мы, загипнотизированные советской легальностью, отстать от настроения масс и оторваться от них?²⁹ Весьма вероятно, что отдельные чисто военные действия во время июльских дней происходили по инициативе товарищей, искренно считавших, что они не расходятся с ленинской оценкой обстановки. Ленин позже говорил: «В июле мы наделали достаточно глупостей». Но по существу дело и на этот раз свелось к новой, более широкой разведке на новом, более высоком этапе движения. Нам пришлось отступить, и жестоко. Партия, поскольку она готовилась к восстанию и захвату власти, видела, вместе с Лениным, в июльском выступлении лишь эпизод, в котором мы дорого заплатили за глубокое прощупывание своих и неприятельских сил, но который не мог отклонить общую линию наших действий. Наоборот, те товарищи, которые относились враждебно к политике, направленной на захват власти, должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру. Мобилизация правых элементов партии усилилась; критика их стала решительнее. В соответствии с этим изменился и тон отпора. Ленин писал: «Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный и организованный» характер архизаконному недовольству и возмущению масс!), — либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности»³⁰ (том XIV, ч. 2, стр. 28). Слово «ренегатство», произнесенное в такой момент, освещало разногласия трагиче-

ским светом. В дальнейшем это зловещее слово встречается все чаще и чаще.

Оппортунистическое отношение к вопросу о власти и к войне определяло, разумеется, соответственное отношение к Интернационалу. Со стороны правых сделана была попытка привлечь партию к участию в Стокгольмской конференции социал-патриотов. Ленин писал 16 августа: «Речь тов. Камсенева в ЦИК 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков»³¹ (том XIV, ч. 2; стр. 56). И далее, по поводу фразы о том, будто над Стокгольмом начинается развеваться широкое революционное знамя: «Это — пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это — вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов, переговоров банкиров о дележе аннексий, — вот какое знамя на деле начинается развеваться над Стокгольмом»³² (там же, стр. 57).

Путь в Стокгольм был, по существу, путем во II Интернационал, как участие в Предпарламенте было путем к буржуазной республике. Ленин — за бойкот Стокгольмской конференции, как позже — за бойкот Предпарламента. В огне борьбы он ни на минуту не забывает задач создания нового, Коммунистического Интернационала.

Уже 10 августа Ленин выступает за перемену названия партии³³. Все возражения против нового названия он отмахивает: «Это довод рутины, довод спячки, довод косности»³⁴. Он настаивает: «Пора отбросить³⁵ грязную рубаху, пора надеть чистое белье»³⁶. И тем не менее сопротивление верхов партии так сильно, что понадобился год времени, в течение которого вся Россия сбросила с себя грязное белье буржуазного господства, прежде чем партия могла решиться обновить свое название, вернувшись к традиции Маркса и Энгельса. В этой истории с наименованием партии находит свое символическое выражение роль Ленина в течение всего 1917 г.: на самом крутом повороте истории он все время ведет внутри партии напряженную борьбу против вчерашнего дня во имя завтрашнего. И сопротивление вчерашнего дня, выступающее под флагом «традиции», достигает момента чрезвычайной остроты.

События корниловщины, создавшие резкий сдвиг обстановки в нашу пользу, временно смягчили разногласия: смягчили, но не устранили. В правом крыле обна-

ружилась в эти дни тенденция к сближению с советским большинством на почве обороны революции, а отчасти и родины. Ленин реагировал на это в начале сентября письмом в Центральный Комитет. «По моему убеждению, — писал он, — в беспринципность впадают те, кто³⁷ скатывается до оборончества* или (подобно другим большевикам) до блока с эсерами, до поддержки Временного правительства. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату...»³⁸ А затем далее: «...поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же; тут есть грань; ее переходят другие³⁹ большевики, впадая в «соглашательство», давая увлечь себя потоку событий»⁴⁰ (том XIV, ч. 2, стр. 95).

Следующим этапом в развитии разногласий явились Демократическое совещание (14—22 сентября) и выросший из него Предпарламент (7 октября). Задача меньшевиков и эсеров состояла в том, чтобы, связав большевиков советской легальностью, безболезненно перевести эту последнюю в буржуазно-парламентскую легальность. Правые шли этому навстречу. Мы уже слышали выше, как они рисовали себе дальнейшее развитие революции: Советы отдают постепенно свои функции соответственным учреждениям — думах, земствам, профессиональным союзам, наконец, Учредительному собранию, — тем самым сходят со сцены. Путь через Предпарламент и должен был направлять политическую мысль масс от Советов, как отживающих свое время «временных» учреждений, к Учредительному собранию, как увенчанию демократической революции. Между тем большевики в Петроградском и Московском Советах были уже в большинстве: наше влияние в армии росло не по дням, а по часам. Дело шло уже не о прогнозе, не о перспективах, а о выборе пути буквально на завтрашний день.

Поведение вконец износившихся соглашательских партий на Демократическом совещании являлось воплощением жалкой подлости. Между тем вносившееся нами предложение демонстративно покинуть Демократическое совещание, как явно гиблое место, наталкивалось на решительное сопротивление еще влиятельных в

* Здесь опущена, очевидно, ссылка на имена, как явствует из дальнейшего построения фразы. — Л. Т.

тот момент на верхах правых элементов фракций. Столкновения по этому вопросу были вступлением в борьбу по вопросу о бойкоте Предпарламента. 24 сентября, т. е. после Демократического совещания, Ленин писал: «Большевики должны были уйти в виде протеста и для того, чтобы не поддаваться в ловушку отвлечения Совещанием народного внимания от серьезных вопросов»⁴¹ (том XIV, ч. 2, стр. 144).

Прения в большевистской фракции Демократического совещания по вопросу о бойкоте Предпарламента имели, несмотря на сравнительную ограниченность своей темы, исключительное значение. В сущности, это была наиболее широкая и внешне успешная попытка правых повернуть партию на путь «завершения демократической революции». Стенограммы прений, по-видимому, не велось, во всяком случае, она не сохранилась; не обнаружено до сих пор, насколько знаю, и секретарской записи. Некоторые материалы, крайне скудные, найдены редакцией этого сборника в моих бумагах. Тов. Каменев развил аргументацию, которая позже, в более резкой и отчетливой формулировке, составила содержание известного письма Каменева и Зиновьева к партийным организациям (от 11 октября). Наиболее принципиальную постановку придал вопросу Ногин: бойкот Предпарламента есть призыв к восстанию, т. е. к повторению июльских дней. Некоторые товарищи исходили из общих оснований парламентской тактики социал-демократии. «Никто не посмел бы,— так приблизительно говорили они,— предложить бойкотировать парламент; однако нам предлагают бойкотировать такое же учреждение только потому, что ему дано имя *Предпарламента*».

Основное воззрение правых состояло в том, что революция ведет неизбежно от Советов к буржуазному парламентаризму, что «Предпарламент» является естественным звеном на этом пути и что незачем уклоняться от участия в Предпарламенте, раз мы собираемся занять левые скамьи в парламенте. Завершить демократическую революцию и «готовиться» к социалистической. А как готовиться? Через школу буржуазного парламентаризма: ведь передовые страны показывают отсталым образ их будущего. Низвержение царизма мыслится революционно, как оно и произошло; но завоевание власти пролетариатом мыслится парламентарно, на основах законченной демократии. Между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти долгие го-

ды демократического режима. Борьба за участие в Предпарламенте была борьбой за «европеизацию» рабочего движения, за скорейшее его введение в русло демократической «борьбы за власть», т. е. в русло социал-демократии. Фракция Демократического совещания, насчитывавшая свыше 100 человек, ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного съезда. Большая половина фракции высказалась за участие в Предпарламенте. Уже сам по себе этот факт должен был вызвать тревогу; и Ленин действительно бьет с этого момента тревогу непрерывно.

В дни Демократического совещания Ленин писал: «Величайшей ошибкой, величайшим парламентским кретинизмом было бы с нашей стороны отнестись к Демократическому совещанию как к парламенту, ибо, даже если бы оно объявило себя перманентным⁴² и суверенным парламентом революции, все равно оно ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы»⁴³ (том XIV, ч. 2, стр. 138). Как Ленин оценивал значение участия или неучастия в Предпарламенте, видно из многих его заявлений, и в частности из его письма Центральному Комитету от 29 сентября, где он говорит о «таких вопиющих ошибках большевиков, как позорное решение участвовать в Предпарламенте»⁴⁴. Для него это решение было проявлением тех же демократических иллюзий и мелкобуржуазных шатаний, в борьбе с которыми он развил и отточил свою концепцию пролетарской революции. Неправда, будто между буржуазной революцией и пролетарской должны пройти многие годы. Неправда, будто единственной, или основной, или обязательной школой подготовки к завоеванию власти является школа парламентаризма. Неправда, будто путь к власти лежит непременно через буржуазную демократию. Это все голые абстракции, доктринерские схемы, политическая роль которых одна: связать пролетарский авангард по рукам и ногам, сделать его — через посредство «демократической» государственной механики — оппозиционной политической тенью буржуазии: это и есть социал-демократия. Политику пролетариата надо направлять не по школьным схемам, а по реальному руслу классовой борьбы. Не в Предпарламент идти, а организовать восстание и вырвать власть. Остальное приложится. Ленин предлагал даже созвать экстренный съезд партии, выставив бойкот Предпарламента в качестве платформы. Отныне все его письма и статьи бьют в одну точку:

не через Предпарламент, в качестве «революционного» хвоста соглашателей, а на улицы — для борьбы за власть!

Вокруг Октябрьского переворота

Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции Предпарламента. Большевики выходят из него 10 октября⁴⁵. В Петрограде разворачивается конфликт Совета с правительством вокруг вопроса о выводе на фронт большевистски настроенных частей гарнизона. 16 октября создан Военно-революционный комитет, легальный советский орган восстания. Правое крыло партии пытается задержать развитие событий. Борьба тенденций внутри партий, как и борьба классов в стране, входит в решающий фазис. Позиция правых полнее и принципиальнее всего освещается в письме «К текущему моменту», за подписью Зиновьева и Каменева⁴⁶. Написанное 11 октября, т. е. за две недели до переворота, и разосланное важнейшим организациям партии, письмо это решительно выступает против вынесенного Центральным Комитетом решения о вооруженном восстании. Предостерегая против недооценки врага, а на самом деле чудовищно недооценивая силы революции и даже отрицая наличность боевого настроения масс (за две недели до 25 октября!), письмо говорит: «Мы глубочайше убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции». Но если не восстание и не захват власти, тогда что же? Письмо довольно ясно и отчетливо отвечает и на этот вопрос. «Через армию, через рабочих мы держим револьвер у виска буржуазии», и под этим револьвером она не сможет сорвать Учредительное собрание. «Шансы нашей партии на выборах в Учредительное собрание превосходны... Влияние большевизма растет... При правильной тактике мы можем получить треть, а то и больше мест в Учредительном собрании». Таким образом, письмо открыто держит курс на роль «влиятельной» оппозиции в буржуазном Учредительном собрании. Этот чисто социал-демократический курс как бы маскируется следующим соображением: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революции

онной работе и Учредительное собрание. Учредительное собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем». Чрезвычайно любопытно, для характеристики всей линии правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное собрание с Советами, была 1½—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также борющимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат.

Письмо «К текущему моменту» возражает против утверждения, что за нас уже большинство народа в России, оценивая при этом большинство чисто парламентски. «В России за нас большинство рабочих,— говорит письмо,— и значительная часть солдат. Но все остальное под вопросом. Мы все уверены, например, что если дело дойдет до выборов в Учредительное собрание, то крестьяне будут голосовать в большинстве за эсеров. Что же это, случайность?» В этой постановке вопроса основная и коренная ошибка, вытекающая из непонимания того, что у крестьянства могут быть могущественные революционные интересы и напряженное стремление их разрешить, но не может быть самостоятельной политической позиции: оно может либо голосовать за буржуазию, через посредство ее эсеровской агентуры, либо примкнуть действительно к пролетариату. Именно от нашей политики зависело, какая из этих двух возможностей осуществится. Если мы идем в Предпарламент, чтобы иметь оппозиционное влияние («треть, а то и больше мест») в Учредительном собрании, то тем самым мы ставим крестьянство почти механически в такое положение, при котором оно должно искать удовлетворения своих интересов на путях Учредительного собрания, следовательно, не через оппозицию, а через его большинство. Наоборот, захват власти пролетариатом немедленно же создавал революционные рамки для крестьянской борьбы против помещика и чиновника. Если говорить столь ходкими у нас как раз в этом вопросе словами, то в письме сказываются одновременно и недооценка и переоценка крестьянства: недооценка его революционных возможностей (под пролетарским руководством!) и переоценка его политической самостоятельности⁴⁷. Эта двойная ошибка, недооценка и переоценка крестьянства в одно и то же время, вытекает, в свою очередь, из недооценки собственного класса и его партии, т. е. из социал-демократиче-

ского подхода к пролетариату. Здесь нет ничего неожиданного. Все оттенки оппортунизма сводятся, в последнем счете, к неправильной оценке революционных сил и возможностей пролетариата.

Возражая против захвата власти, письмо пугает партию перспективами революционной войны. «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас одни, придем в силу всего мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет». Эта аргументация в высшей степени поучительна. Мы видим здесь основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира. Но здесь эти доводы направляются против захвата власти. Совершенно ясно, что позиция, нашедшая свое выражение в письме «К текущему моменту», чрезвычайно облегчала сторонникам выраженных в письме взглядов принятие Брест-Литовского мира. Нам остается здесь повторить то, что мы говорили об этом в другом месте: не временная брест-литовская капитуляция сама по себе, изолированно взятая, характеризует политический гений Ленина, а только сочетание Октября с Брестом. Этого не нужно забывать.

Рабочий класс борется и растет в непрестанном сознании того, что противник имеет над ним перевес. Это обнаруживается в повседневной жизни на каждом шагу. У противника — богатство, власть, все средства идейного давления, все орудия репрессий. Привычка к той мысли, что враг превосходит нас силой, является составной частью всей жизни и работы революционной партии в подготовительную эпоху. Последствия тех или других неосторожных или преждевременных действий жестоким образом напоминают каждый раз о силе врага. Но наступает момент, когда эта привычка считать врага более сильным превращается в главное препятствие на пути к победе. Сегодняшняя слабость буржуазии как бы укрывается под тенью ее вчерашней силы. «Вы недооцениваете сил врага!» По этой линии идет группировка всех элементов, враждебных вооруженному восстанию. «Всякий, не желающий только говорить о восстании, — писали противники восстания у нас за две недели до победы, — обязан трезво взвесить и шансы его. И здесь мы считаем долгом сказать, что в данный момент всего вреднее было бы недооценивать силы противника и переоценивать свои силы. Силы про-

тивника больше, чем они кажутся. Решает Петроград, а в Петрограде у врагов пролетарской партии накоплены значительные силы: пять тысяч юнкеров, прекрасно вооруженных, организованных, желающих, в силу своего классового положения, и умеющих драться, затем штаб, затем ударники, затем казаки, затем значительная часть гарнизона, затем очень значительная часть артиллерии, расположенная веером вокруг Питера. Затем противники с помощью ЦИК почти наверняка попробуют привезти войска с фронта» («К текущему моменту»).

Разумеется, поскольку в гражданской войне дело идет не о простом подсчете батальонов, а о предварительном учете их сознания, учет этот никогда не может отличаться полной достоверностью и точностью. Даже Ленин считал, что у врага имеются в Петрограде серьезные силы, и предлагал начинать восстание в Москве, где, по его предположению, оно должно было пройти бескровно. Такого рода частные ошибки предвидения совершенно неизбежны даже при самых благоприятных условиях, и правильнее держать курс на менее благоприятную обстановку. Но что нас в данном случае интересует, это факт чудовищной переоценки сил врага, полного искажения всех пропорций при таких условиях, когда у врага уже не было, по существу, никакой вооруженной силы.

Вопрос этот, как показал опыт Германии, имеет колоссальное значение. Пока лозунг восстания имел для руководителей немецкой коммунистической партии преимущественно, если не исключительно, агитационное значение, они попросту игнорировали вопрос о вооруженных силах врага (рейхсвер, фашистские отряды, полиция). Им казалось, что непрерывно нараставший революционный прилив разрешит военный вопрос сам собой. Когда же задача придвинулась вплотную, те же товарищи, которые считали вооруженную силу врага как бы несуществующей, сразу впали в другую крайность: они брали на веру все цифры вооруженных сил буржуазии, тщательно складывали их с силами рейхсвера и полиции, затем округляли сумму (до полумиллиона и выше) и получали таким образом компактную, до зубов вооруженную массу, совершенно достаточную для того, чтобы парализовать их собственные усилия. Несомненно, силы немецкой контрреволюции были значительнее, во всяком случае лучше организованы и подготовлены, чем у наших корниловцев и полукорниловцев.

Но и активные силы немецкой революции иные. Пролетариат составляет подавляющее большинство населения Германии. У нас вопрос, по крайней мере в первой стадии, решался Петроградом и Москвой. В Германии восстание имело бы сразу десятки могущественных пролетарских очагов. На этом фоне вооруженные силы врага выглядели бы совсем не так грозно, как в статистических выкладках с округлением. Во всяком случае, надо категорически отвергнуть те тенденциозные подсчеты, которые делались и делаются после провала немецкого Октября с целью оправдания политики, приведшей к провалу. Наш русский пример имеет в этом отношении незаменимое значение: за две недели до бескровной победы нашей в Петрограде⁴⁸, — а мы могли ее одержать и на две недели раньше, — опытные политики партии видели против нас и юнкеров, желающих и умеющих драться, и ударников, и казаков, и значительную часть гарнизона, и артиллерию, расположенную веером, и войска, надвигающиеся с фронта. А на деле не оказалось ничего, равным счетом нуль. Теперь представим себе на минуту, что в партии и в ее Центральном Комитете победили бы противники восстания. Роль командования в гражданской войне слишком ясна: революция в таком случае была бы заранее обречена на крушение, — если бы Ленин не апеллировал против Центрального Комитета к партии, что он собирался сделать и что, несомненно, выполнил бы с успехом. Но ведь не всякая партия будет располагать в соответственных условиях своим Лениным... Нетрудно себе представить, как писали бы историю, если бы в ЦК победила линия уклонения от боя. Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 г. явилось бы чистейшим безумием, и давали бы читателю сногшибательные статистические подсчеты юнкеров, казаков, ударников, артиллерии, расположенной веером, и корпусов, двигавшихся с фронта. Непроверенные в огне восстания, эти силы представлялись бы несравненно грознее, чем оказалось на деле. Вот урок, который нужно выгравировать в сознании каждого революционера!

Настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября — октября вызывался постоянным опасением его, что мы упустим момент. Пустяки, отвечали правые, наше влияние будет расти и расти. Кто был прав? И что это значит: упустить момент? Здесь мы подходим к вопросу,

где большевистская оценка путей и методов революции, активная, стратегическая, насквозь действенная, наиболее ярко сталкивается с социал-демократической, меньшевистской оценкой, насквозь проникнутой фатализмом. Что значит: упустить момент? Самая благоприятная обстановка для восстания дана, очевидно, тогда, когда соотношение сил максимально передвинулось в нашу пользу. Разумеется, здесь речь идет о соотношении сил в области сознания, т. е. о политической надстройке, а не о базисе, который можно принять как более или менее неизменный для всей эпохи революции. На одном и том же экономическом базисе, при одном и том же классовом расчленении общества соотношение сил меняется в зависимости от настроения пролетарских масс, крушения их иллюзий, накопления ими политического опыта, расшатки доверия промежуточных классов и групп к государственной власти, наконец, ослабления доверия этой последней к себе самой. В революции это все быстротечные процессы. Все тактическое искусство состоит в том, чтобы уловить момент наиболее благоприятного для нас сочетания условий. Корниловское восстание окончательно подготовило эти условия. Массы, потерявшие доверие к партиям советского большинства, увидели воочию опасность контрреволюции. Они считали, что теперь пришел черед большевиков найти выход из положения. Ни стихийный распад государственной власти, ни стихийный прилив нетерпеливого и требовательного доверия масс к большевикам не могли быть длительным состоянием; кризис должен был разрешиться либо в ту, либо в другую сторону. Теперь или никогда! — повторял Ленин.

На это правые возражали: «...глубокой исторической неправдой будет такая постановка вопроса о переходе власти в руки пролетарской партии: или сейчас, или никогда. Нет! Партия пролетариата будет расти, ее программа будет выясняться все более широким массам... И только одним способом может она прервать свои успехи, именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет инициативу выступления... Против этой губительной политики мы поднимаем голос предостережения» («К текущему моменту»).

Этот фаталистический оптимизм нуждается в самом внимательном изучении. В нем нет ничего ни национального, ни тем более индивидуального. Еще только в прошлом году мы наблюдали ту же тенденцию в Германии. По существу, под этим выжидательным фата-

лизмом скрывается нерешительность и даже неспособность к действию, но она маскируется утешительным прогнозом: мы становимся, мол, все влиятельнее; чем дальше, тем больше наша сила будет возрастать. Грубейшее заблуждение! Сила революционной партии возрастает только до известного момента, после чего процесс может перейти в свою противоположность: надежды масс, вследствие пассивности партии, сменяются разочарованием, а враг тем временем оправляется от паники и пользуется разочарованием масс. Такого рода решающий перелом мы наблюдали в Германии в октябре 1923 г. Мы были не так далеки от подобного же поворота событий в России осенью 1917 г. Для этого достаточно было, может быть, упустить еще несколько недель. Ленин был прав: теперь или никогда!⁴⁹

«Но решающий вопрос,— выдвигают противники восстания свой последний и сильнейший довод,— заключается в том, действительно ли среди рабочих и солдат столицы настроение таково, что они сами видят спасение уже только в уличном бою, рвутся на улицу. Нет. Этого настроения нет... Существование в глубоких массах столичной бедноты боевого, рвущегося на улицу настроения могло бы служить гарантией того, что ее инициативное выступление увлечет за собой и те крупнейшие и важнейшие организации (железнодорожный и почтово-телеграфный союзы и т. п.), в которых влияние партии слабо. Но так как этого-то настроения нет даже на заводах и в казармах, то строить здесь какие-либо расчеты было бы самообманом» («К текущему моменту»).

Эти строки, писавшиеся 11 октября, получают исключительное и совершенно злободневное значение, если вспомним, что руководившие партией немецкие товарищи, в объяснение прошлогоднего отступления без боя, приводили именно нежелание масс сражаться. Да в том-то и дело, что победоносное восстание становится, вообще говоря, наиболее обеспеченным тогда, когда массы успеют приобрести достаточно опыта, чтобы не бросаться в бой очертя голову, а ждут и требуют решительного и умелого боевого руководства. К октябрю 1917 г. у рабочих масс, по крайней мере у их руководящего слоя, сложилось уже твердое убеждение, на основании опыта апрельского выступления, июльских дней и корниловщины, что дальше дело идет не об отдельных стихийных протестах, не о разведке, а о решающем восстании для захвата власти. Настроение масс ста-

новится в соответствии с этим более сосредоточенным, более критическим, более углубленным. Переход от жизнерадостной, полной иллюзий стихийности к более критической сознательности и порождает неизбежную революционную заминку. Этот прогрессивный кризис в настроении масс может быть преодолен только соответственной политикой партии, т. е. прежде всего ее подлинной готовностью и способностью руководить восстанием пролетариата. Наоборот, партия, которая долго вела революционную агитацию, вырывая массы из-под влияния соглашателей, а затем, когда доверие этих масс подняло ее на высоту, стала колебаться, умничать, хитрить и выжидать,— такая партия парализует активность масс, вызывает у них разочарование и распад, губит революцию, но зато создает для себя возможность ссылаться — после провала — на недостаточную активность масс. На этот именно путь вело письмо «К текущему моменту». К счастью, наша партия, под руководством Ленина, решительно ликвидировала такие настроения на верхах. Только благодаря этому она и провела победоносный переворот.

* * *

Теперь, после того как мы дали характеристику существа политических вопросов, связанных с подготовкой Октябрьской революции, и попытались выяснить основной смысл разногласий, вырвавшихся на этой основе, нам остается хотя бы конспективно отметить наиболее важные моменты внутрипартийной борьбы последних, решающих недель.

Решение о вооруженном восстании было вынесено Центральным Комитетом 10 октября. 11 октября разослано было важнейшим организациям партии разобранное выше письмо «К текущему моменту». 18 октября, т. е. за неделю до переворота, появилось в «Новой жизни» письмо Каменева. «Не только я и тов. Зиновьев,— говорится в этом письме,— но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент, при данном соотношении сил, независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для пролетариата и революции шагом» («Новая жизнь», № 156, 18 октября 1917 г.). 25 октября власть была захвачена в Петербурге, создано Советское правительство. 4 ноября ряд ответственных

работников вышел из состава Центрального Комитета партии и Совнаркома, выдвинув ультимативное требование создания коалиционного правительства из советских партий. «...Вне этого, — писали они, — есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства средствами политического террора». И в другом документе того же момента: «Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ЦК, проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии. Мы складываем с себя поэтому звание членов ЦК, чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: „Да здравствует правительство из советских партий! Немедленное соглашение на этом условии!“» («Октябрьский переворот». — «Архив революции» 1917 г., стр. 407—410). Таким образом, те, кто были против вооруженного восстания и захвата власти, как против авантюры, после того как восстание победоносно совершилось, выступили за возвращение власти тем партиям, в борьбе с которыми власть была пролетариатом завоевана. Во имя чего же победоносная большевистская партия должна была вернуть власть — а речь шла именно о возвращении! — меньшевикам и эсерам? На это оппозиционеры отвечали: «Мы считаем, что создание такого правительства необходимо ради предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции калединцами, обеспечения созыва Учредительного собрания в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским съездом С. р. и с. депутатов» («Октябрьский переворот». — «Архив революции» 1917 г., стр. 407—410). Дело шло, другими словами, о том, чтобы через советские ворота найти путь к буржуазному парламентаризму. Если революция отказалась идти через Предпарламент и пробилась себе русло через Октябрь, то задача, как ее формулировала оппозиция, состояла в том, чтобы при содействии меньшевиков и эсеров спасти революцию от диктатуры, введя в русло буржуазного режима. Дело шло ни больше и ни меньше как о ликвидации Октября. О соглашении на таких условиях не могло быть, разумеется, и речи.

На следующий день, 5 ноября, было опубликовано еще одно письмо того же направления: «Я не могу, во имя партийной дисциплины, молчать, когда марксисты,

рассудку вопреки и наперекор стихиям, не хотят считаться с объективными условиями, повелительно диктующими нам, под угрозой краха, соглашение со всеми социалистическими партиями... Я не могу, во имя партийной дисциплины, предаваться культуре личности и ставить политическое соглашение со всеми социалистическими партиями, закрепляющими наши основные требования, в зависимость от пребывания того или иного лица в министерстве, и затягивать из-за этого хотя бы на одну минуту кровопролитие» («Рабочая газета», №204, 5 ноября 1917 г.). В заключение автор письма (Лозовский) объявляет необходимым бороться за партийный съезд для решения вопроса о том, «останется ли РСДРП большевиков марксистской партией рабочего класса, или она окончательно вступит на путь, ничего общего с революционным марксизмом не имеющий» («Раб. газета», №204, 5 ноября 1917 г.)

Положение действительно казалось безнадежным. Не только буржуазия и помещики, не только так называемая «революционная демократия», в руках которой оставались еще очень многочисленные верхушечные организации (Викжель, армейские комитеты, государственные служащие и пр.), но и влиятельнейшие работники нашей собственной партии, члены Центрального Комитета и Совнаркома, осуждают во всеуслышание попытку партии остаться у власти, чтобы осуществить свою программу. Положение могло представиться безнадежным, говорим мы, если не глядеть глубже поверхности событий. Что же оставалось? Принять требования оппозиции значило ликвидировать Октябрь. Но тогда незачем было и совершать его. Оставалось одно: идти вперед в расчете на революционную волю масс. 7 ноября в «Правде» появляется решающее заявление Центрального Комитета нашей партии, написанное Лениным и исполненное подлинной революционной страсти, замкнутой в ясные, простые и бесспорные формулы, рассчитанные на партийца-массовика. Воззвание это полагает конец каким бы то ни было сомнениям насчет дальнейшей политики партии и ее Центрального Комитета: «Пусть же устыдятся все малoverы, все колеблющиеся, все сомневающиеся, все давшие себя запугать буржуазии или подавшиеся крикам ее прямых и косвенных пособников. *Ни тени колебания в массах петроградских, московских и других рабочих и солдат нет.* Наша партия стоит дружно и твердо, как один человек, на страже Советской власти, на страже

интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян!»⁵⁰ («Правда», № 182 (113), 20 (7) ноября 1917 г.).

Наиболее острый партийный кризис был преодолен. Однако внутренняя борьба все еще не прекращалась. Линия борьбы оставалась той же. Но политическое значение ее все более и более шло на убыль. Чрезвычайно интересное свидетельство находим мы в докладе, прочитанном Урицким на заседании Петроградского комитета нашей партии 12 декабря по поводу созыва Учредительного собрания: «Разногласия в нашей партийной среде не новы. Это то же течение, которое наблюдалось раньше в вопросе восстания. Сейчас некоторые товарищи смотрят на Учредительное собрание как на нечто такое, что должно увенчать революцию. Они стоят на позиции обыденщины, они говорят, чтобы мы не совершали бестактностей и пр. Они против того, что члены Учредительного собрания, большевики, контролируют созыв, соотношение сил и пр. Они смотрят чисто формально, не учитывая того, что из данных такого контроля выявляется картина того, что происходит вокруг Учредительного собрания, а, сообразуясь с этим, мы имеем возможность наметить позицию отношения к Учредительному собранию... Мы сейчас стоим на той точке зрения, что боремся за интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, а те немногие товарищи смотрят, что мы делаем буржуазную революцию, которая должна увенчаться Учредительным собранием».

Роспуском Учредительного собрания можно считать завершенной не только большую главу в истории России, но и не менее значительную главу в истории нашей партии. Преодолев внутренние противодействия, партия пролетариата не только овладела властью, но и сохранила ее в своих руках.

Октябрьское восстание и советская «легальность»

В сентябре, в дни Демократического совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию. «...Чтобы отнестись к восстанию по-марксистски,— писал он,— т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать штаб повстан-

ческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д. Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*»⁵¹ (том XIV, ч. 2, стр. 140).

Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии, с тем чтобы затем освятить победу через съезд Советов⁵². Центральный Комитет не принял этого предложения. Восстание было введено в советское русло и агитационно связывалось со Вторым съездом Советов. Это разногласие требует подробного объяснения, — тогда оно естественно войдет в рамки не принципиального, а чисто технического вопроса, хотя и большой практической важности.

Выше уже говорилось о том, с какой напряженной тревогой относился Ленин к оттягиванию восстания. На фоне тех колебаний, какие имели место на верхах партии, агитация, формально связывавшая переворот с предстоящим Вторым съездом Советов, казалась ему недопустимой отсрочкой, уступкой нерешительности и нерешительным упущением времени, прямым преступлением. К этой мысли Ленин возвращается с конца сентября неоднократно.

«...У нас в ЦК и в верхах партии, — пишет он 29 сентября, — есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. Надо *побороть* это течение или мнение»⁵³. В начале Октября Ленин пишет: «Медлить — преступление, ждать съезда Советов — ребяческая⁵⁴ игра в формальность, вздорная⁵⁵ игра в формальность, предательство революции»⁵⁶. В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов, отказаться от предвзятой мысли непременно „дождаться“ его...»⁵⁷ и пр. Наконец,

24 октября Ленин пишет: «Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно» — и далее: «История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять многое⁵⁸ завтра, рискуя потерять все»⁵⁹.

Все эти письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента. Основная проникающая их мысль — это возмущение, протест, негодование против фаталистического, выжидательного, социал-демократического, меньшевистского отношения к революции как к какой-то бесконечной ленте. Если время вообще важный фактор политики, то значение его стократно возрастает на войне и в революции. Совсем не все, что можно сделать сегодня, можно будет сделать завтра. Восстать, опрокинуть врага, взять власть сегодня возможно, а завтра может оказаться невозможно. Но ведь взять власть — значит повернуть руль истории; неужели же такое событие может зависеть от промежутка в 24 часа? Да, может. Когда дело дошло до вооруженного восстания, то события изменяются не длинным аршином политики, а коротким аршином войны. Упустить несколько недель, несколько дней, иногда даже один день — равносильно, в известных условиях, сдаче революции, капитуляции. Если бы не было этой ленинской тревоги, этой критики, этого напряженного и страстного революционного недоверия, партия не выровняла бы, пожалуй, своего фронта в решающий момент, ибо сопротивление на верхах было очень сильно, а штаб играет большую роль в войне, в том числе и в гражданской.

Но в то же время совершенно ясно, что подготовка восстания и проведение его под прикрытием подготовки Второго съезда Советов и под лозунгом защиты его дала нам в руки неоценимые преимущества. С того момента, как мы, Петроградский Совет, опротестовали приказ Керенского о выводе двух третей гарнизона на фронт, мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания. Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении. Во всех его письмах того времени об этом обстоятельстве вообще, насколько помню, не говорится ни слова. А между тем исход восстания 25 октября был уже на три четверти, если не более, predetermined в тот момент, когда мы воспротивились выводу петроградского гарнизо-

на, создали Военно-революционный комитет (16 октября), назначили во все воинские части и учреждения своих комиссаров и тем полностью изолировали не только штаб Петроградского военного округа, но и правительство. По существу дела мы здесь имели вооруженное восстание — вооруженное, хотя и бескровное, восстание петроградских полков против Временного правительства — под руководством Военно-революционного комитета и под лозунгом подготовки к защите Второго съезда Советов, который должен будет решить вопрос о судьбе власти⁶⁰. Советы Ленина — начать восстание в Москве, где оно, по его предположениям, обещало бескровную победу, вытекали именно из того, что он не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом, уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине октября. С того момента, как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались выступить из города и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно. Наоборот, в Москве борьба получила гораздо более затяжной и кровавый характер, несмотря на то что в Питере уже утвердилась власть Совнаркома. Совершенно очевидно, что если бы восстание началось в Москве, до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом. А неудача в Москве тяжело отразилась бы на Петрограде. Конечно, победа отнюдь не исключена была бы и на этом пути. Но тот путь, каким действительно пошли события, оказался гораздо более экономным, более выгодным, более победоносным.

Мы имели возможность, в большей или меньшей степени, приурочивать захват власти к моменту Второго съезда Советов только потому, что «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание — по крайней мере в Петрограде — было уже на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом. Мы называем это восстание «легальным» — в том смысле, что оно выросло из «нормальных» условий двоевластия. И при господстве соглашателей в Петроградском Совете бывало не раз, что Совет проверял или исправлял реше-

ния правительства. Это как бы входило в конституцию того режима, который вошел в историю под названием керенщины. Придя в Петроградском Совете к власти, мы, большевики, только продолжили и углубили методы двоевластия⁶¹. Мы взяли на себя проверку приказа о выводе гарнизона. Этим самым мы прикрыли традициями и приемами легального двоевластия фактическое восстание петроградского гарнизона. Мало того, формально приурочивая в агитации вопрос о власти к моменту Второго съезда Советов, мы развивали и углубляли уже успевшие сложиться традиции двоевластия, подготавливая рамки советской легальности для большевистского восстания во всероссийском масштабе.

Мы не усыпляли массы советскими конституционными иллюзиями, ибо под лозунгом борьбы за Второй съезд мы завоевывали и организационно закрепляли за собой штыки революционной армии. А вместе с тем нам удалось в большей, чем можно было ожидать, степени завлечь в ловушку советской легальности наших врагов соглашателей. Политически хитрить, особенно в революции, всегда опасно: врага, пожалуй, не обманешь, но введешь в заблуждение массы, идущие за тобой. Если нам наша «хитрость» удалась на сто процентов, то это потому, что она не была искусственным измышлением умничающих стратегов, которые хотят обойти гражданскую войну, а потому, что она естественно вытекала из условий разложения соглашательского режима, из его вопиющих противоречий. Временное правительство хотело избавиться от гарнизона. Солдаты не хотели идти на фронт. Мы этому естественному нежеланию дали политическое выражение, революционную цель, «легальное» прикрытие. Этим мы обеспечили исключительное единодушие внутри гарнизона и тесно связали его с петроградскими рабочими. Наоборот, наши противники, при безнадежности своего положения и путанности своей мысли, склонны были советское прикрытие принимать за существо. Они хотели быть обманутыми, и мы доставили им полностью эту возможность.

Между нами и соглашателями шла борьба за советскую легальность. В сознании масс источником власти являлись Советы. Из Советов вышли Керенский, Церетели, Скобелев. Но и мы были тесно связаны с Советами нашим основным лозунгом: вся власть Советам. Буржуазия вела свою правопреимственность от Государственной думы. Соглашатели — от Советов, но с тем, чтобы свести Советы на нет. Мы — от Советов, но

с тем, чтобы передать Советам власть. Соглашатели не могли еще рвать советскую преемственность и спешили создать от нее мост к парламентаризму. С этой целью они созвали Демократическое совещание и создали Предпарламент. Участие Советов в Предпарламенте как бы санкционировало этот путь. Соглашатели пытались поймать революцию на удочку советской легальности и, поймав, втащить ее в русло буржуазного парламентаризма.

Но и мы были заинтересованы в том, чтобы использовать советскую легальность. В конце Демократического совещания мы вырвали у соглашателей согласие на созыв Второго съезда Советов. Этот съезд создавал для них чрезвычайные затруднения: с одной стороны, они не могли противиться созыву, не порывая с советской легальностью; с другой стороны, они не могли не видеть, что съезд не обещает им, по своему составу, ничего хорошего. Тем настойчивее апеллировали мы ко Второму съезду, как хозяину страны, и всю нашу подготовительную работу приурочивали к поддержке и охране съезда Советов от неизбежных на него покушений контрреволюции. Если соглашатели ловили нас на советскую легальность через Предпарламент, вышедший из Советов, то и мы ловили их на ту же советскую легальность — через Второй съезд Советов. Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией — одно, а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда Советов — совсем другое. Таким образом, приурочение вопроса о захвате власти ко Второму съезду Советов не заключало в себе каких-либо наивных надежд на то, что съезд сам по себе может разрешить вопрос о власти. Такой фетишизм советской формы был нам совершенно чужд. Вся необходимая работа, не только политическая, но и организационная и военно-техническая, для захвата власти шла полным ходом. Но легальным прикрытием для этой работы была все та же ссылка на предстоящий съезд, который должен разрешить вопрос о власти. Ведя наступление по всей линии, мы сохраняли видимость обороны. Наоборот, Временное правительство, — если бы оно только решилось серьезно обороняться, — должно было бы покуситься на съезд Советов, запретить его созыв и тем самым дать наиболее для себя невыгодный повод противной стороне к вооруженному восстанию. Мало того, мы не только ставили Временное правительство в политически невыгодное

положение, но и прямо-таки усыпляли его и без того ленивую и неподвижную мысль. Эти люди верили всерьез, что дело идет для нас о советском парламентаризме, о новом съезде, где будет вынесена новая резолюция о власти — на манер резолюций Петроградского и Московского Советов, — после чего правительство, сославшись на Предпарламент и предстоящее Учредительное собрание, откланяется и поставит нас в смешное положение⁶². Что именно в этом направлении работала мысль самых мудрых мещанских мудрецов, тому мы имеем непререкаемое свидетельство Керенского. В своих воспоминаниях он рассказывает, как в полночь на 25 октября в его кабинете происходили бурные споры с Даном и другими по поводу шедшего уже полным ходом восстания. «Прежде всего Дан заявил мне, — рассказывает Керенский, — что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная «для самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах»; что эффект ее «уже сказывается» и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам, сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиниться воле большинства Советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо желания, без их санкции». В заключение Дан, упомянув, что большевики «завтра же» (все завтра!) распустят свой военный штаб, заявил мне, что принятые мною меры к подавлению восстания только «раздражают массы» и что вообще я своим «вмешательством» лишь «мешаю представителям большинства Советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания»... Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как Дан делал мне это замечательное сообщение, вооруженные отряды «Красной гвардии» занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по отъезде из Зимнего дворца Дана и его товарищей на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен тогда же в Смольный, куда Дан вернулся продолжать мирные беседы с большевиками. Нужно признать, большевики действовали тогда с большой энергией и с

не меньшим искусством. В то время, когда восстание было в полном разгаре и «красные войска» действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей «революционной демократии» смотреть, но не видеть; слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые якобы должны были стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом «переговоров» большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы эсеров и меньшевиков не были вовремя мобилизованы. Что, впрочем, и требовалось доказать!» (А. Керенский. Издалека, стр. 197—198).

Вот именно: что и требовалось доказать! Соглашатели оказались, как мы видим из этой картины, целиком и полностью пойманы на удочку советской легальности. Предположение Керенского, будто специально для этого отряженные большевики вводили в заблуждение меньшевиков и эсеров насчет предстоящей ликвидации восстания, с фактической стороны неверно. На самом деле в переговорах принимали активнейшее участие те большевики, которые действительно хотели ликвидации восстания и верили в формулу социалистического правительства, созданного соглашением партий. Но объективно эти парламентареры несомненно оказывали восстанию известную услугу, питая своими собственными иллюзиями иллюзии врага⁶³. Однако эту услугу они оказались способны оказать революции только потому, что партия, вопреки их советам и предостережениям, вела дело восстания вперед с неослабевающей энергией и довела ее до конца.

Для того чтобы весь этот широкий обволакивающий маневр оказался победоносным, нужно было стечение совершенно исключительных обстоятельств, больших и малых⁶⁴. Прежде всего нужна была армия, не желавшая более сражаться. Весь ход революции, особенно в первый ее период, с Февраля по Октябрь включительно — об этом мы уже говорили — выглядел бы совершенно иначе, если бы у нас не было к моменту революции разбитой и недовольной многомиллионной крестьянской армии. Только в этих условиях можно было победоносно провести эксперимент с петроградским гарнизоном, предопределивший октябрьскую победу. Не может быть и речи о том, чтобы возвести эту своеобразную комбинацию «сухого» и почти незаметного вос-

станция с защитой советской легальности от корниловцев в какой-либо закон. Наоборот, можно сказать с уверенностью, что в таком виде этот опыт никогда и нигде не повторится. Но тщательное изучение его необходимо. Оно расширит кругозор каждого революционера, вскрыв перед ним разнообразие методов и средств, какие могут быть приведены в движение при условии ясности поставленной цели, правильности учета обстановки и решимости в доведении борьбы до конца.

В Москве восстание имело гораздо более затяжной характер, сопряженный с более значительными жертвами. Объясняется это в известной мере тем, что московский гарнизон не подвергся такой революционной подготовке, как гарнизон Петрограда в связи с вопросом о выводе батальонов на фронт. Мы уже говорили и еще раз повторяем, что вооруженное восстание совершилось в Петрограде в два приема: в первой половине октября, когда петроградские полки, подчиняясь постановлению Совета, вполне отвечавшему их собственным настроениям, безнаказанно отказались выполнить приказ главнокомандования, и 25 октября, когда понадобилось уже только небольшое дополнительное восстание, расклевывшее пуповину февральской государственности. В Москве же восстание происходило в один прием. Такова, пожалуй, главная причина его затяжного характера. Но наряду с ней была другая: недостаточная решительность руководства. В Москве мы наблюдали переходы от военных действий к переговорам, чтобы затем снова возвращаться к вооруженной борьбе. Если колебания руководства, ощутимые для руководимых, вообще вредны в политике, то в условиях вооруженного восстания они становятся смертельно опасными. Господствующий класс уже теряет доверие к своей силе (без этого не могло бы быть вообще надежды на победу), но аппарат еще в его руках. Революционный класс имеет своей задачей овладеть государственным аппаратом; для этого ему нужно доверие к своим силам. Раз партия вывела трудящихся на путь восстания, она должна сделать из этого все необходимые выводы. «На войне — по-военному»: там меньше, чем где бы то ни было, допустимы колебания и упущение времени. Война мерит коротким аршином. Топтание на месте, хотя бы в течение часов, возвращает правящим частицу самоуверенности, отнимая ее у восставших. А ведь этим непосредственно и определяется то соотношение сил, которое определяет исход восстания. Под этим углом зрения надо шаг за

шагом изучить ход военных операций в Москве в их сочетании с политическим руководством⁶⁵.

Чрезвычайно важно было бы наметить еще несколько пунктов, где гражданская война протекала в особых условиях, осложняясь, например, национальным элементом. Такого рода изучение, на основании тщательной проработки фактического материала, должно чрезвычайно обогатить наше представление о механике гражданской войны и тем самым облегчить выработку известных методов, правил, приемов, имеющих достаточно общий характер, чтобы их можно было бы ввести в своего рода «устав» гражданской войны (см.: *Л. Троцкий. Вопросы гражданской войны.* — «Правда», № 202, 6 сентября 1924 г.). Но и упреждая те или другие частные выводы такого исследования, можно сказать, что ход гражданской войны в провинции предопределен в огромной степени исходом ее в Петрограде, даже несмотря на заминку в Москве. Февральская революция надломил старую аппарат; Временное правительство унаследовало его и неспособно было ни обновить, ни укрепить его. В результате его государственный аппарат между Февралем и Октябрем действовал лишь остатком бюрократической инерции. Бюрократическая провинция привыкла равняться по Петрограду: она это сделала в Феврале, она повторила это в Октябре. Огромным нашим преимуществом являлось то обстоятельство, что мы подготавливали ниспровержение режима, который еще не успел сложиться. Крайняя шаткость и неуверенность в себе «февральского» государственного аппарата чрезвычайно облегчила нашу работу, питая самоуверенность революционных масс и самой партии.

В Германии и Австрии после 9 ноября 1918 г. имелось сходное положение. Но там социал-демократия заполнила собою прорехи государственного аппарата и помогла установиться буржуазно-республиканскому режиму, который и сейчас никак не может быть назван образцом устойчивости, но все же насчитывает уже шесть лет от роду. Что касается других капиталистических стран, то они не будут иметь этого преимущества, т. е. близости между буржуазной и пролетарской революцией. Их Февраль оставлен уже далеко позади. Конечно, в Англии сохранилось еще немало феодального хлама, но говорить о какой-либо самостоятельной буржуазной революции в Англии совершенно не приходится. Очистка страны от монархии, от лордов и пр. будет

произведена первым взмахом метлы английского пролетариата, после того как он возьмет власть. Пролетарская революция на Западе будет иметь дело с вполне сложившимся буржуазным государством. Но это еще не значит — с устойчивым аппаратом, ибо самая возможность пролетарского восстания предполагает далеко зашедший процесс распада капиталистического государства. Если у нас Октябрьская революция развернулась в борьбе с государственным аппаратом, который не успел еще сложиться после Февраля, то в других странах восстание будет иметь против себя государственный аппарат, находящийся в состоянии прогрессивного распада⁶⁶.

Как общее правило следует предположить — мы высказывали это еще на IV конгрессе Коминтерна, — что сила дооктябрьского сопротивления буржуазии будет в старых капиталистических странах, по общему правилу, значительно выше, чем у нас; победа дастся пролетариату труднее; но зато завоевание власти обеспечит ему сразу гораздо более устойчивое и прочное положение, чем то, какое получили мы на другой день после Октября. У нас гражданская война развернулась по настоящему только после того, как пролетариат овладел властью в главных городских и промышленных центрах, и заполнила собою первое трехлетие советской власти. Многие говорят за то, что в странах Центральной и Западной Европы овладение властью дастся с гораздо большим трудом, но зато после взятия власти у пролетариата руки будут несравненно более свободными. Разумеется, эти перспективные соображения могут иметь только условный характер. Очень многое будет зависеть от того, в какой последовательности будет происходить революция в разных странах Европы, каковы будут возможности военной интервенции, какова будет к тому моменту экономическая и военная сила Советского Союза и пр. Но, во всяком случае, основное и, думаем, бесспорное наше соображение о том, что самый процесс завоевания власти будет наталкиваться в Европе и в Америке на гораздо более серьезное, упорное и продуманное сопротивление господствующих классов, чем у нас, тем более обязывает нас отнестись на деле к вооруженному восстанию и вообще к гражданской войне, как к искусству.

Еще раз о Советах и партии в пролетарской революции

Советы рабочих депутатов выросли у нас и в 1905 и в 1917 гг. из самого движения, как естественная организационная форма его на известном уровне борьбы. Но для европейских молодых партий, которые в большей или меньшей степени приняли Советы как «доктрину», как «принцип», всегда возникает опасность фетишистского отношения к Советам, как к некоторому самодовлеющему фактору революции. Между тем, несмотря на огромные преимущества Советов как организации борьбы за власть, вполне возможны случаи, когда восстание развернется на основе других форм организации (фабзавкомы, профсоюзы), и только в процессе восстания, или даже после победы его, возникнут Советы уже как органы власти.

В высшей степени поучительна, под этим углом зрения, та борьба, которую Ленин открыл после июльских дней против фетишизма организационной формы Советов. Поскольку эсеро-меньшевистские Советы стали в июле организациями, открыто гнавшими солдат в наступление и подавлявшими большевиков, постольку революционное движение рабочих масс могло и должно было искать для себя других путей и каналов. Ленин намечал фабзавкомы как организацию борьбы за власть (см. об этом, например, воспоминания т. Орджоникидзе)⁶⁷. Весьма вероятно, что движение пошло бы именно по этой линии, если бы не корниловское выступление, которое вынудило соглашательские Советы к самообороне и дало большевикам возможность снова вдохнуть в Советы революционную жизнь, связав их тесно с массами через левое, т. е. большевистское, крыло.

Вопрос этот, как показал недавний опыт Германии, имеет огромное международное значение. Именно в Германии Советы несколько раз строились как органы восстания — без восстания, как органы власти — без власти. Это привело к тому, что в 1923 г. движение широких пролетарских и полупролетарских масс стало группироваться вокруг фабзавкомов, которые в основном выполняли все те функции, какие у нас ложились на Советы в период, предшествовавший непосредственной борьбе за власть. Между тем в августе — сентябре выдвинуто было некоторыми товарищами предложение: приступить в Германии немедленно к созданию Советов. После длительных и горячих прений предложение

это было отвергнуто, и вполне правильно. При наличии того факта, что фабзавкомы уже становились на деле узлами сосредоточения революционных масс, Советы оказались бы в подготовительный период параллельной формой без содержания. Они лишь отвлекали бы мысль от материальных задач восстания (армия, вооруженные сотни, железные дороги и пр.) в сторону самодовлеющей организационной формы. А с другой стороны, создание Советов как Советов — до восстания и вне непосредственных задач восстания — означало бы голое провозглашение: «Иду на вас!» Правительство, вынужденное «терпеть» фабзавкомы, поскольку они стали средоточием больших масс, ударило бы по первому же Совету, как официальному органу «покушения» на захват власти. Коммунисты оказались бы вынужденными выступить на защиту Советов, как чисто организационного предприятия. Решающая борьба развернулась бы не ради захвата или защиты материальных позиций и не в тот момент, выбранный нами, когда восстание вытекало бы из условий движения масс, — нет, борьба вспыхнула бы из-за советского «знамени» в момент, выбранный врагом и им нам навязанный. Между тем совершенно очевидно, что вся подготовительная к восстанию работа могла с полным успехом соподчиняться организационной форме фабрично-заводских комитетов, уже успевших стать массовыми организациями, продолжавших расти и крепнуть и оставлявших партии свободу маневрирования в отношении срока восстания. Разумеется, на известном этапе Советы должны были бы возникнуть. Сомнительно, чтобы они, при указанных выше условиях, возникли как непосредственные органы восстания, под огнем, так как это грозило бы в самый острый момент создать два революционных центра. Не следует, говорит английская пословица, пересаживаться с лошади на лошадь, когда переезжаешь через быстрый поток. Возможно, что Советы стали бы строиться повсеместно после победы в решающих пунктах страны. Во всяком случае, победоносное восстание необходимо привело бы к созданию Советов как органов власти.

Не надо забывать, что у нас Советы выросли еще на «демократическом» этапе революции, были на этом этапе как бы легализованы, нами затем унаследованы и использованы. Это не повторится в пролетарских революциях Запада. Советы там будут в большинстве случаев создаваться по призыву коммунистов, следователь-

но, как прямые органы пролетарского восстания. Разумеется, не исключена возможность того, что расшатка буржуазного государственного аппарата зайдет достаточно далеко, прежде чем пролетариат сможет захватить власть, и это создаст условия для создания Советов как *открытых органов подготовки восстания*. Но вряд ли это будет общим правилом. Весьма вероятны случаи, когда Советы удастся создать лишь в самые последние дни, как непосредственные органы восстающей массы. Наконец, вполне вероятны такие условия, когда Советы возникнут уж после перелома восстания и даже на исходе его, как органы новой власти. Нужно иметь перед глазами все эти варианты, чтобы не впасть в организационный фетишизм и не превратить Советы из того, чем они должны быть — гибкой, жизненной формой борьбы, — в организационный «принцип», извне врезающийся в движение и нарушающий его правильное развитие.

За последнее время в нашей печати раздавались речи в том примерно смысле, что мы, дескать, не знаем, через какую дверь придет пролетарская революция в Англии: через коммунистическую партию или через профессиональные союзы. Такая постановка вопроса, шеголяющая мнимой широтой исторического захвата, в корне неверна и опасна тем, что смазывает главный урок последних лет. Если победоносной революции не произошло на исходе войны, то именно потому, что не хватало партии. Этот вывод относится к Европе в целом. Его можно более конкретно проследить на судьбе революционного движения в отдельных странах. В отношении Германии дело обстоит на этот счет совершенно ясно: немецкая революция могла бы победить и в 1918 и в 1919 гг., если бы ей было обеспечено надлежащее партийное руководство. В 1917 г. мы видели это на примере Финляндии: революционное движение развивалось там в исключительно благоприятных условиях, под прикрытием и при прямой военной поддержке революционной России. Но финская партия оказалась в руководящем большинстве своем социал-демократией и провалила революцию. Не менее ярко тот же урок вытекает из опыта Венгрии. Там коммунисты вместе с левыми социал-демократами не завоевали власть, а получили ее из рук перепуганной буржуазии. Победоносная — без боя и без победы — венгерская революция оказалась на первых же шагах лишенной боевого руководства. Коммунистическая партия слилась с социал-

демократической, обнаруживая этим, что она сама не была коммунистической партией и, следовательно, неспособна была, несмотря на боевой дух венгерских пролетариев, удержать в руках столь легко доставшуюся ей власть. Без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может. Это есть главный урок последнего десятилетия. Верно, что английские профсоюзы могут стать могущественным рычагом пролетарской революции; они могут, например, в известных условиях и на известный период даже заменить собою рабочие Советы. Но сыграть такую роль они смогут не помимо коммунистической партии и тем более не против нее, а лишь при том условии, если коммунистическое влияние в профессиональных союзах станет решающим. За этот вывод — относительно роли и значения партии для пролетарской революции — мы слишком дорого заплатили, чтобы так легко от него отказываться или только ослаблять его.

В буржуазных революциях сознательность, преднамеренность, планомерность играли несравненно меньшую роль, чем они призваны играть и уже играют в революциях пролетариата. Движущей силой революции была и там масса, но гораздо менее организованная и сознательная, чем ныне. Руководство находилось в руках различных фракций буржуазии, которая в целом располагала богатством, образованием и связанной с этими преимуществами организованностью (города, университеты, пресса и пр.). Бюрократическая монархия защищалась эмпирически, действовала на ощупь. Буржуазия улучала момент, когда она могла, используя движение низов, бросить свой социальный вес на чашу весов и овладеть властью. Пролетарская революция тем и отличается, что пролетариат выступает в ней не только как главная ударная сила, но — в лице своего авангарда — и как руководящая сила. Ту роль, которую в буржуазных революциях играли экономическое могущество буржуазии, ее образованность, ее муниципалитеты и университеты, в пролетарской революции может сыграть только партия пролетариата. Роль ее тем больше, что и на стороне врага сознательность стала неизмеримо выше. Буржуазия в течение веков своего господства выработала политическую школу, несравненно более высокую, чем школа старой бюрократической монархии. Если парламентаризм был для пролетариата до известной степени подготовительной школой к революции, то для буржуазии он был в еще большей степени

школой контрреволюционной стратегии. Достаточно сказать, что через посредство парламентаризма буржуазия воспитала социал-демократию, главный ныне оплот частной собственности. Эпоха социальной революции в Европе, как показали первые ее шаги, будет эпохой не только напряженных и беспощадных, но и продуманных и рассчитанных босв — в гораздо большей степени продуманных, чем у нас в 1917 г.

Вот почему нам нужен совсем иной подход к вопросам гражданской войны и, в частности, вооруженного восстания, чем тот, какой наблюдается до сих пор. Вслед за Лениным мы часто повторяем марксовы слова о том, что восстание есть искусство. Но эта мысль превращается в голую фразу, поскольку марксова формула не заполняется изучением основных элементов искусства гражданской войны на основании накопившегося гигантского опыта последних лет. Надо прямо сказать: в поверхностном отношении к вопросам вооруженного восстания сказывается еще непреодоленная сила социал-демократической традиции. Партия, которая глядит поверх вопросов гражданской войны, надеясь, что в нужную минуту все это как-то само собою устроится, наверняка потерпит крушение. Нужно коллективно проработать опыт пролетарских боев, начиная с 1917 г.

* * *

Намеченная выше история партийных группировок в течение 1917 г. составляет тоже существеннейшую часть опыта гражданской войны и имеет, как мы думаем, непосредственное значение для политики Коммунистического Интернационала в целом. Выше уже сказано, и мы повторим это снова, что изучение разногласий ни в каком случае не может и не должно рассматриваться как направленное против тех товарищей, которые проводили ложную политику. Но было бы, с другой стороны, недопустимым вычеркнуть из истории партии величайшую главу только потому, что не все члены партии шли в ногу с революцией пролетариата⁶⁸. Партия может и должна знать *все* прошлое, чтобы правильно расценить его и всему отвести надлежащее место. Традиция революционной партии создается не из недомолвок, а из критической ясности.

История обеспечила нашей партии совершенно несравнимые революционные преимущества. Традиции героической борьбы с царизмом, навыки и приемы рево-

люционного самоотвержения, связанные с условиями подполья, широкая теоретическая переработка революционного опыта всего человечества, борьба с меньшевизмом, борьба с народничеством, борьба с примиренчеством, величайший опыт революции 1905 г., теоретическая проработка этого опыта в течение годов контрреволюции, подход к проблемам международного рабочего движения под углом зрения революционных уроков 1905 г. — вот что, в совокупности, дало нашей партии исключительный закал, высшую теоретическую проницательность, беспремерный революционный размах. И тем не менее даже в этой партии, на верхах ее, перед моментом решающих действий, выделилась группа опытных революционеров, старых большевиков, которая встала в резкую оппозицию к пролетарскому перевороту и в течение наиболее критического периода революции с февраля 1917 г. примерно по февраль 1918 г. занимала во всех основных вопросах социал-демократическую, по существу, позицию. Чтобы охранить партию и революцию от величайших замешательств, вытекавших из этого обстоятельства, нужно было исключительное, беспремерное и тогда уже влияние Ленина в партии. Этого нельзя забывать ни в каком случае, если мы хотим, чтобы от нас чему-нибудь научились коммунистические партии других стран. Вопрос об отборе руководящего персонала получает для западноевропейских партий совершенно исключительное значение. Об этом вопиет опыт несостоявшегося немецкого Октября. Но отбор этот должен происходить под углом зрения *революционного действия*. Германия дала за эти годы достаточное количество случаев проверки руководящих членов партии в моменты непосредственной борьбы. Без этого критерия все остальные ненадежны. Франция была за эти годы гораздо беднее революционными потрясениями, хотя бы только частичными. Но все же и ее политическая жизнь дала несколько вспышек гражданской войны, когда Центральному Комитету партии и руководителям профессиональных союзов приходилось действительно реагировать на неотложные и острые вопросы (например, кровавый митинг 11 января 1924 г.). Внимательное изучение таких острых эпизодов дает незаменимый материал для оценки партийного руководства, поведения отдельных органов партии и отдельных ее руководящих работников. Игнорировать такие уроки, не делать из них необходимого вывода в смысле отбора людей — значит идти навстречу неминуемым поражениям, ибо без

проницательного, решительного и мужественного партийного руководства победа пролетарской революции невозможна.

Партия, даже самая революционная, неизбежно вырабатывает свой организационный консерватизм, иначе она была бы лишена необходимой устойчивости. Все дело здесь в степени. У революционной партии жизненно необходимая доза консерватизма должна сочетаться с полной свободой от рутины, с инициативностью ориентировки, с действенной отвагой. Резче всего эти качества проверяются на поворотах исторического пути. Мы слышали выше слова Ленина о том, что часто даже самые революционные партии, при резком изменении обстановки и вытекающих из нее задач, продолжают идти по вчерашней линии и тем самым становятся или угрожают стать тормозом революционного развития. И консерватизм партии, и ее революционная инициативность находят наиболее сосредоточенное свое выражение в органах партийного руководства. Между тем самый крутой «поворот» европейским коммунистическим партиям еще только предстоит — поворот от подготовительной работы к захвату власти. Это поворот наиболее требовательный, неотложный, ответственный, грозный. Упустить момент его — величайшее поражение, какое вообще может постигнуть партию.

Опыт европейских, прежде всего германских, боев последних лет, взятый в свете нашего собственного опыта, говорит нам, что двоякого типа вожди склонны бывают тянуть партию назад в тот именно момент, когда ей необходимо совершить величайший прыжок вперед. Одни вообще склонны видеть на путях революции преимущественно затруднения, препятствия, помехи и оценивать каждую обстановку с предвзятым, хотя и не всегда сознательным, намерением уклониться от действия. Марксизм превращается у них в метод обоснования невозможности революционного действия. Наиболее чистую культуру этого типа представляли русские меньшевики. Но сам по себе тип этот шире меньшевизма и в самый критический момент обнаруживается вдруг на ответственном посту в наиболее революционной партии. Представители другой разновидности отличаются поверхностно агитаторским характером. Эти вовсе не видят препятствий и затруднений, пока не стукнутся в них с размаху лбом. Способность обходить реальные препятствия при помощи словесных оборотов, проявлять во всех вопросах величайший оптимизм («мо-

ре по колено») неизбежно переходит в свою противоположность, когда наступает час решающего действия. Для первого типа, для крохоборчески настроенного революционера, трудности захвата власти представляются лишь нагромождением и возведением в степень всех тех трудностей, какие он только и привык видеть на своем пути. Для второго типа, для поверхностного оптимиста, трудности революционного действия возникают всегда внезапно. В подготовительный период поведение того или другого различно: один представляется скептиком, на которого в революционном смысле нельзя слишком полагаться; зато другой, наоборот, может казаться неистовым революционером. Но в решающий момент и тот и другой идут рука об руку — восстают против восстания. А между тем вся подготовительная работа имеет ценность лишь постольку, поскольку она делает партию и прежде всего ее руководящие органы способными определить момент восстания и руководить им. Ибо задачей коммунистической партии является овладение властью в целях переустройства общества.

В последнее время нередко говорили и писали о необходимости «большевизации» Коминтерна. Это — задача, совершенно бесспорная и непреложная; она особенно резко выдвигается после жестоких прошлогодних уроков в Болгарии и Германии. Большевизм не доктрина (т. е. не только доктрина), но система революционного воспитания для пролетарского переворота. Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. «Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей...»⁶⁹

Два слова об этой книге⁷⁰

Первая полоса «демократической» революции тянется от февральского переворота до апрельского кризиса и его разрешения 6 мая путем создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и народников. Во всей этой первой полосе автор настоящей книги не принимал участия, так как прибыл в Петроград лишь 5 мая, как раз накануне создания коалиционного правительства. Первый этап революции и ее перспективы освещены в статьях, написанных в Америке. Думаю, что во всем существенном они вполне согласуются с

тем анализом революции, который дан Лениным в его «Письмах из далека»⁷¹.

С первого дня приезда в Петроград работа моя шла совершенно согласованно с Центральным Комитетом большевиков. Ленинский курс на завоевание власти пролетариатом я поддерживал, разумеется, полностью и целиком. В отношении крестьянства у меня не было и тени разногласий с Лениным, который завершал тогда первый этап борьбы против правых большевиков, с их лозунгом «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». До формального вступления в партию я участвовал в выработке ряда решений и документов, исходивших от имени партии. Единственным соображением, которое отодвинуло формальное вступление мое в партию на три месяца, было желание ускорить слияние с большевиками лучших элементов межрайонной организации и вообще революционных интернационалистов. Эту политику я вел опять-таки в полном согласии с Лениным.

Редакция этой книги обратила мое внимание на встречающееся в одной из моих тогдашних статей в пользу объединения указание на организационную «кружковщину» у большевиков. Какой-нибудь из глубокомысленных дьячков, вроде т. Сорина, не замедлит, конечно, вывести эту фразу прямым сообщением из разногласий по поводу § 1 устава. Вступать по этому поводу в споры — после того как свои действительные и большие организационные ошибки я признал и словом и делом — не вижу нужды. Но менее поврежденный читатель найдет гораздо более простое и непосредственное объяснение приведенному выражению моему в конкретнейших условиях момента. Среди рабочих-межрайонцев оставалось от прошлого еще очень сильное недоверие к организационной политике Петроградского комитета. Доводы от «кружковщины» — со ссылками, как всегда в таких случаях бывает, на всякие «несправедливости» — были среди межрайонцев в большом ходу. Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование.

Мое чисто полемическое «предложение» Первому съезду Советов составить правительство из двенадцати Пешехоновых толковалось кое-кем, кажется Сухановым, не то как личное благоволение мое к Пешехонову, не то как особая линия, отличная от ленинской. Это,

конечно, чистейший курьез. Когда наша партия требовала, чтобы Совсты, руководимые меньшевиками и эсерами, взяли власть, то этим самым она «требовала» министерства Пешехоновых: в конце концов, между Пешехоновым, Черновым и Даном никакой принципиальной разницы не было, и все они были одинаково пригодны, чтобы облегчить переход власти от буржуазии к пролетариату. Разве что Пешехонов несколько лучше знал статистику и производил чуть более деловое впечатление, чем Церетели или Чернов. Дюжина Пешехоновых означала правительство из дюжинных представителей мелкобуржуазной демократии вместо коалиции. Когда питерские массы, руководимые нашей партией, выдвинули лозунг «Долой десять министров-капиталистов», то этим самым они требовали, чтобы места этих последних заняли меньшевики и народники. «Выкиньте вон кадетов, возьмите, господа буржуазные демократы, в руки власть, посадите в правительство двенадцать (или сколько там) Пешехоновых, и мы вам обещаем по возможности «мирно» снять вас с постов, когда пробьет час. А пробить он должен скоро». Никакой особой линии тут не было,— это была линия, которую Ленин формулировал не раз.

Считаю необходимым сугубо подчеркнуть предупреждение, сделанное редактором настоящей книги т. Ленцнером: значительная часть речей, вошедших в этот том, приведена не по стенограмме, хотя бы и плохой, а по репортерским отчетам соглашательской прессы, полуневежественным и полужлостным. Беглое ознакомление с несколькими документами такого рода заставило меня махнуть рукой на первоначальный план хоть сколько-нибудь исправить и дополнить их. Пусть живут как есть: они тоже в своем роде документы эпохи, хоть и «с другой стороны».

Настоящая книга не могла бы появиться в печати без внимательной и компетентной работы над нею т. Ленцнера, которому принадлежат и примечания, и его помощников: тт. Геллер, Крыжановского, Ровенской и И. Румера. Всем им я здесь выражаю товарищескую благодарность.

Особо я хотел бы сказать о громадной работе по подготовке этого тома, как и других моих книг, которую выполнил мой ближайший сотрудник М. С. Глазман. Я дописываю эти строки с чувством величайшей скорби по поводу беспримерно трагической гибели этого прекрасного товарища, работника и человека.

**ОБ
„УРОКАХ ОКТЯБРЯ“
Л. Д. ТРОЦКОГО**

**КРИТИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ**

**1924
ГОДА**

ЛЕНИНИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ

Товарищи! Предметом моего доклада¹ будет последнее выступление тов. Троцкого — выпущенная им накануне годовщины Октябрьской революции статья, названная автором «Уроки Октября». Троцкий довольно часто дарит партии свои книжки. До сих пор, однако, не находили нужным специально останавливаться на этих книжках, хотя в ряде их нетрудно заметить отступления от большевизма, от официальной идеологии нашей партии². На этой книжке необходимо остановиться и разобрать ее до конца, прежде всего потому, что темой своего последнего выступления тов. Троцкий взял уроки Октября.

Так как вся наша партия, весь Коминтерн, все мировое рабочее движение, вся рабочая молодежь учится и будет учиться именно на уроках Октябрьской революции, то нельзя думать, что истолкование этих уроков есть частное дело того или другого автора. Раз «Уроки Октября» выходят под партийной фирмой, раз они исходят от члена ЦК и Политбюро нашей партии, руководящей Коминтерном, что не есть тайна ни для кого, то ясно, что нам грозит опасность, что подобные выступления, подобные «уроки» могут быть восприняты как учебник не только для членов нашей партии, для нашей молодежи, но и для всего Коминтерна. И по форме выступление тов. Троцкого рассчитано именно на то, чтобы быть учебником для Коминтерна. Всякий, кто ча-

тал эту статью, видел, что она апеллирует не только к нашей партии, но и к международному пролетариату и к коммунистическим партиям всех стран. Поэтому я и сказал, что это — не частное дело и спор по поводу того, правильно или нет изложены уроки Октября, не есть литературный спор, не есть дело литераторов: это политический спор, это — дело всей партии. Если бы раздались голоса, что спор, вызванный книжкой тов. Троцкого, есть только спор между Троцким, Бухариным, Зиновьевым, Сталиным и Каменевым, что это есть спор отдельных литераторов, то такие товарищи признались бы в том, что они не понимают подлинных интересов партии. Такие рассуждения могут исходить лишь от товарищей, которые хотели бы воспользоваться спором внутри партии для создания какой-то третьей группы, которая базировалась бы на том, что «литераторы спорят, а нас это не касается».

Нет, спор об уроках Октября, спор о том, что международный пролетариат должен взять из Октябрьской революции, это не есть дело литераторов, это есть дело всей партийной толщи.

Никто не имеет права оставаться в стороне от этого спора. Это есть глубочайший вопрос нашей внутренней жизни и жизни Коминтерна. Может ли партия рекомендовать учиться по Троцкому, или же она должна всем своим авторитетом предостеречь пролетариат от тех выводов, которые тов. Троцкий делает в своих «Уроках Октября»? Вот в чем вопрос.

Я не имею здесь в виду подробно разбирать эту статью тов. Троцкого. Тов. Троцкий — искусный литератор, и его искусное перо неоднократно служило партии. Здесь же оно служит антипартийным элементом, здесь оно служит не большинству, а делу разложения и дискредитирования большевизма как идеологии пролетарской революции и как организации боевых элементов пролетариата. Достигнуто это чрезвычайно искусным, но, в основном, неправильным, противоречащим фактам изложением всех событий, начиная с Февраля и по Октябрь.

Я не сомневаюсь, что партия выдвинет ряд авторов, участников этих событий, непосредственных борцов тех дней, которые укажут и разберут отдельные извращения, допущенные тов. Троцким по отношению ко всем решающим моментам партийной истории той эпохи: извращена апрельская демонстрация, извращена Апрельская партийная конференция, извращены июнь-

ские и июльские события, извращены события, связанные с деятельностью Предпарламента, извращен ход самых событий в Октябре. На всем этом, на деталях восстановления исторической правды и на сопоставлении того, что говорится тов. Троцким, с документами,— на всем этом я не могу здесь останавливаться. Я хочу поставить только общий вопрос о социально-политическом смысле выступления тов. Троцкого, о том значении, которое это выступление имеет в связи со всеми выступлениями тов. Троцкого и с ролью тов. Троцкого в нашей партии.

По понятным причинам мы избегали ставить этот вопрос, но теперь мы не можем избежать этого, потому что тов. Троцкий, затронув вопрос об Октябре, о роли нашей партии и о роли Ленина в деле создания идеологии Октябрьского переворота и в деле проведения Октября, сам заставляет нас поставить вопрос об общем смысле всех выступлений тов. Троцкого на протяжении истории большевистской партии.

Я поэтому должен буду остановиться на вопросе о троцкизме и большевизме вообще, взяв последнее выступление тов. Троцкого лишь как один из наиболее ярких и показательных элементов общей линии тов. Троцкого.

Прежде всего нужно спросить себя, действительно ли тут есть какая-нибудь общая линия. Когда говорится о троцкизме, что под этим подразумевается? Идет ли дело о личности т. Троцкого или о некоторых общих, далеко не личных явлениях в истории рабочего движения за последние 20 лет в России? С чем мы тут имеем дело — с личностью, с индивидуальностью или с некоторым обобщением, с какой-то струей, которая порождена общими условиями развития рабочего движения в мелкобуржуазной стране, со случайным явлением или с явлением, которое имеет за собой историю, которую забывать нельзя?

Если вы обратитесь для решения этого вопроса к сочинениям тов. Ленина, то должны будете констатировать, что нет почти ни одного тома сочинений тов. Ленина вплоть до Февральской революции и — с некоторым перерывом — вновь начиная с 1918 г., в котором вопрос о троцкизме не стоял бы постоянно и не обсуждался бы систематически.

Почему?

1. ТРОЦКИЗМ И ПАРТИЯ ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

Наша партия сложилась в стране мелкобуржуазной, в стране капиталистически отсталой, и вопрос о том, каким образом пролетариат, поставленный в условия наиболее отсталой из европейских стран, окруженный крестьянской мелкобуржуазной стихией в большей мере, чем пролетариат какой-либо другой страны, как этот пролетариат еще при царском самодержавии мог родить, создать и выковать партию, которой судьбами истории было предназначено стать во главе всего международного движения,— есть основной вопрос *самопознания партии*. Этот вопрос есть вопрос о нашем происхождении и развитии, и партия неоднократно выясняла для себя, почему и каким образом пролетариату России (выражаясь по-старому) в отсталой крестьянской стране, при самодержавии, суждено было выковывать и выковать тот ленинизм, который теперь является путевой звездой для всего международного пролетариата, для пролетариата гораздо более капиталистически развитых и экономически подготовленных стран, чем Россия. Я не буду сейчас останавливаться на этих объяснениях. Одно — несомненно. В этих условиях партия революционного пролетариата, партия большевиков, могла сложиться только в постоянной, систематической, неустанной борьбе с мелкобуржуазной стихией, пытавшейся подчинить себе рабочий класс. Большевизм есть учение насквозь боевое в том смысле, что оно создавалось, росло, крепло и окрепло в постоянной и неустанной борьбе со всеми формами влияния буржуазии на пролетариат.

Концентрированным выражением политики влияния буржуазии на пролетариат является меньшевизм. Тридцатилетняя история большевизма есть тридцатилетняя история его борьбы с меньшевизмом. Ленинизм есть учение о войне пролетариата против буржуазии. Именно поэтому ленинизм есть в то же время учение о войне против меньшевизма.

Формы влияния буржуазии на пролетариат менялись в зависимости от смены исторических эпох. Менялись соответственно и формы, виды, разновидности, приемы меньшевизма. Неизменной оставалась ленинская «бешеная» борьба против меньшевизма, ленинское умение под всеми видоизменениями форм и приемов меньшевизма вскрыть его доподлинную сущность:

враждебность делу создания большевистской идеологии и делу строительства большевистской партии. Это знают, по крайней мере, предполагается, что это должны знать *все*. Все понимают, что тот, кто не усвоил себе мысли, что большевизм есть систематическая борьба с меньшевизмом, тот ничего не понял в большевизме, ничего не понял ни в его истории, ни в его историческом облике, ни в том, как и почему большевизм победил. Далеко не все знают, и до недавнего времени предполагалось, что *этого* все и не должны знать, что так же, как ленинизм сложился, вырос и победил в постоянной, систематической борьбе с меньшевизмом, он рос, вырос и победил в постоянной систематической борьбе с троцкизмом.

Почему?

Потому, что троцкизм в продолжение всего того периода, когда наша партия готовилась к решительной классовой борьбе пролетариата с буржуазией, создавая ленинизм как учение о пролетарской революции и складывая партию как ее руководителя,— троцкизм служил не чем иным, как агентурой меньшевизма, как прикрытием меньшевизма, как маскировкой меньшевизма.

Начиная с 1903 г., т. е. с момента рождения меньшевизма, и до его окончательного краха в 1917 г. Троцкий выполнял роль агента меньшевизма среди рабочего класса. Это — факт, без усвоения которого совершенно невозможно понять ту роль, которая отведена Троцкому во всех сочинениях Ленина на протяжении последних 20 лет.

Всякий, кто будет изучать историю партии по сочинениям Ленина,— а у нас нет и не будет лучшего, более глубокого и более богатого содержанием и выводами учебника по истории партии и революции,— неизбежно убедится, что на протяжении всей своей борьбы за партию и за революцию против меньшевиков Ленин рассматривает Троцкого (его линию в целом на протяжении десятилетий и его отдельные выступления) только исключительно как агента меньшевизма, как оружие, которым пользуется меньшевизм для захвата влияния в тех или других слоях рабочего класса, как слугу меньшевизма³. Для Ленина Троцкий, «троцкизм» — такое же характерное, не случайное, давлением буржуазии порожденное явление в общей сумме враждебных подлинной пролетарской партии явлений, как длинный ряд других групп и группок, фракций и подфракций, тече-

ний и теченьиц, которые рабочему классу надо было побороть, чтобы создать свою пролетарскую партию.

Для Ленина, начиная с 1903 г., Троцкий интересен не как личность: он для Ленина — а с ним и для партии — типичное воплощение одной из исторических струек, враждебных созданию большевистской партии, враждебных созданию большевистской идеологии, т. е. идеологии пролетарской революции и большевистской пролетарской организации. Для него это живое — порой талантливое, порой плоское и излишне фразистое воплощение враждебной делу пролетариата стихии, — так же, как Мартов, Чернов, Аксельрод, которых он разбирает именно как воплощение определенных общественных явлений, а отнюдь не как личности. Эта систематическая борьба с троцкизмом как враждебным большевизму течением проходит у Ленина на протяжении всех томов его сочинений, вплоть до момента, когда Троцкий примкнул к нашей партии. Здесь следует перерыв и затем — в другой форме — возвращение к этой же борьбе.

В дни первой революции

До 2-го съезда партии в 1903 г., до раскола меньшевиков и большевиков, т. Троцкий служил ленинской «Искре», как служили ей Мартов, Потресов и другие меньшевики. За свое усердие в деле проведения ленинских планов на первых заседаниях съезда тов. Троцкий заслужил даже кличку «ленинской дубинки». Почетная роль! Но для политической истории тов. Троцкого характерна не столько эта роль, сколько то, что он немедленно изменил ей, как только — на последних заседаниях того же съезда — на сцену вышли меньшевики.

Организационный разрыв на съезде между меньшевиками и большевиками произошел на вопросе о выборах Центрального Комитета партии.

Надо было выбрать трех. На двоих из этой тройки сходились меньшевики и большевики. Меньшевики третьим хотели иметь... вчерашнюю «ленинскую дубинку» — Троцкого. Ленин ни за что на это не соглашался. Меньшевики ни за что не хотели уступить. Видимо, и Ленин и Мартов хорошо оценили, насколько эта «дубинка» действительно оказалась «ленинской». Ленин имел большинство на съезде. Троцкий в ЦК выбран не был. Тогда совместно с Мартовым, Даном, Аксельродом и другими тов. Троцкий *создает фракцию меньшевиков.*

срывает решение съезда, становится во главе бойкота центральных органов партии, возглавляемых Лениным, пишет против Ленина политический памфлет — одно из самых претенциозных и самых отвратительных произведений меньшевистской литературы, в котором всю политику Ленина объясняет жаждой власти в партии со стороны «кандидата в диктаторы» (т. е. Ленина). Вся компания меньшевиков, во главе с Мартовым, Даном и другими, печатно рекомендует этот памфлет тов. Троцкого к широкому распространению. (Подробнее см. книжку т. Канатчикова «История одного уклона», подробно и дельно излагающую ряд выступлений т. Троцкого.) Так начинается история меньшевизма и история тсв. Троцкого в партии.

Став оруженосцем Мартова и Аксельрода, тов. Троцкий как политическая фигура потерял для Ленина всякий интерес. Ленин длительно и систематически спорил с меньшевиками, с Плехановым, Аксельродом, Мартовым, с Мартыновым, выяснял рабочим и разоблачал перед рабочими их взгляды, но тратить время на споры с их сотрудником, Троцким, Ленин считал излишним. «Следует воевать с Плехановым, надо полемизировать с Мартовым, можно спорить с крайним оппортунистом Мартыновым, но тратить время на споры с Троцким — не стоит», — внушал тогда Ленин своим сотрудникам⁴. Когда же тов. Троцкий попытался уже летом 1905 г. выбраться из меньшевистского небытия тем путем, что своими словами изложил идею Парвуса о «перманентной революции», Ленин, подробно разобрав и отвергнув идеи и лозунги Парвуса, по поводу самой-то брошюры Троцкого⁵ выразил только сожаление, что «революционный социал-демократ» Парвус счел возможным выступить «вместе с Троцким»⁶, с его «революционной фразой». Больше ни о тов. Троцком, ни об его «оригинальной» теории Ленин не счел нужным сказать ни одного слова (*Ленин. Собр. сочинений*, т. VII, стр. 130). Кстати. Именно эту брошюру тов. Троцкий пытается теперь навязать партии как диплом на свою революционность, стараясь доказать, что Ленин оказался прав лишь постольку, поскольку стал на точку зрения этой брошюры тов. Троцкого. Об этом подробнее ниже.

За весь период первой революции, в годы, когда рабочие массы впервые в действии получили возможность проверить различные теории русской революции и вытекающие из них тактические приемы, когда Ленин ожесточенно отстаивал большевистскую схему револю-

ции, он ни разу не счел нужным добавить что-нибудь к своей характеристике принципиальной позиции Троцкого как к «революционной фразе». Ленин знал, что «левая фраза» Троцкого о «перманентной революции», во-первых, решительно ничего не определяла в действительном ходе революции и рабочего движения и что, во-вторых, она ничуть не мешала тов. Троцкому оставаться в меньшевистской организации, работать в меньшевистском центральном органе, политически сотрудничать с меньшевиками⁷. Ленин имел марксову привычку судить о людях, партиях, направлениях по делам, а не по словам.

Во всю эпоху первой революции (1905—1907 гг.), когда пролетариат впервые получил возможность выступить на арену в виде массовой силы, демонстрируя в действии свою классовую политику и свое отношение к другим классам, проявилась ожесточенная борьба только двух тактик, только двух политик, только двух схем русской революции: это были меньшевизм, который, недооценивая или пренебрегая крестьянством, тянул рабочий класс к соглашению с буржуазией, и большевизм, который звал крестьянство поддерживать рабочих в их борьбе и с царизмом и с буржуазией во имя диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта борьба большевиков и меньшевиков в первой революции за направление революции — как и вся первая революция — предвосхищала, в основном, борьбу, развернувшуюся до конца во второй революции, в революции 1917 г. Как и в этой последней, теория Парвуса — Троцкого в ходе первой революции не играла *никакой* роли: она — по предсказанию Ленина — осталась фразой, оторванной от подлинного хода классовой борьбы, и сохранилась не в живых событиях подлинной борьбы, а лишь на запыленных страницах старых меньшевистских газет. Вот почему Ленин не потратил на ее опровержение в ходе революции ни одного слова⁸.

В дни контрреволюции

Революционная волна спала. Партия перестраивается для длительной и тяжелой работы в атмосфере контрреволюции. «Левая фраза» потеряла всю свою эффективность. Приходится закладывать основы новой тактики, приходится спасать от контрреволюционного погрома, в атмосфере усталости рабочего класса, разгрома проле-

тарских организаций, разгула ренегатства, измены и злорадства над задавленной революцией, спасти то, что можно еще спасти,— знамя революционной тактики пролетариата, основы его нелегальных организаций. Приходится защищать знамя революционной политики рабочего класса, над которым начинают издеваться, которое топчут в грязь все меньшевики. В этот момент, самый трудный для большевистской партии, потому что вся атмосфера разгрома революции была направлена против большевиков, вся целиком поддерживала меньшевистские, ликвидаторские — по отношению к партии и к революции — тенденции, в этот момент тов. Троцкий, который, когда революция шла вверх, вместе с Парвусом обязательно хотел «быть революционнее всех», казалось, должен был бы прийти на помощь большевикам. Так, по крайней мере, поступил принципиальный наш противник в 1905—1907 гг. Плеханов. Старый революционер не выдержал: перед лицом всеобщей волны ренегатства он — рядом с большевиками — бросился в бой под знаменем: «генеральное отмежевание», т. е. генеральное отмежевание пролетарских революционеров от меньшевиков-ликвидаторов (правда, боевого пыла хватило у Плеханова ненадолго). Троцкий поступил обратно.

Первое выступление тов. Троцкого в этот момент начавшейся контрреволюции произошло на Лондонском съезде. Большевики воевали на съезде с меньшевиками-ликвидаторами, в частности с фракцией 2-й Думы, во главе которой стояли всем нам хорошо теперь известные политики: Церетели и Дан. Большевики критиковали эту думскую фракцию, как фракцию, которая, проводя на деле меньшевистские взгляды, пыталась встать на путь западноевропейского социал-демократического парламентаризма. Мы знаем, что это именно та теплица, в которой выращиваются самые отравленные плоды предательства рабочего класса. Против первых же шагов по этому пути большевики выступили с решительной критикой.

Тов. Троцкий, конечно, защищает меньшевистскую фракцию от большевистских нападков. Ленин характеризует его позицию: «Троцкий говорил от имени центра⁹, он выражал взгляды Бунда (Бунд — самая оппортунистическая организация, которая когда-либо была в партии, самая беспринципная; для нее, пожалуй, беспринципность характернее, чем оппортунизм: она была организацией ремесленников и отражала их непроле-

тарский дух.— Л. К.). Он громил нас за внесение¹⁰ «неприемлемой» резолюции. Он грозил прямо расколом... Разве это не чудовищно??... Одна возможность такой постановки вопроса показывает, что есть непартийное нечто нашей партии...¹¹ Это не принципиальная позиция, а беспринципность центра»¹² и, конечно, его защитника, Троцкого (*Ленин. Собр. соч.*, т. VIII, стр. 387—388).

Дальше тов. Ленин найдет еще гораздо более выразительные слова для характеристики позиции тов. Троцкого в момент, когда наша партия подытоживала опыт 1905 г. и на этой основе закладывала фундамент для всего будущего партии. Но эти слова Ленина уже превосхищают всю ту роль, которую суждено было тов. Троцкому играть в течение десятилетия относительно нашей партии.

Таково было *первое* выступление тов. Троцкого после революции 1905 г. С этого момента и вплоть до 1917 г. тов. Троцкий выступает неизменно как защитник меньшевиков против большевиков, как противник складывающейся в борьбе большевистской партии, и именно как таковой неизменно же рассматривается партией¹³.

Последуем теперь за Лениным и взглянем, как он характеризовал роль тов. Троцкого в трудном процессе создания большевистской партии, т. е. в процессе создания и теории и организации руководства пролетарской революцией.

1910 г. Май. Момент *формального выделения* большевиков, окончательного идейного и организационного размежевания большевиков с проводниками буржуазного влияния на пролетариат: меньшевиками-ликвидаторами, во главе которых идут Аксельрод и Мартов, и отзовистами, во главе которых известный впоследствии ренегат Алексинский.

Ленин пишет: «...представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутривнутрипартийной политике, в борьбе с большевиками... Резолюция Троцкого... только по внешности отличается от «излияний» Аксельрода и Алексинского. Она составлена очень «осторожно» и претендует на «сверхфракционную» справедливость. Но в чем ее смысл? Во всем виноваты-де «большевистские вожди»,— это та же «философия истории», что у Аксельрода и Алексинского»¹⁴ (*Ленин. Собр. соч.*, т. XI, часть 2-я, стр. 49—53). Нетрудно видеть, продолжает Ленин,

«как бессодержательны звонкие фразы в резолюции Троцкого, — как они служат *на деле* отстаиванию той же самой позиции, на которой стоят Аксельрод и К°, Алексинский и К°... Ведь в этом вся бездна различия между примиренчеством¹⁵ Троцкого и К°, которое на деле служит самую верную службу ликвидаторам и отзовистам, а потому является тем более опасным злом в партии, чем хитрее, изысканнее, фразистее оно прикрывается якобы партийными и якобы антифракционными декламациями, — и между партийностью действительной, которая состоит в очищении партии от ликвидаторства и отзовизма»¹⁶.

Ожесточенная борьба за основы большевизма продолжается. Все враги большевизма объединяются и единым фронтом наступают на большевиков, на партию, на ее центральные учреждения. Ленин возвращается к вопросу о значении этой борьбы и о роли Троцкого и пишет в конце 1910 г.: «За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются определенные практические действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами (меньшевиками) кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев (меньшевиков): разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения (большевиков), а с ними заодно — и партию, как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев (меньшевиков) и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться»¹⁷ (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2-я, стр. 182—183).

Как видите, товарищи, всякое бывало в нашей партии, и многое, что молодым членам партии кажется новым, для нас, стариков, и для внимательных читателей сочинений Ленина из молодежи совсем не кажется уж таким новым. Всякое бывало!

Ленин продолжает: «И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом*, что Троцкий ведет антипартийную политику, что он *разрывает* партийную *легальность*, вступает на путь *авантюры и раскола*... Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде (об антипартийных группах)¹⁸ потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима... Эти реальные цели — *антипартийный блок*¹⁹, каковой блок Троцким поддерживается и организуется... Этот блок, конечно, поддержит²⁰ Троцкого, ибо (антипартийные элементы) получают

здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими. И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников принципиальности социал-демократизма (в меньшевиках), в отзовистах²¹, Троцкий *не смеет*. В том-то и суть²² позиции аванюриста, что ему приходится перманентно увиливать... Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения *партийно-политических* задач... Годичный опыт²³ показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и *воплощают* это буржуазное влияние на пролетариат... Наконец, в-третьих, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном...*²⁴ (Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 187).

1911 г. Борьба за партию и ее идеи продолжается, Троцкий продолжает свою антипартийную политику, Ленин продолжает его характеристику.

В июне 1911 г. Ленин пишет: «Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции²⁵,— собрать разрозненные силы и идти в бой за РСДРП партию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат». И тут же добавляет: «Люди, подобные Троцкому, с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДРП, являются ныне «болезнью времени»... На деле это — проводники²⁶ *капитуляции* пред ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии»²⁷ (там же, стр. 322).

Через пару месяцев в специальном обращении «Ко всем партийным организациям, группам и кружкам»: «Отметим только еще одну наиболее общую черту в выступлениях группки Троцкого: в области тактических вопросов и внутривнутрипартийных принципиальных разногласий Троцкий находит в своем арсенале оружие для борьбы только с левым крылом партии. Само собой разумеется, что подобная политика является водой на мельницу только голосовцев (меньшевиков) и оппортунистов всех других оттенков»²⁸ (там же, стр. 338).

Троцкий продолжает свою политику, и Ленин продолжает его характеристику: «Посредством фразы при-

крываются *действительные* ликвидаторы и делаются всяческие попытки *мешать* работе антиликвидаторов, т. е. большевиков...²⁹ Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели³⁰ вреднее всякого ликвидатора, ибо *убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него*³¹. Всякий, кто поддерживает группу.³² Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К^о в России, *прикрывание их дел „революционной“*³³ фразой за границей — вот суть политики „троцкизма“»³⁴ (там же, стр. 359—360).

Эта характеристика: прикрывание левыми, якобы революционными, фразами практической политики правых дел, это — для Ленина — общая, характерная, из года в год повторяющаяся, во всяком вопросе, на каждом повороте выступающая вперед черта троцкизма, как такового. И ее Ленин не устает подчеркивать и выяснять партии именно как основную, характерную, но и наиболее опасную для партии и рабочего движения черту троцкизма.

Через несколько месяцев после сейчас приведенной характеристики Ленин пишет о Троцком: «Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д. (по-нынешнему: коммунист)³⁵, кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-демократизма в данной стране, в данное время, т. е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными не с.-д.³⁶ течениями»³⁷.

И еще через пару месяцев (декабрь 1911 г.): «Троцкий называет себя партийцем на том основании, что для него русский партийный центр, созданный подавляющим большинством русских с.-д. организаций, есть ноль... Революционная фраза служит для того, чтобы прикрывать и оправдывать фальшь ликвидаторства, засоряя тем сознание рабочих... Задача Троцкого в том и состоит, чтобы прикрывать ликвидаторство, бросая песок в глаза рабочим... С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают как³⁸ дипломата самой мелкой пробы»³⁹ (Н. Ленин. Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 446—448).

Нетрудно предвидеть, что найдутся люди, которые по поводу цитируемых мной документов партийной истории попытаются прибегнуть к самому легкому и вполне обывательскому объяснению: раздражение, острая схватка борьбы, случайные столкновения. Я поэтому и считаю своим малоприятным, но обязательным долгом — раз уж тов. Троцкий заставил партию обратиться к истории отношений между большевизмом и троцкизмом — проследить отзывы Ленина и характеристику Лениным отношений между партией и троцкизмом не в какой-нибудь год, не по поводу одного какого-нибудь вопроса, а систематически, на протяжении всех 15 лет, в которые партия знает троцкизм. Если определенное отношение к троцкизму проявляется у нашей партии не в какой-нибудь исключительный отдельный момент, не по отдельному данному вопросу, а проявляется систематически, в течение длинного ряда лет, на всех поворотах партийной истории, тогда даже самый умственно ленивый, самый обывательски настроенный человек — и тот не сможет объяснить этого раздражением, случайностью, пристрастием или чем-либо подобным; даже самый ленивый человек должен будет подумать: если 15 лет Ленин изо дня в день учит партию, что такое троцкизм, если его характеристика оказывается правильной при всех поворотах истории — и тогда, когда революция идет вверх, и тогда, когда она падает глубоко вниз, и тогда, когда она опять подымается, — то здесь дело не в раздражении, не в индивидуальных вкусах, а в том, что троцкизм есть, видимо, какое-то течение, которое появляется систематически и в систематической борьбе с которым только и можно было закладывать основы большевизма как теории и практики пролетарской коммунистической революции.

Тов. Троцкий не ограничивался проповедью тех взглядов, которые я характеризовал выше словами Ленина, только для русских рабочих. Известно положение большевиков во II Интернационале. Уже тогда большевики вообще, Ленин в частности, были одиозными фигурами для вождей II Интернационала. Уже тогда они чувствовали и в большевизме, и специально в Ленине какую-то новую силу, которая призвана их смести, и поэтому они охотно предоставляли органы печати II Интернационала для всякой клеветы, которой только было угодно выступить против большевиков и большевизма. В то же время Ленин за все время своей эмиграции, за все время революции и контрреволюции не получил

ни разу возможности с трибуны печатных органов II Интернационала обратиться к германским, французским или австрийским рабочим и рассказать им правду о большевизме. Фактически II Интернационал держал нас под бойкотом, но зато он охотно давал слово всем противникам Ленина — Мартову, Дану и Троцкому, которые могли без опасности для себя преподнести международному пролетариату любую ложь и любую клевету о большевиках, ибо они знали заранее, что Ленину слова для ответа дано не будет. Этой возможностью и пользовался Троцкий, чтобы излагать перед интернациональным рабочим движением приблизительно следующую «философию» большевизма: «Ленинцы — это кучка интеллигентов, которые под руководством не стесняющегося никакими средствами человека — Ленина — держат темными путями в своих руках движение русского пролетариата, который, благодаря своему невежеству и отсталости, верит большевикам; задача должна заключаться в том, чтобы освободить пролетариат России от засилия этой кучки и их лидера Ленина». Вот то представление о большевизме, которое тов. Троцкий тогда внушал Интернационалу. Так истолковывался им для европейских рабочих-социалистов исторический смысл внутрипартийной борьбы в России, смысл борьбы большевиков с меньшевиками.

По поводу статей Мартова и Троцкого на эту тему, обращенных ими к Интернационалу, Ленин в 1911 г. писал: «Мартов излагает взгляды меньшевизма. Троцкий плетется за меньшевиками, прикрываясь особенно звонкой фразой. Для Мартова «русский опыт» сводится к тому, что «бланкистская и анархистская некультурность одержали победу над марксистской культурностью» (читай: большевизм над меньшевизмом). «Русская социал-демократия говорила слишком усердно *по-русски*» (т. е. по-революционному.— Л. К.) в отличие от «*общеевропейских*» (т. е. парламентских.— Л. К.) приемов тактики. У Троцкого «философия истории» та же самая... На первый план выдвигаются «сектантский дух, интеллигентский индивидуализм, идеологический фетишизм». *Борьба за влияние на политически незрелый пролетариат* — вот в чем суть дела»⁴⁰.

Изложив эти взгляды, преподносимые тов. Троцким немецким рабочим, Ленин пишет: «Теория, видящая в борьбе большевизма с меньшевизмом борьбу за влияние на незрелый пролетариат, не нова. Мы встречаем ее с 1905 года (если не с 1903) в бесчисленных книгах,

брошюрах, статьях *либеральной* печати. Мартов и Троцкий преподносят немецким товарищам марксистски подкрашенные *либеральные взгляды*... «Иллюзия» думать,— заявляет Троцкий,— будто меньшевизм и большевизм «пустили глубокие корни в глубинах пролетариата». Это — образчик тех звонких, но пустых фраз, на которые мастер наш Троцкий. Не в «глубинах пролетариата», а в *экономическом содержании* русской революции лежат *корни* расхождения меньшевиков с большевиками. Игнорируя это содержание, Мартов и Троцкий лишили себя возможности понять исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России... Говорить о борьбе направлений в русской революции, раздавая ярлыки: «сектантство», «некультурность» и т. п. (словечки Троцкого против большевиков, которыми он пугал немецких филистеров.— Л. К.), и не говорить ни слова об основных экономических интересах пролетариата, либеральной буржуазии и демократического крестьянства — значит опускаться до уровня вульгарных журналистов»⁴¹.

Тов. Ленин разъясняет т. Троцкому: «Мартов защищает „воспитание“ крестьян (*революционно боровшихся с дворянством*) либералами (*которые предавали крестьян дворянам*). Это и есть подмена марксизма либерализмом. Это и есть марксистскими фразами прикрашенный либерализм... Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов (со стороны меньшевиков)⁴², из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством (со стороны большевиков)⁴³. Поэтому,— толкует т. Ленин т. Троцкому,— объяснять наши расколы влиянием интеллигенции, незрелостью пролетариата и т. п. есть ребячески наивное повторение либеральных сказок»⁴⁴. Как видим, Троцкий «шел к Ленину», рассказывая международному пролетариату либеральные сказки про ленинизм!..

«Между нашим взглядом и взглядом Мартова лежит пропасть, и эта пропасть между взглядами «интеллигентов» отражает только, вопреки Троцкому, пропасть, которая была *на деле* в конце 1905 г. *между классами*, именно между революционно⁴⁵ борющимся пролетариатом и изменнически ведущей себя буржуазией»⁴⁶.

Вот чего не понял в большевизме Троцкий, на взгляд Ленина. Много ли он понял в нем в таком случае?

«Троцкий извращает большевизм, ибо Троцкий никогда не мог усвоить себе сколько-нибудь определенных взглядов на роль пролетариата в русской буржуазной революции»⁴⁷.

Охарактеризовав все изложение большевизма перед неосведомленными немецкими рабочими со стороны тов. Троцкого как «утонченное вероломство», т. Ленин закончил свою характеристику такими словами: «Троцкий... был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательное соглашение с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций. Троцкий в теории *ни в чем* не согласен с ликвидаторами и отзовистами, а *на практике во всем* согласен с голосовцами и впередовцами (т. е. проводниками буржуазного влияния на пролетариат.— Л. К.)... Мне приходится заявить, что Троцкий представляет лишь свою фракцию и пользуется некоторым доверием *исключительно* у отзовистов и ликвидаторов»⁴⁸. (Ленин. Собр.соч., т. XI, ч. 2, стр. 292, 293, 296, 307, 308).

1912 г. Это — год перелома. В январе большевики окончательно рвут остатки организационных связей с меньшевиками и на своей, большевистской конференции (в Праге) создают свой, чисто большевистский ЦК, исключают из партии ликвидаторов и провозглашают революционную программу действий. В апреле, после ленского расстрела, бурной волной вновь, впервые после 1905 г., вздымается пролетарское движение. Оно целиком усваивает программу и тактику большевиков. Среди рабочих масс начинает расти и вскоре окончательно побеждает «большевистское поветрие», по злобному выражению тогдашних меньшевиков. Воспрявшее рабочее движение систематически «снимает с постов» тех ликвидаторов, которые успели захватить эти посты в контрреволюционных потемках предшествующих лет. Это — начало революционного наступления — под лозунгами большевиков, под руководством большевиков — наступления, которое к середине 1914 г. приводит уже к баррикадным боям в Ленинграде⁴⁹.

Какова была позиция т. Троцкого перед лицом этих решающих событий? Быть может, эта волна революционного подъема, этот новый рост рабочего движения увлек т. Троцкого с той позиции агента меньшевизма, на которой он стоял в предшествующие годы упадка и разложения? Быть может, его архилевая теория «перманентной революции», лежавшая годами без употребления, теперь поможет ему разорвать пуповину, связывающую его с контрреволюционным меньшевизмом?

Нет! Тов. Троцкий остается верен себе и... меньшевикам-ликвидаторам.

На организационное оформление и укрепление большевистской партии (январская конференция большевиков⁵⁰) он отвечает укреплением своего союза с меньшевиками для борьбы с большевизмом. Его усилиями создается так наз. августовский блок, союз, организационное объединение всех небольшевистских и противобольшевистских групп и группочек. Этот блок,— пишет Ленин,— «построен на беспринципности, лицемерии и пустой фразе»⁵¹. «Основа этого блока ясна: ликвидаторы пользуются полной свободой вести по-прежнему⁵² свою линию... а Троцкий⁵³ прикрывает их революционной⁵⁴ фразой, которая ему ничего не стоит, а их ничем не связывает»⁵⁵ (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 1-я, стр. 94. Апрель 1912 г.).

По поручению этого блока т. Троцкий усиленно грязнит большевиков, как руководителей начинающегося пролетарского подъема, перед Интернационалом. Эту его работу т. Ленин характеризует как «обман и введение в заблуждение немецких рабочих»⁵⁶. По поводу его статей, обращенных к немецким рабочим, т. Ленин писал, что они «отдают таким букетом беспардонного хвастовства и фразистой лжи, что не допускают сомнения в том, что ликвидаторский заказ на эти статьи попал в опытные руки»⁵⁷ (там же, стр. 93).

Но, быть может, тов. Троцкий был заодно с врагами большевиков только в их борьбе с большевистской организацией? Может быть, в вопросах об оценке, задачах, целях, тактике поднимающегося пролетарского движения, в оценке задач, целей, тактики *новой революции* он отходил от контрреволюционных меньшевиков, служивших либералам?

Послушаем опять Ленина: «Троцкий... проклиная на все лады конференцию, уверял добряков, что «борьба за свободу коалиций является *основой*»⁵⁸ ленских событий и их отголосков, что «это требование стоит и будет

стоять *в центре*⁵⁹ революционной мобилизации пролетариата». Прошла какая-нибудь неделя, и эти жалкие фразы подголоска ликвидаторов были сметены, как пыль...»⁶⁰

«...Только либеральные болтуны и либеральные рабочие политики,— продолжал Ленин,— могут ставить «в центре революционной мобилизации» свободу коалиций»⁶¹. Политике ликвидаторов и т. Троцкого т. Ленин тут же противопоставляет революционно-большевистскую политику питерского пролетариата. «Пролетариат⁶² Петербурга,— писал Ленин,— понял, что не во имя одного из прав (свободы коалиций.— Л. К.)... а во имя *свободы всего народа* должна быть начата новая революционная борьба... Пролетариат⁶³ Петербурга понял... что надо бить в центр, нападать на источник зла, разрушать всю систему, весь строй царски-черносотенной России. Пролетариат⁶⁴ Петербурга понял, что смешно и глупо предъявлять требование свободы коалиций...»⁶⁵ «Нет ничего более лживого, как либеральная выдумка, пввторяемая вслед за ликвидаторами Троцким... будто «борьба за свободу коалиций является *основой* как ленской трагедии, так и ее могучего отголоска в стране»⁶⁶ (там же, стр. 183, 185).

Разница в самом подходе к *основным* задачам второй (после 1905 г.) революции большевиков, с одной стороны, и меньшевиков и т. Троцкого — с другой — совершенно ясна. Но Ленин еще и еще поясняет антиреволюционный подход Троцкого к этим основным задачам.

Троцкий тогда вслед за меньшевиком Аксельродом носился с идеей «европеизировать» борьбу русских рабочих, т. е., как пояснял тот же Аксельрод, «коренным образом изменить характер партии, как он сложился в дореволюционную и дальше развился в революционную эпоху, и организовать ее на тех же началах, на каких зиждется партийный строй европейской социал-демократии». Троцкий плелся за Аксельродом. Он видел свое преимущество перед «некультурными», «варварскими», «сектантски неистовыми» азиатами-большевиками в том, что он, Троцкий,— «европеец» и борется «под тактическим знаменем европейской социал-демократии». Но что обозначало это противопоставление «европеизма», «европейской тактики» — большевизму? Только одно: отказ от непосредственно революционных задач рабочего движения в царско-помещичьей России ради парламентской тактики европейских социалистов II Ин-

терминационала. О пресловутой «европеизации», писал Ленин, «на все лады говорят и Дан, и Мартов, и Троцкий, и Левицкий, и все ликвидаторы»⁶⁷. Здесь — один из главных гвоздей оппортунизма. Их оппортунизм в том, пояснил Ленин, что они хотят придать «европейский» парламентско-пропагандистский характер партии как раз тогда, когда перед ней стоят не европейские, а непосредственно революционные боевые задачи, они хотят таким образом *обойти* задачи революции, подменить революционную тактику тактикой парламентской. В устах ликвидаторов и Троцкого в период 1910—1914 гг. словечки об «европеизме», дополняемые словечками о «варварстве» большевиков, прикрывали отказ от революционных задач и революционной тактики пролетариата в России.

Вот что писал Ленин по поводу одного такого «европейского» выступления Троцкого: это мечтание «оппортунистического интеллигента, который в обход трудных неевропейских условий рабочего движения в России (Ильич эту статью писал для легальной «Звезды»⁶⁸ и потому употреблял легальные слова; читать следовало: в обход революционных задач рабочего движения в России.— Л. К.) сочинил отменно-хороший европейский план и по случаю сочинения такого плана хвастался на весь мир своим „европеизмом“»⁶⁹.

Эта тактика, сводившаяся фактически к проповеди перехода партии с революционных путей на путь тогдашних мирных европейских социалистов, проповедовалась как раз тогда, когда новая волна революционного подъема после ленского расстрела требовала именно революционного руководства. Быть может, кто-либо задаст себе вопрос: как же теория «перманентной революции» не удержала тов. Троцкого от подобной неревolutionной тактики, как мог он, придерживаясь этой архилевой теории в явно революционной обстановке 1912—[19]14 гг., проповедовать — рядом с меньшевиками — подобную антиреволюционную тактику?

Но тот, кто задал бы подобный вопрос, лишь доказал бы, что он и теперь еще не усвоил ленинской характеристики троцкизма: прикрывание левой («несуразно левой, архизвонкой», — писал Ленин) фразой правой политики.

«Взгляните на платформу ликвидаторов, — разъяснял наивным людям т. Ленин еще в 1913 г. — Ее ликвидаторская суть искусно прикрыта революционными фразами Троцкого. Наивных и совсем неопытных людей это

прикрытие может иногда ослепить... Но самое небольшое внимание быстро рассеет такой самообман»⁷⁰.

Мы подошли к 1914 г. Революционное движение пролетариата идет все вперед, волны революционного приобоя все выше. Позиция Троцкого в основных вопросах революции и тактики пролетарского движения остается все той же.

Вот что пишет Ленин в [19]14-м г.:

«Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой»⁷¹ (Ленин. Собр. соч., т. XII, ч. 2-я, стр. 536—537).

«...У ликвидаторов есть *своя* физиономия, либеральная, а не марксистская. Всякий, знакомый с писаниями⁷² Ф. Дана, Л. Мартова, Потресова и К⁰, знает эту физиономию. У Троцкого же никогда никакой «физиономии» не было и нет, а есть только перелеты, переметывания от либералов к марксистам и обратно, обрывки словечек и звонких фраз, надерганных отсюда и оттуда... На деле, под прикрытием особенно звонких, пустых и туманных фраз, Троцкий проводит, запутывая незнательных рабочих, защиту ликвидаторов своим замалчиванием вопроса о подполье (т. е. о революционной организации и политике рабочего класса.— Л. К.), уверениями, что у нас нет либеральной рабочей политики (т. е. стремления меньшевиков подчинить рабочее движение кадетам.— Л. К.) и т. д. К семерке депутатов с Чхендзе во главе Троцкий обращается с специальными длинными поучениями о том, как *похитрее* надо проводить отрицание подполья и партии»⁷³ (там же, стр. 410—413).

Наступили переломные месяцы 1914 г. Рабочее движение переходило от массовых политических и экономических стачек к вооруженным демонстрациям, которые были прерваны только военной мобилизацией. В июле рабочий класс Петербурга был уже на баррикадах. Надо было подводить итоги, надо было предупредить рабочий класс, какие политические течения и фигуры выйдут перед ним из подполья, из заграничной эмиграции, для того чтобы руководить его дальнейшим движением. Ленин пишет итоговую статью и печатает ее в мае 1914 г. в большевистском журнале «Просвещение». Он подводит итог 10-летней борьбе большевизма с троцкизмом, борьбе, которую мы пересмотрели на различных ее стадиях:

«Старые участники марксистского движения в России хорошо знают фигуру Троцкого, и для них не стоит говорить о ней. Но молодое рабочее поколение не знает ее, и говорить приходится, ибо это — типичная фигура... Во времена старой «Искры» (1901—1903) для этих колеблющихся и перебегающих от «экономистов» к «искровцам» и обратно была кличка: «тушинский перелет» (так звали в Смутное время на Руси воинов, перебежавших от одного лагеря к другому).

Когда мы говорим о ликвидаторстве, мы устанавливаем известное идейное течение, годами выроставшее, связанное корнями с «меньшевизмом» и «экономизмом» в 20-летней истории марксизма, связанное⁷⁴ с политической и идеологией определенного класса, либеральной буржуазии.

«Тушинские перелеты» объявляют себя выше фракций на том единственном основании, что они «заимствуют» идеи сегодня одной, завтра другой фракции. Троцкий был ярым «искровцем» в 1901—1903 годах, и Рязанов назвал его роль на съезде 1903 года ролью «ленинской дубинки». В конце 1903 года Троцкий — яркий меньшевик, т. е. от искровцев перебежавший к «экономистам»; он провозглашает, что «между старой и новой «Искрой» лежит пропасть». В 1904—1905 году он отходит от меньшевиков и занимает колеблющееся положение, то сотрудничая с Мартыновым («экономистом»), то провозглашая несуразно-левую «перманентную революцию». В 1906—1907 году он подходит к большевикам и весной 1907 года заявляет себя солидарным с Розой Люксембург.

В эпоху распада, после долгих «нефракционных» колебаний, он опять идет вправо и в августе 1912 года входит в блок с ликвидаторами. Теперь опять отходит от них, повторяя, однако, *по сути дела*, их же идейки.

Такие типы характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало...

Надо, чтобы молодое рабочее поколение хорошо знало, с кем оно имеет дело, когда с невероятными претензиями выступают люди, не желающие абсолютно считаться *ни* с партийными решениями... *ни* с опытом современного рабочего движения в России...»⁷⁵ (Собр. соч., т. XII, стр. 462).

Вот что, как итог большевистской десятилетней борьбы не только с меньшевизмом, но и с троцкизмом, считал необходимым сказать Ленин молодому поколе-

нию рабочих накануне нового подъема революционно-го движения рабочего класса.

Не подумайте, что здесь подобраны специально те места из работ Ленина, где Ленин порезче высказывался о т. Троцком,— это было бы недостойно. Нет, я взял все то, что есть у Ленина о т. Троцком, все не в том смысле, что взял все цитаты,— количество цитат можно было бы увеличить в десяток раз,— но в том смысле, что эти слова характеризуют полностью то, что т. Ленин считал необходимым сказать о т. Троцком русским рабочим до 1914 г. Каждый понимает, что если эти характеристики делаются из года в год не по поводу той или другой ошибки, а по поводу общей линии т. Троцкого, то они делаются не из каких-либо посторонних соображений, а только потому, что т. Ленин видел в этой фигуре воплощение такой струи, такой политической тенденции, которая была вредна для дела большевизма. Поэтому и только поэтому Ленин считал необходимым предостеречь партию против троцкизма.

В дни войны

Наступила война, которую Ильич правильно назвал всемирно-историческим событием в жизни человечества и величайшим испытанием для международного социализма, которое выявило непроходимую пропасть между оппортунистами и революционными коммунистами. Наступил момент, когда каждый должен был выбрать свою позицию. Наступил момент, когда раз навсегда должны были быть покончены всякие колебания и когда то, что Ленин назвал мелкой дипломатией, перебеганием из одного лагеря в другой, должно было кончиться.

Так ли это было? Заставила ли война тов. Троцкого раз навсегда порвать с оппортунизмом, порвать с поддержкой правых, отказаться от той роли защитника и прикрывателя меньшевиков, которую десять лет разоблачал тов. Ленин?

С того времени, когда тов. Троцкий вступил в нашу партию и стал верой и правдой служить ей и этим вписал славные страницы и в свою биографию и в историю партии, мы не считали возможным останавливаться на этих вопросах. И это было правильно. Но, когда он вступает на путь фальсификации истории и идей большевизма, когда он пытается экспроприировать идей-

ный багаж партии, когда он тщится подменить ленинизм троцкизмом в качестве идеологии русского и международного пролетариата, тогда он сам заставляет нас поставить эти вопросы.

Что же, развела ли война тов. Троцкого с оппортунистами? Была ли прекращена перед грандиозностью событий политика мелкой дипломатии? Увы, нет. Так же, как в 1905 г., он сумел сочетать архиреволюционную, «несуразно-левую» фразу с сотрудничеством с меньшевиками, так и в эпоху войны тов. Троцкий сумел сочетать свой интернационализм с поддержкой оппортунизма.

Уже летом 1915 г. тов. Ленин пишет: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству. Это — аксиома. И оспаривают ее только сознательные сторонники или беспомощные прислужники социал-шовинистов... К числу вторых принадлежит Троцкий...»⁷⁶ Приведя возражения тов. Троцкого против взглядов большевиков (этих «возражений» читатель не найдет, однако, в сборнике статей Троцкого «Война и революция» по той причине, что они там Троцким *выпущены*), тов. Ленин продолжает: «Вот — образец надутых фраз, какими Троцкий всегда оправдывает оппортунизм... Если бы Троцкий подумал⁷⁷, то увидел бы, что он стоит на точке зрения войны правительств и буржуазии, т. е. он раболепствует перед «политической методологией социал-патриотизма», говоря вычурным языком Троцкого»⁷⁸.

«Троцкий,— говорит тогда же Ленин,— который, как и всегда, ни в чем принципиально не согласен с социал-шовинистами, но во всем практическом согласен с ними»⁷⁹.

Тогда же: «...Троцкий, также отвергая эту идею, равным образом отстаивает единство с оппортунистической и шовинистической группой «Нашей Зари» (т. е. меньшевиков.— Л. К.)... Все это — проявление того зла, которое голландские марксисты⁸⁰ назвали «пассивным радикализмом» и которое сводится к замене революционного марксизма эклектизмом в теории и к раболепству или бессилию перед оппортунизмом на практике»⁸¹. Тогда же: «(Такие-то)⁸² и Троцкий, по-моему, все вреднейшие «каутскианцы» в том смысле, что все в разных формах за единство с оппортунистами, все в разных формах *прикрашивают* оппортунизм, все проводят (по-разному) эклектицизм вместо революционного марксизма»⁸³. Тогда же: Мартов и Троцкий желают

«совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с «Нашей Зарей», ОК (Центр. Комитет меньшевиков.— Л. К.) или фракцией Чхеидзе»⁸⁴.

Конец 1915 г.: «Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают *нежелание* поднимать крестьян на революцию!»⁸⁵

Тогда же: «Чхеидзе и К^о явно виляют: они — верно⁸⁶ друзья «Нашего Дела» (орган оборонцев.— Л. К.), ими доволен Алексинский... и они же «играют» в левизну при помощи Троцкого!! Думаю, сознательных правдивых (большевиков.— Л. К.) не проведут!»⁸⁷ Тогда же: «Троцкий и К^о заграничных лакеев оппортунизма напрягают все усилия, чтобы «замазать» разногласия и «спасти» оппортунизм «Нашей Зари» при посредстве обеления и превознесения фракции Чхеидзе...»⁸⁸

Начало 1916 г.: «...бессильные дипломаты или «блото», вроде Каутского в Германии, Лонге во Франции, Мартова и Троцкого в России, приносят величайший вред рабочему движению, отстаивая *фикцию* единства и тем мешая назревшему, насущному объединению *оппозиции* всех стран, созданию III Интернационала»⁸⁹.

Март 1916 г.: «А Троцкий? Он горой за самоопределение, но и у него это пустая фраза, ибо он не требует отделений наций⁹⁰, угнетенных «отечеством» *данного* национального социалиста; он *молчит* о лицемерии Каутского и каутскианцев!»⁹¹

Октябрь 1916 г.— 12 месяцев до нашего Октября: «Каковы бы ни были субъективные «благие» намерения Троцкого и Мартова (они — для Ленина — все еще едины суть! — Л. К.), объективно они своей уклончивостью поддерживают русский социал-империализм»⁹².

Декабрь 1916 г.: «Гобсон... превосходно подошел еще с 1902 г.⁹³ к вопросу и о значении «Соединенных Штатов Европы» (к сведению каутскианца Троцкого!) и всего того, что затушевывают *лицемерные каутскианцы* разных стран, именно: что *оппортунисты* (социал-шовинисты) работают вместе с империалистской буржуазией *как раз* в направлении создания империалистской Европы на плечах Азии и Африки... На эту экономическую, наиболее глубокую, связь именно империалистской буржуазии с победившим ныне (надолго ли?) рабочее движение оппортунизмом мы указывали неоднократно, не только в статьях, но и в резолюциях нашей партии. Отсюда выводили мы, между прочим, неизбеж-

ность раскола с социал-шовинизмом. Наши каутскианцы предпочитали обходить вопрос!»⁹⁴

17 февраля 1917 г. (февраль 1917 года!): «...Троцкий — левые фразы и блок с правыми против цели⁹⁵ левых!»⁹⁶ Еще через месяц и через две недели после Февральской революции, 17 марта 1917 г.: «По-моему, главное теперь — не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися, вроде организационного комитета (меньшевиков)⁹⁷, Троцкого и К⁰) и продолжать работу своей партией в последовательно-интернациональном духе»⁹⁸.

К этому следует, пожалуй, добавить только одно: за весь этот период тов. Троцкий был решительным противником «циммервальдской левой», во главе которой стоял тов. Ленин и которая являлась именно тем зерном, из которого развился III Интернационал. III Интернационал родился не только в борьбе с Шейдеманами и Вандервельдами, он развился и окреп в борьбе с циммервальдским «центром», с Каутским и с Троцким. Практическая политика этого «центра» сводилась к тому, чтобы *не* рвать окончательно со II Интернационалом, *не* основывать III Интернационала, чего добивался Ленин во главе «циммервальдской левой».

Вот политическая линия тов. Троцкого, охарактеризованная словами тов. Ленина на протяжении почти двух десятков лет. Тов. Ленин не изменяет своей характеристики и своего отношения к линии тов. Троцкого ни в момент величайшего подъема революции, ни в момент ее глубочайшего падения. «Тушинский перелет», «левые фразы и блок с правыми против целей левых»⁹⁹, реальная служба экономизму, меньшевизму, ликвидаторству, каутскианству в их борьбе против большевизма под прикрытием особенно звонкой левой фразы — вот общий итог этой характеристики — не личности тов. Троцкого, а «троцкизма» как течения.

Ни один ленинец, всерьез приемлющий это имя, не допустит и мысли о том, что это систематическое — на протяжении десятков лет — разоблачение т. Лениным позиции тов. Троцкого могло быть вызвано какими-либо индивидуальными причинами. Систематическая, страстная борьба т. Ленина против троцкизма подказывалась тем, что тов. Ленин видел в троцкизме определенное течение, враждебное идеологии и организации

большевистской партии, течение, на практике служившее меньшевизму. Эта борьба против троцкизма не была случайным элементом на том или другом повороте истории, при том или другом событии, она была неизбежной составной частью выковывания подлинной пролетарской партии и подлинной пролетарской идеологии. С меньшевизмом бороться сравнительно легко,— как бы говорил тов. Ленин,— потому что его антипролетарский облик, откровенный, до конца идущий, не прячущий своей либеральной сущности, становится через маленький опыт понятным каждому рабочему, и рабочий его отвергает. Нужно бороться с наиболее прикрытыми формами меньшевизма, с теми формами, которые прикрывают оппортунистическую политику левой, революционной фразой, с той формой меньшевизма, которая приспособляет меньшевизм к революционному настроению масс. Врагом является не только тот, кто с открытым забралом борется против большевизма, но также и те группки, которые прикрывают борьбу этих откровенных врагов революционными фразами и, пользуясь доверием к этим фразам, облегчают дело врагов партии.

Ленин лишь формулировал то отношение к троцкизму, которое характеризовало всю большевистскую партию в целом, хотя — в особенно трудные моменты жизни партии — тов. Троцкому иногда удавалось пленить своей фразой и своей «мелкой дипломатией», правда всегда на очень короткий срок, отдельных большевиков.

Вот именно этот последний факт особенно рельефно подчеркивает те обстоятельства, которые из «троцкизма», как из исторического явления, делали препятствие в строительстве большевистской партии как идейного руководителя и организатора пролетарского движения. Троцкизм был всегда наиболее благовидной, наиболее прикрытой, наиболее приспособленной к обману именно революционно настроенной части рабочих формой меньшевизма. Там и тогда, где и когда меньшевизм в его оголенной форме, в его либердановской форме, оказывается уже явно неприемлемым, там и тогда мог еще пользоваться некоторым политическим кредитом троцкизм. Так было в 1905 г., так было в 1912—1914 гг., так было и в эпоху войны. Во все эти моменты гибкая фраза тов. Троцкого прикрывала и спасала банкротившийся меньшевизм. В мелкобуржуазной стране, где еще недавно чуть ли не каждый интеллигент почитал себя «марксистом», где рабочий класс испытывает на себе громаднейшее влияние мелкобуржуазной стихии,

программа и тактика коммунистической партии могла быть выработана только в систематической, ожесточенной, непримиримой борьбе со всеми формами буржуазного влияния на пролетариат. Наиболее опасными формами этого влияния являлись, естественно, именно те, которые наиболее «тонко», наиболее «дипломатично», наиболее беспринципно маскировали, прикрывали свою антикоммунистическую сущность, которым ничего не стоило в любой момент прикрыть свои «правые дела» особенно «левой фразой». Воплощением этого типа антибольшевистских влияний и был троцкизм. Когда ход классовой борьбы вышибал из сознания пролетария всякое доверие к Дану, Дан оставлял за собой свою тень: этой тенью был Троцкий. Вот почему во все времена партийной истории троцкизм с его «левой фразой», прикрывавшей «правые дела», с его беспринципной проповедью примирения большевизма и меньшевизма, с его критикой ленинской «грубости», «варварства», «прямолинейности», «догматизма» и «сектантства» — всегда очаровывал околопартийную [и] внутривнутрипартийную интеллигенцию.

Вот почему тов. Ленин на протяжении десятков лет считал троцкизм опаснейшим препятствием для построения большевистской партии, вот почему он не устал разоблачать троцкизм и предостерегать от него партию. Вот почему борьба с троцкизмом, как борьба с меньшевизмом, входит в самое понятие большевизма. Без понимания опасностей троцкизма — нет большевизма.

2. ТОВ. ТРОЦКИЙ ВСТУПАЕТ В ПАРТИЮ

Описанные выше отношения между большевизмом и троцкизмом сам тов. Троцкий предпочитает характеризовать словами: «Я шел к Ленину с боями». Сказано это не только кокетливо, но и красиво. Тов. Троцкий — мастер на красивые фразы. Партия, ЦК, Ленин всегда знали это достоинство тов. Троцкого и не раз — с пользой для партии — поручали ему устные и письменные выступления, в которых требовалась особая красота фразы. К сожалению, вопрос, затронутый тов. Троцким в вышеприведенных словах, слишком серьезен, чтобы удовлетвориться красивой фразой.

Во-первых, эта фраза неверна, во-вторых, она рассчитана на то, чтобы, очаровав читателя красотой,

скрыть истинную мысль Троцкого. Чтобы сказать правду в ее неприкрашенной форме, нужно выразиться так: эта красивая фраза лицемерна.

Действительно. Правда ли, что всю ту историю, которую мы с вами рассмотрели с 1903 г. вплоть до февральских дней, можно охарактеризовать словами Троцкого: «Я шел к Ленину с боями»? Троцкий, видимо, очень доволен историей своих отношений с большевизмом; по крайней мере, в своей книжке «Новый курс» всего только несколько месяцев назад он писал: «Я вовсе не считаю тот путь, которым я шел к ленинизму, менее надежным и прочным, чем другие пути». Это очень утешительно для Троцкого. Но может ли партия, не изменяя себе, считать надежным и прочным тот путь Троцкого к нашей партии, который мы только что с вами под руководством Ленина просмотрели? Если этот путь есть действительно «путь к Ленину», то, следуя словам тов. Троцкого, каждый бывший меньшевик, каждый бывший эсер, которых немало в нашей партии, может сказать: «Я, собственно, не был меньшевиком или эсером, я просто шел к большевикам „с боями“».

Во всяком случае ясно одно: партия не может никому рекомендовать тот путь к большевизму, которым прошел Троцкий; она, во-вторых, не может этого пути считать ни «надежным», ни «прочным».

Несужели же в партии, кроме тов. Троцкого, найдется хотя один человек, который полагает, что 15-летняя попытка дискредитировать идейные и организационные основы большевизма, что 15-летний, временами прикрытый, временами открытый блок со злейшими врагами партии есть «прочный и надежный» путь к Ленину? Товарищи, которые вступали в нашу партию из рядов других партий, обычно заявляли, что они ошибались, что, по-своему понимая интересы рабочего класса и по-своему служа им, они ныне убедились, что их путь неправильный, что они признают большевистскую идеологию и отказываются от прежних заблуждений. Партия не требовала подобного признания у Троцкого и, конечно, поступала правильно: Троцкий сдал экзамен, и сдал его превосходно. Но это отнюдь не значит, что партия может разрешить Троцкому его 15-летнюю борьбу против большевиков и Ленина именовать прочным и надежным путем к ленинизму, не может примириться с тем, что блестящими и эффектными фразами прикрываются искажения партийной истории.

Но эта фраза не только неверно описывает то, что

было до вхождения Троцкого в партию. Она неверно описывает и тот идейный багаж, с которым Троцкий вошел в партию, она неискренна, ибо скрывает то, что подлинно думает Троцкий. Прийти к Ленину, хотя бы с боями, не значит ли отказаться от своих заблуждений, от того, что считал ошибкой Ленина, и признать ленинскую правду во всех основных вопросах революции? Я утверждаю, что Троцкий понимает свой приход к Ленину наоборот, что он не думает, что большевизм оказался более прав, чем троцкизм. Троцкий вступил в партию с убеждением, что не он должен учиться большевизму у партии, а он должен учить партию троцкизму, подправлять ленинизм троцкизмом. В книге Троцкого «Война и революция» * (т. I, стр. 27) значит:

«Были три пункта, где «Наше слово» (газета Троцкого.— Л. К.) — и после того, как оно окончательно перешло в руки левого крыла редакции,—не сходилось с «Социал-демократом» (органом ЦК большевиков, руководимым Лениным и Зиновьевым.— Л. К.). Эти пункты касались пораженчества, борьбы за мир и характера грядущей русской революции. «Наше слово» отвергало пораженчество (которое Ленин с самого начала войны считал основным признаком подлинного революционного интернационализма.— Л. К.). «Социал-демократ» отвергал лозунг борьбы за мир... противопоставляя ему гражданскую войну (которую отвергал Троцкий.— Л. К.). Наконец, «Наше слово» стояло на той точке зрения, что задачей нашей партии должно быть завоевание власти во имя социалистического переворота. «Социал-демократ» продолжал оставаться на позиции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

* Эта книга есть сборник статей Троцкого за эпоху войны, по поводу которых я выше привел отзывы Ленина. Очень жаль, что редактор сочинений тов. Троцкого, собравший в примечаниях к «1917 году» все то, что говорили о выступлениях т. Троцкого Сухановы, «Новая жизнь» и др., не приложил к этому сборнику статей, на которых т. Троцкий хочет учить партию, отзывы т. Ленина. Может быть, это было бы лучше в целях воспитания той молодежи, к которой обращаются эти книги. Ведь книга Троцкого о войне и революции не может быть воспринята в нашей партии, особенно молодыми членами партии, в частности учащейся частью нашей партии, иначе как изложение взглядов коммунизма. Поскольку же наша партия не говорит, что это не так, что это не ленинизм, что по этой книжке коммунизму учиться нельзя, поскольку Троцкий сам не побеспокоился приложить к ней отзывы тов. Ленина, постольку она может быть воспринята как учебник. А мы все должны немножечко заботиться о тех, кто придет завтра к нам на смену.

Несколькими строками выше этого немаловажного признания Троцкий сообщает, что «разногласия между «Социал-демократом» и «Нашим словом», казавшиеся вначале очень значительными, уменьшались...».

В редакции «Нашего слова» рядом с Троцким был Мартов, затем, под влиянием беспощадной критики со стороны Ленина и роста революционных коммунистических элементов, Мартов вышел из редакции. В редакции «Нашего слова» остался Троцкий. И вот, уже после этого, после того как разногласия «уменьшились», когда газета окончательно перешла в руки левого крыла редакции, т. е. в руки Троцкого, остались именно эти три разногласия по вопросу о пораженчестве, по вопросу о гражданской войне и мире и по вопросу о характеристике грядущей русской революции.

Вот описание разногласий, разделявших большевиков и Троцкого накануне революции 17-го года, данное самим Троцким; разногласия, как видит всякий, не какие-либо второстепенные, не чисто теоретические или узкоорганизационные. Нет, сам Троцкий должен признать, что его разногласия с большевиками накануне революции обнимали основные, коренные, решающие вопросы. Если, по словам Троцкого, разногласия, уменьшившись, касались вопросов о пораженчестве, гражданской войне и характере русской революции, то интересно было бы узнать, в чем же, собственно, Троцкий сходился с Лениным.

Ленин был за поражение «своей» буржуазии в империалистской войне — *Троцкий против!*

Ленин был за гражданскую войну — *Троцкий против.*

Ленин был за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства — *Троцкий против!* (усиленно пугая — по выражению Ленина — в этом вопросе при помощи левой фразы о перманентной революции)¹⁰⁰.

Здесь, в этом и последнем пункте, Троцкий кажется левее Ленина. Каким образом это происходит? Будучи в вопросах конкретных, которые стояли тогда на очереди дня, в вопросе за поражение или против поражения своей буржуазии в войне, за призыв к гражданской войне или против призыва к гражданской войне, фактически на точке зрения меньшевиков — или, в лучшем случае, центра, — он в вопросе о ходе грядущей революции кажется гораздо левее Ленина, не удовлетворяется диктатурой пролетариата и крестьянства, а требует обязательно перманентной революции. В чем тут де-

ло? Да в том же самом, о чем все время в продолжение десяти лет твердил нам тов. Ленин, когда соприкасался с вопросами троцкизма: правая политика сегодняшнего дня, прикрытая несуразно-левой фразой. Итак, вот позиция Троцкого накануне революции, охарактеризованная его собственными словами.

К этим трем разногласиям, впрочем, следует прибавить упущенное Троцким разногласие по вопросу о II и III Интернационалах. Ленин во главе циммервальдской левой был за немедленный разрыв со II Интернационалом и с Каутским и за создание таким путем III Интернационала. *Троцкий* в рядах каутскианского центра был против этого.

Но всего только через несколько месяцев после того, как четко и ясно были констатированы эти разногласия, Троцкий примкнул к большевистской партии. Что же при этом стало с разногласиями Троцкого с Лениным? В данной статье Троцкий ограничивается кокетливо-жеманным умолчанием. «Мартовская революция, — пишет он, — ликвидировала эти разногласия». Все? — Все! Но как? — Троцкий кокетливо молчит! Но все-таки как же были ликвидированы эти немаловажные разногласия? Партия имеет право поставить этот вопрос, раз сам тов. Троцкий заставил ее заняться своей историей¹⁰¹.

Следует ли понимать его заявление о том, что революция ликвидировала разногласия между Троцким и большевизмом в том смысле, что Троцкий, убедившись, что его позиция во всех этих немаловажных пунктах неправильна, перешел на точку зрения большевиков? Так сделал один из виднейших теоретиков меньшевизма, тов. Мартынов, сказавший: «Я 30 лет по-своему служил рабочему классу, теперь вижу, что путь мой был неправилен. История подтвердила правильность взглядов Ленина на русскую революцию, и я к ним присоединяюсь». Такого ответа тов. Троцкий партии не дал.

Троцкий о себе и о ленинизме

Однако ответ у него есть. В своей книге «1905» (стр. 4—5) Троцкий пишет: «В промежуток между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г. сложились у автора (т. е. у Троцкого.— Л. К.) те взгляды на характер революционного развития России, которые получили на-

звание теории «перманентной революции»... Хотя и с перерывом в 12 лет, эта оценка подтвердилась целиком». (Написано в 1922 г.) Такова, на взгляд Троцкого, счастливая судьба его, Троцкого, теории.

Но этой теории противостояла в течение всех этих 12 лет другая теория, теория Ленина, нашедшая свое выражение в формуле: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». «Эту мысль,— пишет в 1918 г. и повторяет без оговорок в 1922 г. тов. Троцкий,— Ленин неумоимо повторяет начиная с 1904 г. Но от этого она не становится правильной».

Троцкий свидетельствует, что через 12 лет после ее зарождения, т. е. в революцию 1917 г., его теория «оправдалась целиком». Как же быть с теорией Ленина? Она, значит, не оправдалась? Не могли две теории, которые десяток лет друг другу противостояли, по поводу одной из которых Ленин утверждал, что это не теория русской революции, а революционная фраза, прикрывающая мешанину из меньшевизма и большевизма, оправдаться одновременно. Если теория Троцкого и оправдалась, то, значит, с ленинской теорией, под знаменем которой он 12 лет собирал партию, случилась какая-то беда. Так и есть — беда действительно случилась. Мы узнаем это от Троцкого. В той же книге («1905») Троцкий, характеризуя основную идею Ленина как голую абстракцию, пишет, что большевики «приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения пролетариата, в руках которого находится государственная власть». «Правда,— продолжает Троцкий,— разница между ними (меньшевиками и большевиками) в этом вопросе весьма значительная: в то время как антиреволюционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, *антиреволюционные черты большевизма* (подчеркнуто ради важности этого сообщения мной — Л. К.) грозят огромной опасностью только в случае революционной победы». Далее оказывается, что «большевики (как и меньшевики) пугаются последствий классовой борьбы».

Итак, мы узнаем здесь сразу несколько чрезвычайно любопытных вещей. Во-первых, оказывается, что ленинская теория русской революции продиктована испугом перед последствиями классовой борьбы пролетариата. Это уже недурно и прекрасно подтверждается, как много понял Троцкий в большевизме. А во-вторых,— и это наиболее существенно,— мы узнаем, что у больше-

визма, как и у меньшевизма, есть антиреволюционные черты и что эти антиреволюционные черты большевизма особенно опасны в случае революционной победы. Ясно, что с теорией, которая имеет в себе антиреволюционные черты, особенно опасные тем, что они сказываются в случае революционной победы, нельзя вести пролетариат в бой, хотя бы с некоторой надеждой на победу.

Перепечатавая и подтверждая в 1922 г. эту характеристику большевизма, Троцкий снабдил фразу об опасностях антиреволюционных черт у большевизма примечанием: «Этого, как известно, не случилось, так как под руководством тов. Ленина большевизм совершил... свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весной 1917 г., т. е. до завоевания власти» (*Л. Троцкий. «1905»*, стр. 285) ¹⁰².

Теперь мысль Троцкого ясна. Взгляды Ленина и большевистской партии на характер революции, как они развивались им с 1904 г. до весны 1917 г., не только не верны, но и контрреволюционны по отношению к социалистической революции.

Взгляды Троцкого на тот же вопрос «подтвердились целиком». Ввиду этого Ленин и большевизм весной 1917 г., до завоевания власти и для завоевания власти, должны были «перевооружаться», т. е. заменить контрреволюционное оружие большевизма подлинно революционным оружием, заготовленным уже за 12 лет до того Троцким. В этом смысле «революция ликвидировала разногласия».

После этого Троцкий вступил в партию большевиков.

«Я пришел к Ленину потому, что Ленин привел партию ко мне» — вот что лежит в основе всего построения Троцкого, вот на что он намекает, вот к чему он хочет подвести доверяющего ему читателя. Эффектная фраза «я пришел к Ленину с боями» лицемерна потому, что Троцкий убежден, что на деле, в области основных вопросов революции, *Ленин пришел к Троцкому* в 1917 г., после того как полтора десятка лет строил партию на идеях «антиреволюционных».

Во всей своей идейной борьбе с большевизмом и Лениным до 1917 г. прав оказался Троцкий — вот содержание всех последних книг Троцкого («1905» и «1917»). Ленин прав лишь с весны 1917 г., и прав лишь постольку и потому, поскольку отбросил оружие *своей* теории и вооружился теорией Троцкого.

Не правда ли, теперь картина совершенно ясна?

12 лет назад Троцкий выставил теорию перманентной революции. Эта теория в 1917 г. подтвердилась, по его свидетельству, целиком. Теория же Ленина, на которой основывалась и собиралась партия в течение десятков лет, обладала антиреволюционными чертами, и поэтому раньше, чем идти в бой, и *для того, чтобы победить*, надо было большевизму перевооружиться. Каким образом? Да, ясное дело — откинуть оружие большевизма с его антиреволюционными чертами и взять новое оружие, которое стояло бы на уровне тех задач, которые развернулись перед пролетариатом. Старое оружие, оружие большевистской идеологии, оказывается, октябрьские задачи разрешить не могло. Надо было перевооружиться, и, конечно, за новым оружием надо было обратиться в тот арсенал, в котором это оружие заранее, за 12 лет, было подготовлено, — и без единой антиреволюционной червоточинки: надо было обратиться к оружию тов. Троцкого. Вот подлинная мысль тов. Троцкого, *вот история нашей партии по Троцкому*. Теория Ленина, которая с самого начала обладала антиреволюционными чертами, крахнула, как только пролетариат вступил в настоящий бой. Она должна была быть отброшена, должна была быть заменена. Большевизм оказался способным организовать пролетариат, вести его к Октябрю, одержать Октябрьскую победу только потому, что он *вовремя* отбросил большевистское оружие и позанимствовал оружие у тов. Троцкого.

Если это так, это надо сказать открыто. Если в большевизме есть антиреволюционные черты, если перед решительным боем надо это оружие менять, то какое же право имеем мы учить наш пролетариат и пролетариат всего мира большевизму без поправок? Почему нигде, ни в одном нашем учебнике, мы не говорим пролетариату и нашей страны и всего мира: товарищи, мы учим вас большевизму, но помните, в большевизме есть антиреволюционные черты; когда настанут бои, тогда с оружием большевизма вам несдобровать, вам надо тогда это оружие заменить другим, надо заменить его троцкизмом¹⁰³. Если это так, то мы не имеем права, хотя бы из уважения в Ленину, идейно вооружать пролетариат таким оружием, которое придется бросить перед боем. Отдельный писатель может жертвовать исторической истиной, действительной ролью Ленина, идейным багажом нашей партии, накопленным борьбой всего рабочего класса; он может всем этим пренебречь для того, чтобы сказать: когда дошло до боя, партии при-

шлось брать оружие у меня, а свое оружие отбросить; но партия не может быть бесчестной, она должна учить пролетариат или ленинизму, или троцкизму или должна сказать: «надо подправить ленинизм троцкизмом». Но она не может учить ленинизму — всему, целиком, без поправок — как теории и практике мировой революции и одновременно намекать, что теория и практика пролетарской революции в действительности уходит своими корнями не в ленинизм, а в идеи, зародившиеся у Троцкого «между 9 января и октябрьской стачкой 1905 г.». (Какое внимание к датировке рождения собственных идей! Какое внимание к своим собственным биографам!)

Или мы учим большевизму, ленинизму, полностью, целиком, без поправок, как подлинной теории пролетарской революции, или, если кто-либо считает, что это не подлинная теория пролетарской революции, что для того, чтобы стать таковой, ее нужно немножко подправить троцкизмом, он должен сказать открыто, ясно, какие поправки он в нее вносит. Если есть антиреволюционное в учении большевизма о революции, — нельзя сочинения Ленина до весны 1917 г. делать предметом науки пролетарской войны и пролетарской стратегии против буржуазии. Надо, по крайней мере, сказать: это есть историческая древность, которую можно изучать, но по которой нельзя учиться, как нужно делать революцию. А учиться, как делать пролетарскую революцию, надо не по Ленину до [19]17 г., а по Троцкому начиная с 1905 г.

Или Октябрьская революция была сделана под знаменем ленинизма без поправок, или же она была сделана под знаменем троцкизма и его поправок к Ленину, ибо большевизм оказался негодным орудием для решения тех задач, которые встали перед ним с Февраля по Октябрь. Тут надо выбирать. Тут идейный стержень спора, тут Троцкий заставляет партию сказать: чем мы были и чему мы будем учить не только наш, но и международный пролетариат, который хочет знать и имеет право знать, кто же прав — партия, которая говорит: ленинизм не нуждается в поправках со стороны троцкизма для того, чтобы быть теорией пролетарской войны с буржуазией, или тов. Троцкий, который говорит: ленинизм надо было пересмотреть, чтобы идти на приступ капиталистических твердынь с открытыми глазами. Своего читателя Троцкий искусно подводит к этой своей основной мысли: идеологически Октябрь оказал-

ся не ленинизмом, а троцкизмом, теория последнего оправдалась целиком, Октябрь шел, Октябрь объясним, и Октябрь может быть охвачен только его теорией, а не теорией Ленина; теория перманентной революции должна быть реабилитирована и признана тем идейным оружием, которое дало нам Октябрьскую победу.

Вот после этого я и спрашиваю себя — что же значит фраза: «Я шел к Ленину с боями»? Она обозначает: я, Троцкий, пришел к Ленину потому, что в основных вопросах о характере русской революции Ленин привел партию к троцкизму. Действительно, если теория Троцкого «целиком оправдалась» в Октябрьскую революцию, а Ленин должен был пересматривать большевизм и откидывать присущие ему «антиреволюционные черты», то надо сказать, что в идейной области Ленин пришел к Троцкому, а не наоборот. Тут надо выбирать, тут происходит подмен тонкий и отменно лицемерный.

Можно заранее предсказать, что для того, чтобы дать благодетельствованной им партии какое-либо удовлетворение, Троцкий охотно признает, что он в прошлом делал кое-какие организационные ошибки. Что стоит признание в организационных ошибках прошлого, если этой ценой можно легализовать подмену ленинизма троцкизмом, если это признание должно прикрыть признание, что именно Троцкий снабдил партию большевиков остро отточенным оружием подлинно революционной теории, стоящей на уровне мировых задач русского пролетариата, если под прикрытием этого признания можно безнаказанно от имени партии доказывать, что антиреволюционные черты искони присущи большевизму-ленинизму? Париж стоит мессы! Роль идейного вдохновителя и теоретика большевиков и Октябрьской революции стоит того, чтобы признать за собой в прошлом несколько даже крупных, даже очень крупных организационных промахов.

В своих «Уроках Октября» Троцкий и делает эту «уступку» партии. «Свои действительные и большие организационные ошибки я признал», — пишет он для того, чтобы затем, прикрывшись этой фразой, целиком всю статью посвятить доказательству того, что зато в области *основных* не организационных, а принципиально политических вопросов революции он оказался целиком прав против большевизма и против Ленина.

Но разве об организационных вопросах шел 15 лет спор между Лениным и большевиками, с одной сторо-

ны, и троцкизмом — с другой стороны? Это — пустяки, отвод глаз. Спор был именно об основных вопросах революции, о соотношении классов в революции, ибо вопрос — «перманентная революция» или теория тов. Ленина — это вопрос о роли крестьянства в революции, вопрос о путях к социализму в аграрной стране, вопрос о способах и условиях осуществления диктатуры пролетариата в стране с преобладающим крестьянским населением. Это не спор об абстрактных формулах. Это спор о том, как, какими путями может пролетариат взять и *удержать* власть в крестьянской стране. Это спор не только о вчерашнем, но и о сегодняшнем и о завтрашнем дне. Теория и практика Ленина есть ответ на этот вопрос. «Теория перманентной революции», теория Троцкого, целиком построенная на недооценке роли крестьянства, отвечает лишь на один вопрос: как нельзя взять и нельзя удержать власть в этих условиях. Вот основа спора, и вот почему решительный протест должна вызвать попытка Троцкого подменить ленинизм троцкизмом.

Поскольку из-под кучи искажений, самовосхвалений и посторонних делу изучения Октября соображений, наполняющих «Уроки Октября», можно извлечь некий принципиальный стержень, некоторую принципиальную мысль Троцкого, — она вся целиком выражена в следующих его словах: «Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап», и дальше следует литературное описание, смысл которого: «лишь как этап» к формуле Троцкого¹⁰⁴. Вот полностью и целиком сказанное признание. Сама по себе формула Ленина, «как показало все дальнейшее развитие», могла иметь значение лишь как этап к Троцкому. И тов. Троцкий прекрасно знает, это он хотел сказать и сказал именно это! Вот если партия с этим согласится, тогда она должна сказать это прямо, тогда она должна перенести это на международную арену и сказать это Коминтерну. Учитесь-де у Ленина за первые 15 лет его деятельности, но помните, что это есть лишь этап к Троцкому, «как показало все дальнейшее развитие».

Это — идейная суть всей последней книги Троцкого. Этот подмен ленинизма троцкизмом проведен Троцким со всем умением, со всем тем литературным искусством, которым он обладает. А искусство у него

большое. Эта книга написана не для широких масс, не для всей партии, она написана для молодого, подрастающего поколения, для тех, кто будет в дальнейшем, завтра, через год-два определять судьбы партии. Взять реванш за те 12 лет, когда Ленин доказывал всю мизерность политики Троцкого, показать, что революция подтвердила его (Троцкого) теорию, и этим подменом большевизма троцкизмом отравить головы будущих руководителей партии, сидящих в коммунистических университетах, совпартшколах, рабфаках, вузах и т. д., — вот цель последнего выступления Троцкого, цель его книги «1917». Мы этого позволить не можем. Мы должны поставить вопрос ясно: или мы учим Ленину и ленинизму, или нам нужно свернуть знамя и выставить в качестве идеолога большевистской партии в самый критический момент революции — Троцкого. Тут надо выбирать. Тут кокетничанием, умалчиванием, фразами, что «мартовская революция ликвидировала разногласия» и «я пришел к Ленину с боями», ничего не поделаешь.

В этой книге («1917») ругают Зиновьева, Каменева, Рыкова и других. Я буду об этом говорить и буду говорить о своих ошибках, но не думайте, что здесь ругают только их... *Здесь Каменевым, Зиновьевым бьют Ленина.* Ведь вопрос о судьбах большевиков можно поставить так: у Ленина была правильная теория, но ученики Ленина не сумели ее применить, вовремя не разобрались, не поняли обстоятельств времени и места; формула правильная, лозунг правильный, а такие-то большевики плохо ее осуществляли. Можно так поставить, а можно поставить и так: если из ленинской формулы сделать логически все выводы, тогда неизбежно попадешь в болото и трясины. Формула неправильная, а люди-то логически правильно применяли неправильную формулу. В первом случае это — оправдание большевистской теории и указания на ошибки отдельных большевиков. Во втором случае, когда говорится: ближайшие ученики Ленина взяли его формулу и, применяя ее буквально, попали в трясины, — после всего, что мы уже знаем от Троцкого относительно антиреволюционных черт ленинизма, после того, как мы знаем, что «подтвердилась целиком» теория Троцкого, а не Ленина, — во втором случае мы видим, что бьют не столько Каменева и Зиновьева, сколько Каменевым и Зиновьевым бьют основную формулу Ленина. Вот на чем построены эти «Уроки Октября». Они представля-

ют лишь продолжение, обоснование, развитие цитированных выше заявлений Троцкого 1908 г. и лишь в чуть-чуть замаскированном виде продолжают тогдашнюю полемику Троцкого с Лениным. «Уроки Октября» имеют более глубокую цель, чем это на поверхности кажется. На поверхности кажется, что это — разоблачение Зиновьева и Каменева. Там это есть, но там есть больше — там есть то, что ошибками Каменева и Зиновьева дискредитируют основные ленинские формулы и рекламируют троцкизм.

Партия не может и не должна пройти мимо этого подмена ленинизма троцкизмом, совершаемого под флагом Ленина. Что-нибудь одно из двух. Или в ленинизме есть «антиреволюционные черты», и большевизм должен был отказаться от своего прошлого, чтобы сделать Октябрь, — и тогда это должно быть сказано, это должно быть внесено в те учебники ленинизма, по которым партия воспитывает миллионы своих членов, об этом должно быть ясно и точно рассказано коммунистам Европы. Или это — ложь, идейная путаница. Тогда почему она имеет право жить, распространяться под флагом ленинизма? Под прикрытием восхвалений Ленина, восхвалений, которые приобретают в этих условиях очень «странный» — чтобы не сказать лицемерный — характер? Партия должна защитить основные формулы Ленина против подмены их троцкизмом. Каковы же эти основные формулы и как Ленин их проводил?

Ленин в апреле 1917 г.

Мы видели, каким образом тов. Троцкий изображает ту теорию, которой мы были вооружены, вступая в период Октябрьской революции. Мы видели, что его изображение заключается в том, что старая большевистская теория, основные черты которой Ленин создал на основе опыта массового движения пролетариата и крестьянства в 1905 г., на основе практики первых Советов рабочих депутатов 1905 г., что эта теория потерпела крах весной 1917 г., что большевизм должен был перевооружиться, чтобы оказаться способным решать новые задачи, что, по существу дела, он должен был откинуть старую большевистскую теорию и обратиться к Троцкому¹⁰⁵. Так представляет дело тов. Троцкий; с этой мыслью он входил в партию и с ней оставался в ней.

Правда ли, что большевизму, чтобы решить проблемы революции, нужно было отказаться от своего прошлого? Правда ли, что теорию революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян нужно было отбросить как явно обойденную жизнью? Как же было дело в действительности и как понимал его Ленин? Дело было так,— и так, и только так понимал его Ленин,— что большевистская идея «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» осуществилась целиком в русской революции и, осуществившись, начала перерастать, перерастала и переросла в большевистскую идею диктатуры пролетариата. Этот рост вполне соответствовал и шел параллельно изменению соотношения классов в ходе русской революции. Тот, кто этого не понимает, не понял ничего ни в ленинизме, ни в истории партии, ни в истории революции.

Для того чтобы ответить на поставленные выше вопросы, нужно обратиться к моменту, когда, по мнению Троцкого, Ленин совершал перевооружение, т. е. к весне [19]17 г., и к тем программе и тактике революции, которые тогда Ленин выдвинул. Я беру самое кардинальное произведение Ленина тех дней — «Письма о тактике», в которых он комментирует, объясняет, разжевывает партии свои знаменитые тезисы 4 апреля. Что же говорит Ленин о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства? Действительно ли он должен был признать, что эта теория оказалась неправильной?

Ленин пишет: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась в русской революции... Совет Р. и С. Деп.— вот вам уже осуществленная жизнью «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»»¹⁰⁶ (Ленин. Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 29). «Советы депутатов есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства». «Мы еще в меньшинстве, мы сознаем необходимость завоевать большинство» (в этих органах диктатуры).

Значит, не в том дело, по мнению Ленина, что эта формула оказалась негодной для революции и не соответствующей ходу классовой борьбы. Нет, первыми его словами было то, что наша теория осуществлена в ходе революции, в живых учреждениях, создан-

ных движением подлинных масс пролетариата и крестьянства. Из того факта, что большевистская теория насчет революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществилась, Ленин делает единственный — и, конечно, правильный — вывод: раз наша теория осуществлена, нужно идти дальше. Каким же путем? Тем, чтобы на почве осуществленной уже диктатуры пролетариата и крестьянства объединять и сплачивать пролетарские элементы города и деревни против элементов мелкобуржуазных¹⁰⁷. Не останавливайтесь на осуществленной уже в революции большевистской формуле, идите дальше, говорил Ленин тем большевикам, которые запнулись об осуществленную уже стадию революции. Он не говорит, что большевистская формула диктатуры пролетариата и крестьянства оказалась негодной и не соответствующей классовым интересам пролетариата. Он говорит: вы не замечаете, что она осуществилась, осуществилась «своеобразно, как и всякая теория», — добавляет Ленин, — «но осуществилась; а раз она осуществилась, двигайтесь дальше». А что значит двигаться дальше от формулы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства? Это значит на почве этой диктатуры собирать и организовывать пролетарские элементы, чтобы от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства двигаться дальше — к диктатуре пролетариата, к чисто социалистическому перевороту. Вот каково представление Ленина о том, соответствует или нет ход русской революции старой большевистской формуле. Но Ленин, подлинный реальный политик, подлинный вождь масс, понимал, что переход от диктатуры пролетариата и крестьянства к социалистическому перевороту — вещь очень сложная, к которой надо идти, но идти, все время оглядываясь на крестьянство, осуществляя диктатуру пролетариата так, чтобы на всех стадиях этого перехода она поддерживалась крестьянством. Поэтому Ленин все время примеряет свою тактику к тому, как разворачивается массовое крестьянское движение, специально изучая то «своеобразие» осуществляемой диктатуры пролетариата и крестьянства, что последнее на данной стадии революции сохранило в виде «оборончества» доверие к буржуазному правительству.

Излагая взгляды споривших с ним большевиков, мои в том числе, и жестоко нападая на нас, Ленин пишет: «Марксист должен не сходить с точной почвы

анализа классовых отношений. У власти буржуазия. А масса крестьян разве не составляет *тоже* буржуазии иного слоя, иного рода, иного характера? Откуда следует, что *этот* слой *не может* прийти к власти, «завершая» буржуазно-демократическую революцию? Почему это невозможно? Так рассуждают часто старые большевики. Отвечаю — это вполне возможно... Возможно, что крестьянство возьмет всю землю и всю власть...»¹⁰⁸ Когда крестьянство перестанет через эсеровско-меньшевистские Советы поддерживать правительство, «когда,— продолжает Ленин,— крестьянство отделится от буржуазии, возьмет землю против нее, возьмет власть против нее,— тогда это будет новый этап буржуазно-демократической революции, и о нем будет идти речь особо»¹⁰⁹.

Это много сложнее, чем теория Троцкого, которая прямолинейна, как полет вороны. У Троцкого с его лозунгом «Без царя, а правительство рабочее» все очень просто, потому что он игнорирует крестьянство и не понимает условий осуществления диктатуры пролетариата не в Англии, не в Америке, не в Германии, а в аграрной капиталистически отсталой стране¹¹⁰.

В чем величие Ленина? Не в том только, что он поднял знамя диктатуры пролетариата, а в том, что он не только хотел говорить о рабочем правительстве, а хотел строить его. Величие Ленина в том, что он начал и провел осуществление диктатуры пролетариата в данных условиях данной аграрной страны, постоянно учитывая те реальные элементы, на которых эту диктатуру можно не только провозгласить, но и построить. Именно поэтому он еще в апреле [19]17 г. вводил в свои расчеты и такую возможность, как «новый этап буржуазно-демократической революции» в результате разрыва крестьянства с Временным правительством и эсерами.

«Неизвестно,— писал он,— может ли теперь быть еще в России *особая* «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», *оторванная* от буржуазного правительства»¹¹¹. И действительно, в апреле неизвестно было, будет ли в ходе русской революции такой момент, когда крестьянство, оставив эсеровские и меньшевистские Советы, выступит, не доходя до диктатуры пролетариата,— но уже против Временного правительства. Ильич, как реальный политик и вожь масс, знавший, что мы осуществляем политику пролетариата в своеобразных условиях аграрной

страны, строил тактику на оба случая: «и на случай, что Россия переживет еще особую, самостоятельную, не подчиненную буржуазии, «диктатуру пролетариата и крестьянства», и на случай, что мелкая буржуазия не сумеет оторваться от буржуазии и будет вечно (т. е. до социализма) колебаться между нею и нами»¹¹² (Ленин. Собр. соч., т. XIV).

Вы видите, как подходит Ленин к классовым отношениям в революции, к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, как он представлял себе переход от буржуазной революции, завершающейся диктатурой пролетариата и крестьянства, к социалистической революции. Для Ленина перерастание рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры в диктатуру пролетариата совсем не представлялось таким простым и прямолинейным, как это представлялось и представляется до сих пор автору перманентной революции. Ленин не был бы Лениным, т. е. не был бы практическим руководителем миллионов масс в ходе классовой борьбы, если бы он действительно перевооружился по Троцкому, ибо теория Троцкого вела неизбежно к крушению и пролетариат и крестьянство. В своем чистом виде линия Троцкого — это игнорирование крестьянства, игнорирование переходов, в ходе которых крестьянство сначала доверяет правящей буржуазии, потом разочаровывается и выступает против нее, но еще в целом не присоединяется к пролетариату, и, наконец, последний этап — когда пролетариат на почве крестьянского восстания, ведя крестьянство за собой, осуществляет диктатуру, пробуя и меняя разные формы союза рабочих и крестьян.

Вся эта реальная политика рабочего класса, которая единственно могла привести к диктатуре пролетариата, для Троцкого — грамота за семью печатями, совершенно недоступная с точки зрения его теории, которую он теперь — задним числом — пытается навязать и партии и революции.

Ленин очень хорошо знал, что отстать от хода революции значит принести великий вред и революции и партии. Но он очень хорошо знал также, что «недооценка крестьянства», лежащая в основе троцкизма, есть величайшая опасность для революции и для партии. Поэтому-то именно, категорически настаивая на том, что надо двигаться от рев[олюционно]-дем[ократической] диктатуры вперед, он в то же время стара-

тельно предупреждал партию от того, чтобы она не попала при этом на рельсы троцкизма.

Нужно идти вперед, говорил Ленин весной 1917 г., когда он будто бы «переворужал большевизм», но, идя вперед, начиная переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства к диктатуре пролетариата, к социалистическому перевороту, не попадите на рельсы Троцкого, ибо троцкизм насквозь нежизненен, порожден недооценкой крестьянства, непониманием, как осуществляется диктатура пролетариата в крестьянской стране.

В этой же брошюре, где Ленин полемизирует со старыми большевиками, он пишет: «Но не грозит ли нам опасность впасть в субъективизм, в желание «перепрыгнуть» через незавершенную — неизжившую еще крестьянского движения — революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической? Если бы я сказал: «без царя, а правительство рабочее», — эта опасность мне бы грозила. Но я сказал *не* это, — пишет и подчеркивает Ленин, — я сказал иное... Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством...»¹¹³ И, продолжая якобы «переворужаться», на петербургской конференции¹¹⁴ в те же дни Ленин не забывает предостеречь: «Троцкизм — «без царя, а правительство рабочее». Это неверно. Мелкая буржуазия (т. е. крестьянство. — Л. К.) есть, ее выкинуть нельзя»¹¹⁵.

Разве это не есть буквальное повторение в разгар революции (в разгар «переворужения» по Троцкому) того, от чего Ленин предупреждал партию задолго вперед? «Основная ошибка т. Троцкого... — отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе от этой (буржуазной) революции к революции социалистической», — писал Ленин в 1910 г.¹¹⁶

Выяснить соотношение классов в предстоящей революции — главная задача революционной партии. Эту задачу неправильно решает Троцкий, повторяющий свою «оригинальную» теорию 1905 г. и не желающий подумать о том, в силу каких причин жизнь шла целых десять лет мимо этой прекрасной теории.

Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а

у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала... Троцкий не подумал, что если пролетариат увлечет непролетарские массы деревни на конфискацию помещичьих земель и свергнет монархию, то это и будет завершением «национальной буржуазной революции» в России, это и будет революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства (писано в октябре 1916 г., в канун революции). И после этого у Троцкого хватает смелости сказать, что его теория «целиком оправдалась» в 1917 г., и в то же время называть себя ленинцем... Нет, тут надо выбирать.

Вот чего опасался Ленин: не отстать от хода развития революционного движения; и он жестко полемицировал с теми (со мной в том числе), которые не видели, что революция уже перешла из одной фазы в другую. Но, идя вперед, он больше всего опасался, как бы не попасть на рельсы абстрактной теории Троцкого, которого он здесь в десятый раз упрекает в перепрыгивании через не изжившее себя крестьянское движение.

Таким образом, Ленину не было никакой необходимости перевооружаться. Старая ленинская теория, старое ленинское большевистское представление о характере русской революции и о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства целиком, по словам Ленина, оправдались. На почве этого оправдания надо было идти дальше¹¹⁷. Но, идя дальше, надо было ни в коем случае не попасть на ложные рельсы Троцкого, который вел к гибели и диктатуру и пролетариат, потому что не умел, как не умеет никогда Троцкий, строить диктатуру пролетариата, учитывая реальное соотношение сил между крестьянством и пролетариатом.

Ленин все в той же брошюре, все той же весной 1917 г., когда он якобы «перевооружался», напоминает, что еще за 12 лет, в июле 1905 г., выдвигая лозунг «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», он писал следующее (Ленин цитирует свою статью): «У революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства есть, как и у всего на свете, прошлое и будущее... Ее будущее — борьба против частной собственности, борьба наемного рабочего с хозяином, борьба за социализм...»¹¹⁸

Зачем же Ленину и большевизму было перевооружаться и учиться у Троцкого, у «перманентной рево-

люции», если за 12 лет до [19]17 г. Ленин предсказал, что, когда революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства будет осуществлена, надо будет идти вперед к диктатуре пролетариата, но идти вперед, считаясь с крестьянством, создавая такие условия, при которых крестьянство шло бы за пролетариатом, а не перепрыгивая через крестьянство, как это предлагает Троцкий. Заимствовать оружие из арсенала Троцкого большевизму не было нужды.

Вот как было дело, как в действительности большевизм подходил к решению тех задач, которые были поставлены в 1917 г. Это было не «переворужение», не отсекание «антиреволюционных черт», не залатывание расползавшегося большевизма троцкизмом, а предсказанное большевиками, лежавшее в основе большевизма *разворачивание* большевистского лозунга, разворачивание, сообразованное во времени и темпе с ходом революции и, в первую очередь, с ходом и со своеобразием этого хода под влиянием войны — крестьянского движения.

При этом некоторые большевики не так быстро, как того требовал ход революции, бешено ускоренный гигантским давлением войны, перешли со ступеньки на ступеньку. Тому, кто смотрит на историю большевизма как на чужое ему дело, можно по поводу этого плясать и радоваться. Но из того факта, что некоторые большевики не так быстро шагали по начертанному большевизмом маршруту революции, никак не следует, что маршрут большевизма был неправилен, что он вел не к победе, а в трясину, что его надо было в ходе революции изменить¹¹⁹. А ведь это именно пытается доказать Троцкий своими фразами об антиреволюционных чертах большевизма, о его переворужении, о том, что правильной оказалась не ленинская «рев[олюционно]-дем[ократическая] диктатура», а троцкистская «перманентная революция».

Ленин строил тактику, как я сказал, и на случай самостоятельного крестьянского движения, которое вырвется из-под ига меньшевиков и эсеров, которые тащили его к буржуазии, и на случай, если крестьянство окажется не в состоянии вырваться из-под власти буржуазии. И кто не понимает того, что вся тактика большевиков и специально Ленина, от Февраля до Октября, все время считалась с этими двумя возможностями, что Ленин все время маневрировал так, чтобы крестьянст-

во увлечь за пролетариатом и обосновать власть рабочего класса на союзе с крестьянством, тот ничего не поймет в истории большевизма за эти месяцы.

И Троцкий тут ничегошеньки не понял, потому что не понял основного зерна ленинской теории о соотношении рабочего класса и крестьянства в русской революции. Он не понял этого и после Октября, не понимал при каждом повороте, который делала наша партия, маневрируя так, чтобы осуществлять диктатуру пролетариата, не отрываясь от крестьянства. Ему мешала понять это та теория, которая, по его мнению, «целиком оправдалась». Если бы теория Троцкого оказалась правильной, то это означало бы, что никакой Советской власти в России уже давно не существовало бы. Игнорируя крестьянство, не давая никакого подхода к решению вопроса о союзе пролетариата и крестьянства, эта теория «перманентной революции» ставит рабочее правительство в России в исключительную и полную зависимость от немедленной пролетарской революции на Западе. Согласно этой теории, «став у власти, пролетариат окажется перед глубочайшими противоречиями»; перед его властью будут стоять объективные социалистические задачи; «разрешение их столкнется с хозяйственной отсталостью страны: в рамках национальной революции выхода из этого противоречия нет» (ср. *Л. Троцкий*. 1905, стр. 286). При таких условиях задержка или затяжка мировой пролетарской революции обозначала бы немедленное крушение правительства рабочей диктатуры в России. Вот почему для «перманентщиков» неизбежны судорожные переходы от припадков отчаяния и глубокого пессимизма к попытке властью рукою — в порядке военного приказа — расправиться с экономической отсталостью страны.

Действительная большевистская политика, которую Ленин с Февраля по Октябрь проводил, не имеет ничего общего ни с этой политикой, ни с этой психологией. Тот, кто не понимает этого, лишает себя возможности понять смену лозунгов в истории большевистского движения от Февраля до Октября. «Власть Советов», когда в Советах было большинство меньшевиков и эсеров, а мы в меньшинстве, снятие лозунга «власть Советов», как предлагал Ленин после июльских дней, предложение меньшевикам компромисса и мирного соревнования в Советах в сентябре...¹²⁰ Конечно, мы никогда не пойдем этого, если не пойдем, что политика ленинизма

глубочайшим образом отличается от политики троцкизма.

А в момент Октября и непосредственно после Октября? Разве с точки зрения марксизма, с точки зрения анализа классовых сил революции принятие — по предложению Ленина — 2-м съездом Советов эсеровского декрета о земле, разве включение — по предложению Ленина — в состав Советского правительства левых эсеров, разве наименование — по предложению Ленина — правительства, созданного Октябрьской революцией, «рабоче-крестьянским правительством», разве все это не было — выражаясь термином, характеризующим в биологии перерастание одной формы в другую, — «переживанием» «диктатуры пролетариата и крестьянства» в системе, сущность которой уже состояла в «диктатуре пролетариата»? Можно перескочить через эти факты Октябрьской революции, но это не будет научным анализом ленинской политики. А переход от военного коммунизма к нэпу, от комитетов крестьянской бедноты к речи Ленина о «среднем крестьянине»? Как это увязывается с вполне «оправдавшейся» теорией перманентной революции? Никак не увязывается.

Понять политику рабочего класса, стоящего у власти в России, можно только с учением ленинизма в руках. В нем — объяснение всех различных методов и подходов и переходов от одного метода борьбы к другому, начиная с Февраля до Октября и далее.

В 1916 г. Ленин писал, что жизнь десять лет шла мимо прекрасной теории Троцкого; теперь мы можем прибавить к этим десяти годам еще ровно 8 лет. Дает ли то обстоятельство, что жизнь в течение 18 лет шла мимо теории Троцкого, право последнему претендовать на поправку ленинизма троцкизмом?

Так как жизнь шла мимо теории Троцкого, то Троцкий в своих книжках пытается подправить не только ленинизм, но и жизнь, чтобы всячески доказать, что она все-таки шла по Троцкому. Но жизнь шла по Троцкому только в моменты наибольших провалов революции, а в те моменты, когда она вырывалась из этого подавленного состояния, когда разворачивалось подлинное классовое рабочее и массовое крестьянское движение, жизнь шла не по Троцкому, а по Ленину. Вот почему Троцкому понадобилось извращать факты; вот почему Троцкий обрек себя на то, чтобы во всей дальнейшей истории партии, на всяком более или менее

крутом ее повороте, всякий раз, когда он хотел сказать «свое» слово, неизбежно попадать впросак.

Ленинизм целостно и полностью, без поправок, есть теория пролетарской революции. А фраза «Я пришел к Ленину с боями» есть просто фраза, лицемерная дань ленинизму, маскирующая подлинную мысль Троцкого. Скитавшийся полтора десятилетия по меньшевистским литературным предприятиям, политик, прибитый волнами народной революции к большевистским берегам, вошел в большевистскую партию с тайной мыслью, что прав-то был и остался он, вошел не с тем, чтобы учиться у партии, а с тем, чтобы партию учить; не с тем, чтобы вложиться всеми своими силами в общую, коллективную, массовую работу годами и десятилетиями складывавшейся рабочей организации, а с тем, чтобы парадировать перед ней в роли провиденциального спасителя. Его снедала мысль «отроцкистить большевизм». Перед партией по отношению к Троцкому, как по отношению к каждому своему новому члену, стояла прямо противоположная задача — «обольшевичить Троцкого». Удалась ли она?

3. ТРОЦКИЙ В ПАРТИИ. НАША ОШИБКА. ОКТЯБРЬ ПО ТРОЦКОМУ

Рассмотрев «надежный» и «прочный» путь тов. Троцкого к большевикам, перехожу к пребыванию т. Троцкого в партии.

В этой его деятельности мы должны отличать две струи. Первая — когда тов. Троцкий точно и строго выполнял директивы партии, когда он, наряду с другими, опираясь на весь коллективный политический опыт партии, на всю партийную массовую организацию, выполнял те или иные задания и поручения партии. Тогда т. Троцкий делал славные дела, тогда он, наряду с другими, вписывал в свою личную историю и в историю партии славные страницы. Но именно потому, что тов. Троцкий вошел в нашу партию как индивидуалист, который думал и думает, что в основных вопросах революции права не партия, а прав он, тов. Троцкий, что партия должна троцкизмом поправлять ленинизм, — рядом с этой первой струей идет у тов. Троцкого другая струя, та струя, которая доказывает, что тов. Троцкий — не большевик.

Четыре попытки тов. Троцкого поправить партию

Партия помнит четыре момента, когда тов. Троцкий хотел научить партию, дать ее политике свой, троцкистский, уклон. В первый раз это сказалось через несколько месяцев после того, как тов. Троцкий вступил в партию. Это было во время Брестского мира. Партия знает с достаточной степенью точности и ясности, чем на самом деле была подсказана тогда позиция тов. Троцкого. Это была недооценка роли крестьянства, прикрытая революционной фразой. Тов. Троцкий хотел поправить и направить партию исходя из недооценки роли крестьянства. Это был путь поражения пролетариата и революции. Если вспомнить те аргументы, которые тов. Ленин выставил тогда против тов. Троцкого, то легко убедиться, что тов. Ленину не пришлось искать новых аргументов сверх тех, которыми он опровергал общую позицию тов. Троцкого в течение десятка предшествующих лет. Тов. Ленин упрекал его в двух политических грехах: непонимании соотношения между пролетариатом и крестьянством и увлечении якобы левой, якобы революционной фразой. Эти два аргумента в устах тов. Ленина против тов. Троцкого не новы, но не новы они только потому, что недооценка крестьянства и увлечение революционной фразой в эпоху Бреста были не новыми грехами тов. Троцкого. Напрасно думать, что есть два Троцких: один до 1917 г., другой после 1917 г. Тогда тов. Троцкий служил меньшевикам, теперь он перешел к большевикам, но, входя в партию, он не счел нужным во имя общей идеологии партии отказаться от своей собственной идеологии в основных принципиальных вопросах русской революции. Именно поэтому тов. Троцкий в партии систематически повторяет тип своих ошибок того времени, когда он был вне партии.

Тов. Ленин на VII съезде партии утверждал, что политика тов. Троцкого фактически под прикрытием эффектной фразы ведет дело к поражению революции. Тов. Троцкий на самом же съезде подал заявление о выходе из ЦК. Но тов. Ленин не дал тов. Троцкому «поправить» партию. Наступила гражданская война, эпоха военного коммунизма. Тов. Троцкий делал порученное ему дело. В направлении общей политики партии его участие было меньшим, чем когда-либо.

Но вот революция подходит к новому повороту. В соотношении классов произошла передвижка. В форме дискуссии о профсоюзах партийная мысль предвосхищает вопрос, который через несколько недель был поставлен Кронштадтом, вопрос о переходе от военного коммунизма к эпохе новой экономической политики. Чего искал тогда тов. Ленин? Он искал новых форм союза пролетариата с крестьянством, новых форм руководства партией широких рабочих масс путем применения в более широком размере, взамен методов принуждения, методов убеждения. Именно на этом пути искала — и нашла — партия под руководством тов. Ленина способы укрепить диктатуру пролетариата в новую эпоху.

В чем видел тогда спасение тов. Троцкий? Он советовал потуже завинтить гайки военного коммунизма. Это была опять и опять недооценка крестьянства, увлечение внешними формами, методами «подтягивания» и «администрирования сверху». Лишенный возможности понять изменение соотношения между пролетариатом и крестьянством и значение этого изменения, тов. Троцкий вновь рекомендовал партии такие пути и такие методы, усвоив которые диктатура пролетариата неизбежно крахнула бы, запнувшись о деревню. Партия и тов. Ленин опять не дали тов. Троцкому себя «поправить».

Ну и дальнейшие — еще при жизни Владимира Ильича — попытки тов. Троцкого поставить вопрос о «плане» — в его своеобразном понимании, свойственном тов. Троцкому, его «формулы» о «диктатуре промышленности», разве это не были опять-таки попытки увязать мелкобуржуазную стихию сверху надетыми железными обручами, разве в этом опять-таки не сказывалось непонимание конкретных условий, при которых только и возможно осуществление диктатуры в аграрной стране с подорванной промышленностью в момент, когда международная революция затянулась? Не было ли и здесь попытки *обойти* реальные трудности осуществления диктатуры пролетариата в данных условиях при помощи эффектных формул, которые на самом деле реальных трудностей во взаимоотношениях пролетариата и крестьянства не облегчали, а обостряли? И здесь под эффектными формулами тов. Троцкого нетрудно нащупать неизбежно связанные с его оригинальной теорией: с одной стороны — отчаяние, пессимизм, неверие и с другой стороны — преувеличенные надеж-

ды на методы переадминистрирования (ленинское словечко!), властного преодоления сверху реальных экономических трудностей.

Последняя дискуссия у всех еще в памяти. Она наглядно демонстрировала перед партией всю сумму ошибок тов. Троцкого, которые мы рассмотрели выше. Но она выявила с особой наглядностью — сверх уже ранее демонстрированных ошибок — еще одну черту троцкизма, тоже, впрочем, далеко не новую. Это — попытка подорвать и ослабить основной костяк диктатуры в виде партии. Сюда вело и дискредитирование «кадров», и возрожденное меньшевистское представление о партии как о сумме «групп и течений», и ликвидаторский, по сути дела, подрыв авторитета руководящих учреждений («ведут страну к гибели!»). И разве под флагом тов. Троцкого не шло тогда представление о большей свободе внепартийных организаций от влияния партии? Разве все это в сумме не вело на деле к ослаблению диктатуры пролетариата, не основано было на недооценке тех условий, в которых мы — в крестьянской стране — должны осуществлять диктатуру, не демонстрировало мелкобуржуазный уклон?

У тов. Троцкого в тот момент, когда он входил в партию, осталось глубокое убеждение, что в основных вопросах революции и диктатуры пролетариата прав он, а не Ленин. Партия этого не думает. В этом разгадка внутривнутрипартийной позиции тов. Троцкого. Когда партия здорова, когда все идет хорошо, тов. Троцкий выполняет спокойно ту работу, которая ему поручается, но как только партия натывается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма, в основных вопросах остался на точке зрения противопоставления троцкизма большевизму. Именно поэтому и Ленину и партии всякий раз приходилось давать решительный отпор попыткам тов. Троцкого поправить партию. Партия знала и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому — значит подменить большевизм троцкизмом, что во всяком его предложении более или менее широкого характера, касающемся основных вопросов пролетарской диктатуры, сказывается та основная фальшь, что он вошел в партию с убеждением, что прав-то оказался он, что «целиком оправда-

лась» его, а не ленинская оценка основных сил революции, что он должен ленинскую партию «подправить».

Наша ошибка

У тов. Троцкого есть еще один козырь в борьбе против большевизма. Это козырь — ошибки некоторых большевиков (моя и Зиновьева в первую голову, затем Рыкова, Ногина) в октябре 1917 г. Конечно, ошибки большевиков всегда используются врагами нашей партии против большевизма. Тов. Троцкий не прибегал к этому козырю, который известен партии, известен самому тов. Троцкому столько же лет, сколько мы живем после Октябрьской революции, но он не прибегал к нему, пока надеялся заставить партию пойти по своему, троцкистскому, пути путем обсуждения тех или других практических вопросов. Но когда четыре попытки — Брест, профсоюзы, дискуссии о плане и последняя дискуссия — показали ему, что большевистскую партию свернуть с ее пути путем открытого обсуждения очередных практических вопросов невозможно, когда на XIII съезде он увидел партию, которая ему сказала, что мы, ленинцы, не нуждаемся в том, чтобы наша теория поправлялась в сторону троцкизма, он пустил в ход этот последний козырь. Не он первый, конечно. Эта ошибка была уже неоднократно использована нашими врагами: чем больше ошибка большевика, — а ошибка была громадной, хотя острые разногласия и продолжались только несколько дней, — и чем более ответственные большевики ее сделали, — а сделали ее очень ответственные большевики, — тем, конечно, соблазнительнее для каждого противника большевизма этими ошибками дискредитировать большевизм. Эту ошибку, как только она была сделана, использовали против большевизма наши тогдашние враги.

Но так же, как и сама ошибка, это использование было тогда просто похоронено в грохоте пролетарской революции. Ни сама ошибка, ни ее использование врагами не имели никаких реальных последствий: движение пролетарских масс буквально в несколько дней «поправило» колебавшихся большевиков, сняло разногласия и смело со сцены наших врагов. Ее затем злостно «использовали» против большевизма все, кто уходил от коммунизма: Леви, Фроссар, Балабанова. Ни один из них, порывая с коммунизмом, не упустил этой воз-

возможности, надеясь ошибкой большевиков дискредитировать большевизм. Теперь, после Леви и Фроссара,— тов. Троцкий.

Колебания были недопустимы. Против них Ленин ополчился со всей силой и страстью вождя, заметившего, что в решительный момент его сотрудники своими колебаниями способны внести смущение в ряды. Он обличал колебания беспощадно и в горячую, решающую минуту не останавливался ни перед одним самым «свирепым» словом и предложением. И он был прав, прав до конца и безоговорочно. Тов. Ленин не был бы Лениным, если бы в такой момент остановился на полдороге, если бы позволил каким бы то ни было соображениям удержаться от предложения самых крайних, до конца идущих мер. А мы не были бы «ленинцами» и учениками тов. Ленина, если бы хоть на минуту усомнились, что эти меры тогда действительно вытекают из обстановки момента.

Но когда наступил момент для спокойного обсуждения и именно для того, чтобы предупредить повторение подобных ошибок в других коммунистических партиях, Ленин дал точную характеристику этой ошибки. Именно тогда, когда Серрати попытался этой ошибкой Каменева и Зиновьева прикрыть свой уход от коммунизма, тов. Ленин писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены»¹²¹. Я прошу прислушаться к тому, как Ленин формулирует наши ошибки: они «проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны ЦК¹²² нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на самые ответственные партийные и советские посты»¹²³.

Вот точное, ясное, четкое Лениным данное опреде-

ление пределов наших колебаний и наших разногласий с ЦК.

Похоже ли это ленинское описание на злопыхательскую — и смешную по своему злопыхательству — попытку Троцкого создать из этого «правое», чуть ли не меньшевистское «крыло» в нашей большевистской партии. Троцкому обязательно надо, ради всей своей теории об «антиреволюционных чертах» ленинизма, для дискредитирования идей ленинизма, создать *внутри большевизма* «правое крыло» с чуть ли не меньшевистским уклоном! Как бы это хорошо увязывалось с «переворужением» большевизма! Как бы это хорошо доказывало необходимость лечить ленинизм и ленинцев — троцкизмом! Как бы это облегчало распространение дорогих для Троцкого идей о «перерождении кадров»! Как же ради этих «достоинных» целей не использовать ошибок Каменева и Зиновьева? Правда, и тут Ленин и его сочинения несколько мешают. Но такова уж судьба тов. Троцкого: для достижения своих целей он всякий раз должен «преодолевать» *Ленина, ленинизм и ленинцев*.

Я не могу здесь останавливаться на восстановлении действительной картины октябрьских и предоктябрьских дней и извращении моей роли в них, сделанных Троцким. Я вернусь к этому в подготовляемом к печати сборнике моих статей и речей за 1917 г. Пока ограничусь парой фактов: в апреле я открыто, согласно постановлению ЦК, на страницах «Правды» дискутирую с Лениным; дискуссия продолжается на заседаниях Петроградской и Всероссийской апрельских конференций. Ленин в апреле же — после дискуссии — ставит, поддерживает и проводит мою кандидатуру в ЦК. После июльских дней Ленин письменно поручает мне, в случае какого-либо несчастья с ним, отредактировать и издать незаконченную его рукопись: «Государство и революция» (для чего вряд ли годится представитель «правого крыла»). 10 октября ЦК решает вопрос о восстании. Несмотря на разногласия, и я и Зиновьев выбираемся — вместе с Лениным, Сталиным и др. — в созданное на этом заседании политическое бюро для руководства восстанием. 11-го мы с Зиновьевым пишем свое письмо, 16 октября на заседании ЦК мы совместно обсуждаем вновь вопросы восстания. 24 октября на заседании ЦК я докладываю ЦК о некоторых технических сторонах подготовки восстания, 25 и 26 октября

я, по поручению ЦК, конечно, председательствую на 2-м съезде Советов, объявившем Советскую власть. 27 октября — опять-таки согласно постановлению ЦК — избираюсь председателем ВЦИК. 2 и 3 ноября по поручению ЦК веду переговоры от имени ЦК с представителями других партий. 4 ноября — в связи с разногласиями ЦК по поводу этих переговоров — я, вместе с Зиновьевым, Рыковым, Ногиным и др., выходим из ЦК, 7 ноября передаю председательствование во ВЦИК Я. М. Свердлову, а 18 ноября получаю поручение от ЦК войти в состав брестской делегации для переговоров о мире с Германией. Таковы факты¹²⁴.

Троцкий еще раз о себе и о Ленине

Одни ли мы ошибались, на взгляд Троцкого, в момент Октябрьской революции? Нет, не одни мы. Был еще один большевик, который глубоко ошибался в момент Октября. Действительно ли задача этой книги т. Троцкого только в том, чтобы предостеречь от ошибок Каменева и Зиновьева? Увы, тов. Троцкий целит дальше, или, чтобы придать наиболее выгодное для тов. Троцкого освещение: он попадает дальше. Как описывает Октябрь Троцкий?

В этой книжке очень много сенсаций. Но, пожалуй, самым сенсационным является в этой книжке фраза, которая касается именно Октябрьской революции. На стр. 50 своих «Уроков» Троцкий пишет: «Восстание 25 октября имело только дополнительный характер». Тут много, вероятно, участников октябрьских событий, и я думаю, что все они с удивлением узнают через 8 лет после 25 октября 1917 г., что восстание 25 октября носило «только дополнительный характер». К чему? Оно, оказывается, носит «дополнительный» характер к событиям, которые разыгрались 9 октября. Мы знаем основные даты революции. Но если я говорю: «события 9 октября», то многие себя спросят: какое же такое событие было 9 октября, по отношению к которому октябрьское восстание было только дополнением? 9 октября — об этом напечатано в книге Троцкого — по предложению тов. Троцкого в Петроградском Совете, под председательством тов. Троцкого, была принята резолюция, которая кончалась такой фразой: «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов не

может брать перед армией никакой ответственности за такого рода стратегию Временного правительства и, в частности, за вывод войск из Петрограда».

Конечно, это важная резолюция; она связала гарнизон, не желавший идти на фронт, с Петроградским Советом. В том деле, которое Ленин, вслед за Марксом, называет «искусством восстания», установление связи между Советом и петроградским гарнизоном играло большую роль. Но послушайте, как этот момент 9 октября описывает и оценивает Троцкий: «С этого момента (9 октября) мы уже вступили фактически в состояние вооруженного восстания... Исход восстания 25 октября был уже на три четверти predetermined в тот момент... По существу дела мы имели здесь вооруженное восстание... Мы имели здесь «тихое», почти «легальное» вооруженное восстание, которое было на три четверти, если не на девять десятых, совершившимся фактом... Мы имели с этого момента в столице победоносное восстание» (Л. Троцкий. Уроки Октября. — «1917 г.», стр. 59—60).

Оказывается, 25 октября действительно является только небольшой дополнительной черточкой к тому, что произошло 9 октября, когда «мы имели» не только предрешенный на три четверти исход, но и фактическое состояние вооруженного восстания «тихого» и почти «легального», но зато — победоносного. Но тогда возникает вопрос: если 9 октября на $\frac{9}{10}$ «победоносное восстание» было уже совершившимся фактом, то как оценить умственные способности тех, кто сидел в ЦК большевиков и 10 октября в горячих спорах решал, идти ли на восстание или нет, и если идти, то когда? Что сказать о людях, которые собирались 16 октября под именем ЦК с местными работниками, с работниками Военной организации и еще и еще судили о шансах восстания, о силах восстания, о сроках восстания? Да ведь, оказывается, оно было устроено еще 9 октября «тихо» и «легально». И настолько тихо, что ни партия, ни ЦК этого не узнали. Но это еще туда-сюда: что такое партия, ПК, ЦК, когда Троцкий умудрился написать историю Октябрьской революции, в которой вообще ни ЦК, ни ПК нет как живых действительных сил, как коллективных организаторов массового движения? А уж о том, что было в Москве, что не только в Петрограде, но и в Москве и в Иваново-Вознесенске был пролетариат, что он тут кое-что делал, — об этом никто ничего не узнает из «Уроков Ок-

тября». Конечно, надо суметь так написать историю Октября, но Троцкий очень ловкий, блестящий публицист, он может и так написать. Оставим поэтому в стороне ЦК, ПК, Военную организацию. Ну а Ленин? О Ленине тов. Троцкий сообщает тут же, на этой же странице, так: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем значении... Ленин не имел возможности из своего подполья оценить коренной перелом...» и т. д. (там же, стр. 59—60) ¹²⁵.

Видите, какие мы невежды насчет Октябрьской революции. Мы до сих пор представляли себе, что именно Ленин вел Октябрьскую революцию, а организовали ее ЦК, ПК, Военная организация партии... Оказывается, ни ЦК, ни ПК не играли тут никакой роли. Их нет на сцене. Может быть, Троцкий, проводя резолюцию 9 октября, действовал по директивам руководящего центра, который подготавливал восстание? Такой центр был, но из «Уроков» Троцкого об этом узнать ничего нельзя. Есть на сцене Троцкий, который «легально» и «тихо» решает победоносное восстание 9-го числа, в то время как состоящий, видимо, из не очень сообразительных людей ЦК обсуждает еще вопрос, нужно ли это восстание. Оказывается, вместе с тем, что Ленин сидел в подполье, обстановки не учел, соотношения сил не знал... Но мало того: не учтя и не зная обстановки, Ленин, сообщает Троцкий, давал советы: советы начать революцию в Москве.

Чтобы вполне выяснить роль Ленина, Троцкий сообщает следующее: «Если бы восстание началось (по совету Ленина.— Л. К.) в Москве до переворота в Петрограде, оно неизбежно получило бы еще более затяжной характер, с весьма сомнительным исходом, а неудача в Москве тяжело отразилась бы и на Петрограде» (там же, стр. 60).

Пока Ленин подает подобного рода «советы», Троцкий, имея уже у себя в кармане «тихое», но «победоносное» восстание, производит «широкий обволакивающий маневр». «Нам удалось,— пишет он с торжеством,— завлечь в ловушку советской легальности наших врагов... Наша «хитрость» удалась на сто процентов... Соглашатели оказались... целиком и полностью пойманы»... Троцким.

Правда, Ленин, имея в виду именно это увлечение тов. Троцкого «широким обволакивающим маневром» и рассчитывая гораздо больше на рабочих, матросов

и солдат, чем на «хитрость» тов. Троцкого, писал тогда: «Медлить — преступление, ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность, предательство революции»¹²⁶. Но Троцкий, заканчивая описание роли своей и Ленина в октябрьские дни, победоносно отражает эти слова Ленина. «Устраивать вооруженное восстание под голым лозунгом захвата власти партией — это одно, — поучает Троцкий Ленина, — а готовить и потом осуществить восстание под лозунгом защиты прав съезда Советов — это совсем другое».

Вот расстановка фигур: Ленин сидит в подполье, не оценивает обстановки, не учитывает того, что $\frac{9}{10}$ восстания уже сделано, дает совет начать восстание в Москве, явно обрекая революцию на неуспех, нервничает, ведет дело под явно нелепым простецким «голым лозунгом захвата власти партией» (в чем, впрочем, исстари обвиняли Ленина буквально все меньшевики и Троцкий), — а с другой стороны, Троцкий уже 9 октября устраивает «победоносное восстание», твердо, но выдержанно проводит «широкий обволакивающий маневр», завлекает врагов, в ловушку», «подготавливает и потом осуществляет» победу под понятным широким массам лозунгом «защиты прав съезда Советов». Кто же сделал восстание, кто им руководил, кто определил его ход, благодаря кому спасена Октябрьская революция? Троцкий очень хороший литератор, но, как ни искусно перо тов. Троцкого, смысла его рассказа об Октябре нельзя не видеть. ЦК сидел в трясине, ПК не существовал на свете, тов. Троцкий в качестве председателя Совета своей политикой связывает гарнизон с Советом, умно маневрирует и оставляет 25-му Октября сделать лишь несколько дополнительных шагов, чтобы вручить пролетариату умно и тонко подготовленную победу. А Ленин в это время сидит в подполье, не знает обстановки, дает советы устроить восстание в Москве, горячится и кипит, что оттягивается уже совершенное собственно восстание, и сбивается в сторону голого «захвата власти партией».

О чем же говорят эти «Уроки Октября»? О том, что *весною* Ленин должен был перевооружиться идейно, отбросить старую теорию и взять оружие из арсенала Троцкого, а в *октябре* неудачно пытался руководить восстанием, привести которое к победе суждено было тов. Троцкому¹²⁷.

Вот и надо выбирать, чему нужно учиться и учить: этой ли истории Октября или же какой-то другой?

Истории ли Троцкого или же той, которая имеется в сочинениях тов. Ленина?

Я уже сказал вначале, что не могу разбирать отдельных ошибок Троцкого. Достаточно сказанного. Я не стану говорить об извращении событий в связи с Апрельской конференцией, об извращении событий в связи с Демократическим совещанием, но еще два места я укажу для того, чтобы показать, что — опытный политик и литератор — тов. Троцкий действительно попадает своими стрелами дальше... видимой цели.

Вот вопрос об Учредительном собрании. Тов. Троцкий цитирует письмо мое и Зиновьева от 11 октября. Мы пишем так: «Советы, внедрившиеся в жизнь, не смогут быть уничтожены... Только на Советы сможет опереться в своей революционной работе и Учредительное собрание. Учредительное собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем».

Это мы писали 11 октября. Троцкий комментирует так: «Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное собрание с Советами, была 1½—2 года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также борющимся против захвата власти пролетариатом» (*там же*, стр. 37).

Ну что может быть убедительнее? Мы писали о «комбинированном типе Учредительного собрания и Советов», — а через полтора года Гильфердинг повторяет это, — и вот тов. Троцкий пользуется случаем сказать, что эти, мол, люди похожи на Гильфердинга и «также борются против захвата власти пролетариатом». Но прием, употребляемый здесь автором, прямо позорен.

Мое и Зиновьева письмо было написано 11 октября; я беру статью Ленина, написанную 6 октября, т. е. за 5 дней до нашего письма. Вот что пишет Ленин: «...возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий Путь» на днях), например и Республика Советов и Учредительное собрание»¹²⁸ (*Ленин*, т. XIV, стр. 167. — Статья, на которую сослался Ленин, написана тов. Зиновьевым).

Что же выходит? Выходит, что в данном случае и Ленин был похож на этого Гильфердинга. Или нас надо развести с Гильфердингом, или Ленина повенчать с Гильфердингом. Но Ленина повенчать на Гильфердин-

ге — это не выйдет, а вот Каменева с Зиновьевым повенчать на Гильфердинге — авось найдутся дурачки, которые этому поверят. Но оставим Каменева и Зиновьева, а как быть с Лениным? Ведь остается, что социал-предателя Гильфердинга Троцкий — чтобы побольнее ударить того, кого он хотел, но не умел ударить, — поместил где-то около Ленина. Троцкому не важна историческая правда. Изменение тактики в моменты, когда ситуация менялась изо дня в день, его не интересует, — его интересует дискредитировать всеми средствами большевизм.

Последний пример, тоже в двух словах. Все в том же письме мы в октябре 1917 г. говорили: «Солдатская масса поддерживает нас не за лозунг войны, а за лозунг мира... Если мы, взявши власть сейчас, одни придем в силу мирового положения к необходимости вести революционную войну, солдатская масса отхлынет от нас. С нами останется, конечно, лучшая часть солдатской молодежи, но солдатская масса уйдет». Пускай историк разберется, сколько тут было неправильной оценки. Но что делает тов. Троцкий? «Мы видим здесь, — говорит он, — основные доводы в пользу подписания Брест-Литовского мира». Итак, при Брест-Литовском мире, подписанном партией по настоянию и под железным давлением Ленина и против Троцкого, оказывается, «основные доводы» были даны нами, «правыми», «гильфердинговцами». Так излагается история Брест-Литовского мира. Но это попадает не только в нас, но и в Ленина. Можно ли после этого удивляться, что наши враги, у которых на гнилье очень тонкий нюх, по поводу некоторых книжек о Ленине пишут, что трудно сказать, написаны ли они сотрудником или соперником Ленина.

Ленинизм против троцкизма

Теперь можно подвести итоги. Какой общий смысл этого выступления тов. Троцкого? Оно есть, конечно, продолжение всех его предыдущих выступлений. Партия дала решительный отпор его попыткам повернуть партию с линии большевизма на линию троцкизма, и Троцкий прибегнул к своему последнему отравленному оружию.

Мы — партия монополярная в стране. Мы в своих рядах собираем все, что есть в стране организованного,

но мы не должны ни на минуту забывать, что мы окружены стихией нам классово чуждой, что эта стихия не будет падать, она будет расти, будет становиться политически осмысленнее. Формы легальной организации у нее нет. На почве развития промышленности, фабрик, заводов и торговли будет расти и мелкобуржуазная интеллигенция. Все эти мелкобуржуазные элементы, не находя себе открытого выражения в какой-либо общественной организации, неизбежно стремятся прорваться, проявить свои стремления через саму нашу партию. И, конечно, при этом нажмем мелкобуржуазной стихии на нашу партию она ищет в ней самого слабого звена, и самое слабое звено, конечно, там, где люди, вошедшие в партию, не ассимилировались с ней, затаили, как тайну, не дающую им покоя, мысль, что они более правы, чем партия, что партия только по своему узколобию, по своему консерватизму, по традициям, потому, что во главе ее стоит тот или другой кружок,— не хочет учиться у настоящих спасителей партии, вроде Троцкого.

Я говорю это с горечью, и вся партия скажет это с горечью, но это надо сказать: тов. Троцкий стал тем каналом, по которому мелкобуржуазная стихия проявляет себя внутри нашей партии. Весь характер его выступлений, все его историческое прошлое показывает, что это так. В своей борьбе с партией он стал уже в стране символом для всего, что направлено против нашей партии. Это нужно понять прежде всего тов. Троцкому. Если он поймет это и сделает из этого необходимые выводы, все поправимо. Хочет он этого или не хочет (наверное, *этого он не хочет*), но он для всех, кто видит в коммунизме своего главного врага, является символом высвобождения из-под ферулы коммунистической партии. Это печальный, но совершенно неизбежный вывод для того, кто привык рассматривать политические явления не с точки зрения классовых соотношений. Перед нами товарищ с историей 20-летней, не очень давно явившийся в партию, который вошел в партию, не отказавшись от своих заблуждений, который пытался внутри партии на каждом повороте провести свою точку зрения, который создал в партии такое отношение к себе, которое заставляло партию неоднократно призывать его к порядку, и неизбежно, что для мелкобуржуазной стихии, желающей найти для себя какое-нибудь знамя, эта политическая фигура, постоянно находящаяся в оппозиции к партии, система-

тически подрывающая авторитет большевизма, авторитет его руководящих центров, авторитет Ленина,— становится мало-помалу символом и надеждой.

Вот та идейная опасность, перед которой ставит нас тов. Троцкий и мимо которой мы пройти не можем. Я знаю, что в Москве, в городе специальном в смысле особой падкости до всяких слухов, уже передаются «вполне достоверные» сведения, во-первых, о том, что книжка тов. Троцкого запрещена, что тов. Троцкий уже исключен из партии, что Троцкого собираются исключить из партии и что Троцкого даже уже нет в Москве. Это, конечно, все сплетни. Никому в голову не приходило запрещать книжку тов. Троцкого, ни один из членов ЦК не поднимал и не подымает вопроса о каких-либо партийных репрессиях против тов. Троцкого. Репрессии, исключение и т. п. не помогли бы разъяснению, а, наоборот, затруднили бы разъяснение и в то же время дали бы возможность смутьянам, которые хотели бы внести раскол в партию, помешать выяснению истинных основ большевизма в отличие от троцкизма; а это именно сейчас основное. Мы должны принять все меры, чтобы охранить от заразы этого небольшевистского учения те слои партии, на которые оно рассчитывает, именно — нашу молодежь, тот будущий состав, который должен взять в руки судьбы партии. И поэтому усиление всяческого рода разъяснений о неправильности позиции тов. Троцкого, о том, что надо выбрать между троцкизмом и ленинизмом, что нельзя сочетать того и другого,— это должно быть очередной задачей нашей партии. Должно быть ясно для каждого сознательного члена партии, что есть троцкизм и есть ленинизм, что для нас, большевиков, и для международного пролетариата, идущего к своей победе, достаточно ленинизма, и нам не нужно ленинизм ни подменять, ни подправлять троцкизмом.

ТРОЦКИЗМ ИЛИ ЛЕНИНИЗМ?

*(Речь на пленуме
фракции ВЦСПС
19 ноября 1924 г.)*

Товарищи! После обстоятельного доклада тов. Каменева мне остается сказать немного. Я ограничусь поэтому разоблачением некоторых легенд, распространяемых тов. Троцким и его единомышленниками об Октябрьском восстании, о роли тов. Троцкого в восстании, о партии и подготовке Октября и т. д. Тут же я коснусь троцкизма, как своеобразной идеологии, несовместимой с ленинизмом, и задач партии в связи с последними литературными выступлениями тов. Троцкого.

1. ФАКТЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОМ ВОССТАНИИ

Прежде всего об Октябрьском восстании. Среди членов партии усиленно распространяются слухи о том, что ЦК в целом был будто бы против восстания в октябре 1917 г. Рассказывают обычно, что 10 октября, когда ЦК принял решение об организации восстания, ЦК в своем большинстве высказался сначала против восстания, но в это время ворвался будто бы на заседание ЦК один рабочий и сказал: «Вы решаете вопрос против восстания, а я вам говорю, что восстание все-таки будет, несмотря ни на что». И вот после этих угроз ЦК, будто бы струсивши, вновь поставил вопрос

о восстании и принял решение об организации восстания. Это не простой слух, товарищи. Об этом пишет известный Джон Рид в своей книге «Десять дней»¹, который стоял далеко от нашей партии и, конечно, не мог знать истории нашего конспиративного собрания от 10 октября, попадая ввиду этого на удочку сплетен, идущих от господ Сухановых². Этот рассказ передается и повторяется потом в ряде брошюр, принадлежащих перу троцкистов, между прочим, в одной из последних брошюр об Октябре, написанной тов. Сыркиным. Эти слухи усиленно поддерживаются последними литературными выступлениями тов. Троцкого. Едва ли нужно доказывать, что все эти и подобные им арабские сказки не соответствуют действительности, что ничего подобного на самом деле не было на заседании ЦК, да и не могло быть. Мы могли бы ввиду этого пройти мимо этих нелепых слухов: мало ли вообще слухов фабрикуется в кабинетах оппозиционеров или стоящих вдали от партии людей. Мы, действительно, так и поступали до сего времени, не обращая внимания, например, на ошибки Джона Рида и не заботясь об исправлении этих ошибок. Но после последних выступлений тов. Троцкого пройти мимо таких легенд уже нельзя, ибо на таких легендах стараются теперь воспитывать молодежь и, к несчастью, кой-каких результатов уже добились в этом отношении. Я должен ввиду этого противопоставить этим нелепым слухам действительные факты.

Я беру протоколы заседания ЦК нашей партии от 10 (23) октября [19]17 г.³ Присутствуют: Ленин, Зиновьев, Каменев, Сталин⁴, Троцкий, Свердлов, Урицкий, Дзержинский, Коллонтай, Бубнов, Сокольников, Ломов. Обсуждается вопрос о текущем моменте и восстании. После прений голосуется резолюция тов. Ленина о восстании. Резолюция принимается большинством 10 против 2. Кажется, ясно: ЦК большинством 10 против 2 постановил перейти к непосредственной практической работе по организации восстания. ЦК выбирает на этом же заседании политический центр по руководству восстанием под названием политического бюро в составе: Ленина, Зиновьева, Сталина⁵, Каменева, Троцкого, Сокольникова и Бубнова.

Таковы факты.

Эти протоколы сразу разрушают несколько легенд. Они разрушают легенду о том, что ЦК в своем большинстве стоял будто бы против восстания⁶. Они разру-

шают также легенду о том, что ЦК в вопросе о восстании стоял будто бы перед расколом. Из протоколов ясно, что противники немедленного восстания — тт. Каменев и Зиновьев — вошли в орган политического руководства восстанием наравне со сторонниками восстания⁷. Ни о каком расколе не было и не могло быть речи.

Тов. Троцкий уверяет, что в лице тт. Каменева и Зиновьева мы имели в октябре правое крыло нашей партии, почти что социал-демократов. Непонятно только: как могло случиться, что партия обошлась в таком случае без раскола; как могло случиться, что разногласия с тт. Каменевым и Зиновьевым продолжались всего несколько дней; как могло случиться, что эти товарищи, несмотря на разногласия, ставились партией на важнейшие посты, выбирались в политический центр восстания и пр.? В партии достаточно известна беспощадность Ленина в отношении социал-демократов; партия знает, что Ленин ни на одну минуту не согласился бы иметь в партии, да еще на важнейших постах, социал-демократически настроенных товарищей. Чем объяснить, что партия обошлась без раскола? Объясняется это тем, что, несмотря на разногласия, мы имели в лице этих товарищей старых большевиков, стоящих на общей почве большевизма. В чем состояла эта общая почва? В единстве взглядов на основные вопросы: о характере русской революции, о движущих силах революции, о роли крестьянства, об основах партийного руководства и т. д. Без такой общей почвы раскол был бы неминуем. Раскола не было, а разногласия длились всего несколько дней потому и только потому, что мы имели в лице тт. Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков⁸.

Перейдем теперь к легенде об особой роли тов. Троцкого в Октябрьском восстании. Троцкисты усиленно распространяют слухи о том, что вдохновителем и единственным руководителем Октябрьского восстания являлся тов. Троцкий. Эти слухи особенно усиленно распространяются так называемым редактором сочинений тов. Троцкого, тов. Ленцнером. Сам тов. Троцкий, систематически обходя партию, ЦК партии и Ленинградский комитет партии, замалчивая руководящую роль этих организаций в деле восстания и усиленно выдвигая себя как центральную фигуру Октябрьского восстания, — вольно или невольно способствует распространению слухов об особой роли тов. Троцкого в восстании⁹.

Я далек от того, чтобы отрицать несомненно важную роль тов. Троцкого в восстании. Но должен сказать, что никакой особой роли в Октябрьском восстании тов. Троцкий не играл и играть не мог, что, будучи председателем Петроградского Совета, он выполнял лишь волю соответствующих партийных инстанций, руководящих каждым шагом тов. Троцкого. Обывателям, вроде Суханова, все это может показаться странным, но факты, действительные факты, целиком и полностью подтверждают это мое утверждение.

Возьмем протоколы следующего заседания ЦК от 16 октября 1917 г. Присутствуют члены ЦК, плюс представители Ленинградского комитета¹⁰, плюс представители Военной организации, фабзавкомов, профсоюзов, железнодорожников. В числе присутствующих кроме членов ЦК имеются: Крыленко, Шотман, Калинин, Володарский, Шляпников, Лацис и др. Всего 25 человек. Обсуждается вопрос о восстании с чисто практически-организационной стороны. Принимается резолюция Ленина о восстании большинством 20 против 2, при 3 воздержавшихся. Избирается практический центр по организационному руководству восстанием. Кто же попадает в этот центр? В этот центр выбираются пятеро: Свердлов, Сталин, Дзержинский, Бубнов, Урицкий. Задачи практического центра: руководить всеми практическими органами восстания согласно директив ЦК. Таким образом, на этом заседании ЦК произошло, как видите, нечто «ужасное», т. е. в состав практического центра, призванного руководить восстанием, «странным образом» не попал «вдохновитель», «главная фигура», «единственный руководитель» восстания, тов. Троцкий¹¹. Как примирить это с ходячим мнением об особой роли тов. Троцкого? Не правда ли, несколько «странно» все это, как сказал бы Суханов или как сказали бы троцкисты. Между тем тут нет, собственно говоря, ничего странного, ибо никакой особой роли ни в партии, ни в Октябрьском восстании не играл и не мог играть тов. Троцкий, человек сравнительно новый для нашей партии в период Октября. Он, как и все ответственные работники, являлся лишь исполнителем воли ЦК и его органов. Кто знаком с механикой партийного руководства большевиков, тот поймет без особого труда, что иначе и не могло быть: стоило тов. Троцкому нарушить волю ЦК, чтобы лишиться влияния на ход дел. Разговоры об особой роли тов. Троцкого есть легенда, распространяемая услужливыми «партийными» кумушками.

Это не значит, конечно, что Октябрьское восстание не имело своего вдохновителя. Нет, у него был свой вдохновитель и руководитель. Но это был Ленин, а не кто-либо другой, тот самый Ленин, чьи резолюции принимались Центральным Комитетом при решении вопроса о восстании, тот самый Ленин, которому подполье не помешало быть действительным вдохновителем восстания, вопреки утверждению тов. Троцкого. Глупо и смешно пытаться теперь болтовней о подполье замазать тот несомненный факт, что вдохновителем восстания был вождь партии В. И. Ленин.

Таковы факты.

Допустим, говорят нам, но нельзя отрицать того, что тов. Троцкий хорошо дрался в период Октября. Да, это верно, тов. Троцкий действительно хорошо дрался в Октябре. Но в период Октября хорошо дрался не только тов. Троцкий, недурно дрались даже такие люди, как левые эсеры, стоявшие тогда бок о бок с большевиками. Вообще я должен сказать, что в период победоносного восстания, когда враг изолирован, а восстание нарастает, нетрудно драться хорошо. В такие моменты даже отсталые становятся героями¹². Но борьба пролетариата не представляет сплошного наступления, сплошной цепи успехов. Борьба пролетариата имеет также свои испытания, свои поражения. Настоящим революционером является не тот, кто проявляет мужество в период победоносного восстания, но тот, кто умел драться хорошо при победоносном наступлении революции, умеет вместе с тем проявить мужество в период поражения пролетариата, кто не теряет голову и не дрейфит при неудачах революции, при успехах врага, кто не ударяется в панику и не впадает в отчаяние в период отступления революции. Недурно дрались левые эсеры в период Октября, поддерживая большевиков. Но кому неизвестно, что эти «храбрые» бойцы ударились в панику в период Бреста, когда наступление германского империализма бросило их в отчаяние и в истерику. Крайне печально, но факт несомненный, что у тов. Троцкого, хорошо дравшегося в период Октября, не хватило мужества в период Бреста, в период временных неудач революции, для того, чтобы проявить достаточную стойкость в эту трудную минуту и не пойти по стопам левых эсеров. Бесспорно, но момент был трудный, нужно было проявить особое мужество и железное спокойствие для того, чтобы не растеряться, вовремя отступить, вовремя принять мир, вывести пролетарскую ар-

нию из-под удара германского империализма, сохранить крестьянские резервы и, получив таким образом передышку, ударить потом на врага с новыми силами. Но такого мужества и такой революционной стойкости, к сожалению, не оказалось у тов. Троцкого в эту трудную минуту. По мнению т. Троцкого, основной урок пролетарской революции состоит в том, чтобы «не сдрейфить» во время Октября. Это неверно, ибо это утверждение тов. Троцкого содержит лишь *частицу* правды об уроках революции. *Вся* правда об уроках пролетарской революции состоит в том, чтобы «не сдрейфить» не только в дни наступления революции, но и в дни ее отступления, когда враг берет верх, а революция терпит неудачи. Революция не исчерпывается Октябрем. Октябрь есть лишь начало пролетарской революции. Плохо, если сдрейфят при поднимающемся восстании. Еще хуже, если дрейфят при тяжелых испытаниях революции, после взятия власти. Удержание власти на другой день революции не менее важно, чем взятие власти. Если тов. Троцкий сдрейфил в период Бреста, в период тяжелых испытаний нашей революции, когда дело чуть было не дошло до сдачи власти, то он должен понять, что октябрьские ошибки Каменева и Зиновьева тут совершенно ни при чем.

Так обстоит дело с легендами об Октябрьском восстании.

2. ПАРТИЯ И ПОДГОТОВКА ОКТЯБРЯ

Перейдем теперь к вопросу о подготовке Октября. Послушав тов. Троцкого, можно подумать, что партия большевиков весь подготовительный период от марта до октября только и делала, что топталась на месте, разъедалась внутренними противоречиями и всячески мешала Ленину, и если бы не тов. Троцкий, то неизвестно, чем кончилось бы дело Октябрьской революции. Несколько забавно слышать эти странные речи о партии от тов. Троцкого, объявившего в том же «предисловии» к III тому, что «основным инструментом пролетарского переворота служит партия», что «без партии, помимо партии, в обход партии, через суррогат партии пролетарская революция победить не может», причем сам Аллах не поймет, как могла победить наша революция, если «основной ее инструмент» оказался негодным, а «в обход партии» нет, оказывается, никакой воз-

возможности победить. Но странностями угощает нас тов. Троцкий не впервые. Надо думать, что забавные речи о нашей партии относятся к числу обычных странно-стей тов. Троцкого.

Рассмотрим вкратце историю подготовки Октября по периодам.

1) *Период новой ориентировки партии (март — апрель)*. Основные факты этого периода: а) свержение царизма, б) образование Временного правительства (диктатура буржуазии), в) появление Советов рабочих и солдатских депутатов (диктатура пролетариата и крестьянства), г) двоевластие, д) апрельская демонстрация, е) первый кризис власти.

Характерной чертой этого периода является тот факт, что существуют рядом вместе в одно и то же время и диктатура буржуазии и диктатура пролетариата и крестьянства, причем последняя доверчиво относится к первой, верит в ее мирные стремления, добровольно отдает власть буржуазии и превращает себя, таким образом, в ее придаток. Серьезных конфликтов между двумя диктатурами нет еще. Но есть зато «контактная комиссия».

Это был величайший перелом в истории России и небывалый поворот в истории нашей партии. Старая, до-революционная платформа прямого свержения правительства была ясна и определена, но она уже не подходила к новым условиям борьбы. Теперь уже нельзя было идти прямо на свержение правительства, ибо оно было связано с Советами, находящимися под влиянием оборонцев, и партии пришлось бы вести непосильную войну и против правительства, и против Советов. Но нельзя было также вести политику поддержки Временного правительства, ибо оно являлось правительством империализма. Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (ее большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросе о мире и не решилась сразу сделать шаг вперед от старого лозунга о диктатуре пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов. Эта половинчатая политика была рассчитана на то, чтобы дать Советам разглядеть на конкретных вопросах о мире подлинную империалистическую природу Временного правительства и тем оторвать их от последнего. Но это была глубоко ошибочная позиция, ибо она плодила пацифистские иллюзии,

лила воду на мельницу оборончества и затрудняла революционное воспитание масс. Эту ошибочную позицию я разделял тогда с другими товарищами по партии и отказался от нее полностью лишь в середине апреля, присоединившись к тезисам Ленина. (Известно, что тов. Зиновьев, которого тов. Троцкий готов превратить в «гильфердинговца», целиком и полностью разделял точку зрения Ленина.) Нужна была новая ориентировка. Эту новую ориентировку дал партии Ленин в своих знаменитых Апрельских тезисах. Я не распространяюсь об этих тезисах, так как они известны всем и каждому. Были ли тогда у партии разногласия с Лениным? Да, были. Как долго длились эти разногласия? Не более двух недель¹³. Общегородская конференция Ленинградской¹⁴ организации (вторая половина апреля), принявшая тезисы Ленина, была поворотным пунктом в развитии нашей партии. Всероссийская Апрельская конференция (конец апреля) лишь довершила в общероссийском масштабе дело Ленинградской¹⁵ конференции, сплотив вокруг единой партийной позиции девять десятых партии.

Теперь, спустя семь лет, тов. Троцкий злорадствует по поводу былых разногласий у большевиков, изображая эти разногласия как борьбу чуть ли не двух партий внутри большевизма. Но, во-первых, тов. Троцкий тут безбожно преувеличивает и раздувает дело, ибо партия большевиков пережила эти разногласия без малейшего потрясения. Во-вторых, наша партия была бы каковой, а не революционной партией, если бы она не допускала в своей среде оттенков мысли, причем известно, что разногласия бывали у нас и в прошлом, например в период третьей Думы, что, однако, не мешало единству нашей партии. В-третьих, нелишне будет спросить, какова была *тогда* позиция самого т. Троцкого, охотно злорадствующего *теперь* по поводу былых разногласий у большевиков? Так называемый редактор сочинений тов. Троцкого тов. Ленцнер уверяет, что американские письма тов. Троцкого (март) «целиком предвосхитили» ленинские «Письма из далека» (март), легшие в основу Апрельских тезисов Ленина. Так и сказано: «Целиком предвосхитили». Тов. Троцкий не возражает против такой аналогии, принимая ее, видимо, с благодарностью. Но, во-первых, письма тов. Троцкого «совсем не похожи» на письма Ленина ни по духу, ни по выводам, ибо они отражают целиком и полностью антибольшевистский лозунг тов. Троцкого: «без царя, а

правительство рабочее», лозунг, означающий революцию без крестьянства. Стоит только просмотреть эти две группы писем, чтобы убедиться в этом. Во-вторых, чем объяснить в таком случае, что Ленин счел нужным отмежеваться от тов. Троцкого на другой же день после своего приезда из-за границы? Кому не известны неоднократные заявления Ленина о том, что лозунг Троцкого: «без царя, а правительство рабочее» является попыткой «перепрыгнуть через не изжившее себя крестьянское движение»¹⁶, что этот лозунг означает «игру в захват власти рабочим правительством»?¹⁷ Что может быть общего между большевистскими тезисами Ленина и антибольшевистской схемой т. Троцкого с ее «игрой в захват власти»? И откуда только берется у людей эта страсть сравнивать хибарочку с Монбланом? Для чего понадобилось т. Ленцнеру это рискованное присоединение к куче старых легенд о нашей революции еще одной легенды о «предвосхищении» в американских письмах тов. Троцкого известных «Писем из далека» Ленина? * Недаром говорится, что услужливый медведь опаснее врага.

2) Период революционной мобилизации масс (май —

* К числу таких легенд нужно отнести очень распространенную версию о том, что т. Троцкий является будто бы «единственным» или «главным» организатором побед на фронтах гражданской войны. Я должен заявить, товарищи, в интересах истины, что эта версия совершенно не соответствует действительности. Я далек от того, чтобы отрицать важную роль т. Троцкого в гражданской войне. Но должен заявить со всею решительностью, что высокая честь организатора наших побед принадлежит не отдельным лицам, а великому коллективу передовых рабочих нашей страны — Российской Коммунистической партии. Может быть, нелишне будет привести несколько примеров. Вы знаете, что основными врагами Советской республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот история говорит, что обоих этих врагов, т. е. и Колчака и Деникина, добила наша войска вопреки планам тов. Троцкого. Судите сами. 1) О Колчаке. Дело происходит летом 1919 г. Наши войска наступают на Колчака и орудут под Уфой. Заседание ЦК. Тов. Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белая (под Уфой), оставив Урал в руках Колчака, снять часть войск с Востфронта и перебросить их на Южный фронт. Происходят жаркие прения. ЦК не соглашается с тов. Троцким, находя, что нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги, — нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. ЦК отклоняет план т. Троцкого. Последний подает в отставку. ЦК не принимает отставки. Главком Вацетис, сторонник плана т. Троцкого, уходит в отставку. Его место занимает новый главком, т. Каменев. С этого момента тов. Троцкий от-

август)¹⁸. Основные факты этого периода: а) апрельская демонстрация в Ленинграде и образование коалиционного правительства с участием «социалистов», б) первомайская демонстрация в основных центрах России с лозунгом «демократического мира», в) июньская демонстрация в Ленинграде¹⁹ с основным лозунгом «долой министров-капиталистов», г) июньское наступление на фронте и неудачи русской армии, д) июльская вооруженная демонстрация в Ленинграде²⁰, уход министров-кадетов из правительства, е) привод с фронта контрреволюционных войск, разгром редакции «Правды», борьба контрреволюции с Советами и образование нового коалиционного правительства во главе с Керенским, ж) VI съезд партии, давший лозунг подготовки вооруженного восстания, з) контрреволюционное Государственное совещание и общая забастовка в Москве, и) неудачное наступление Корнилова на Ленинград²¹, оживление Советов, отставка кадетов и образование «Директории».

Характерной чертой этого периода нужно считать обострение кризиса и нарушение того неустойчивого равновесия между Советами и Временным правительством, которое — плохо ли, хорошо ли — существовало в предыдущий период. Двоевластие стало нестерпимым для обеих сторон. Хрупкое здание «контактной комиссии» доживает последние дни. «Кризис власти» и «министерская чехарда» являлись тогда самыми модными словечками момента. Кризис на фронте и разруха в тылу делают свое дело, усиливая крайние фланги и сжимая с двух сторон соглашателей-оборонцев. Революция мобилизуется, вызывая мобилизацию контрреволюции. Контрреволюция, в свою очередь, подстегивает революцию, вызывая новые волны революционного прилива. Вопрос о переходе власти к новому классу становится очередным вопросом дня.

ходит от прямого участия в делах Востфронта. 2) *О Деникине.* Дело происходит осенью 1919 г. Наступление на Деникина не удается. «Стальное кольцо» вокруг Мамонтова (рейд Мамонтова) явно проваливается. Деникин берет Курск. Деникин подходит к Орлу. Тов. Троцкий вызывается с Южного фронта на заседание ЦК. ЦК признает положение тревожным и постановляет направить на Южфронт новых военных работников, отозвав тов. Троцкого. Новые военработники требуют «невмешательства» тов. Троцкого в дела Южфронта. Тов. Троцкий уходит от прямого участия в делах Южфронта. Операции на Южфронте, вплоть до взятия нами Ростова-на-Дону и Одессы, проходят без тов. Троцкого. Пусть попытаются опровергнуть эти факты²².

Были ли тогда разногласия в нашей партии? Да, были, но они имели исключительно деловой характер, вопреки уверениям тов. Троцкого, пытающегося открыть «правое» и «левое» крыло партии. Т. е. это были такие разногласия, без которых не бывает вообще живой партийной жизни и действительной партийной работы.

Не прав тов. Троцкий, уверяя, что апрельская демонстрация в Ленинграде²³ вызывала разногласия внутри ЦК. ЦК был абсолютно един в этом вопросе; осуждая попытку группы товарищей арестовать Временное правительство в момент, когда в Советах и в армии большевики составляли меньшинство. Если бы тов. Троцкий писал «историю» Октября не по Суханову, а по действительным документам, он без труда убедился бы в ошибочности своего утверждения.

Абсолютно не прав тов. Троцкий, утверждая, что попытка «по инициативе Ленина» устроить демонстрацию 9 июня встретила обвинение в «авантюризме» со стороны «правых» членов ЦК²⁴. Если бы тов. Троцкий писал не по Суханову, он знал бы наверняка, что демонстрация 9 июня была отложена в полном согласии с Лениным, причем отложение защищал Ленин в большой речи на известном заседании Ленинградского комитета (см. протоколы Ленинградского комитета)²⁵.

Совершенно не прав тов. Троцкий, говоря о «трагических» разногласиях внутри ЦК в связи с июльской вооруженной демонстрацией. Тов. Троцкий просто сочиняет, полагая, что некоторые члены руководящей группы ЦК «должны были видеть в июльском эпизоде вредную авантюру». Тов. Троцкий, не входивший еще тогда в состав нашего ЦК и являвшийся лишь нашим советским парламентарием²⁶, мог, конечно, и не знать, что ЦК рассматривал июльскую демонстрацию лишь как средство прощупывания противника, что ЦК (и Ленин) не хотели и не думали превратить демонстрацию в восстание в момент, когда столичные Советы стояли еще за оборонцев. Вполне возможно, что кое-кто из большевиков действительно хныкали в связи с июльским поражением. Мне известно, например, что кое-кто из арестованных тогда большевиков готовы были даже покинуть наши ряды. Но умозаключать отсюда против некоторых будто бы «правых», будто бы членов ЦК — значит безбожно исказить историю.

Не прав тов. Троцкий, заявляя, что в корниловские дни обнаружилась в части верхов партии тенденция к блоку с оборонцами, к поддержке Временного прави-

тельства. Речь идет, конечно, о тех самых будто бы «правых», которые не дают спать тов. Троцкому. Тов. Троцкий не прав, так как есть на свете такие документы, как тогдашний ЦО партии, опрокидывающий заявления тов. Троцкого. Тов. Троцкий ссылается на письмо Ленина в ЦК с предостережением против поддержки Керенского. Но тов. Троцкий не понимает писем Ленина, их значения, их назначения. Ленин в своих письмах иногда нарочно забегаёт вперед, выдвигая на первый план те возможные ошибки, которые могут быть допущены, и критикуя их авансом с целью предупредить партию и застраховать ее от ошибок, или же иногда раздувает «мелочь» и делает «из мухи слона» с той же педагогической целью²⁷. Вождь партии, особенно если он находится в подполье, иначе и не может поступать, ибо он должен видеть дальше своих соратников и обязан бить тревогу по поводу каждой возможной ошибки, даже по поводу «мелочей». Но делать из таких писем Ленина (а таких писем у него немало) вывод о «трагических» разногласиях и трубить по этому поводу — значит не понимать писем Ленина, не знать Ленина. Этим, должно быть, и объясняется, что тов. Троцкий попадает иногда пальцем в небо. Короче: никаких, ровно никаких, разногласий не было в ЦК в дни корниловского выступления.

После июльского поражения между ЦК и Лениным действительно возникло разногласие по вопросу о судьбе Советов. Известно, что Ленин, желая сосредоточить внимание партии на подготовке восстания вне Советов, предостерегал от увлечения Советами, считая, что Советы, опоганенные оборонцами, превратились уже в пустое место. ЦК и VI съезд партии взяли более осторожную линию, решив, что нет оснований считать исключенным оживление Советов. Корниловское выступление показало, что решение было правильно. Впрочем, это разногласие не имело актуального значения для партии. Впоследствии Ленин признал, что линия VI съезда была правильна. Интересно, что тов. Троцкий не уцепился за это разногласие и не раздул его до «чудовищных» размеров.

Единая и сплоченная партия, стоящая в центре революционной мобилизации масс,— такова картина положения партии в этот период.

3) *Период организации штурма (сентябрь — октябрь)*. Основные факты этого периода: а) созыв Демократического совещания и провал идеи блока с кадета-

ми, б) переход Московского и Ленинградского²⁸ Советов на сторону большевиков, в) съезд Советов Северной области и решение Ленинградского Совета против вывода войск, г) решение ЦК партии о восстании и образование Военно-революционного комитета Ленинградского Совета, д) решение ленинградского гарнизона о вооруженной поддержке Ленинградского Совета и организации системы комиссаров Военно-революционного комитета, е) выступление большевистских вооруженных сил и арест членов Временного правительства, ж) взятие власти Военно-революционным комитетом Ленинградского Совета и создание Совета Народных Комиссаров 2-м съездом Советов.

Характерной чертой этого периода нужно считать быстрое нарастание кризиса, полную растерянность правящих кругов, изоляцию эсеров и меньшевиков и массовую перебежку колеблющихся элементов на сторону большевиков. Следует отметить одну оригинальную особенность тактики революции в этот период. Состоит она — эта особенность — в том, что каждый, или почти каждый, шаг своего наступления революция старается проделать под видом обороны. Несомненно, что отказ от вывода войск был серьезным шагом наступления революции, тем не менее это наступление было проделано под лозунгом обороны Ленинграда²⁹ от возможного наступления внешнего врага. Несомненно, что образование Военно-революционного комитета было еще более серьезным шагом наступления на Временное правительство, тем не менее оно было проведено под лозунгом организации советского контроля над действиями штаба округа. Несомненно, что открытый переход гарнизона на сторону Военно-революционного комитета и организация сети советских комиссаров знаменовали собой начало восстания, тем не менее эти шаги были проделаны революцией под лозунгом защиты Ленинградского Совета от возможных выступлений контрреволюции. Революция как бы маскировала свои наступательные действия оболочкой обороны для того, чтобы тем легче втянуть в свою орбиту нерешительные, колеблющиеся элементы. Этим, должно быть, и объясняется внешне-оборонительный характер речей, статей и лозунгов этого периода, имеющих тем не менее глубоко наступательный характер по своему внутреннему содержанию³⁰.

Были ли разногласия в этот период внутри ЦК? Да, были, и немаловажные. О разногласиях по вопросу о

восстании я уже говорил. Они полностью отразились в протоколах ЦК от 10 и 16 октября. Я не стану поэтому повторять уже сказанное раньше.

Необходимо теперь остановиться на трех вопросах: об участии в Предпарламенте, о роли Советов в восстании и о сроке восстания. Это тем более необходимо, что тов. Троцкий, в своем рвении выдвинуть себя на видное место, «нечаянно» извратил позицию Ленина по двум последним вопросам.

Несомненно, что разногласия по вопросу о Предпарламенте имели серьезный характер. В чем состояла, так сказать, цель Предпарламента? В том, чтобы помочь буржуазии отодвинуть Советы на задний план и заложить основы буржуазного парламентаризма. Мог ли Предпарламент выполнить такую задачу при сложившейся революционной обстановке — это другой вопрос. События показали, что эта цель была неосуществима, а сам Предпарламент представлял выкидыш корниловщины. Но несомненно, что именно такую цель преследовали меньшевики и эсеры, создавая Предпарламент. Что могло означать при этих условиях участие большевиков в Предпарламенте? Не что иное, как введение в заблуждение пролетарских масс насчет подлинного лица Предпарламента. Этим, главным образом, и объясняется та страстность, с которой бичует Ленин в своих письмах сторонников участия в Предпарламенте. Участие в Предпарламенте было, несомненно, серьезной ошибкой. Но было бы ошибочно думать, как это делает тов. Троцкий, что сторонники участия пошли в Предпарламент с целью органической работы, с целью «введения рабочего движения в русло социал-демократии». Это совершенно неверно. Это неправда. Если бы это было верно, партии не удалось бы «в два счета» ликвидировать эту ошибку путем демонстративного ухода из Предпарламента³¹. Жизненность и революционная мощь нашей партии в том, между прочим, и выразилась, что она мигом исправила эту ошибку. А затем позвольте мне исправить маленькую неточность, вкравшуюся в сообщение «редактора» сочинений т. Троцкого тов. Ленцнера, о заседании большевистской фракции, решившем вопрос о Предпарламенте. Тов. Ленцнер сообщает, что докладчиков на этом заседании было двое — Каменев и Троцкий. Это неверно. На самом деле докладчиков было четверо: двое за бойкот Предпарламента (Троцкий и Сталин) и двое за участие (Каменев и Ногин).

Еще хуже обстоит дело с тов. Троцким, когда он касается позиции Ленина по вопросу о форме восстания. У тов. Троцкого выходит, что, по Ленину, в октябре партия должна была взять власть «независимо от Совета и за спиной его» (см. «О Ленине», стр. 71). Критикуя потом эту чепуху, приписываемую Ленину, т. Троцкий «скачет и играет», разрешаясь в результате снисходительной фразой: «Это было бы ошибкой». Тов. Троцкий говорит тут неправду о Ленине, он искажает взгляд Ленина на роль Советов в восстании. Можно было бы привести целую грудку документов, говорящих о том, что Ленин предлагал взятие власти *через* Советы, Ленинградский или Московский, а не *за спиной* Советов. Для чего понадобилась тов. Троцкому эта более чем странная легенда о Ленине?

Не лучше обстоит дело с тов. Троцким, когда он «разбирает» позицию ЦК и Ленина по вопросу о сроке восстания. Сообщая о знаменитом заседании ЦК от 10 октября, тов. Троцкий утверждает, что на этом заседании «была вынесена резолюция в том смысле, что восстание должно произойти не позже 15 октября» (см. «О Ленине», стр. 72). Выходит, что ЦК назначил срок восстания на 15 октября и потом сам же нарушил это постановление, оттянув срок восстания на 25 октября³². Верно ли это? Нет, неверно. ЦК вынес за этот период две резолюции о восстании — от 10 октября и от 16 октября. Зачтемте эти резолюции.

Резолюция ЦК от 10 октября:

«ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии, как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), — так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К⁰ сдать Питер немцам), — так и приобретение большинства пролетарской партией в Советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец, явное приготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), — все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.

Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические воп-

росы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.)»³³.

Резолюция совещания ЦК с ответственными работниками от 16 октября:

«Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»³⁴.

Вы видите, что тов. Троцкому изменила память насчет срока восстания и резолюции ЦК о восстании.

Совершенно не прав тов. Троцкий, утверждая, что Ленин недооценивал советскую легальность, что Ленин не понимал серьезного значения взятия власти Всероссийским съездом Советов 25 октября, что будто бы именно поэтому Ленин настаивал на взятии власти до 25 октября. Это неверно. Ленин предлагал взятие власти до 25 октября по двум причинам. Во-первых, потому, что контрреволюционеры могли в любой момент сдать Ленинград, что обескровило бы подымающееся восстание и ввиду чего дорог был каждый день. Во-вторых, потому, что ошибка Ленинградского Совета, *открыто* назначившего и опубликовавшего день восстания (25 октября)³⁵, не могла быть исправлена иначе как фактическим восстанием *до* этого легального срока восстания. Дело в том, что Ленин смотрел на восстание как на искусство, и он не мог не знать, что враг, осведомленный (благодаря неосторожности Ленинградского Совета) насчет дня восстания, обязательно постарается подготовиться к этому дню, ввиду чего необходимо было предупредить врага, т. е. начать восстание обязательно *до* легального срока. Этим, главным образом, и объясняется та страстность, с которой бичевал Ленин в своих письмах фетишистов даты 25 октября. События показали, что Ленин был совершенно прав. Известно, что восстание было начато до Всероссийского съезда Советов. Известно, что власть была взята фактически до открытия Всероссийского съезда Советов, и была она взята не съездом Советов, а Ленинградским Советом, Военно-революционным комитетом. Съезд Советов лишь *принял* власть из рук Ленинградского Совета. Вот почему длинные рассуждения тов. Троцкого о значении советской легальности являются совершенно излишними.

Живая и мощная партия, стоящая во главе революционных масс, штурмующих и свергающих буржуазную власть,— таково состояние нашей партии в этот период.

Так обстоит дело с легендами о подготовке Октября.

3. ТРОЦКИЗМ И ЛЕНИНИЗМ

Мы говорили выше о легендах против партии и о Ленине, распространяемых тов. Троцким и его единомышленниками в связи с Октябрем и его подготовкой. Мы разоблачили и опровергли эти легенды. Но вот вопрос: для чего понадобились тов. Троцкому все эти легенды об Октябре и подготовке Октября, о Ленине и партии Ленина? Для чего понадобились новые литературные выступления тов. Троцкого против партии? В чем смысл, задача, цель этих выступлений теперь, когда партия не хочет дискуссировать, когда партия завалена кучей неотложных задач, когда партия нуждается в сплоченной работе по восстановлению хозяйства, а не в новой борьбе по старым вопросам. Для чего понадобилось тов. Троцкому тащить партию назад, к новым дискуссиям?

Тов. Троцкий уверяет, что все это необходимо для «изучения» Октября. Но неужели нельзя изучать Октябрь без того, чтобы не лягнуть лишней раз партию и ее вождя Ленина? Что это за «история» Октября, которая начинается и кончается развенчиванием главного деятеля Октябрьского восстания, развенчиванием партии, организовавшей и проведшей это восстание? Нет, дело тут не в изучении Октября. Так Октябрь не изучают. Так историю Октября не пишут. Очевидно, «умысел» другой тут есть. А «умысел» этот состоит, по всем данным, в том, что тов. Троцкий в своих литературных выступлениях делает еще одну (еще одну!) попытку подготовить условия для подмена ленинизма троцкизмом. Тов. Троцкому «до зарезу» нужно развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание³⁶, для того чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протаскать троцкизм как «единственную», «пролетарскую» (не шутите!) идеологию. Все это, конечно (о, конечно!), под флагом ленинизма, чтобы процедура протаскивания прошла «максимально безболезненно».

В этом — суть последних литературных выступлений тов. Троцкого.

Поэтому эти литературные выступления тов. Троцкого ставят ребром вопрос о троцкизме.

Итак, что такое троцкизм?

Троцкизм представляет три особенности, ставящие его в непримиримое противоречие с ленинизмом. Что это за особенности?

Во-первых. Троцкизм есть теория перманентной (непрерывной) революции. А что такое перманентная революция в ее троцкистском понимании? Это есть революция без учета маломощного крестьянства как революционной силы. Перманентная революция тов. Троцкого есть, как говорит Ленин, «перепрыгивание» через крестьянское движение, «игра в захват власти». В чем ее опасность? В том, что такая революция, если бы ее попытались осуществить, кончилась бы неминуемым крахом, ибо она оторвала бы от русского пролетариата его союзника, т. е. маломощное крестьянство. Этим и объясняется та борьба, которую ведет ленинизм с троцкизмом еще с 1905 г. Как расценивает тов. Троцкий ленинизм с точки зрения этой борьбы? Он рассматривает его как теорию, содержащую в себе «антиреволюционные черты» (см. «1905», стр. 285). На чем основан такой сердитый отзыв о ленинизме? На том, что ленинизм отстаивал и отстаивал в свое время идею диктатуры пролетариата и *крестьянства* (см. там же). Но тов. Троцкий не ограничивается этим сердитым отзывом. Он идет дальше, утверждая, что «все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения» (см. письмо тов. Троцкого к Чхеидзе от 25 февраля 1913 г.)

Как видите, перед нами две противоположные линии.

Во-вторых. Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности, к ее враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии. Вам, должно быть, известна история с «Августовским блоком» тов. Троцкого, где благополучно сотрудничали между собой мартовцы и отзовисты, ликвидаторы и троцкисты, изображая из себя «настоящую» партию. Известно, что эта лоскутная «партия» преследовала цели разрушения большевистской партии. В чем состояли тогда «наши разногласия»? В том, что ленинизм видел залог развития пролетарской партии в разрушении «Августовского блока», т-

гда как троцкизм усматривал в этом блоке базу для создания «настоящей» партии.

Опять, как видите, две противоположные линии.

В-третьих. Троцкизм есть недоверие к лидерам большевизма, попытка к их дискредитированию, к их развенчиванию. Я не знаю ни одного течения в партии, которое могло бы сравниться с троцкизмом в деле дискредитирования лидеров ленинизма или центральных учреждений партии. Чего стоит, например, «любезный» отзыв т. Троцкого о Ленине, характеризуемом им как «профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении» (см. уже цитированное письмо к Чхеидзе). А ведь это далеко не самый «любезный» отзыв из всех существующих «любезных» отзывов тов. Троцкого.

Как могло случиться, что тов. Троцкий, имеющий за спиной такой неприятный груз, оказался все-таки в рядах большевиков во время октябрьского движения? А случилось это потому, что тов. Троцкий отказался тогда (фактически отказался) от своего груза, спрятал его в шкаф³⁷. Без этой «операции» серьезное сотрудничество с т. Троцким было бы невозможно. Теория «Августовского блока», т. е. теория единства с меньшевиками, была уже разбита и выброшена вон революцией, ибо о каком единстве могла быть речь при вооруженной борьбе между большевиками и меньшевиками? Тов. Троцкому оставалось лишь признать факт негодности этой теории. С теорией перманентной революции «случилась» та же неприятная история, ибо никто из большевиков не помышлял о немедленном захвате власти на другой день после Февральской революции, причем тов. Троцкий не мог не знать, что большевики не позволят ему, говоря словами Ленина, «играть в захват власти». Тов. Троцкому оставалось лишь признать политику большевиков о борьбе за влияние в Советах, о борьбе за завоевание крестьянства. Что касается третьей особенности троцкизма (недоверие к большевистским лидерам), то она естественно должна была отойти на задний план ввиду явного провала двух первых особенностей.

Мог ли тов. Троцкий при таком положении дел не спрятать своего груза в шкаф и не пойти за большевиками, он, не имевший за собой сколько-нибудь серьезной группы и пришедший к большевикам как лишенный армии, политический одиночка? Конечно, не мог!

Какой же из этого урок? Урок один: длительное со-

трудничество ленинцев с тов. Троцким возможно лишь при полном отказе последнего от старого груза, при полном его присоединении к ленинизму. Тов. Троцкий пишет об уроках Октября, но он забывает, что кроме всех прочих уроков есть еще один урок Октября, только что рассказанный мной и имеющий для троцкизма первостепенное значение. Не мешало бы троцкизму учесть и этот урок Октября.

Но этот урок, как видно, не пошел впрок троцкизму. Дело в том, что старый груз троцкизма, спрятанный в шкаф в дни октябрьского движения, теперь вновь вытаскивают на свет в надежде на сбыт, благо рынок у нас расширяется. Несомненно, что в новых литературных выступлениях тов. Троцкого мы имеем попытку вернуться к троцкизму, «преодолеть» ленинизм, проташить, насадить все особенности троцкизма. Новый троцкизм не есть простое повторение старого троцкизма, он довольно-таки общипан и потрепан, он несравненно мягче по духу и умереннее по форме, чем старый троцкизм, но он, несомненно, сохраняет, по сути дела, все особенности старого троцкизма. Новый троцкизм не решается выступать против ленинизма как воинствующая сила, он предпочитает орудовать под общим флагом ленинизма, подвизаясь под лозунгом истолкования, улучшения ленинизма. Это потому, что он слаб. Нельзя считать случайностью тот факт, что выступление нового троцкизма совпало с моментом ухода Ленина. При Ленине он не решился бы на этот рискованный шаг.

В чем состоят характерные черты нового троцкизма?

1) *По вопросу о перманентной революции.* Новый троцкизм не считает нужным открыто отстаивать теорию перманентной революции. Он «просто» устанавливает, что Октябрьская революция целиком подтвердила идею перманентной революции. Из этого он делает следующий вывод: важно и приемлемо в ленинизме то, что имело место после войны, в период Октябрьской революции, и, наоборот, неправильно и неприемлемо в ленинизме то, что имело место до войны, до Октябрьской революции. Отсюда теория троцкистов о расщеплении ленинизма на две части: на ленинизм довоенный, ленинизм «старый», «негодный», с его идеей диктатуры пролетариата и крестьянства, и ленинизм новый, послевоенный, октябрьский, который рассчитывают они приспособить к требованиям троцкизма. Эта теория расщепления ленинизма нужна троцкизму как первый, более или менее «приемлемый» шаг, необходимый для того,

чтобы облегчить ему следующие шаги по борьбе с ленинизмом. Но ленинизм не есть эклектическая теория, склеенная из разнообразных элементов и допускающая возможность своего рассечения. Ленинизм есть цельная теория, возникшая в 1903 г.³⁸, прошедшая испытания трех революций и шествующая теперь вперед как боевое знамя всемирного пролетариата. «Большевизм,— говорит Ленин,— существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года. Только история большевизма за *весь* период его существования может удовлетворительно объяснить, почему он мог выработать и удержать при самых трудных условиях железную дисциплину, необходимую для победы пролетариата»³⁹ (см. «Детскую болезнь»). Большевизм и ленинизм — едино суть. Это два наименования одного и того же предмета. Поэтому теория рассечения ленинизма на две части есть теория разрушения ленинизма, теория подмены ленинизма троцкизмом.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной теорией.

2) *По вопросу о партийности.* Старый троцкизм подрывал большевистскую партийность при помощи теории (и практики) единства с меньшевиками. Но эта теория до того оскандалилась, что о ней теперь не хотят даже и вспоминать. Для подрыва партийности современный троцкизм придумал новую, менее скандальную и почти «демократическую» теорию противопоставления старых кадров партийному молодняку. Для троцкизма не существует единой и цельной истории нашей партии. Троцкизм делит историю нашей партии на две неравноценные части, на дооктябрьскую и пооктябрьскую. Дооктябрьская часть истории нашей партии есть, собственно, не история, а «предыстория», неважный или, во всяком случае, не очень важный подготовительный период нашей партии. Пооктябрьская же часть истории нашей партии есть настоящая, подлинная история. Там — «старые», «предысторические», неважные кадры нашей партии. Здесь — новая, настоящая, «историческая» партия. Едва ли пужно доказывать, что эта оригинальная схема истории партии есть схема подрыва единства между старыми и новыми кадрами нашей партии, схема разрушения большевистской партийности.

Нечего и говорить, что партия не может примириться с этой странной схемой.

3) *По вопросу о лидерах большевизма.* Старый троцкизм старался развенчать Ленина более или менее ог-

крыто, не боясь последствий. Новый троцкизм поступает более осторожно. Он старается сделать дело старого троцкизма под видом восхваления Ленина, под видом его возвеличения. Я думаю, что стоит привести несколько примеров.

Партия знает Ленина как беспощадного революционера. Но она знает также, что Ленин был осторожен, не любил зарывающихся и нередко пресекал твердой рукой увлекающихся террором, в том числе и самого тов. Троцкого. Тов. Троцкий касается этой темы в своей книге «О Ленине». Но из его характеристики выходит, что Ленин только и делал, что «вколачивал при каждом подходящем случае мысль о неизбежности террора» (см. стр. 104). Получается впечатление, что Ленин был самым кровожадным из всех кровожадных большевиков. Для чего понадобилось тов. Троцкому это ненужное и ничем не оправдываемое сгущение красок?

Партия знает Ленина как примерного партийца, не любящего решать вопросы единолично, без руководящей коллегии, наскоком, без тщательного прощупывания и проверки. Тов. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но у него получается не Ленин, а какой-то китайский мандарин, решающий важнейшие вопросы в тиши кабинета, по наитию.

Вы хотите знать, как был решен нашей партией вопрос о разгоне Учредительного собрания? Послушайте т. Троцкого:

« — Надо, конечно, разогнать Учредительное собрание, — говорил Ленин, — но вот как насчет левых эсеров?

Нас, однако, очень утешил старик Натансон. Он зашел к нам «посоветоваться» и с первых же слов сказал:

— А ведь придется, пожалуй, разогнать Учредительное собрание силой.

— Bravo! — воскликнул Ленин, — что верно, то верно! А пойдут ли на это ваши?

— У нас некоторые колеблются, но я думаю, что в конце концов согласятся, — ответил Натансон» (см. стр. 92).

Так пишется история.

Вы хотите знать, как был решен партией вопрос о Высшем военном совете? Послушайте тов. Троцкого:

« — Без серьезных и опытных военных нам из этого хаоса не выбраться, — говорил я Владимиру Ильичу каждый раз после посещения штаба.

— Это, по-видимому, верно. Да как бы не предали...

— Приставим к каждому комиссара.

— А то еще лучше двух,— воскликнул Ленин,— да рукастых. Не может же быть, чтобы у нас не было рукастых коммунистов.

Так возникла конструкция Высшего военного совета» (см. стр. 106).

Так пишет тов. Троцкий историю.

Для чего понадобились тов. Троцкому эти компрометирующие Ленина арабские сказки? Неужели для возвеличения вождя партии В. И. Ленина? Не похоже что-то.

Партия знает Ленина как величайшего марксиста нашего времени, глубокого теоретика и опытнейшего революционера, чуждого тени бланкизма. Тов. Троцкий касается в своей книге и этой стороны дела. Но из его характеристики получается не великан-Ленин, а какой-то карлик-бланкист, советующий партии в Октябрьские дни «взять власть собственной рукой, независимо от Совета и за его спиной». Я уже говорил, что эта характеристика не соответствует действительности ни на йоту.

Для чего понадобилась тов. Троцкому эта вопиющая... неточность? Не есть ли тут попытка «маленечко» развенчать Ленина?

Таковы характерные черты нового троцкизма.

В чем состоит опасность нового троцкизма? В том, что троцкизм по всему своему внутреннему содержанию имеет все шансы стать центром и сборным пунктом непролетарских элементов, стремящихся к ослаблению, к разложению диктатуры пролетариата.

Что же дальше, спросите вы. Каковы очередные задачи партии в связи с новыми литературными выступлениями тов. Троцкого?

Троцкизм выступает теперь для того, чтобы развенчать большевизм и подорвать его основы. Задача партии состоит в том, чтобы *похоронить троцкизм как идейное течение.*

Говорят о репрессиях против оппозиции и о возможности раскола. Это пустяки, товарищи. Наша партия крепка и могуча. Она не допустит никаких расколов. Что касается репрессий, то я решительно против них. Нам нужны теперь не репрессии, а развернутая идейная борьба против возрождающегося троцкизма⁴⁰.

Мы не хотели и не добивались этой литературной дискуссии. Троцкизм навязывает ее нам своими антиленинскими выступлениями. Что ж, мы готовы, товарищи.

БОЛЬШЕВИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ?

1. ОКТЯБРЬСКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ И МОЯ ТОГДАШНЯЯ ОШИБКА. КОЕ-ЧТО О БРЕСТЕ И О ПЕРВОМ СЪЕЗДЕ ПАРТИИ ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

Подменить ленинизм троцкизмом — такова задача, которую поставил себе тов. Троцкий. К этому он начал «подговариваться» уже в конце 1922 г. в его предисловии к «1905 году» (см. об этом подробнее в докладе тов. Каменева). Пока т. Ленин держал перо в руках, тов. Троцкий не решался на прямое нападение. Теперь тов. Троцкий, по-видимому, решил, что «настал момент». Раньше чем нанести «решающий» удар по всем правилам стратегии, необходимо произвести артиллерийскую подготовку. Роль дымовой завесы должно сыграть нападение на так называемое «правое крыло» большевизма, в частности на октябрьскую ошибку пишущего эти строки.

Мне, действительно, довелось совершить в начале ноября [н. ст.] 1917 г. громадную ошибку. Ошибка эта, правда, была признана и исправлена мною в течение нескольких дней. Но так как дни-то это были не обычные, а решающие, так как острота момента была исключительная, то и ошибка была крайне опасной. Не мне, во всяком случае, преуменьшать размер этой ошибки.

Именно необычайной остротой момента объясняется и тот суровый отпор, который дал тогда нашей ошибке Владимир Ильич. Все самые драконовские меры взыскания, какие он предлагал тогда против нас, все самые страстные бичевания, которыми он обрушился, были, разумеется, вполне справедливы. Через самое короткое время (через несколько недель, а к началу споров о Брестском мире и подавно) после этих событий В. И., как знает весь ЦК и вся руководящая часть партии, сам уже считал эти разногласия вполне ликвидированными.

В своем докладе «Троцкизм или ленинизм» т. Сталин очень хорошо заметил, что в период сентября — октября, в силу ряда обстоятельств, революция каждый свой шаг наступления старалась проделать под видом обороны. После всех перипетий, связанных с корниловщиной, это было понятно. Я, сидевший тогда в подполье, в своей ошибке стал в известной мере жертвой этой особенности тогдашней фазы.

Как именно объясняется моя тогдашняя ошибка и каковы ее пределы — на этом мы остановимся подробнее в другом месте.

В ближайшие недели я надеюсь выпустить мои тогдашние статьи с подробным введением и с приложением всех доступных нам документов. Здесь же достаточно будет сказать следующее.

Возвращаясь к нашей ошибке через три года после совершения ее, тов. Ленин писал следующее: «Перед самой Октябрьской революцией в России и вскоре после нее ряд превосходных коммунистов в России сделали ошибку, о которой у нас неохотно теперь вспоминают. Почему неохотно? Потому, что без особой надобности неправильно вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены... Они¹ проявили колебания в указанный мною период в сторону опасений, что большевики слишком изолируют себя, слишком рискованно идут на восстание, слишком неуступчивы к известной части меньшевиков и «социалистов-революционеров». Конфликт дошел до того, что названные товарищи ушли демонстративно со всех ответственных постов и партийной и советской работы, к величайшей радости врагов советской революции. Дело дошло до крайне ожесточенной полемики в печати со стороны Цека нашей партии против ушедших в отставку. А через несколько недель — самое большее через несколько месяцев — все эти товарищи увидели свою ошибку и вернулись на

самые ответственные партийные и советские посты»² (Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 373).

О «правом крыле» у тов. Ленина нет и речи...

Я сам (не дожидаясь напоминаний тов. Троцкого, который *меньше* других призван говорить о нашей ошибке) пытался осветить свою ошибку не раз и перед нашей партией, и перед всем Коминтерном. Я говорил о ней, например, при открытии IV Всемирного конгресса Коминтерна, совпавшего с днем пятой годовщины Октября, в следующих словах: «Позвольте теперь мне два слова личного отступления. Мне кажется, что я особенно обязан это сказать теперь, к пятой годовщине революции. Вы знаете, товарищи, что пять лет тому назад мне довелось, вместе с некоторыми другими товарищами, сделать большую ошибку, которая составляет, как я считаю до сих пор, самую большую ошибку, какую мне пришлось сделать в жизни. Мне в то время не удалось полностью оценить всю контрреволюционность меньшевиков. К этому сводилась суть нашей ошибки перед Октябрем 1917 г. В течение десятка с лишним лет борясь с меньшевиками, я все-таки, как многие товарищи, тогда, в решающую минуту, не мог отделаться от мысли, что меньшевики и эсеры являются хотя и правой фракцией, правым флангом, но все же частью рабочего класса. На деле же они являлись и являются «левым», весьма левым, бойким и потому особенно опасным флангом международной буржуазии. И мне кажется поэтому, товарищи, что мы обязаны напомнить всем нашим товарищам...» и т. д. (Г. Зиновьев. Коммунистический Интернационал за работой. Тактические проблемы Коминтерна и работа его секций. 2-е изд. Гос. изд-во. Москва — Петроград. 1923. Стр. 14—15).

Я говорил о нашей ошибке в самой распространенной из моих книжек — в «Истории РКП» и в ряде более ранних своих выступлений.

Относить автора этих строк к «правому крылу» большевизма просто-напросто смешно. Всей партии большевиков известно, что, работая рука об руку с тов. Лениным в продолжение почти 20 лет, я ни разу не имел с ним сколько-нибудь острых расхождений, кроме указанного случая. Эпоха 1914—1917 гг., от начала империалистической войны до начала пролетарской революции в нашей стране, была немаловажной эпохой. Именно в эти годы произошла решающая перегруппировка в лагере международного рабочего дви-

жения. Книги «Социализм и война» (1915 г.) и «Против течения» (книга эта вышла через несколько недель после Октябрьской революции и снабжена двумя предисловиями авторов³, из которых одно помечено началом марта 1918 г.) достаточно говорят о том, что я ни в коем случае не являлся в это время представителем правого крыла большевизма. На Апрельской 1917 г. конференции, смысл которой так извратил тов. Троцкий (мы надеемся, что протоколы ее теперь-то уж скоро выйдут в свет⁴), ни малейших разногласий с тов. Лениным у меня не было. В споре между тов. Лениным, с одной стороны, и тт. Каменевым, Ногиним и Рыковым, с другой стороны, я целиком был на стороне т. Ленина, как это видно из ряда моих докладов и речей на Апрельской 1917 г. конференции. Самый этот спор оставался, разумеется, в пределах большевизма — так смотрел на это тов. Ленин и вся партия, и только под пером т. Троцкого спор этот получает вид борьбы «правого крыла» против партии. Ни малейших расхождений не обнаружилось у меня с тов. Лениным во время и после июльских дней. Мы имели случай проверить это на досуге в течение нескольких недель, пока мы скрывались вместе с В. И. в подполье. Первое расхождение наметилось у меня около начала октября 1917 г., после ликвидации корниловщины, после статьи т. Ленина «О компромиссах» (статья, в которой В. И. предлагал на известных условиях соглашение меньшевикам и эсерам). Моя ошибка заключалась в том, что линию статьи «О компромиссах» я пытался продолжить на несколько дней позже. На несколько всего дней — но дни-то тогда шли за месяцы⁵.

На известном собрании ЦК от 10 октября 1917 г., где было решено восстание и где впервые наметились расхождения о сроках восстания и об оценке шансов в учредилке между мною и Каменевым, с одной стороны, и остальными членами ЦК, с другой стороны, создано было первое Политбюро ЦК для руководства восстанием. В это Политбюро, как об этом можно прочесть в недавно найденном протоколе, было выбрано 7 человек: Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий, Сталин, Сокольников, Бубнов. На не менее важном собрании Центрального Комитета, с рядом петербургских работников, от 16 октября, после прений между т. Лениным и нами, за предложение Ленина в окончательном виде было подано 19 — за, 2 — против, 4 воздержавшихся; за мою резолюцию, как это тоже видно из

недавно найденных записей, было подано: за — 6, против — 15, воздержавшихся — 3, причем мое предложение вносилось тов. Володарским как поправка к резолюции т. Ленина. Мое предложение заключалось в том, что «в ближайшие 5 дней мы не устраиваем восстания...»; «пока не съедутся наши товарищи и мы не советуемся, мы не должны начинать восстания».

Мое письменное предложение, которое голосовалось на этом собрании, гласило: «Не откладывая разведочных, подготовительных шагов, считать, что никакие выступления, впредь до совещания с большевистской частью съезда Советов, недопустимы».

В этот период времени тов. Ленин выступает с известными статьями против нас. Я продолжаю усердно сотрудничать в «Правде». Когда выступление окончательно решено, я — чтобы погасить просочившиеся в печать преувеличенные слухи о разногласиях — пишу краткое письмо в редакцию (на тему «Сомкнем ряды»), помещаемое с припиской от редакции ЦО, что спор кончен, в основном мы были и остаемся единомышленниками (см. «Правду» от 21 ноября н. ст. 1917 г.).

В номере тогдашнего нашего Центрального Органа «Рабочий путь» (вместо «Правды»), вышедшем в день восстания 25 октября, передовая (неподписанная) принадлежит мне. Вторая статья рядом с передовой в этом номере (в эти дни я, сидевший в подполье, часто писал по две и больше статей в день) также написана (и подписана) мною. В этой последней мы читаем: «Велика задача, стоящая перед Вторым съездом Советов. Часы истории бегут. Бьет двенадцатый час. Малейшее новое промедление грозит уже прямо гибелью... Последние надежды на мирный исход кризиса изжиты. Последние мирные надежды, которых — каюсь — до самых последних дней был не чужд и пишущий эти строки, разбиты жизнью. *Власть Советам!* — к этому сводится все в настоящий исторический момент».

В номере нашего Центрального Органа от 26 октября (см. «Рабочий путь» № 46) помещен краткий отчет о моем первом появлении после подполья на заседании Петроградского Совета 25 октября, в день восстания. Вот что мы читаем там:

«Слово предоставляется Зиновьеву, которому Совет устраивает бурную овацию.

Товарищи, мы находимся в настоящий момент в периоде восстания. Я считаю, однако, что никаких сомнений относительно его результатов быть не может,— мы победим. Я убежден, что громадная часть крестьянства станет на нашу сторону после того, как крестьяне ознакомятся с нашими положениями по земельному вопросу. Да здравствует начинающаяся отныне социальная революция. Да здравствует питерский рабочий класс, который доведет победу до конца! Сегодня мы заплатили долг международному пролетариату и нанесли страшный удар войне, удар в грудь всем империалистам, и в частности палачу Вильгельму. Долой войну, да здравствует международный мир!»

Остро вспыхнули вновь разногласия в нашей среде в первые дни ноября (по старому стилю), в момент, когда правые эсеры и меньшевики были уже разбиты и когда вопрос шел о том, не удастся ли привлечь на сторону Советской власти левых эсеров и лучшую часть меньшевиков. В эти дни мне, в числе других товарищей, пришлось принять участие в памятных переговорах с Викжелем (тогдашняя организация железнодорожников, верхушка которой была оборонческой и могущество которой тогда еще переоценивали, полагая, что в руках Викжеля будут находиться судьбы железных дорог, а стало быть, в значительной мере и судьбы гражданской войны). Переговоры эти велись с полного согласия Центрального Комитета нашей партии (а стало быть, и тов. Ленина) и тогдашнего ЦИК Советов. Разногласия эти разыгрались буквально в течение двух-трех дней, но зато острота их в эти два-три дня была необычайна.

2 ноября 1917 г. ЦК нашей партии при участии тов. Ленина принял резолюцию, в которой говорилось: «Центральный Комитет подтверждает, что, не исключая никого со II Всероссийского съезда Советов, он и сейчас вполне готов вернуть ушедших (со Второго съезда Советов, как известно, ушли правые эсеры и меньшевики.— Г. З.) и признать коалицию этих ушедших в пределах Советов, что, следовательно, абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти (курсив наш.— Г. З.)... Центральный Комитет подтверждает, что в день образования теперешнего правительства, за несколько часов до этого

образования, ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров и формально предложил им участие в правительстве. Отказ левых эсеров, хотя он был временным и условным, возлагает всецело и всемерно всю ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на этих левых эсеров»⁶ («Правда» № 180 от 4—17 ноября 1917 г.).

Эти места в резолюции, несомненно написанной тов. Лениным, читатель должен особенно запомнить, чтобы лучше понять все последующее.

В «Правде» (Центральный Орган нашей партии с 30 октября вновь стал называться «Правдой») в номере 180 от 4 ноября мы читаем следующее изложение моей речи, произнесенной в заседании Центрального Исполнительного К-та С. р. и с. д. от 2 ноября 1917 г.: «От имени ЦК РСДРП (напомним, что тогда наша партия не называлась еще коммунистической.— Г. З.) заявляю, что товарищи эсеры (дело идет о левых эсерах, которых ЦК нашей партии во главе с тов. Лениным пытался в это время привлечь к участию в первом Советском правительстве.— Г. З.) не должны были бы начинать с критики нас, большевиков, в то время, когда на улицах Москвы происходит то, о чем говорили сегодня наши делегаты-москвичи. (В это время в Москве шла еще борьба за власть Советов.— Г. З.) Мы при этом напоминаем товарищам эсерам, что, раньше чем оглашать состав нашего правительства, мы предлагали товарищам войти в правительство, но они заявили, что будут принимать участие в работах правительства, но в правительство пока не войдут».

На заседании Петроградского Совета от 3 ноября 1917 г. (см. тот же № «Правды») пишущий эти строки сказал:

«Товарищи, среди нас находятся товарищи красногвардейцы, солдаты и матросы, которые через несколько часов отбудут в Москву для помощи нашим товарищам и братьям (*бурные продолжительные аплодисменты*). Военно-революционный комитет еще два дня тому назад хотел послать тт. москвичам помощь, но он встретил пренятствие с той стороны, с которой, казалось, можно было ожидать только поддержку. Я говорю о некоторых руководящих кругах, о верхах железнодорожных служащих, которые в этот грозный для революции час заняли «нейтральную» позицию. Но в этот страшный час нельзя быть ни теплым, ни холодным,— я не хочу употреблять резких слов, но вы сами

понимаете, товарищи, как будущее охарактеризует этот факт.

На днях была задержана отправка эшелонов в Москву. Когда спросили руководителей Викжеля, как это они могли сделать, последовал ответ: но мы ведь задержали также эшелоны из Ставки. Человек, в груди которого бьется демократическое сердце, не может лишать рабочих и солдат возможности оказать своим товарищам помощь на том основании, что он помешал — если только действительно помешал — контрреволюционерам.

Нам необходимо обратиться к низам железнодорожников и объяснить им, что при настоящих условиях означает «нейтральность». Я не сомневаюсь, что 99 проц. низших ж.-д. служащих и рабочих станет на сторону борющихся солдат и рабочих. Целый ряд центральных комитетов висят в настоящее время в воздухе. К сожалению, к числу последних принадлежит Викжель. Никто не мог предвидеть, что, когда рабочие и солдаты будут драться на баррикадах, в это время руководящий орган железнодорожников будет хранить «нейтральность». Этому необходимо положить конец. Железнодорожный пролетариат, как один человек, должен стать на сторону борющихся рабочих и солдат, должен помочь им одолеть сопротивление буржуазии и помещиков. Промедление дольше невозможно. Нужно все бросить на чашку весов, чтобы приблизить час окончательной победы...

Привет товарищам, отправляющимся на помощь революционной Москве (*бурные продолжительные аплодисменты*). Теперь мы отдаем Москве то, что она дала революции в 1905 г. Она первая восстала тогда, она первая дала грандиозный бой самодержавию. Мы счастливы, что можем помочь теперь, что имеем возможность перебросить на московский фронт наши победоносные войска.

Да здравствуют товарищи, отправляющиеся в Москву, — на них смотрит вся Россия! (*Весь Совет устраивает товарищам, едущим в Москву, шумную овацию*)».

Вечер 3 ноября и утро 4 ноября были наиболее напряженным моментом в переговорах с левыми эсерами и с тем совещанием, которое созывал Викжель. В этот момент мы и сделали наибольшую ошибку. Известное заявление в ЦК большевиков и в Совнарком (о нашем уходе с ответственных постов), сделанное группой товарищей, в том числе и мною (с ссылкой на не-

уступчивость нашего ЦК), подписано 4 ноября 1917 г., а 7 ноября 1917 г. мною помещено в «Правде» (см. «Правду» № 183) «Письмо к товарищам». В этом письме мы говорили (привожу важнейшую часть):

«ЦИК Всероссийского съезда Советов выдвинул определенный план соглашения (резолуция 3 ноября), который я вполне разделяю, ибо он требует неперемennого признания декретов о земле, о мире, о рабочем контроле и признания Советской власти.

В ответ на резолюцию Центрального Исполнительного Комитета меньшевики выдвинули ряд предварительных условий, ЦИК, не желая затруднять переговоры, по нашему предложению принял (вопреки непримиримым) решение, которое устраняло препятствия для этих наговоров.

Тем не менее другая сторона не пожелала пойти навстречу ЦИКу. Условия, выдвинутые им, были отвергнуты меньшевиками и эсерами. Попытка соглашения была доведена до конца, вопреки всем препятствиям, но она не увенчалась успехом, не по нашей вине. Теперь доказано, что *меньшевики и эсеры соглашения не хотели* и лишь искали повода, чтобы сорвать его. Теперь все рабочие и солдаты будут знать, на ком лежит ответственность за срыв соглашения. Теперь — я убежден в этом — и левые эсеры возложат ответственность за срыв соглашения на меньшевиков и войдут в наше правительство.

...При создавшемся положении вещей, после того как меньшевики отказались от переговоров на предложенных ЦИК условиях, я соглашаюсь на предложение товарищей и беру свое заявление об уходе из ЦК назад. Я обращаюсь к моим ближайшим единомышленникам. Товарищи! Мы пошли на большую жертву, выступив с открытым протестом против большинства нашего ЦК и требованием соглашения. Это соглашение, однако, отвергнуто другой стороной... Время трудное, время крайне ответственное. Наше право, наш долг предостерегать партию от ошибок. Но мы остаемся вместе с партией, мы предпочитаем делать ошибки вместе с миллионами рабочих и солдат и вместе с ними умирать, чем отойти в сторону в этот решающий исторический момент... Никакого раскола в нашей партии не будет и быть не должно».

С 8 ноября я по-прежнему принимаю участие в делах нашего Центрального Комитета. 9 ноября я выступаю от его имени на Всероссийском крестьянском

съезде, 10 ноября — на заседании Петроградского Совета с речью о том, что Учредительное собрание мы признаем, «если только это Учредительное собрание будет выражать действительную волю рабочих, солдат и крестьян».

Разумеется, теперь, после 7 лет, каждому рядовому члену нашей партии покажется чудовищным, как это можно было еще сомневаться насчет реальной силы Викжеля и тех якобы интернационалистов из эсеровского и меньшевистского лагеря, которые группировались около него⁷. Необходимо, однако, перенестись в тогдашнюю обстановку, чтобы понять положение. Уже через каких-нибудь полгода после Октябрьского восстания стало ясно, что и *левые* эсеры становятся контрреволюционной силой. А в Октябре 1917 г. тов. Ленин и наш ЦК усиленно приглашали их в наше первое Советское правительство, ибо они связаны были тогда с большими слоями крестьянства и частью рабочих. Да и самые переговоры с Викжелем, как видит читатель, велись с одобрения ЦК.

Результатом разоблачений меньшевиков и эсеров на викжелевском совещании было то, что левые эсеры, которых раньше тщетно приглашал тов. Ленин в Советское правительство, теперь вошли в него; а еще за пару дней до этого левые эсеры собирались выйти даже из ЦИКа, что при тогдашней обстановке было бы ударом для большевиков и помешало бы завоеванию на нашу сторону крестьянства.

В «Правде» от 4 ноября 1917 г. мы читаем: «Фракция левых эсеров внесла *ультимативное* заявление в ЦИК о необходимости выработать приемлемую для обеих сторон платформу соглашения. Большинство ЦИК с этим требованием согласилось, и платформа была выработана от имени ЦИК».

Непринятие этой платформы меньшевиками и эсерами на викжелевском совещании и привело к перемене тактики левых эсеров в пользу Советской власти.

В эти дни на страницах «Правды» помещался ряд резолюций важнейших заводов (см., например, в № от 4 ноября «Путиловцы о моменте»), которые писали: «Считая соглашение социалистических партий желательным, мы, рабочие... заявляем, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях...» (и далее шли примерно те же условия, которые выдвинуты были нашими представителями на викжелевском совещании). Мы отразили в эти дни колебания этих

рабочих — в этом смысле ошибка была не личной и не случайной⁸.

С точки зрения нынешнего положения вещей, через 7 лет после событий, разве не чудовищно звучат слова в резолюции нашего ЦК, что «абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделять власть». А ведь эти слова 20 ноября 1917 г. написал тов. Ленин, и их одобрил наш ЦК. Всякий, кто вдумается в эти факты, всякий, кто вспомнит, что левые эсеры представляли тогда значительную часть крестьян, всякий, кто вдумается в обстановку вообще, тот поймет размер и характер тогдашней нашей ошибки, разумеется, ошибки большой, но все же не «социал-демократической».

Мы говорим все это, конечно, не для того, чтобы доказать, будто наша ошибка была мала. Вне ЦК партии мы оставались только 3 дня — с 4 по 7 ноября. Но все-таки ошибка эта была, как мы говорили при открытии IV конгресса Коминтерна, самой большой ошибкой, какую нам пришлось сделать в жизни. Все, что мы хотим доказать здесь, это только то, что делать вывод из этой ошибки о существовании «правого крыла» большевизма является неправдой.

Все, кто переживал тогдашние памятные дни, знают, что, как ни тягостны были столь острые разногласия между ближайшими товарищами и друзьями, большой горечи от этих разногласий не осталось. Все, каждый относился тогда к ошибке другого с полной искренностью, без попыток «использовать» ошибку для «дипломатии», для фракционных целей, понимали, что только необычность момента привела к необычным мерам разрешения нахлынувшего, как вихрь, острого разногласия и, как вихрь же, быстро исчезнувшего, не наделавши большого вреда.

Разногласия эти были смыты лавиной новых событий, новых трудностей революции, они скользнули только по верхушке партии. Прошло буквально несколько дней; ошибка была признана самими большевиками, и генеральный штаб партии и вся партия перешли к очередным делам. Это разногласие настолько не оставило следов в партии, что на первом же съезде после Октябрьского восстания, происходившем через несколько недель после указанного разногласия (мы говорим о VII съезде, который разрешил уже вопрос о Брестском мире), — на VII съезде *никто решительно, ни один человек, ни одной фразой не обмолвился об этом разногласии*. Никто не бросил нам упрека в этой ошибке, —

хотя случилось так, что по поручению ЦК мне пришлось на этом съезде резко воевать против тов. Троцкого и против «левых», а ведь ясно, что именно по свежим следам партия обрушилась бы на виновного, если бы его вину она рассматривала так, как тов. Троцкий теперь.

Интересно отметить результаты выборов в новый ЦК на этом VII съезде. Пишущий эти строки получил только одним голосом меньше, чем. тов. Ленин⁹.

Крайне интересно проверить настроение партии именно на *первом же* съезде через несколько недель после Октября, когда впечатления от бывших разногласий были еще совсем свежи. В этом отношении протоколы VII съезда (изд. Госиздата 1923 г.) представляют ценнейший документ.

Тов. Троцкий теперь в «Уроках Октября», через 7 лет после событий, говорит, что наша позиция в вопросе о Брестском мире была «капитулянтством». Это говорится задним числом в сентябре 1924 г. А вот что говорил *сам Троцкий* на VII съезде *через несколько недель* после октябрьских разногласий:

«Перед последней поездкой в Брест-Литовск мы все время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике. И только один голос в ЦК (положим, не один — а тов. Ленин, и тов. Сталин, и тов. Свердлов говорили то же; тов. Каменев был арестован в Финляндии.— Г. З.) раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева. Он говорил совершенно правильно с своей точки зрения, я с ним был вполне согласен. Он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас»¹⁰ (Прот. VII съезда, стр. 79).

Если предложение подписать Брестский мир было «капитулянтством», то «капитулянтом» был тов. Ленин (на деле к гибели революции, т. е. к *подлинной капитуляции*, вела тогда тактика Троцкого). Если в начале 1918 г. сам Троцкий давал отзывы вроде вышеприведенных, то кто же поверит его ультраполемическим отзывам теперь, в 1924 г.? Не ясно ли, что все это придумано задним числом?

На VII съезде, происходившем, повторяем, через несколько недель после Октября, борьба шла уж совсем по другой линии. О своем уходе со всех ответственных постов (см. протокол, стр. 147—148) заявлял уже тов. Троцкий:

«Партийный съезд, высшее учреждение партии, косвенным путем отверг ту политику, которую я, в числе

других, проводил в составе нашей брест-литовской делегации, которая имела известный международный отклик с двух сторон, и в рабочем классе, и среди правящих классов, и которая сделала имена участников этой делегации самыми ненавистными именами для буржуазии Германии и Австро-Венгрии; и сейчас вся германская и австро-венгерская пресса полна обвинений по адресу брест-литовской делегации и в частности по моему адресу в том смысле, что мы повинны в срыве мира и во всех дальнейших несчастиях. Хотел этого или не хотел партийный съезд, но он это подтвердил своим последним голосованием, и я слагаю с себя какие бы то ни было ответственные посты, которые до сих пор возлагала на меня наша партия»¹¹ (речь тов. Троцкого на VII съезде, март 1918 г.).

В такой совершенно необычайной среди большевиков форме тов. Троцкий подавал в отставку уже через 6 месяцев после своего пребывания в нашей партии.

Против Троцкого и против «левых» коммунистов прошла «резолюция Ленина и Зиновьева»¹² (см. протокол, стр. 3), а по поводу уходов из ЦК вообще тов. Ленин сказал следующие слова:

«Я тоже был в Центральном Комитете в таком положении в то время, когда принималось предложение о том, чтобы мира не подписывать, и молчал, несколько не закрывая глаз на то, что ответственности я за это не принимаю. У каждого члена Центрального Комитета есть возможность сложить с себя ответственность, не выходя из его состава и не устраивая скандала. Конечно, при известных условиях это, товарищи, допустимо, иногда это неизбежно, но чтобы это было необходимо теперь, при этой организации Советской власти, которая дает нам возможность проверять себя, насколько мы не теряем контакта с массами,— в этом я сомневаюсь»¹³.

На VII съезде тов. Троцкий, находившийся в нашей партии тогда всего только около полугода, в первый раз создал троцкистский кризис. С тех пор, увы, эти кризисы повторяются периодически.

2. О РЕВИЗИИ ЛЕНИНИЗМА ПОД ФЛАГОМ... ЛЕНИНА

Последнее выступление тов. Троцкого («Уроки Октября») есть не что иное, как уже довольно открытая

попытка ревизии — или даже прямой ликвидации — основ ленинизма. Пройдет самое короткое время, и это будет ясно всей нашей партии и всему Интернационалу. «Новое» в этой политике заключается в том, что из «стратегических» соображений ревизию пытаются проделать именем Ленина. Нечто подобное мы видели в начале кампании Бернштейна и бернштейншланцев, когда они приступали к «ревизии» основ марксизма. Идеи Маркса были уже настолько общепризнаны в международном рабочем движении, что даже ревизию им приходилось, по крайней мере вначале, проделывать именем Маркса. Понадобилось четверть века, пока господа ревизионисты смогли окончательно сбросить маску и открыто признать, что и в теоретической области они начисто отрекаются от Маркса. С особенно полной откровенностью это сделано в литературе в 1924 г. — в недавно вышедшем сборнике, посвященном 70-летию Каутского.

Идеи ленинизма настолько преобладают сейчас в международном революционном движении — и в особенности в нашей стране, — что «критики» ленинизма считают необходимым прибегнуть к такому же приему: они производят ревизию ленинизма «именем Ленина» — со ссылками на Ленина, с божбой о верности основам ленинизма (покойный Владимир Ильич в этих случаях любил повторять: «И как божиться-то не лень?»). Однако эта «стратегия» не поможет. Она уже разгадана ленинской партией. Не пройдет и несколько недель, и все воробушки на крышах будут чирикать по поводу провала этой замечательной стратегии. Тов. Троцкий не учел малого: что партия-то у нас ленинская и что она выросла уже настолько, что умеет, представьте себе, отличать ленинизм от троцкизма. Покушение тов. Троцкого есть *покушение с негодными средствами*. Никому не удастся ни ликвидировать основ ленинизма, ни произвести даже частичную ревизию принципов ленинизма, ни даже добиться того, чтобы троцкизм признан был «законным оттенком» внутри ленинизма. Никому не удастся убедить партию в том, что нам нужен теперь некий «синтез» между ленинизмом и троцкизмом. Троцкизм в такой же мере годится быть составной частью ленинизма, как ложка дегтя «составной частью» бочки меда.

Что такое ленинизм? Ленинизм есть марксизм эпохи империалистических войн и мировой революции, *непосредственно начавшейся в стране, где преобладает*

крестьянство. Ленин был *пролетарским* революционером с головы до ног. Но он в то же время знал, что непосредственно действовать ему придется в стране, где преобладает крестьянство и где поэтому пролетариат может победить только при правильном отношении рабочего класса к крестьянству. Выдвинув перед революцией 1905 г. великий лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Ленин не только ни на секунду не переставал быть *пролетарским* революционером, не только не делал уступок буржуазной демократии (меньшевики и тов. Троцкий в том числе, как известно, в это время обвиняли тов. Ленина в том, что, назвав себя марксистом, Ленин на деле является будто бы идеологом буржуазной демократии), но был единственным, кто не на словах, а на деле прокладывал уже тогда дорогу *социалистической* революции в обстановке, когда буржуазная демократия была еще силой, способной расшатывать царское самодержавие. Ленин уже тогда чувствовал себя признанным вождем *пролетарской* революции и действительно был им. Он знал и верил, что большевистская партия, т. е. подлинный авангард пролетариата, поможет рабочему классу прорваться как можно дальше по пути к осуществлению *своих* классовых целей, т. е. по пути к победе *пролетарской* революции. Он знал, что при каждой ситуации он и его партия сделают все, что только можно, для того, чтобы взять от этой ситуации как можно больше для *конечной цели* пролетарского движения. Он так понимал соотношение между буржуазно-демократической и пролетарско-социалистической революциями: «Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой. Вторая закрепляет дело первой. Борьба и только борьба решает, насколько удастся второй перерасти первую»¹⁴ (Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 336).

И, зная это, Ленин с гениальным мастерством маневрировал в трех революциях — все время во главе рабочего класса, все время конкретизируя свою тактику так, чтобы до дна использовать в интересах *своего* класса *любую* историческую ситуацию.

Ленин 10 января (1905 г.) — «не тот», каким он был 8 января, ибо 9 января произошло знаменитое выступление петербургских рабочих, ибо 9 января революционное движение рабочих поднялось на новую ступень. «Нашего полку прибыло», мой класс стал сильнее, и, стало быть, размах партии соответственно тоже дол-

жен стать больше. Ленин 24 октября 1917 г.— «не тот», каким он становится 26 октября 1917. «*Не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати*» — так пишет Ленин за несколько дней до Октябрьского восстания (в статье «К пересмотру партийной программы»). «Мы не знаем, победим ли мы завтра или немного позже. (Я лично склонен думать, что завтра,— пишу это 6-го октября 1917 года — и что можем опоздать с взятием власти, но и завтра все же есть завтра, а не сегодня)... Нет, дорогие товарищи, мы еще не победили»¹⁵ (т. XIV, ч. 2, стр. 166—167). Поэтому тов. Ленин отстаивал тогда, между прочим, необходимость сохранения программы-минимум.

Назавтра *после* победы Октябрьского восстания гениальный полководец рабочего класса «не тот» (или не совсем тот), каким он был еще за один день *до* этой победы. Мой класс стал сильнее, враги моего класса стали слабее, ресурсы рабочей революции увеличивались,— стало быть, больше нажим, смелей вперед! Таков подлинный Ленин. Как великая река катит свои волны и в строгом смысле слова через одну минуту не бывает вполне той же, какой она была минуту тому назад, в то же время *оставаясь* великой рекой, так и Ленин, оставаясь великим вождем пролетарской революции, велик, прежде всего, именно тем, что он видит *конкретную* дорогу пролетарской революции. Он знает, что это — не гладкая садовая дорожка, посыпанная гравием, по которой легко ходить. Он знает, что это — очень тяжелая и совсем не гладкая дорога, по которой надо повести не группочку интеллигентов, умеющую образовать вместе с Мартовым «нефракционную» фракцию, а — миллионы рабочих, за которыми, если мы хотим победить, непременно должны следовать в нашей стране десятки миллионов крестьян.

Формулы Ленина, его лозунги *живут*, они насквозь пропитаны «запахом» жизни, борьбы масс. Размах их растет вместе с ростом движения миллионов.

Это не абстрактная линия в безвоздушном пространстве, как у Троцкого, у которого эта абстрактная, мнимо левая, «перманентная» линия на практике сочетается с весьма неабстрактным союзом с меньшевиками.

От великого лозунга «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (1905—1917), через «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства» (1917), к фактической *диктатуре пролетариата*, осу-

шествляемой на основе «смычки с крестьянством», — таков путь ленинизма.

От меньшевизма аксельродовского типа (1903—1905), через «перманентную» (1905—1907) разновидность меньшевизма, к полному отказу от революции и замене ее меньшевистской «свободой коалиции» (1909—1914), к половинчатой (блок с Чхендзе и борьба против циммервальдской левой) политике во время войны (1914—1917) — вот путь старого троцкизма.

Если взять *литературную* историю большевизма, то можно сказать, что в основном она исчерпывается (или, по крайней мере, характеризуется) следующими сочинениями тов. Ленина: от «Друзей народа», *плюс* «Развитие капитализма» — через «Что делать?», *плюс* «Две тактики» — к «Государству и революции», *плюс* «Ренегат Каутский» — вот главные литературные вехи ленинизма. Вдумаемся в то, что означают эти вехи. «Друзья народа» *плюс* «Развитие капитализма» — это гениальное проникновение в теорию марксизма *плюс* конкретнейшее, глубочайшее изучение экономики и социальной структуры той страны, где собирается начать действовать большевизм. «Что делать?» *плюс* «Две тактики» — это несравненная критика социал-демократического оппортунизма, непревзойденное по мастерству обоснование роли рабочей партии в революции *плюс* обоснование тактики пролетариата в *крестьянской стране* накануне буржуазно-демократической революции, которую надо стараться провести так, чтобы она как можно скорее начинала «перерастать» во вторую революцию — *революцию социалистическую*. «Государство и революция» *плюс* «Ренегат Каутский» — это перенесение ленинизма на *мировую арену*, это (вместе с книгой «Империализм, как новейший этап капитализма») — глубочайший анализ новейшего империализма и обоснование тактики уже начинающейся *социалистической* революции, «перерастающей» первую, т. е. буржуазно-демократическую, революцию. Сравните все это с троцкизмом.

Если Ленин — классический тип пролетарского революционера, то Троцкий — «классический» тип *интеллигентского* революционера. (Мы сравниваем здесь, разумеется, не лиц, а представителей двух политических направлений.) Этот интеллигентский революционер имеет, разумеется, сильные черты, умеет *иногда* слиться с пролетарской массой (когда дело идет на большой подъем), но то, что составляет сердцевину его

политической деятельности, есть именно интеллигентская революционность. Это — герой революции, написанной по Суханову, — недаром этот «сладенький» интеллигент «лево»-меньшевистского толка в своей многотомной «Истории» сорокаведерными бочками льет воду именно на мельницу троцкизма. (Отзыв В. И. об «Истории» Суханова¹⁶ крайне важен и должен получить немалое значение при оценке нынешних наших споров с тов. Троцким, который в целом ряде вопросов просто-напросто повторяет Суханова, пишет историю «по Суханову».)

Вот сжатая политическая биография троцкизма, принадлежащая авторитетному перу тов. Ленина.

«Он (Троцкий.— Г. З.) был в 1903 г. меньшевиком; отошел от меньшевизма в 1904 г., вернулся к меньшевикам в 1905 г., щеголяя лишь ультрареволюционной фразой; в 1906 г. опять отошел; в конце 1906 г. защищал избирательное соглашение¹⁷ с кадетами (т. е. фактически опять был с меньшевиками), а весной 1907 г. на Лондонском съезде говорил, что его различие от Розы Люксембург есть «скорее различие индивидуальных оттенков, чем политических направлений». Троцкий совершает плагиат сегодня из идейного багажа одной фракции, завтра — другой, и поэтому объявляет себя стоящим *выше* обеих фракций»¹⁸. Так писал тов. Ленин в статье «Исторический смысл внутривнутрипартийной борьбы в России» (т. XI, ч. 2, стр. 307—308).

Прибавим к этому еще пару характеристик, сделанных самим тов. Лениным.

«Величайший вред приносят рабочим те люди, которые (подобно ликвидаторам и Троцкому) обходят или искажают эту 20-летнюю историю идейной борьбы в рабочем движении»¹⁹. Так писал тов. Ленин в статье «Идейная борьба в рабочем движении» (см. газ. «Путь правды» от 4 мая 1914 г.).

«Никогда еще, ни по одному серьезному вопросу марксизма Троцкий не имел прочных мнений, всегда «пролезая в щель» тех или иных разногласий и перебегая от одной стороны к другой. В данный момент он находится в компании²⁰ бундовцев и ликвидаторов. Ну, а эти господа с партией не церемонятся»²¹. Так писал тов. Ленин в статье, помещенной в журнале «Просвещение» № 4, 5, 6 за 1914 г.

«Каковы бы ни были субъективные²² «благие» намерения Троцкого и Мартова, объективно они своей

уклончивостью поддерживают русский социал-империализм»²³. Так писал тов. Ленин в сборнике «Социал-демократ», № 1, в октябре 1916 г.

Если прибавить к этому, что в течение всей империалистской войны (1914—1917 гг.) тов. Ленин систематически относил тов. Троцкого к числу каутскианцев (см., например, брошюру Ленина и Зиновьева «Социализм и война»); если припомнить, что уже на Апрельской конференции 1917 г., как и в письмах о тактике, писанных в апреле 1917 г., тов. Ленин и после Февральской революции решительно выступает против основных идей троцкизма,— то мы получим сжатое представление о том, как оценивал троцкизм до самого 1917 г. тов. Ленин.

Мы говорили выше о *литературных вехах*, определяющих путь развития большевизма. Сопоставьте с ними литературные вехи, определяющие путь развития троцкизма. Это будут следующие книги т. Троцкого: «Наши политические задачи» (1903 г.), «Наша революция» (1905—1906 гг.) (кстати сказать, среди германской социал-демократии, тогда уже достаточно прогнившей, работы тов. Троцкого имели очень большой успех), затем сотрудничество в ликвидаторском журнале «Наша заря», затем светлый промежуток — книга о Каутском (1919 г.), затем «Новый курс» и «Уроки Октября» (1923—1924 гг.). Попятная эволюция тов. Троцкого в этих двух последних работах — как на ладони.

Что такое была книжка «Наши политические задачи»? Эта книжка, вышедшая с посвящением меньшевистскому патриарху П. Б. Аксельроду, была самой вульгарной меньшевистской книжонкой, какую только знает история меньшевистской литературы. Танцуя якобы от «классовой» печки (мы знаем, что у меньшевиков была система: подготавливая на деле политический союз с либеральной буржуазией, меньшевики любили обвинять большевиков в недостаточной выдержанности классовой точки зрения), тов. Троцкий в этой книжке приходил к выводам *либеральной* рабочей политики.

А что такое была «Наша революция», самая «левая» из книг троцкизма первой эпохи? В этой книге (см. также «1905 г.») нашла себе обоснование пресловутая теория перманентной революции, которую теперь тов. Троцкий хочет навязать большевизму. Эту «теорию» тов. Ленин и все большевики вместе с ним всегда рассматривали как разновидность меньшевизма. Со-

вершено непонятно, почему через 15 лет *разновидность меньшевизма* должна быть объявлена составной частью ленинизма, или даже подлинным ленинизмом, или теорией, исправляющей «ошибки» ленинизма.

Не все помнят, что в этой «левой» книге, в которой т. Троцкий якобы защищал «рабочую» революцию против большевистской идеи «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», Троцкий писал:

«...Но как далеко может зайти социалистическая политика рабочего класса в хозяйственных условиях России? Можно одно сказать с уверенностью: она натолкнется на политические препятствия гораздо раньше, чем упрется в техническую отсталость страны. *Без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержать свою власть и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру* (курсив Троцкого.— Г. З.) В этом нельзя сомневаться ни на минуту» (Троцкий. «Наша революция», 1906 г. Изд. Глаголева, стр. 77—78).

Что значит «государственная поддержка европейского пролетариата»? Чтобы иметь возможность оказать «государственную поддержку» русской революции, европейскому пролетариату, надо было сначала... *завоевать власть в Европе*. Но ведь об этом, конечно, не могло быть и речи в 1905 г. и вообще до войны 1914—1918 гг. А Троцкий «перманентную» революцию проповедовал именно в 1905 г.

Что же из этого вытекает? Да то, что Троцкий либо серьезно сам не верил ни в какую перманентную революцию в 1905 г. и говорил все это для красоты слога, либо что он проповедовал в 1905 г. «перманентную» революцию лишь с «условием», чтобы европейский пролетариат оказал нам «государственную поддержку», т. е. Троцкий «откладывал» рабочую революцию в России до победы пролетарской революции в Европе. В этом последнем случае Троцкий выступает представителем самой шаблонной социал-демократической точки зрения: сначала пусть революцию сделают «они», а потом уж «мы» сделаем «сразу» рабочую революцию. Фактический блок Троцкого с меньшевиками в это именно время (вспомним слова Ленина: «вернулся к меньшевикам в 1905 г.») подтверждает именно вторую альтернативу.

Троцкий в те времена много писал о том, что победоносная русская революция возможна только как

часть победоносной международной революции, ибо западноевропейский капитал поддерживает царизм займами и т. п. Зерно истины здесь было, поскольку Троцкий повторял лишь то, что говорили большевики. Но Троцкий, по обыкновению, слишком механично понял эту связь русской революции с международной, слишком схематизировал эту связь, слишком абстрактно ставил вопрос. И это именно приводило его к словесно «левой», но совершенно абстрактной линии в безвоздушном пространстве, сочетаемой на деле с поддержкой меньшевиков.

О «государственной поддержке» со стороны европейского пролетариата в 1905 г. не могло быть и речи. Этой государственной поддержки у нас нет еще, к сожалению, и в 1924 г. На 8-й год пролетарской диктатуры в нашей стране мы получаем еще из Англии, например, не «государственную поддержку» со стороны английского пролетариата, а... ноту Болдуина и Чемберлена. «Левая» на словах теория тов. Троцкого так легко мирилась с поддержкой *на практике* в течение 15 лет самого махрового меньшевизма именно потому, что эта теория была «левой» лишь на словах. Ларчик открывается очень просто.

Конкретного пути революции в нашей стране тов. Троцкий не понимал. Действительно, значения крестьянства в нашей революции он не понимает и теперь. Если нужны были еще доказательства, то тов. Троцкий дал их именно в своей последней работе «Уроки Октября». Мы просим читателя вдуматься в следующую выдержку из «Уроков Октября».

«Именно незрелость революции при совершенно своеобразных условиях, созданных войной, вручала мелкобуржуазным революционерам руководство или, по крайней мере, видимость руководства, состоявшего в том, что они защищали исторические права буржуазии на власть. *Но это вовсе не значит, что русская революция могла идти только тем путем, каким она пошла с Февраля по Октябрь 1917 г. Этот последний путь вытекал не только из классовых отношений, но и из тех временных условий, какие создала война* (курсив наш.— Г. З.) Благодаря войне крестьянство оказалось организовано и вооружено в виде многомиллионной армии. Прежде чем пролетариат успел организовать под своим знаменем, чтобы повести за собою массы деревни, мелкобуржуазные революционеры нашли естественную опору в возмущенной войной крестьянской

армии. Весом этой многомиллионной армии, от которой ведь все непосредственно зависело, мелкобуржуазные революционеры давили на пролетариат и вели его первое время за собой. Что ход революции мог бы быть и другим на тех же классовых основах, об этом лучше всего свидетельствуют события, предшествовавшие войне» («Уроки Октября», стр. XVIII—XIX, «1917»).

Разве это не «перл», как любил говаривать В. И.? У тов. Ленина, когда он говорит о коренном вопросе революции, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, всегда целые страницы просятся в хрестоматию ленинизма. У Троцкого — совсем «наоборот». Вдумайтесь в эти слова Троцкого. Разве не просится эта страничка троцкистской прозы в хрестоматию, как образец того, что *не есть* большевизм?

Путь от Февраля по Октябрь 1917 г. вытекал, видите ли, «не только из классовых отношений, но и из тех временных (!) условий, какие создала война». Что сей сон значит? Выходит, что война не вытекала из классовых отношений! Выходит, что война, видите ли, была вообще нечто наносное! Этакий «случайно случившийся случай». Ну а русско-японская война, из которой вырос 1905 г.— генеральная репетиция 1917 г.,— не была ли и она случайной, не создала ли и она «временных условий»? Какова глубина мысли! *Если бы* не было империалистской войны,— а ленинизм ведь учит, что империалистская война родилась с неизбежностью из всей обстановки империализма, «как новейшего этапа капитализма» (Ленин), т. е., стало быть, и хода классовой борьбы; *если бы* Россия не была крестьянской страной, а стало быть, и ее десятиmillionная армия не была бы крестьянской армией; *если бы* эта крестьянская армия не была возмущена империалистской войной, которую буржуазия не могла не повести; *если бы* удельный вес стомиллионного крестьянства не давил на весь ход общественно-политической жизни страны,— то... то тогда развитие революции пошло бы по Троцкому, и изумленное человечество увидело бы апофеоз троцкизма!

Вся эта философия может быть коротко, но вразумительно выражена известной русской поговоркой: *«ежели бы да кабы...»*

Ежели бы Россия не была крестьянской страной *да кабы* русский царизм не был составной частью европейского империализма; *ежели бы* для войны не нужно было армий *да кабы* эти армии не возмущались им-

периалистской войной; *ежели бы* русский рабочий класс действовал в какой-то другой России, а не в стране с преобладанием крестьянского населения, тогда... тогда троцкизм оказался бы прав против ленинизма.

Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что «ежели бы да кабы» не было империалистской войны со всеми неизбежно вытекающими из нее последствиями, то, может быть, не было бы и революции 1917 г. и не было бы такой сравнительно легкой победы ее вначале. Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что именно развитие революции от Февраля до Октября 1917 г. «мимоходом» подтвердило ту и без того уже азбучную истину, что весь троцкизм с его теорией «перманентной революции» был не чем иным, как надуманной интеллигентской схемой, которая на деле шла на потребу меньшевизму.

Послушаем еще раз тов. Ленина: «Отсюда их (меньшевиков.— Г. З.) чудовищная, идиотская, ренегатская идея (насквозь пропитавшая и «*Общественное движение*»), что... «диктатура пролетариата и крестьянства» (=классическая постановка) *противоречит всему ходу хозяйственного развития*... У нас при всяком кризисе *нашей* эпохи (1905—1909)²⁴ *выступит, обязательно выступит, «общее демократическое» движение «мужичка», и игнорирование этого было бы коренной ошибкой, на деле приводящей к меньшевизму*»²⁵. Так писал тов. Ленин в декабре 1909 г.

А тов. Троцкий не понимает даже в 1924 г., что роль «мужичка» в таком «кризисе», как *1917 год*, была не случайной, не стоящей в стороне от хода классовой борьбы. Нашему автору, по-видимому, и невдомек, что ход великой революции между Февралем и Октябрем 1917 г. блестяще подтвердил именно ленинизм, между прочим, и в той части, где Ленин со свойственной ему теоретической беспощадностью расправлялся и с троцкистской разновидностью меньшевизма.

Сотрудник тов. Троцкого и «редактор» его тома «1917» тов. Ленцнер, делая самое серьезное лицо, утверждает, что уже в статьях, написанных тов. Троцким в начале марта 1917 г. в Америке (где застала Февральская революция тов. Троцкого), в газете «Новый мир», «предвосхищена» постановка вопроса тов. Лениным в его знаменитых «Письмах из далека». На самом деле эти статейки (кстати сказать, написанные тов. Троцким тогда, когда еще не обсохли чернила на

его статьях против циммервальдской левой) были зауряд-статейками агитационного порядка.

«Эй, вы там, потише! Спрячьте лучше ваши наемные рожи в той черносотенной подворотне, куда никогда не достигал и не достигнет луч революции!» (Троцкий. «1917», стр. 21). Эта выдержка из упомянутых статей дает довольно хорошее представление обо всех этих статьях, якобы «предвосхитивших» Ленина. Тов. Троцкий даже не знал еще, *где начинается вопрос* в то время, когда тов. Ленин в своих действительно знаменитых «Письмах из далека» уже предложил российскому рабочему классу додуманную почти до деталей схему подлинного Октября. Но это было бы еще с победы. От тов. Троцкого никто и не ожидал того, чтобы он опроверг известную французскую поговорку, согласно которой самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет. Настоящая беда заключается в том, что и в 1924 г., ополчаясь против ленинизма, тов. Троцкий не мог сказать ничего умнее, чем то, что «ежели бы да кабы» не было бы империалистской войны и не было бы преобладания крестьянства в нашей стране, то троцкизм был бы прав против ленинизма.

Нужны ли еще другие доказательства того, что т. Троцкий как не понимал, так и не понимает большевистской постановки вопроса о крестьянстве?

Гнилой орех не станет лучше, если его слегка покрыть позолотой. Троцкизм довоенного времени, представляющий собою разновидность меньшевизма, не станет лучше оттого, что его попробуют поднести с позолотой «ленинизма».

«Уроки Октября» с полной наглядностью доказали, увы, только одно: что и сейчас, на восьмом году пролетарской революции, тов. Троцкий подлинную суть ленинизма не понял и больше всего путает «на эфтом самом месте» — в вопросе о крестьянстве — в том вопросе, который является главнейшим источником злоключений тов. Троцкого, начиная с его брестской ошибки, продолжая ошибкой в вопросе о профсоюзах в 1921 г. и кончая его ошибками новейшего времени.

В «Уроках Октября» почти столько же ошибочных утверждений, сколько утверждений вообще. Легче перечислить те исключительные случаи, когда Троцкий представил фактическую сторону событий за февраль —

октябрь более или менее правильно, чем те случаи, когда он... уклонился от истины. Более слабого, менее «подкованного» произведения мы у тов. Троцкого не знаем за последние годы. Он совершенно не потрудился свести концы с концами. Он настолько торопился поднести партии свой сюрприз, он настолько был проникнут страстным желанием наговорить побольше... любезностей Центральному Комитету партии, что выполнил свою «работу» с небрежностью, которая при любви тов. Троцкого к «плановому» подходу является прямо-таки удивительной. Отсюда то, что наши комсомольцы без труда ловят т. Троцкого на том, что он смешал Ленина с Гильфердингом (вопрос об Учредительном собрании и о так называемом «комбинированном типе» Учредительного собрания и Советов)*. Отсюда то, что тов. Сокольников уличает тов. Троцкого в том, что «левые» ошибки тов. Багдатьяна наш почтенный автор «Уроков Октября» приписывает... тов. Ленину (история с апрельской 1917 г. демонстрацией). Отсюда то, что тов. Куусинен с документами в руках легко доказывает, что еще в январе 1924 г. т. Троцкий по вопросу о германской революции** говорил прямо противоположно тому, что он говорит теперь в «Уроках Октября». Отсюда то, что такие важные эпизоды революции, как вопрос об июньской демонстрации, о борьбе вокруг Кронштадта и даже об июльских днях, тов. Троцкий освещает по Суханову и даже по газете «День», а не так, как эти события разыгрывались в действительности. Отсюда то, что вопрос о тактике большевиков по отношению к Предпарламенту и Де-

* Кстати, из второй части «1917» мы узнаем, что еще 29 ноября 1917 г. сам тов. Троцкий по поручению Совнаркома писал в одном из воззваний: «Спасти страну может только Учредительное собрание, состоящее из представителей трудовых и эксплуатируемых классов народа». («1917», часть 2-я, стр. 133). Позволительно спросить, чем это лучше, чем «комбинированный тип»?

** Одного примера здесь хватит: «Мы наблюдали там (в Германии. — Г. З.) во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения» — так писал тов. Троцкий в сентябре 1924 г. в «Уроках Октября». «Если бы партия (Герм. КП — Г. З.) объявила восстание в октябре (прошлого года. — Г. З.), как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со свернутой шеей» — эти слова читаем мы в проекте тезисов тт. Радека и Троцкого в январе 1924 г. Нельзя же иметь два мнения по такому вопросу — одно в январе 1924 г., а другое в сентябре 1924 г. А имея два мнения по такому вопросу, нельзя так нападать на ИККИ, как делает это Троцкий.

мократическому совещанию освещен столь же неправильно и столь же тенденциозно. Эти «маленькие» ошибки уже подвергаются освещению со стороны достаточно авторитетных свидетелей событий. Быть может, и нам в другом месте удастся еще вернуться к подобному освещению некоторых из этих весьма крупных эпизодов революции и осветить их, между прочим, на основании многочисленных разговоров с Владимиром Ильичем иногда в течение целых дней и ночей (например, три недели в шалаше и т. д.). Пока же перейдем к другим вопросам, которые нуждаются в немедленном разъяснении.

3. БЫЛО ЛИ В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ПРАВОЕ КРЫЛО!

На этот вопрос необходим совершенно ясный ответ. Всякий, знающий подлинную историю большевизма, не колеблясь ответит на этот вопрос: *не было, и быть не могло.*

Почему быть не могло?

Каждый, кто знает историю большевизма не понаслышке, кто не все повторяет слово *ленинизм*, не затруднится ответить на этот вопрос.

Не могло быть — потому, что самый основной принцип построения большевистской партии по Ленину исключает возможность правого и левого крыла.

Не могло быть — ибо ленинизм это и есть *партия-монолит*, партия, вылитая из одного куска.

Не могло быть — потому, что первый раскол большевиков с меньшевиками начался уже с 1903 г., на заре первой революции 1905 г.

Тов. Ленин писал по поводу Итальянской социалистической партии, что даже ее первый раскол за несколько лет до мировой войны с наиболее яростными шовинистами — раскол далеко не полный, не радикальный, поверхностный, — что даже этот раскол помог Итальянской социалистической партии в первую полосу империалистской войны 1914 г. занять более приличную позицию, чем позиция тех с.-д. партий, которые оставались «объединенными» вплоть до 1917 г. и позже. Каждый, кто читал статьи тов. Ленина о германской социал-демократии, писанные в 1914—1915 гг. (см. сборник «Против течения»), помнит, как страстно призывал раскол германской социал-демократии тов.

Ленин, какие большие надежды возлагал он на этот раскол, как тов. Ленин объяснял полный крах германской социал-демократии, между прочим, запоздалостью раскола между левым и правым крылом в этой партии и т. д.

«Типом социалистических партий эпохи II Интернационала была партия, которая терпела в своей среде оппортунизм, все более накапливаемый десятилетиями «мирного» периода, но державшийся тайком, приспособившийся к революционным рабочим, *перенявший* у них их марксистскую терминологию, уклонявшийся от всякой ясной принципиальной размежевки. Этот тип пережил себя... В Италии партия была исключением для эпохи II Интернационала: оппортунисты с Биссолати²⁶ во главе были удалены из партии. Результаты во время кризиса оказались *превосходны*. Мы вовсе не идеализируем Итальянской социалистической партии, вовсе не ручаемся за то, что она окажется вполне прочной в случае вмешательства Италии в войну. Мы не говорим о будущем этой партии, мы говорим сейчас только о настоящем. Мы констатируем бесспорный *факт*, что рабочие большинства европейских стран оказались *обмануты фиктивным единством* оппортунистов и революционеров и что Италия есть счастливое исключение — страна, где в данное время такого обмана нет. То, что было счастливым исключением для II Интернационала, должно стать и *станет* правилом для III. Пролетариат всегда будет находиться, — пока держится капитализм, — по соседству с мелкой буржуазией. Неумно отказываться иногда от временных союзов с ней, но *единство* с ней, единство с оппортунистами могут *теперь* защищать только враги пролетариата или одураченные рутинеры пережитой эпохи»²⁷ («Против течения», стр. 32—33).

Кто вдумается в эти слова, тот поймет, почему в партии, созданной тов. Лениным, в борьбе против меньшевиков и Троцкого, не могло быть правого крыла.

«Наша (российская.— Г. З.) партия давно порвала организационно с оппортунистическими группами и элементами. Гирь оппортунизма... не было на ногах у нашей партии. И это обстоятельство помогло ей исполнить революционный долг — как помог и итальянским товарищам раскол...»²⁸ — так писал В. И. в брошюре «Социализм и война» (глава 2).

«Англичане из «Независимой рабочей партии», конечно, горой будут стоять за такую амнистию социал-

шовинизму, прикрытую рядом поклонов влево. Разумеется, «окистам» (сторонникам меньшевистского оргкомитета.— Г. З.) и Троцкому сам бог велел уцепиться теперь за фалды Каутского и Бернштейна»²⁹,— писал тов. Ленин в статье «О положении дел в рос. соц.-дем.» («Против течения», стр. 87).

Понять надо все это тов. Троцкому, и тогда он поймет, почему нельзя говорить о правом крыле *большевистской* партии, созданной тов. Лениным в «бешеной» борьбе против всех небольшевистских фракций, групп, группочек, оттенков.

Большевизм развивался не по-германски и даже не по-итальянски. Вся сила ленинизма в том и заключалась, что борьбу с правым крылом социал-демократии большевизм, под руководством тов. Ленина, начал уже 20 лет тому назад и что борьба эта *была доведена до самого конца*.

Кто хоть что-нибудь понимает в теории, тактике и организационных принципах ленинизма, тот не может утверждать, что в большевистской партии было правое крыло. Правое крыло *большевизма* — это просто бессмыслица. Это все равно что сказать «деревянная сталь», «горячий снег» и т. п. Большевизм в самой своей основе тем и отличается от меньшевизма, что не мог допускать и не допускал организации партии как блока всевозможных течений — правого, левого, центра и т. п.

То, что т. Ленин писал, например, относительно полосы эмигрантского существования партии, а именно: необычайное богатство политических оттенков в эмиграции — меньшевики, эсеры, анархисты, максималисты с рядом подразделений внутри каждого из этих течений — именно и приводило к тому, что все небольшевистское, как пластырем, оттягивалось от большевистской партии. То же было и в период легального и полуполигального существования партии, в частности между Февралем и Октябрем 1917 г. Тогда на легальной арене мы видели то же самое богатство и разнообразие политических партий, фракций, подфракций, течений и т. д. В эти партии, фракции и подфракции неизбежно уходило все то, что было не вполне большевистским (живые примеры — такие крупные работники большевизма 1905 г., как И. И. Гольденберг, Авилов, Войтинский), а большевистская партия, таким образом, становилась кристаллизационным центром *только* для большевиков. Поэтому наша партия и была вылита из одного куска,

Нужно совершенно не знать ни Ленина, ни ленинизма, для того чтобы допустить, что Ленин мог бы на сколько-нибудь продолжительное время примириться с существованием правого крыла большевистской партии. А еще важнее то, что с представлением о правом крыле в большевистской партии не мирится самый ленинизм.

Могут возразить: но ведь были большевики-примиренцы, которые очень похожи были на правое крыло большевизма.

Да, были. Примиренцы-большевики сыграли эпизодическую роль уже в самом начале раскола большевиков с меньшевиками (1903—1904), а затем и в годы контрреволюции (1910—1911). Но в том-то и дело, что в моменты этих колебаний большевиков-примиренцев дело доходило уже, в сущности, до прямого раскола с ними. Большевистская партия, под руководством тов. Ленина, готова была отрезать этот ломоть и частично отрезала его — именно для того, чтобы остаться большевистской, т. е., между прочим, однородной партией.

Чтобы понять историю даже этой небольшой группы большевиков-примиренцев, надо вдуматься в следующие факты. Громадное большинство (почти все) большевиков-примиренцев теперь находятся в наших рядах, и никто не вздумает утверждать, что они представляют собою хотя бы нечто вроде правого течения в партии. Наиболее выдающимся вождем примиренческого течения был в свое время покойный И. Ф. Дубровский (Иннокентий). Но из ста товарищей, знавших его, сто же и скажут, что, доживи Иннокентий до наших дней (он погиб в ссылке в 1912 г.), он, разумеется, не был бы и не мог бы быть представителем какого-нибудь правого крыла. Дело в значительной степени объяснялось каторжными условиями тогдашнего существования партии. Из тюрьмы в тюрьму, из ссылки в ссылку шли такие люди, как Дубровский, Ногин (тоже одно время примиренец), и между одной тюрьмой и другой иногда допускали эпизодические ошибки в организационных вопросах. Конечно, при логическом развитии этой ошибки товарищи эти могли бы стать жертвой оппортунизма. Но этого не случилось и случиться не могло. А поскольку эпизодически к этому подходило дело, тов. Ленин тут же ставил вопрос ребром, и дело не могло кончиться ничем другим, кроме как либо исключением из большевистских рядов, либо подлинным подчинением большевистскому центру.

Это вовсе не значит, что в многолетней истории большевизма, полной глубочайшего содержания, никогда не было разногласий и оттенков между наиболее крупными работниками большевистской партии. Ожидать этого было бы просто смешно. Такие разногласия были. Было, например, то, что в 1906 г. тов. Каменев защищал бойкот Государственной думы («левая» оппозиция), между тем как тов. Ленин стоял за участие. Было то, что на пленуме ЦК 1910 г. (последний пленум совместно с меньшевиками) часть большевиков решила сделать опыт объединения с Троцким, между тем как тов. Ленин и другие члены Большевистского центра (в том числе и пишущий эти строки) были решительно против этого опыта. Но это были именно эпизодические разногласия.

Эпизодическими нельзя назвать также разногласия, наметившиеся с впередовцами в 1908 г. и затянувшиеся на несколько лет. Эти мнимо «левые» на самом деле защищали оппортунистическую тактику, т. е. отказывались от основ большевизма. И именно поэтому здесь дело не могло обойтись без раскола. Впередовская группа была исключена из большевистской организации, и в нашу партию из числа впередовцев вернулись только те, кто радикально излечился от впередовства.

Эпизодическими нельзя назвать также те разногласия в связи с войной, которые коснулись, правда, только отдельных выдающихся большевиков в начале империалистской войны. Большевизм в целом, как известно, занял совершенно правильную позицию против империалистской войны и усвоил всемирно-исторической важности лозунг «превращения империалистской войны в войну гражданскую». Но отдельные крупные работники большевизма (например, покойный И. П. Гольденберг) поколебались в вопросе о характере войны, и *немедленно же дело дошло до организационного разрыва с этими товарищами*. И. П. Гольденберг смог вернуться в партию только уже в 1920—21 г., когда он радикально сознал свою ошибку.

Чем объяснялись некоторые ошибки в первые дни Февральской революции? Генеральный штаб большевиков съезжался с разных концов света после нескольких лет империалистической войны и белого террора, разорвавших связи даже между самыми близкими друзьями, центральными работниками большевизма. Одни возвращались в Петроград из далекой эмиграции, другие — из каторжных тюрем, третьи — из самых забро-

шенных уголков сибирской ссылки. На голову всех обрушились события громадной всемирно-исторической важности. Многие вначале шло не так, как ожидалось. Большевики в первые дни революции оказались незначительным меньшинством даже среди рабочих Петрограда. Те настроения многомиллионной солдатской массы, которые В. И. впоследствии назвал «добросовестным оборончеством», создали громадные тактические трудности: как подойти к этим массам, как заставить их даже только выслушать первые речи большевиков? Все это, вместе взятое, и создало те трудности, которые привели к ошибкам «Правды» в первые дни после Февральской революции, до приезда тов. Ленина.

Но можно ли отсюда умозаключать о наличии в большевистской партии правого крыла, которое тов. Троцкий — как раз никто иной, как именно Троцкий, — пытается характеризовать как «социал-демократическое» «полуменьшевистское» крыло? Так может поступить только тот, кто не знал и не знает большевистской партии, кто судит «со стороны», для кого история этой партии есть только история той партии, к которой данное лицо 15 лет шло с «боями», той партии, которой даешь очередной «бой» и в 1924 г.

Серьезные разногласия были среди большевиков между апрелем и сентябрем 1917 г. Из этих разногласий *могли бы* вырасти группировки — *если бы* ошибавшиеся товарищи настаивали на своих ошибках, *если бы* сами события быстро не разрешали этих ошибок, *если бы* партия единодушно не отвергла этих ошибок, *если бы* у партии не было Ленина и т. д. Тогда наступил бы раскол или откол, но никак не узаконение правого крыла. Но в том-то и дело, что все эти «если» в действительности не осуществились и осуществиться не могли.

Острые разногласия были среди большевиков между октябрем и ноябрем 1917 г. В этот промежуток времени (и *только* в этот) среди ошибающихся был и пишущий эти строки. *Если бы* ошибка не была признана немедленно, *если бы* партия единодушно ее не выправила, *если бы* опять-таки у партии не было тов. Ленина, разумеется, из такого, хотя и кратковременного, но зато острого, разногласия могли бы вырасти серьезные последствия. Но в том-то и дело, что все было наоборот.

Первый раскол с меньшевиками начался в 1903 г. Вполне самостоятельное организационное существование большевизм ведет примерно с 1910 г. Между 1903

и 1910 гг. лежит полоса недостаточной организационной оформленности большевизма как самостоятельной организации. Между 1903 и 1910 гг. еще могли быть кое-какие неясности в построении большевистской организации. *С 1910 по 1917 г. об этом не могло быть и речи.* Правого крыла в большевистской партии не было и быть не могло. Утверждать обратное — *значит* уже одним этим утверждением показывать полное непонимание основ большевизма.

4. ВОЗМОЖНО ЛИ ОБРАЗОВАНИЕ ПРАВОГО КРЫЛА В РКП ТЕПЕРЬ!

Действительно, актуальный вопрос — актуальный не только для нашей партии, но и для всего Коминтерна — заключается не в том, было ли у большевиков правое крыло в 1917 г., а в том, есть ли такое крыло в настоящий момент, есть ли тенденция к образованию такого правого крыла, возможно ли (и допустимо ли) образование такого правого крыла в РКП?

Ставя перед собою *этот* вопрос, мы отвечаем: да, такое крыло в РКП и Коминтерне теперь пытаются создать. Главной фигурой в этом деле является тов. Троцкий. Действительная проблема, которой болеет теперь партия, заключается в том, *можем ли мы допустить до оформления такого крыла, и если нет, то как избежать этого?*

Откуда может теперь взяться правое крыло (или «крылышко»), правая фракция или правое течение, которое *хочет* создать тов. Троцкий? Было бы смешно и глупо объяснять это только личной виной того или другого товарища. Нет, для этого существуют, несомненно, и *объективные предпосылки.*

Каковы черты отличия между нынешним положением вещей в нашей партии и положением нашей партии до Октябрьской революции? Таких черт несколько.

Во-первых. С открытой арены политической жизни в нашей стране исчезли меньшевики, эсеры, анархисты и т. п. группы. О прежнем богатстве разных политических партий, оттенков, течений нет и речи, — по крайней мере, поскольку речь идет об открытом соревновании перед широкими кругами рабочих и крестьян. Для успешного проведения диктатуры пролетариата победивший рабочий класс, возглавляемый нашей партией,

не мог не лишить легальности эсеров, меньшевиков, анархистов (антисоветского направления) и другие группировки, являвшиеся враждебными самой идее диктатуры пролетариата. На легальной арене действует только РКП. И иначе быть не может в нынешний период. При таком положении вещей неизбежно, что к нашей партии теперь примыкают (а иногда даже прямо входят в ее ряды) такие элементы, которые при наличии других легальных партий были бы не у нас. Это важнейшее обстоятельство само по себе ни в коем случае не может способствовать увеличению однородности нашей партии.

Во-вторых. Мы разбили идейно две главные партии, соперничавшие с нами в течение двух десятилетий: эсеров и меньшевиков. Несколько десятков тысяч бывших членов этих партий перешли в наши ряды, в том числе тысячи и тысячи бывших эсеров и меньшевиков, которые были в этих партиях активными членами. Достаточно назвать самого тов. Троцкого.

Нечего повторять, что значительная часть этих товарищей, вышедших из среды чужих нам партий, вполне ассимилированы теперь нашей партией, являются, хотят быть и будут хорошими большевиками. Но нельзя скрывать от себя и того, что ликвидация эсеров и меньшевиков, как легальных партий, и факт перехода к нам десятков тысяч из бывших активнейших членов никоим образом не могут содействовать однородности нашей партии.

В-третьих. Страна наша переживает вообще переходный период. До октября 1917 г. положение было во многих отношениях труднее, но зато яснее. Перед партией стояла непосредственная боевая задача: свержение буржуазии. Нынешнее положение во многих отношениях сложнее. Оно пестро. Обстановка нэпа, буржуазное окружение в международном масштабе — все это моменты, делающие положение чрезвычайно сложным. Никогда еще в истории борьбы рабочего класса всего мира рабочей партии не приходилось считаться с таким сложным переходным периодом.

В-четвертых. Социальный состав партии стал разнородным. Если к октябрю 1917 г. мы были партией по составу почти исключительно рабочей, то после 1917 г. дело меняется. После всех перипетий, через которые прошла наша партия за эти 7 лет, мы имеем в своей среде и сейчас больше ста тысяч членов партии — крестьян, несколько десятков тысяч членов партии в ву-

зах (далеко не все рабочие), десятки тысяч членов партии из советских служащих и т. д.

Что означают все наши усилия регулировать социальный состав партии, что означают, в конце концов, наши чистки, новые выборы, в частности, ленинский набор и т. п.? Все это есть *цепь усилий отстоять максимальную однородность партии*, помешать разжижению ее социального состава, не допустить чрезмерной пестроты в самом социальном составе партии.

Все это, вместе взятое, и создает обстановку, при которой действительно *возможно* оформление правого крыла в большевистской партии, созданной Лениным. А если к этому прибавить еще тот немаловажный фактор, что самого тов. Ленина у нас больше нет, то станет ясно, сколь ответственным становится положение.

Если очистить все наступления тов. Троцкого на большевистский ЦК от всего случайного, личного и наносного, если подойти к этим наступлениям с максимальной объективностью, то станет ясным, что смысл их заключается в следующем. Тов. Троцкий являлся все эти годы в нашей партии выразителем всего того, что не является строго большевистским. Тов. Троцкому, как выразителю этих небольшевистских настроений, тесно в пределах старой ленинской тактики. Он искренно убежден в том, что старые методы ленинизма не годятся теперь, когда партия работает на столь широкой арене. Партия, по его мнению, должна стать блоком, пусть неоформленным, различных направлений, фракций и оттенков.

Все мы знаем, что в партии, стоящей у власти и подавившей все остальные несоветские партии, *неизбежно* должны так или иначе отразиться те общественные процессы, которые развиваются или еще только намечаются во всей стране. Мы, ленинцы, делаем из этого тот вывод, что *тем более необходима максимальная однородность партии, максимальная твердость руководства, максимальная прививка ленинизма партии*. Не в том дело, чтобы партия затыкала себе уши ватой и старалась не слышать того, что назревает в стране. Наоборот. Маневрировать, иногда уступать — необходимо. Но для этого-то и надо, чтобы партия всегда оставалась сама собой, т. е. *большевистской партией*. Ленинизм знает, что знает: маневрируя, отступая и наступая, применяясь к самой сложной обстановке, он всегда остается большевизмом, т. е. преследует интересы пролетариата в крестьянской стране.

Между тем тов. Троцкий из сложности нынешнего положения делает (или у него назревают) другие выводы. Ему кажется, что прежний «сектантский» (якобы — сектантский), твердокаменный, годившийся якобы только для «кружка» большевизм теперь ведет к «гибели страны». Ему кажется, что теперь партия должна быть союзом различных течений и фракций, что она не должна непосредственно руководить государственным и хозяйственным аппаратом, что она должна дать больше простора буржуазным специалистам и т. д.

Будучи доведена до логического конца, эта идея тов. Троцкого — в нынешней международной и внутренней обстановке — ведет в лучшем случае к замене большевистской партии ленинизма некоей «широкой» «трудовой» партией *на манер английской макдональдовской Лебор-парти* в «советском» издании — такой «широкой» партии, в которой могли бы быть соединены все организации «трудящихся», в том числе и те, которые не могут быть названы большевистскими в непосредственном смысле слова. Очень может быть, что тов. Троцкий еще не додумал до конца свою идею, но логически он идет с неизбежностью именно к ней, если не остановится и не повернет назад к большевизму.

Партия, работающая в такой обстановке, как мы теперь, нуждается, разумеется, в ряде передаточных механизмов, ведущих ко всей рабочей массе, в том числе и к отсталым ее слоям. Она нуждается в ряде приводных ремней, обеспечивающих ей влияние в крестьянстве, среди служащих в интеллигенции и т. д. Система рычагов, обеспечивающих диктатуру пролетариата, сложна (Советы, профсоюзы и т. д.). Но отсюда вовсе не вытекает, что сама партия может стать блоком течений, фракций, своего рода «парламентом мнений», с правым крылом, левым крылом, центром и другими прелестями парламентаризма.

Не следует упрощать вопроса. Разумеется, большевистская партия 1924 г. не может попросту скопировать большевистскую партию, скажем, 1914 г. или даже 1917 г. Мы не можем и не должны теперь ограничиваться приемом в нашу партию только рабочих. Через ленинский призыв мы сделали все возможное для того, чтобы увеличить удельный вес промышленных рабочих в нашей партии. Мы задерживали в течение пары лет приток в партию крестьян. Но мы все же теперь вновь приходим к выводу, что необходимо вновь открыть дверь в партию значительному числу крестьян

ян. Рабочая партия, управляющая государством в крестьянской стране, должна иметь определенный процент членов партии из крестьян. Все дело в том, что перед нами в СССР — не задачи рабочей партии «вообще», а задачи рабочей партии в *крестьянской стране*. Отсюда и сложность вопроса о социальном составе партии, раз эта партия управляет государством.

Итак, положение вовсе не так просто, трудности — велики. Регулирование состава нашей партии — дело сложное и трудное. Оно стоит в тесной связи с труднейшими и порой деликатнейшими политическими проблемами. Партии приходится маневрировать и в этом отношении, т. е. и в отношении своего собственного социального состава. Партия не может в нынешнюю эпоху быть *столь* однородной, какой она была до завоевания власти.

Но зато политика партии, а тем самым и руководство партии должны быть насквозь большевистскими по-прежнему, как этому учил Ленин. Рабочий класс осуществляет свою гегемонию в революции, а наша партия есть руководящий авангард этого класса-гегемона.

Правильно понятые интересы класса-гегемона требуют, разумеется, известных уступок крестьянству, приспособления всей политики к некоторым коренным интересам крестьянства. Но предел этих уступок, предел этого приспособления *определяет рабочий класс и его авангард*, исходя из коренных интересов революции и руководящего ею класса-гегемона — рабочего класса.

Отсюда вытекает вопрос о внутренней ориентации партии, о том, что называют «внутрипартийной политикой». Большевистская партия, действующая в обстановке 1924 г., *должна ориентироваться на основную группу своих членов: рабочих*. «Барометром» для политики нашей партии никак не может служить учащаяся молодежь или какие-либо другие слои нашей партии, кроме как рабочие.

Итак, можем ли мы допустить существование или образование правого крыла в нашей партии теперь?

Не можем!

Из этого обстоятельства, что мы должны допустить недостаточную односторонность социального состава нашей партии, что мы *должны* привлекать в члены партии известное количество нерабочих, ни в коем случае не вытекает, что и самую политику партии мы можем разжижать и что руководящий штаб партии тоже дол-

жен быть неоднородным, что штаб партии должен быть блоком фракций и т. п. Наоборот, именно потому, что в нынешней обстановке партия не может быть столь однородной по составу, какой она была до завоевания власти, политика партии должна строже, чем когда бы то ни было, ориентироваться, прежде всего, на рабочую группу партии. И именно поэтому же руководящий штаб партии должен быть особенно выдержанным, особенно твердым, особенно ленинским. И именно поэтому не может быть и речи о том, чтобы наш штаб стал блоком фракций и течений.

Объективные условия, в которых приходится действовать нашей партии сейчас, таковы, что опасность создания правого крыла (или течения, или направления) в нашей партии *налицо*. Кто хочет остаться верным духу ленинизма, тот должен отдать свои силы на то, чтобы помочь партии противоборствовать этой тенденции. При умелом и правильном применении принципов ленинизма в данной конкретной обстановке нам *удастся* не допустить до образования правого крыла в нашей партии.

Те же, кто, как тов. Троцкий, не только не противоборствуют этой тенденции, а становятся ее выразителями, те, кто вступает на дорогу борьбы с ленинским Центральным Комитетом, ясно видящим опасность и маневрирующим в сложной обстановке (как нас учил тов. Ленин), — те становятся врагами ленинизма. Хотят ли они этого или нет — это все равно. Сознают ли они это ясно или нет — это тоже все равно. Факты остаются фактами.

Может быть, лучше всего будет пояснить нашу мысль еще конкретнее. Возьмемте примерно двух видных товарищей (скажем, тов. А и тов. Б). Оба товарища — дисциплинированнейшие и прекраснейшие товарищи. Но тов. А пришел к большевизму в иное время и иными путями, чем тов. Б. Тов. А вырос из крестьянского движения, разлившегося широкой волной в годы гражданской войны после Октябрьского переворота. Тов. Б вырос из рабочего движения, примкнув к большевизму 20 лет тому назад. И тот и другой нужны, ценны нашей партии. Только в известном сочетании тех элементов, которые представлены тем и другим, залог полной победы революции. Но если бы, скажем, тов. А стал оформлять внутри партии то, что зачастую отличает крестьянина-коммуниста (и беспартийного, примыкающего к коммунистам) от коммуниста-рабочего,

если бы он стал требовать, чтобы политика партии ориентировалась не на рабочих, а на крестьян, или если бы он стал требовать, чтобы генеральный штаб партии превратился в блок различных групп, что сказала бы в этом случае наша партия тов. А?

Нечто подобное приведенному вымышленному примеру, но еще в гораздо худшем виде, делает теперь тов. Троцкий. Он именно становится выразителем всего того в партии, что не является большевистским. Он именно требует, чтобы партия равнялась по всему меньшевистскому (в подлинном смысле слова) в ней.

Может ли с этим мириться партия? Мудрено ли, что партия дает тов. Троцкому такой страстный отпор?

5. КУДА ВЕДЕТ НЫНЕШНЯЯ ЭВОЛЮЦИЯ ТОВА ТРОЦКОГО

Этот вопрос есть главный вопрос наших споров. Чтобы дать себе вполне ясный ответ на этот вопрос, мы попросим вдуматься в следующее обстоятельство.

У тов. Троцкого, как у яркой индивидуальности, конечно, есть немало такого, что характерно только лично для него. Сюда относится и то, как выразился на днях один рабочий, читавший «Уроки Октября», «яканье» (от слова «я»), которым полны писания тов. Троцкого за последнее время. Сюда относится и то, что тов. Троцкий иногда создает такую политическую платформу, на которой может стоять только один человек: сам тов. Троцкий, ибо на этой «платформе» буквально не остается места даже для единомышленников. *Постольку* приходится констатировать *индивидуальное* в позиции тов. Троцкого. Но было бы все же неверно видеть в позиции тов. Троцкого *только* индивидуальное. Он, несомненно, отражает и нечто более широкое из нашей обстановки.

Что же именно?

Обратили ли вы внимание, читатель, на следующее обстоятельство? Уже начиная с 1922 г., а тем более с 1923 г. происходит несомненный рост благосостояния страны, улучшение материального положения рабочих, улучшение настроения рабочих. И в это же самое время из всех выступлений тов. Троцкого мы видим, что как раз в эти же годы у него все больше и больше портится политическое настроение. Кривая политического настроения в широких массах рабочих нашей страны идет *вверх*, кривая политического настроения тов. Троц-

кого идет *вниз*. На этом фоне и углубляются разногласия между т. Троцким и партией, которая ведь является не чем иным, как головным отрядом рабочих масс.

Тов. Троцкий отдает все большую дань импрессионизму, все чаще начинает видеть вещи в исключительно черном свете, предвещает «гибель страны» (перед дискуссией прошлого года) накануне несомненного улучшения хозяйственного положения, попадает все чаще пальцем в небо, ставя неправильные диагнозы и предлагая еще более неправильные средства лечения, растеривает своих единомышленников и т. д. Вспомним, что при первом столкновении с тов. Лениным и ленинским ЦК во время спора о Брестском мире тов. Троцкий имел на своей стороне очень значительную часть партии. Во время второго столкновения с тов. Лениным и ленинским ЦК в 1921 г. (дискуссия о профсоюзах) тов. Троцкий тоже имел еще на своей стороне около пятой части съезда. И это — при обаянии Владимира Ильича во всей партии! Во время прошлогодней дискуссии число единомышленников тов. Троцкого было уже значительно меньше, но все-таки были сотни людей, которые готовы были до конца отстаивать его платформу. А во время нынешнего наступления тов. Троцкого на ленинский ЦК охотников защищать платформу тов. Троцкого можно уже пересчитать чуть ли не по пальцам. Ведь это тоже не случайно.

Чем объясняется такое странное положение? Хозяйство идет вверх, настроение рабочих идет вверх, единство партии крепнет, а настроение одного из претендующих на руководство рабочим движением вождей (т. Троцкого) неизменно идет вниз. Уже одно это обстоятельство указывает на то, что в последние годы т. Троцкий, сам того, разумеется, не желая, не всегда служит выразителем настроений пролетарских масс, а иногда невольно выражает настроения каких-то других слоев населения.

Каких именно? Ответ на этот вопрос, разумеется, не прост. Проследившая извилистую линию складывающейся платформы тов. Троцкого, следя самым точным образом за его новейшей политической эволюцией в продолжение последних двух-трех лет, иной раз нетрудно наткнуться на кажущееся противоречие, и иному малоискушенному товарищу порой даже покажется, будто тов. Троцкий критикует наш ленинский ЦК не справа, а слева.

В самом деле, не тов. ли Троцкий, например, обви-

няет ЦК и его представителей в Коминтерне в том, что они «прозевали» германскую революцию? Разве это не критика «слева»? А между тем, если вдуматься в позицию т. Троцкого именно по вопросам, связанным с тактикой Коминтерна, если вспомнить, что рядом с «левыми» фразами, которые пишет по этому поводу т. Троцкий, теперь стоит *факт* поддержки им правого крыла германской партии в течение всего 1923 г., *факт* поддержки, с другой стороны, позиции т. Троцкого правыми элементами во *всех* секциях Коминтерна во время прошлогодней дискуссии,— тогда вопрос предстанет пред нами совсем в новом свете. Если вспомнить, что уже в январе 1924 г. в проекте резолюций тт. Троцкого, Радека и Пятакова говорилось о том, что если бы в октябре 1923 г. германская компартия пошла на восстание, то она теперь (в январе 1924 г.) представляла бы собой груды развалин,— то становится ясным, что тов. Троцкий здесь, как, впрочем, и во всех других вопросах, трактуемых им в «Уроках Октября», совершенно не свел концов с концами.

Но именно это не всегда ясно поверхностному наблюдателю наших споров. Отсюда и то, что по недоразумению кое-кто принимает критику тов. Троцкого по адресу нашего ЦК как критику слева.

В деятельности тов. Троцкого, повторяем, много индивидуального, много капризного, много внешне ослепляющего. Его платформа не сложилась еще окончательно. Политическая позиция тов. Троцкого блещет еще всеми цветами радуги.

Можно было бы употребить такое сравнение. Возьмите большую дугу из электрических лампочек разных цветов. Выходит очень ярко. Пред нами все цвета радуги, пред вами много лампочек — красных, зеленых, синих, белых. Но ведь цвет лампочек тут, в конце концов, дело второстепенное. За всем этим стоит одна определенная материя: электричество. Так и в теперешней позиции т. Троцкого. Внешним образом она тоже блещет еще всеми цветами радуги. Задача заключается в том, чтобы понять, какова тут субстанция, что составляет основу. И вот мы утверждаем, что основа-то здесь состоит из некоей «*минус*-материи», из того, что является *небольшевистским*, что пока можно охарактеризовать лишь как *неленинизм*.

Откуда эта внешняя пестрота? Она объясняется тем, что начавшееся политическое линияние тов. Троцкого еще не закончено. Она объясняется в первую оче-

редь тем, что попятная эволюция тов. Троцкого происходит в обстановке переходного периода. Очень много неясного в самом этом переходном периоде, очень много неясного во всей пестряди нэпа. Тов. Троцкий совершает ведь сейчас не отход от большевизма «вообще», а отход от большевизма *в переходный период нэпа*.

Однако через всю пестрядь, через все экспромты тов. Троцкого, через всю извилистую линию его капризного политического развития последних годов пробивает себе дорогу одна определенная тенденция.

Представим себе на одну минуту, как выглядели бы наша страна и наша партия, если бы партия наша, вместо того чтобы оказать бешеное сопротивление рецептам тов. Троцкого, приняла важнейшие его предложения начиная с 1921 г. Отбросим все второстепенное, возьмем только самое главное из предложений тов. Троцкого начиная с 1921 г.

Если бы мы приняли предложения тов. Троцкого, это значило бы:

1. Профсоюзы были бы огосударствлены, произошло бы пресловутое «сращивание» профсоюзов с официальными государственными и хозяйственными органами. Другими словами, профсоюзы, являющиеся сейчас нашей самой широкой базой и объединяющие 6 миллионов рабочих и служащих, стали бы казенным придатком к официальной машине. Еще другими словами: своими собственными руками мы создали бы тогда *неистребимую* базу для меньшевизма, а стало быть, подложили бы своими руками фугас под диктатуру пролетариата.

2. Партия была бы отодвинута от непосредственного руководства хозяйственными и государственными органами. Советский аппарат (вспомните, что писал о нем тов. Ленин) получил бы большую самостоятельность. «Эмансипация Советов от партии» осталась бы не только на страницах писаний сменовеховцев, но начала бы переходить в реальную жизнь — хотя бы частично. Что такая тенденция имела бы неисчислимые губительные последствия — вряд ли это нужно теперь доказывать большевику.

3. Спецы получили бы во много раз большее влияние во всех отраслях работы — не только в военном деле, но и во всем остальном. Вряд ли нужно доказывать, что в этом заключается одна из важнейших черт политической платформы тов. Троцкого и один из важнейших пунктов его расхождений с нашей партией.

Пусть не переиначивают наши слова. Разумеется, привлечение честных специалистов и создание такой атмосферы, которая позволяла бы им действительно с пользой для дела работать, абсолютно необходимы. Разумеется, остается в силе то, что говорил по этому вопросу т. Ленин и что постановляла наша партия. Разумеется, не может быть и речи о каком-либо поощрении специфических «антисоветских» настроений. Но, если бы вопрос о спецах был разрешен не по Ленину, а по Троцкому, это означало бы на деле величайшую политическую уступку новой буржуазии.

4. В вопросах о внутрипартийной жизни мы должны были бы признать, что «барометром» для партии являются не столько рабочие от станка, сколько вузовская молодежь, среди которой есть, разумеется, превосходные пролетарские элементы, но среди которой есть немалая доля таких, которые тысячами нитей социально связаны с мелкой буржуазией, а через нее и с нэпом, и с новой буржуазией.

5. Денежной реформы у нас не было бы, ибо, по Троцкому, нужно было бы «сначала» восстановить промышленность, а потом уже приняться за денежную реформу. Нечего и говорить о том, что, если бы мы приняли это «гениальное» предложение, удельный вес социалистических элементов хозяйства в нашей стране только падал бы, а тем самым крепла бы новая буржуазия.

6. В вопросе о крестьянстве, через который все время «перепрыгивает» тов. Троцкий, мы наделали бы величайших ошибок. Вместо зачатков смычки мы имели бы теперь во всем ходу размычку. Отброшенное нашими политическими ошибками, крестьянство искало бы себе другого политического руководителя и нашло бы его, разумеется, только в новой буржуазии.

Никто из вдумчивых товарищей не скажет, что приведенные шесть пунктов (а их можно умножить) нами выдуманы. Всякий серьезный большевик должен будет сказать, что именно из-за этого, а не из-за прошлогоднего снега, не из-за ошибок, сделанных семь лет тому назад, и не из-за «личностей», как думают обыватели, идет борьба между ленинским ЦК и т. Троцким.

Как же, спрашиваем мы, выглядела бы наша страна, если бы мы в этих шести вопросах шли по дороге, на которую подталкивал нас тов. Троцкий, если бы мы с большевистской нетерпимостью не давали бы отпора этим ошибкам тов. Троцкого? Чем была бы тогда Рос-

сия? Она была бы тогда *нэповской* Россией — в том смысле и в тех размерах, как на это рассчитывали идеологи новой буржуазии. И шансы на превращение нэповской России в Россию социалистическую (как это завещал нам т. Ленин)³⁰ были бы крайне малы и даже прямо ничтожны.

Если ко всему этому прибавить оппортунистические ошибки тов. Троцкого в вопросах международной политики (переоценка демократическо-пацифистской эры, переоценка чудодейственных замирительных свойств американского ультраимпериализма, недооценка контрреволюционности социал-демократии, недооценка длительности фашизма), а также его поддержку всех правых полусоциал-демократических элементов в разных секциях Коминтерна, то станет ясно, куда тащит нашу партию т. Троцкий.

Во всех этих нагромождениях одной ошибки на другую у тов. Троцкого есть своя «система». В целом это называется правый уклон.

Новая буржуазия в нашей стране — это именно *новая*, а не старая буржуазия. Она видала виды, она также кое-чему научилась на «уроках Октября». Она видала массы в действии. Она видала неукротимую расправу большевиков с буржуазией в начале Октябрьской революции и уступку со стороны большевиков буржуазии в 1921 г., когда те же неукротимые большевики *вынуждены* были ввести нэп. Она знает теперь цену реальному соотношению сил, выражающемуся, между прочим, в международном буржуазном окружении первой советской страны. Она имеет свою новую интеллигенцию, воспитавшуюся в значительной части в наших же учебных заведениях. Она научилась вникать в борьбу тенденций внутри нашей собственной партии. Она научилась использовать советскую легальность. Это — уже не просто Колупаевы и Разуваевы. Это — буржуазия, прошедшая сквозь огонь величайшей революции. Это — буржуазия, умеющая думать о *своей* смычке с верхами крестьянства, с вождями международной буржуазии. Это, одним словом, буржуазия с более изощренным классовым чутьем, более гибкая, более умудренная революционным опытом, больше понимающая значение рабочей партии, нюансы внутри этой рабочей партии и т. д. Это — буржуазия, которую горе научило ценить доступ к умам народных масс. Нечего скрывать от себя, социальный состав нашего государственного аппарата таков, что значительную часть

персонала этого аппарата приходится отнести к агентуре новой буржуазии. Это же приходится сказать и относительно известной части нового студенчества и новой интеллигенции вообще.

Отстаивать перед большевистской партией в 1921—1924 гг., в переходный период: 1) огосударствление профсоюзов, 2) бóльшую «свободу» для государственного аппарата от контроля партии, 3) большее влияние для спецов, 4) ориентацию политики партии на вузовский барометр, 5) советовать откладывать денежную реформу и кричать о гибели страны, 6) поднимать полуменьшевистскую кампанию против партаппаратчиков и за «демократию» в том истолковании, какое и давал ей тов. Троцкий в прошлом году,— это и значит, самому того не желая, объективно помогать новой буржуазии.

Тов. Троцкий хочет попасть в одну дверь, а попадает в другую. Он хочет бороться против чрезмерного «сектантства» старых большевиков, против того, что кажется ему «кружковой узостью», а на деле он борется против основ большевизма. На деле он, сам того, разумеется, не желая, оказывает незаменимую услугу классовому врагу.

Положа руку на сердце, мы спрашиваем бывших и настоящих сторонников тов. Троцкого: разве они не знают, что каждое выступление тов. Троцкого против большевистского ЦК, начиная с 1921 г., является все большей и большей радостью для всего небольшевистского лагеря, и чем дальше — тем больше? Случайно ли это?

Пусть не толкуют нас превратно. Еще Маркс сказал, что можно быть фактически выразителем настроений мелкой буржуазии, отнюдь не будучи самому мелким лавочником. Разумеется, и у тов. Троцкого самые лучшие желания. Но добрыми желаниями вымощен ад. Нужно, чтобы Троцкий раз и навсегда отказался «спасти» нашу партию от мнимых ошибок, а понял и признал свои собственные политические ошибки, в значительной мере проистекающие из остатков его политической идеологии времен 1903—1917 гг., когда тов. Троцкий выступал открытым противником большевизма. Нужно перестать устраивать очередные «кризисы» партии по «календарной программе» через каждый год, а в последнее время через каждые полгода. Нужно понять, что наскоком, нахрапом поднять ленинизм под троцкизм никому не удастся. Нужно понять, одним словом, что *большевизм есть большевизм*.

6. ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ?

Каков же выход при таком положении вещей? Что же делать?

Раскол? Пустое! Об этом не может быть и речи. Партия наша едина больше, чем когда бы то ни было. Откол? Пустое! Откалываться почти что некому, и партия до этого доводить дело не хочет. Партийные взыскания? И это пустое! Это никому не нужно; теперь нужно другое. Что же нужно?

Нужно, чтобы партия *обеспечила себя* от повторения «налетов» на ленинизм. Нужны серьезные партийные гарантии, что решения партии будут *обязательными* и для тов. Троцкого.

Партия — не дискуссионный клуб, а *партия*, да еще действующая в такой сложной обстановке, как наша.

Лозунг сегодняшнего дня: *Большевизация всех слоев партии! Идейная борьба против троцкизма!* Прежде всего — разъяснение, разъяснение и еще раз разъяснение.

Наша партия состоит более чем наполовину из сравнительно молодых членов организации. Многие из них улавливают антиленинистские ошибки Троцкого пока только классовым чутьем. Нужно, чтобы вся партия *изучила* вопрос о ленинизме и троцкизме. Нужно, чтобы вся партия *ясно видела*, что дело идет тут о двух в основном различных системах тактики и политики.

Вопрос тут не только в истории партии, дело идет не только о прошлом. Дело идет о двух методах подхода к политике *настоящего* дня, теснейшим образом связанной с такими кардинальными вопросами, как вопрос о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства.

Большевизация наших собственных рядов — поскольку более молодые слои партии не имели еще возможности до сих пор полностью пройти школу ленинизма — вот это серьезная задача дня. И тут нельзя не поблагодарить тов. Троцкого за то, что он, во всяком случае, дает партии хорошую возможность наглядно проанализировать уклон от ленинизма и глубже вдуматься в основы большевизма.

Разумеется, партия должна добиться того, чтобы партийная дисциплина была обязательна и для тов. Троцкого. И мы уверены, что партия сумеет этого добиться. Чем больше принципиальной ясности по вопросам ленинизма и троцкизма создается в партии, тем

меньше почвы для такой попытки, которую предпринял тов. Троцкий. Чем меньше резонанса встречает эта попытка в партии, тем меньше охоты будет ее повторять. А резонанс на этот раз поистине невелик. Тов. Троцкий видоизменил теперь свою «платформу» так, что на этой платформе, в сущности говоря, может стоять только один человек, а именно: сам тов. Троцкий — на «площадке» места нет для других, даже для тех, кто до сих пор частенько поддерживал тов. Троцкого в его ошибках.

Во время прошлой дискуссии тов. Троцкий объявлял вернейшим «барометром» учащуюся молодежь. Мы не были согласны с тем, что это действительно есть лучший барометр. Мы не согласны с этим и сейчас. Однако приходится сказать, что даже этот не совсем идеальный барометр на этот раз показывает совсем не то, что в прошлом году, — показывает на то, что и учащаяся молодежь не желает подменять ленинизм троцкизмом.

Лучшее средство удержать тов. Троцкого от дальнейших ошибок, которые еще больше отдаляют его от большевизма, это — дать самый единодушный отпор его нынешней ошибке. Если *вся* партия, как один человек, встанет против теперешнего уклона тов. Троцкого, то он, будем надеяться, сам скорей всего выправит свою ошибку.

Все, о чем мы говорили в предыдущей главе, разумеется, не есть еще вполне закончившийся процесс. Это только тенденция. Увидев всю губительность этой тенденции, увидев все единодушные партии против громадной ошибки тов. Троцкого, тов. Троцкий, будем надеяться, сойдет с неверного пути.

Не раз тов. Ленин формулировал «закон» политической эволюции тов. Троцкого: когда дело идет на подъем, тов. Троцкий большею частью приближается к большевистской линии; когда дело идет на затяжку или на временный упадок волны, тов. Троцкий колеблется вправо. Чтобы удержать его от теперешнего, очень уж чрезмерного колебания вправо, нужен идейный отпор со стороны *всей* партии.

Партия скажет свое окончательное слово, и еще и еще раз преждевременные злорадные ожидания врагов будут посрамлены. А большевистская партия получит новый, еще более крепкий закал, и подлинный ленинизм войдет в идейный обиход всех до единого членов нашей партии.

ЛЕНИН, ЗАГОВОРЩИЧЕСТВО, ОКТЯБРЬ

Обвинение Ленина в заговорщичестве, бланкизме было одним из ходячих обвинений со стороны меньшевиков на протяжении долгих лет ожесточенной борьбы. После Февральской революции это обвинение с попой силой было выдвинуто меньшевиками, эсерами, кадетами — всеми врагами большевизма.

Возвращаться к этим спорам сейчас не имеет смысла. За нами не только Октябрьская революция, но и годы жесточайшей гражданской войны, в которой на стороне большевиков принимало активное участие громадное большинство трудящихся масс.

Советская власть добыта и укреплена борьбой миллионов. Заговорщичество, бланкизм (но без его революционности, разумеется) в течение многих уже лет стали основным занятием всех антисоветских партий, особенно социалистических, причем это заговорщичество никак не может найти почву в широких массах.

Обвинение большевиков в заговорщичестве отвергнуто фактом семилетнего существования Советской власти как власти глубоко народной, которую не могли свергнуть ни заговорщические восстания внутри страны, ни интервенции.

Но, может быть, Октябрьское восстание проведено не по Ленину, не ленинским путем, а с поправками, существенно изменившими ленинскую линию?

К сожалению, такой вывод получается из воспоми-

ваний т. Л. Троцкого в его книжке о Ленине (глава «Переворот»).

Все мы знаем, что тов. Троцкий был одним из организаторов Октябрьского переворота и как председатель Петербургского Совета, и как член Революционного комитета, являвшегося фактическим первым правительством Октябрьской революции. Это делает воспоминания т. Троцкого о восстании наиболее ценными, но вместе с тем и наиболее ответственными. К сожалению, т. Троцкий слишком положился на свою память и поэтому, вероятно, допустил ряд утверждений относительно позиции Ленина в отношении восстания, которые не соответствуют имеющемуся фактическому материалу.

Тов. Троцкий оговаривается, что «воспоминания, относящиеся к последним дням, предшествовавшим перевороту, как бы спрессованы в памяти, и их очень трудно отделять друг от друга, разворачивать и распределять по частям». Это общий грех всех воспоминаний, основанных на памяти, а не на документах, и нужно прямо сказать, что значительная часть всех печатаемых у нас воспоминаний воспроизводит факты с очень большим субъективизмом, запутывая нередко вопрос. Мы считаем, что именно так запутывается в воспоминаниях т. Троцкого позиция т. Ленина в отношении восстания перед Октябрем.

Касаясь известного вопроса о том, что т. Ленин в сентябре — октябре решительно требовал ускорения восстания, не связывая срок восстания со сроком созыва 2-го съезда Советов, т. Троцкий говорит, что Ленин добивался того, чтобы «партия захватила власть вооруженной рукой, а затем, мол, уже будем разговаривать о съезде Советов».

По Троцкому выходит, что т. Ленин хотел, чтобы партия, помимо Советов и «за спиной» Советов, захватила власть.

Полемизируя с т. Лениным, он говорит: «Как и в июле, Ленин переоценивал проницательность и решительность врага, а может быть, уже и его материальные возможности. В значительной мере это была переоценка тактически совершенно правильная: она имела своей задачей вызвать со стороны партии удвоенную энергию натиска... *Но все же брать власть собственной рукой, независимо от Совета и за его спиной, партия не могла. Это было бы ошибкой.* Последствия сказались бы даже на поведении рабочих и могли бы стать чрезвычайно тяжкими в отношении гарнизона. Солда-

ты знали Совет депутатов, свою солдатскую секцию. Партию они знали через Совет. *И если бы восстание совершилось за спиной Совета, вне связи с ним, не прикрытое его авторитетом, не вытекающее прямо и ясно для них из исхода борьбы за власть Советов,— это могло бы вызвать опасное замешательство в гарнизоне.* (Курсив мой.— Э. К.) Не нужно также забывать, что в Петербурге наряду с местным Советом существовал еще старый ВЦИК с эсерами и меньшевиками во главе; этому ВЦИКу можно было бы противопоставить только съезд Советов».

Подкрепляет эту свою мысль т. Троцкий такой передачей воспоминания о своей встрече с т. Лениным в самый день восстания, 25 октября, в Смольном: «Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что же, можно и так. Лишь бы взять власть». *Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказывались от захвата власти путем конспиративного заговора.* (Курсив мой.— Э. К.) Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь, вечером 25 октября, он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события»¹.

Какие выводы следуют из приведенных цитат?

Первый — Ленин будто бы требовал захвата власти путем «конспиративного заговора».

Второй — Ленин требовал будто бы, чтобы в порядке конспиративного заговора партия захватила власть независимо от Советов и за спиной Советов.

Третий — Ленин до последнего дня, т. е. до дня восстания, не был согласен с той линией, которую проводила партия и которую выражал и проводил в ЦК Троцкий.

Все вместе сводится к одному: Ленин упорно толкал партию по пути бланкистского заговора, — Троцкий не допустил до этого, и, таким образом, в ленинскую позицию была внесена существенная поправка. Эти выводы логически вытекают из положений Троцкого, хочет он того или нет.

Никто не может брать под сомнение воспоминания о тех или иных разговорах с Лениным, но каждый член партии обязан проверять воспоминания, основанные на памяти, с документальным материалом, который имеется.

К этому мы и перейдем.

Начнем с более частного вопроса: требовал ли действительно Ленин, чтобы партия, помимо Советов и за спиной Советов, взяла власть?

Я думаю, что не о знаменитой его статье «К лозунгам» здесь идет речь. К сентябрю — октябрю она уже отпала. Принципиально же положения этой статьи правильны, и сейчас вовсе не обязательно, чтобы, скажем, в Германии, Франции, Англии органом восстания были Советы. «Советы явятся после», — говорил Ленин², и мы вполне допускаем, что органами восстания могут быть, скажем, фабзавкомы и другие массовые рабочие организации. В этом была сущность статьи «К лозунгам».

Но в сентябре — октябре речь шла о другом, а именно: нужно ли обязательно связать восстание со съездом Советов или же должно начать *до съезда*, чтобы не дать себя разгромить, чтобы не указывать врагу срок восстания.

Ленин требовал, чтобы восстание не было непременно связано со съездом Советов, но при этом Ленин требовал, чтобы организацию восстания приняли на себя столичные Советы — Петроградский и Московский.

Обратимся к документам.

Документ первый.

Письмо Ленина в ЦК, ПК, МК РСДРП(б), написанное в сентябре 1917 г., начинается словами:

«Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки.

Могут, ибо активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее»³.

Документ второй.

Письмо в ПК и МК РСДРП(б-ков), написанное в начале октября.

«Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребяческая игра в формальность⁴, предательство революции.

Если нельзя взять власть без восстания, надо *идти на восстание тотчас*. Очень может быть, что именно теперь можно взять власть без восстания: например, если бы Московский Совет сразу тотчас взял власть и объявил себя (вместе с Питерским Советом) правительством. В Москве победа обеспечена и воевать не-

кому. В Питере можно выждать. Правительству нечего делать и нет спасения, оно сдастся.

Ибо Московский Совет, взяв власть, банки, фабрики, «Русское Слово», получает гигантскую базу и силу, агитируя перед всей Россией, ставя вопрос так: *мир* мы предложим *завтра*, если бонапартист Керенский сдастся (а если не сдастся, то мы его свергнем). *Землю* крестьянам *тотчас*, уступки железнодорожникам и почтовым служащим — *тотчас*, и т. д.»⁵.

Эти документы в свое время не были предназначены для печати, что делает их особенно ценными.

Нужны ли еще какие-нибудь доказательства тому, что т. Троцкий допустил в своих воспоминаниях серьезную ошибку, утверждая, что Ленин хотел, чтобы партия помимо и за спиной Советов взяла в октябре власть? В этом вопросе явная путаница. Речь может идти лишь о том, что Ленин боролся против «конституционных иллюзий», связанных со съездом Советов.

Он прямо говорит: «Ждать съезд — это ребяческая игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции». Разъясняя этот пункт подробнее в тезисах о лозунге «Вся власть Советам», он пишет: «Задача взятия власти Советами есть задача успешного восстания. Поэтому все лучшие силы партии должны быть направлены на фабрики и в казармы, чтобы разъяснять массам их задачу и чтобы, правильно учитывая их настроение, выбрать правильный момент для свержения правительства Керенского. Связывать эту задачу непременно со съездом Советов, подчинять ее этому съезду — значит *играть в восстание*, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто «резолуцией» съезда Советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший пролетариат своей силой»⁶.

Вот против чего боролся Ленин: против иллюзий, будто резолюцией съезда Советов можно решить вопрос, «который способен решить только восставший пролетариат силой». Он требовал, чтобы солдатам и рабочим партия твердо сказала, что мирным путем, хотя бы путем съезда Советов, пролетарский переворот совершен быть не может; что для этого нужно вооруженное выступление.

Было ли у Ленина сомнение в том, что съезд Советов выскажется против власти Советов? Ни малейшего⁷. Наоборот, во всех своих писаниях этого периода

он настойчиво доказывает цифрами, что за ними большинство народа. Он в этом глубоко уверен. Но Ленин боится, что корниловцы перейдут в наступление, захватят инициативу, получают перевес и, таким образом, не допустят съезда и разгромят нас по частям, отдельно Петроград, Москву и т. д.

Ленин требовал, чтобы столичные Советы взяли на себя ответственность за восстание от имени Советов всей страны.

А разве так оно фактически не было? Разве Петроградский Совет не поставил Второй съезд Советов перед фактом восстания? Разве съезд мог бы пойти назад, если бы захотел?

Ленин был совершенно прав и по отношению к нашей Октябрьской революции, и по отношению к грядущим революциям в других странах.

Восстание не обязательно приравнивать к съезду Советов. Для определения наличий достаточных условий для восстания существуют другие вполне марксистские способы, к которым мы сейчас перейдем.

Тов. Троцкий уверяет, что Ленин пытался организовать восстание и захватить власть «путем конспиративного заговора партии», т. е. не путем массовой организации восстания, каким шел т. Троцкий.

Обратимся опять-таки к документам.

Можно было бы начать сравнительно издавека, хотя бы с первой статьи т. Ленина, написанной после Февральской революции еще за границей, напечатанной в «Правде» 21—22 марта 1917 г. под знаменательным заголовком — «Первый этап первой революции». В ней уже Ленин требует вооружения пролетариата для укрепления расширения и т. п. Советов раб. и солд. деп.⁸, т. е. далек от пути заговорщической конспирации. Пропустим также статьи, написанные Лениным сейчас же после июльского поражения петроградских рабочих. В них Ленин также призывает к массовой организации для восстания.

Остановимся на наиболее ценном документе, опять-таки в свое время не предназначенном для печати, на письме в ЦК нашей партии, написанном в сентябре 1917 г. и опубликованном впоследствии под заглавием «Марксизм и восстание». Эта статья-письмо, несмотря на боевой и злободневный его характер, является теоретическим обоснованием настоящего марксистского понимания восстания в изложении Ленина. В этой статье Ленин со свойственной ему точностью определя-

ет отличие в постановке вопроса о восстании между марксизмом и бланкизмом.

Вот это определение: «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается *марксизм от бланкизма*»⁹.

Можно ли предполагать, что Ленин, таким образом, в секретном письме Центральному Комитету, определяя отношение к восстанию, на деле проводит, за спиной Советов, бланкистское конспиративное заговорничество, не опираясь на массы и массовые организации?

Я думаю, что никто так вопрос ставить не может.

Ведь сказано твердо: «Восстание опирается *не* на заговор, *не* на партию, а на *передовой класс*». Каким же образом можно приписывать Ленину и заговор и попытку опереться *не на широкие массы*, а только на партию (партия за спиной Советов)?

Получается величайшее противоречие между словами Ленина и тем, что ему приписывает Троцкий¹⁰.

Безусловно, что и в этом вопросе память сыграла с т. Троцким плохую шутку. Надо полагать, что вопрос шел и здесь лишь о различных оттенках в отношении к практической работе по подготовке восстания.

Известно, что Ленин очень серьезно воспринял слова Маркса о восстании, как искусстве. Он сильно упирает в этот пункт, доказывая, что «отказ от отношений к восстанию, как к искусству», означает измену марксизму. Массовая подготовка восстания на фабриках и в казармах была у Ленина на первом месте, но наряду с этим Ленин требовал следующее:

«А чтобы отнестись к восстанию по-марксистски, т. е. как к искусству, мы в то же время, не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку, занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать не-

приятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.

Это все примерно, конечно, лишь для иллюстрации того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*¹¹.

Единственно подобные темы могли навести мысль на заговорщичество. Но в чем тут «конспиративный заговор»? Может быть, в организации штаба? Но разве фактически у нас уже тогда не было военного штаба, хотя и достаточно плохого, в лице Военной организации и разве какую-нибудь революцию можно провести без конспирации и без штаба? А разве тов. Троцкий не организовывал в необходимых размерах и то и другое? Разве Ленин вместе со всеми не работал над подготовкой массового восстания и разве совместно с тесным конспиративным (тайным) заговором не практиковалось публикование к всеобщему сведению в «Правде» статей в пользу немедленного восстания? А такие статьи Ленин писал.

Укажем, прежде всего, на статью «Кризис назрел», напечатанную 7 октября 1917 г., самое название которой достаточно красноречиво.

Но наиболее важной является статья под заголовком «Письмо к товарищам», напечатанная в газете «Рабочий путь» 19, 20, 21 октября, т. е. за несколько дней до восстания. В этой статье тов. Ленин страстно обрушивается на колеблющихся большевиков и доказывает, что необходимо ускорить восстание. Он разбивает все доводы против восстания, доказывая, что за нами большинство народа, что массы готовы к выступлению, что ждать — преступление перед революцией.

Ленин не меньше и не хуже других знал законы массовых действий, и не его, который научил нас в революции «счету на миллионы», мы можем обвинять в стремлении к «конспиративному заговорщичество».

Да, Ленин требовал, чтобы организация восстания миллионов имела свой нелегальный военный центр, ибо выступление может рассчитывать на успех только в том случае, если им будет руководить хороший штаб, способный рассчитать до последнего отряда и свои силы

и силы врага, который сумеет закрепить завоевания, достигнутые первым взрывом массовых действий.

В этом смысле Ленин действительно был сторонником военного заговора, и об этом он опять-таки говорит открыто в той же статье, но это отнюдь не бланкистское заговорщичество, а нечто совершенно иное.

Вот как об этом заговорщичестве говорит сам Ленин:

«Военный заговор есть бланкизм, *если* его устраивает не партия определенного класса, *если* его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, *если* на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, *если* развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, *если* не завоевано большинство признанных «полномочными» или иначе себя показавших органов революционной борьбы вроде «Советов», *если* в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, *если* лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели широчайшей известности и популярности, *если* передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстанием против помещиков и защищающего их правительства, *если* экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами.

Пожалуй, довольноно?

В своей брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» (я надеюсь, что она на днях выйдет уже в свет) я привел цитату из Маркса, действительно относящуюся к вопросу о восстании и определяющую признаки восстания, как «искусства».

Я готов биться об заклад, что если предложить раскрыть рот тем болтунам, которые кричат теперь в России против военного заговора, и призвать их к объяснению разницы между «искусством» вооруженного восстания и осуждения достойным военным заговором, то они либо повторят сказанное выше, либо осрамят себя

и вызовут всеобщий смех рабочих. Попробуйте ка, любезные тоже-марксисты! Спойте нам песенку *против* „военного заговора“!»¹²

Имеет ли тов. Троцкий что-либо против такого заговорщичества и не принял ли он сам перед Октябрем этот ленинский метод «военного заговора»? Почему же в таком случае Троцкий так неосторожно приписывает Ленину «конспиративное заговорщичество»? Хочет ли т. Троцкий этим сказать, что ленинское понимание восстания не является истинно марксистским, или он полагает, что Ленин на практике отступал от собственных теоретических положений?

Мы знаем, что т. Троцкий обладает способностью напускать туман — говорить намеками, не договаривая.

Троцкий вместе с тем неоднократно говорил о своем преклонении перед гением Ленина. Как же он с легким сердцем, не попробовав проверить свои воспоминания по сохранившимся документам, набрасывает тень на мертвого вождя?

Можно не соглашаться с Лениным, опровергать его, спорить с ним, но спорить нужно тогда против того, что Ленин действительно говорил и писал, того, что составляет неопровержимые документы, а не против того, что осталось в памяти о разговорах с Лениным.

Как-то Мартов обличал Ленина в непоследовательности, доказывая, что Ленин в разговоре с ним говорил не так, как он потом писал. Ленин весьма едко посоветовал Мартову не полагаться на свою память, так как она его не раз уже подводила.

Мы полагаем, что каждый коммунист в своих воспоминаниях о Ленине должен быть особенно осторожен, чтобы не подводить ни себя, ни Ленина.

После того как настоящая статья уже была написана, я получил только что вышедший том собр. соч. т. Троцкого с вводной статьей автора «Уроков Октября». В этой статье т. Троцкий также пытается доказать, что Ленин в Октябре был за захват власти партией помимо Советов. Цитируя приведенное уже нами место из статьи Ленина об отношении к восстанию, как искусству, Троцкий говорит: «Эта постановка вопроса предполагала подготовку и совершение восстания партийным путем и от лица партии, с тем чтобы потом освятить победу через съезд Советов».

Оказывается, дело не в слабой памяти т. Троцкого. Налицо вполне продуманное выступление. Думаю, что приведенными мною документами неопровержимо до-

казано, что речь шла у Ленина не о том, чтобы «партийным путем и от лица партии» совершить восстание, а о том, чтобы совершить его через Петроградский и Московский Советы от лица Советов всей страны.

Все потуги Троцкого сводятся к тому, чтобы показать, что именно он, вопреки Ленину и подталкивая колеблющийся ЦК партии, провел подготовку Октября своим, а не ленинским путем.

В целом статья «Уроки Октября» является, мягко выражаясь, не очень скромной попыткой поставить себя во главе Октябрьского переворота, оттеснив на задворки партию в лице ее ЦК, Петербургского и Московского комитетов, а заодно с ними и Ленина.

Троцкий начинает свою статью указанием, что Октябрьская революция еще не нашла своего отражения в литературе. Тем самым Троцкий взял на себя обязательство дать серьезную работу об Октябре. Вместо этого имеется, с одной стороны, попытка изобразить отдельных товарищей с правым уклоном, а с другой стороны — самовосхваление.

Если в этой статье и есть какая-либо история, то история весьма скверная, а именно — искажение ленинского подхода к Октябрьской революции.

НЕУДАВШЕЕСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ «НЕМЕЦКОГО ОКТЯБРЯ»

„Мы наблюдали там во второй половине прошлого года классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения“.

*(Троцкий в сентябре 1924 г.
в «Уроках Октября»)*

„Если бы партия (немецкая) * объявила восстание в октябре (прошлого года) *, как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со сломанной шеей“.

*(Из проекта тезисов Троцкого
и Радека в январе 1924 г.)*

И в сентябре 1923 г., и в январе 1924 г. мне, в качестве секретаря, довелось участвовать в образованных при Исполкоме Коминтерна комиссиях по германскому вопросу; поэтому мне хорошо известно не только отношение Исполкома в целом, но и отношение отдельных руководящих товарищей Коминтерна к октябрьским событиям в Германии. Я был поэтому чрезвычайно удивлен тем освещением, которое дает этим вещам тов. Троцкий в своем предисловии к «1917» («Уроки Октября»). Ведь им-то никак нет семилетней давности —

* Уточнения в скобках О. В. Куусинена. — Ред.

совершенно непонятно, как можно так исказить столь свежие факты. Так как факты эти еще не общеизвестны, приходится картине, данной тов. Троцким, противопоставить фактическое положение вещей.

1. ОБВИНЕНИЕ

Тов. Троцкий посвятил свои «Уроки Октября» развитию и освещению следующей темы. Опыт русского Октября, как и опыт многих европейских стран и, в первую голову, опыт «несостоявшегося немецкого Октября», согласно его изображению, говорит об одном и том же. В решительный момент, накануне вооруженного восстания, некоторые руководящие товарищи из собственных рядов восстали против восстания. В России, однако, благодаря давлению, оказанному тов. Лениным, и непосредственному содействию тов. Троцкого, восстание было начато и победа одержана. Во время же «немецкого Октября» 1923 г. восстание начато не было, хотя, согласно утверждению тов. Троцкого, «все предпосылки для революции были налицо, кроме дальнорочного и решительного партийного руководства». Наличие революционной ситуации не было своевременно опознано, а также не нашлось никого, кто оказал бы давление на упирившийся ЦК. Таким образом, не произошло ни восстания, ни захвата власти. Немецкий Октябрь не состоялся. Мы наблюдали лишь «классическую демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения».

Эта драма германского Октября показывается тов. Троцким на фоне истории русского Октября. Пространно расписывается, как решительно действовал в 1917 г. сам тов. Троцкий, еще пространнее — как некоторые другие товарищи пытались проводить «линию уклонения от боя». Эти товарищи — «противники восстания» — еще за две недели до бескровной победы большевиков в Петрограде чрезвычайно переоценивали силы противника («даже Ленин считал, что у врага имеются в Петрограде серьезные силы»).

В такой же переоценке повинны были в изображении тов. Троцкого и вожди германской партии в прошлом году: «Они брали на веру все цифры вооруженных сил буржуазии, тщательно складывали их с силами рейхсвера и полиции, затем округляли сумму (до

полумиллиона и выше) и получали таким образом компактную, до зубов вооруженную массу, совершенно достаточную для того, чтобы парализовать их собственные усилия. Несомненно, силы немецкой контрреволюции были значительно сильнее, во всяком случае лучше организованы и подготовлены, чем у наших корниловцев и полукорниловцев. Но и активные силы немецкой революции иные. Пролетариат составляет подавляющее большинство населения Германии. У нас вопрос, по крайней мере в первой стадии, решался Петроградом и Москвой. В Германии восстание имело бы сразу десятки могущественных пролетарских очагов. На этом фоне вооруженные силы врага выглядели бы совсем не так грозно, как в статистических выкладках с округлением» («Уроки Октября», стр. XL).

У тов. Троцкого это — единственное место, где он упомянул о различии объективных предпосылок русского и немецкого Октября. В его изображении условия для захвата власти в Германии в 1923 г. были никак не менее благоприятны, чем в России 1917 г.: «...нельзя себе представить условий более зрелых, более подготовленных для захвата власти». Ни единым звуком, хотя бы вскользь, он не дает читателю указаний на наличие каких-нибудь, хотя бы самомалейших, оснований для отступлений в дни «немецкого Октября». Нет, нет, — восстание, по его мнению, было безусловным долгом партии в этот момент. Но, к сожалению, в немецком Октябре противники восстания оказались в состоянии «тянуть партию назад».

Так (согласно изображению тов. Троцкого) провалилась германская революция. После этого провала его виновники, разумеется, выступили со своими «тенденциозными подсчетами» «с целью оправдания политики, приведшей к провалу». И тов. Троцкий прибавляет: «Нетрудно себе представить, как писали бы историю, если бы в ЦК (русской партии большевиков) победила линия уклонения от боя. Официозные историки стали бы, конечно, изображать дело так, что восстание в октябре 1917 г. явилось бы чистейшим безумием...» (стр. XLI).

Силой драматического искусства т. Троцкого сквозь историю русского Октября перед взором зрителя встает образ главного обвиняемого за германское поражение. Правда, тов. Троцкий не называет его прямо, но его образ нетрудно распознать среди других. По всем чертам его сразу же видно, что он — не немец, безы-

менные провинившиеся немцы выступают лишь во вторых ролях. Главный обвиняемый явно ответственен и за то, что немцы вообще попали на скамью подсудимых.

— Почему он не посадил лучших людей в ЦК германской партии? Почему он не оказал надлежащего давления на руководящий персонал в Германии? Ведь это было его делом в первую очередь...

— Но разве можно было ожидать от него чего-либо другого, имея «опыт Октября»? Чего же можно в будущем ждать от него? Только самого худшего.

Суровый обвинитель с мрачнейшим видом восклицает: «Прошлогодний немецкий урок является не только серьезным напоминанием, но и грозным предостережением» (стр. XIII).

После этого предварительного предостережения напуганный читатель задается основным вопросом бытия:

— Кто же может нам в таком случае помочь?

На это высокий обвинитель прямого ответа не дает. Он погружен в глубокое размышление и говорит лишь как бы самому себе: «...не всякая партия будет располагать в соответственных условиях своим Лениным...» (стр. XLI).

— И своим *Троцким!* — напрашивается у читателя возглас.

Тут взор мрачного обвинителя проясняется. Он медленно приподнимается и возвышает свой голос.

«В последнее время,— начинает он,— нередко говорили и писали (говорили и писали) о необходимости «большевизации» Коминтерна... Что такое большевизация коммунистических партий? Это — такое их воспитание, это — такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Вот Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей» (стр. LXIV).

Так говорит тов. Троцкий в сентябре 1924 г.

2. ДВЕ РАЗЛИЧНЫХ РОЛИ

В январе 1924 г. тов. Троцкий говорил иное.

В ту пору Исполком Коминтерна, при участии руководящих германских товарищей от всех трех течений, подводил политический итог злосчастным октябрьским событиям. Правда, тов. Троцкий лично в этих заседа-

ниях не участвовал, но тов. Радек внес тезисы, составленные, согласно его официальному заявлению, «тт. Троцким, Пятаковым и мною (Радеком)». Этот проект тезисов правого меньшинства был Исполкомом Коминтерна *отвергнут* и до сих пор не опубликован.

В тезисах этих, между прочим, говорилось: «Исполком решительно отвергает требование вождей берлинской организации считать октябрьское отступление партии ничем не оправданным и даже считать его предательством. Если бы партия в октябре объявила восстание, как это предлагали берлинские товарищи, она лежала бы сейчас со свернутой шеей. В ходе отступления партия совершила крупные ошибки, служившие предметом нашей критики выше. Но самый переход в отступление соответствовал положению вещей и Исполкомом одобряется».

Итак: в январе этого года тов. Троцкий серьезно полагал, что *отступление* во время германского Октября было уместно и соответствовало положению вещей. Вожди берлинской организации «считали это отступление ничем не оправданным и даже предательством», но тов. Троцкий «решительно» восставал против такого изображения дела. Он (вместе с Радеком, Пятаковым и председателем ЦК немецкой партии Брандлером) требовал, чтобы Исполком одобрил отступление.

Как понять это?

Дабы понять это, читатель должен знать, что в октябре 1923 г. «линия уклонения от боя», предложенная правым крылом ГКП, победила в ЦК партии при прямом содействии тов. Радека. Тов. Троцкий всегда был в основном согласен с этим правым крылом ГКП (Брандлер и др.); так было и в январе — после поражения.

«Опыт европейских, прежде всего германских, боев последних лет, взятый в свете нашего собственного опыта, говорит нам, что двоякого типа вожди склонны бывают тянуть партию назад в тот именно момент, когда ей необходимо совершить величайший прыжок вперед» (LXIV). Так пишет тов. Троцкий в сентябре — в своих «Уроках Октября». При этом он основательнейшим образом клеймит эти «типы» и заявляет дальше: «В решающие моменты и тот и другой идут рука об руку, восстают против восстания» (LXIV).

В октябре 1923 г. в Германии дело действительно так и обстояло. А тов. Троцкий три месяца спустя, в январе, высказывает мнение, что «типы» действовали в

Германии совершенно *правильно*, так именно действовать и *надлежало*, это соответствовало *положению вещей* — партию *нужно было* тянуть назад. Восстание было бы чистейшим безумием, и партия только *свернула бы себе при этом шею...*

Провинившиеся «типы», разумеется, выступили в январе в Исполкоме со своими «тенденциозными подсчетами», «с целью оправдания политики, приведшей к провалу». Исполком эти подсчеты довольно резко отверг, но тов. Троцкий стал на их сторону.

До такой степени недоставало ему «смелости» еще три месяца спустя после германского Октября.

Вопреки «Урокам Октября»!..

И вопреки основному уроку всех революций мира: «Не сдрейфить в момент своего Октября».

Он сам явил миру «классическую демонстрацию того...», и т. д., и т. д.

Было это в январе текущего года. Тогда тов. Троцкий решительно выступил в роли «противника восстания», в своей, так сказать, классической роли.

В сентябре же этого года он, как мы уже знаем, выступает в совершенно иной роли. В этой последней инсценировке не найти ни малейшего следа январского «типа». Здесь все свидетельствует о героизме: ни единое слово не обнаруживает, что некогда он разыгрывал свою печальную «классическую» роль. Ни единого слова оправдания отступлению.

Нет, теперь он призывает к *восстанию* и бичует его противников.

«А самый крутой поворот — это тот, когда партия пролетариата от подготовки, от пропаганды, от организации и агитации переходит к непосредственной борьбе за власть, к вооруженному восстанию против буржуазии. Все, что в партии остается нерешительного, скептического, соглашательского, капитулянтского, меньшевистского, — поднимается против восстания, ищет для своей оппозиции теоретических формул и находит их готовыми у вчерашних противников-оппортунистов» (стр. XVI).

Итак, долой оппортунистов! Долой героев капитуляции! Долой Брандлера и его единомышленников! Многократное ура восстанию!

— Но,— может спросить вполголоса иной из слушателей,— как же тогда с *шеей*?

— Как, трусость в этом вопросе?! Ясно: основательно придется воспитывать вас, чтобы вы не дрей-

фили! Шея? Вопросаю вас, малодушных, чего стоит шея? Давно уж я слышу вашу песенку об опасности свернуть себе шею. Вы прожужжали мне этим уши еще в те времена, когда я боролся в Брест-Литовске против германского генштаба. И я ли не продемонстрировал вам тогда свою готовность поставить на карту шею революции?

Верно! Но тут-то тов. Ленин с величайшей энергией выступил против дальнейшего продолжения авантюры. И благодаря этому шея пролетарской революции осталась несвернутой.

Тов. Ленин в ту пору отечески шутливо говаривал, что газету тогдашних левых коммунистов следовало бы назвать «Шляхтич», «ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красивой позе со шпагой: „мир — это позор, война — это честь”»¹.

Таким образом, пользуясь выражением тов. Ленина, мы можем сентябрьскую роль тов. Троцкого назвать ролью шляхтича.

Какое же из двух его изображений германского Октября соответствует подлинному положению вещей? Полагаю, ни одно из них. Оба неправильны.

3. СВОЕВРЕМЕННАЯ ОЦЕНКА МОМЕНТА

В майской статье тов. Троцкого («Восток и Запад», стр. 69), упоминаемой им в «Уроках Октября», он повествует, как «некоторые товарищи» (имеется в виду, в первую голову, тов. Зиновьев) после германского поражения заявляли: «Мы переоценили положение, революция еще не созрела». Тов. Троцкий иронизирует относительно этого «мы» («мы» — Зиновьев) и заявляет: «Не в том «наша» ошибка, что «мы» переоценили условия революции, а в том, что «мы» недооценили их, не сумели своевременно понять необходимость крутого и смелого тактического поворота: от борьбы за массы к борьбе за власть».

Как обстояло дело в действительности? Действительно ли тов. Зиновьев «недооценил» условий революции и «не сумел своевременно понять необходимость крутого и смелого тактического поворота»?

Что говорят факты?

Даже в тезисах тт. Троцкого и Радека в январе 1924 г. признавалось, что «Коминтерн и ГКП с самого

начала увидели в рурской борьбе период революционного развития Германии... Воззвание лейпцигского партсъезда ГКП, постановления франкфуртской конференции, резолюции весеннего совещания делегации ГКП с Коминтерном свидетельствуют о том, что ГКП так же, как и Коминтерн, понимали, что германский пролетариат стоит у поворотного пункта, что после того, как партия, проводя тактику единого фронта и проделав длительную работу в массах социал-демократии и беспартийных рабочих, собрала вокруг себя широкие пролетарские массы,— перед нею стоит задача не только завоевать значительное большинство пролетариата, но и вести его в бой в качестве революционной партии, поставившей себе конкретную задачу завоевания политической диктатуры, как единственного выхода из положения, в котором очутился германский народ».

Это характеризовало позицию Исполкома совершенно правильно. А позиция эта в первую голову соответствовала предложениям тов. Зиновьева (и ни одного раза не расходилась с его мнением). Что же касается позиции германской партии, то гг. Радек и Троцкий ее в известной степени приукрашивают: большинство ЦК в ту пору (зимой и весной 1923 г.) лишь весьма туманно представляло себе конкретные революционные задачи, стоящие перед партией.

Значительно больше ясности было в некоторых предложениях левой оппозиции, но партия их отвергла.

Итак, оставаясь верным фактам, т. Троцкий должен был бы сказать приблизительно так: что касается Исполкома и левой оппозиции ГКП, то к ним меньше всего может относиться упрек в непонимании необходимости крутого тактического поворота, так как они действительно своевременно ее поняли и оказали давление на ГКП.

— Пожалуй,— может ответить тов. Троцкий,— но давление, оказанное в ту пору Исполкомом на германскую партию, не было «достаточным».

Такой упрек действительно содержался в январских тезисах гг. Троцкого и Радека. Но им следовало бы заявить это «своевременно» — весной или летом 1923 г. Сделай они это, Исполком, быть может, послушался бы их совета и усилил давление. В январе же 1924 г., т. е. три месяца спустя после октября, это мудрое открытие было очень дешевым и абсолютно бесполезным.

Серьезнее был другой пункт январских тезисов гг. Радека и Троцкого, подвергавший критике Испол-

ком. Они говорили, что еще на сессии расширенного пленума (в середине июня 1923 г.) вопросы рурской борьбы обсуждались «под углом зрения скорее пропаганды, чем организации непосредственной борьбы».

Задача организации непосредственной борьбы с целью захвата власти действительно в июле конкретно еще не ставилась. Это верно. «Октябрьский курс» был взят Исполкомом лишь в августе, два месяца спустя. В июне месяце положение в Германии было еще таково, что ни один здравомыслящий человек в ту пору не мог предложить считать ближайшей задачей организацию вооруженного восстания. Для принятия столь серьезного решения требуется наличие хотя бы относительно мелких симптоматических явлений, предвещающих нарастание мощного революционного вала. В июне месяце таких симптомов еще не наблюдалось.

В начале августа в Германии произошел крутой сдвиг. Общая ситуация стала революционной. Показателем тому служило широкое массовое движение, приведшее в дальнейшем к падению правительства Куно. Предвидь ГКП это движение заранее, она должна была бы еще в июле смело выступить, дабы взять инициативу, возглавить движение. На деле германский ЦК 12 июля выпустил смелую прокламацию с призывом к уличной демонстрации в антифашистский день (29 июля). Правительство демонстрацию запретило. Левая оппозиция в партии требовала «захвата улицы». Слово было за ЦК.

В ту пору тт. Зиновьев и Бухарин так же, как и тов. Троцкий, были на Кавказе. Первые два во время дискуссии по этому поводу сообщили, что они — за вышеупомянутую уличную демонстрацию. Тов. Радек и я, находившиеся в Москве, были против нее, она казалась нам бесполезным риском. Тов. Радек, как известно, часто обнаруживающий тонкое чутье там, где дело касается перемен в политической атмосфере, на этот раз не чуял приближения чего-либо крупного (тоже и я), а потому мы не видели никакого основания к несколько рискованному выступлению ГКП. Это было ошибкой с нашей стороны.

Мнение тт. Зиновьева и Бухарина было выражено в следующих словах: «Только на пути воззвания от 12 июля ГКП может стать общепризнанной в глазах всех рабочих, застрельщицей и объединительницей всего пролетариата в борьбе против фашизма. Иначе повторится печальный опыт Италии и Болгарии. Эле-

ментов, тормозящих и проявляющих благоразумие и осторожность, в германском ЦК больше, чем нужно».

Радек отвечал, что в этом форсировании борьбы в Германии он усматривает «гонку к июньскому поражению из страха перед повторением того, что произошло в Болгарии», и решительнейшим образом восстал против этого. Тов. Троцкий же сообщил, что он мнения не имеет, так как недостаточно информирован.

Обе точки зрения членов Исполкома были сообщены ЦК германской партии. Тов. Брандлер в Берлине, по всей видимости, действовал совершенно независимо от обоих мнений: иначе говоря, он, вероятно, ни на одно мгновение не брал всерьез мысли об уличной демонстрации.

Непосредственно за этим началось широкое массовое движение. Под его давлением правительство Куно 12 августа ушло в отставку. Тов. Зиновьев узнал об этом движении, еще будучи на Кавказе, из скудных сообщений РОСТА и пришел к выводу: нарастает мощный революционный вал.

Он забил тревогу.

К 15 августа у него уже были готовы важнейшие тезисы: «Положение в Германии и наши задачи». Лучше этого он едва ли писал. К сожалению, эти тезисы до сих пор не опубликованы. Красной нитью их является отчетливый *Октябрьский курс*.

Только получив с Кавказа эти тезисы Зиновьева, и мы с Радеком поняли, что... в Германии в дверь стучится революция. Таков факт.

В тезисах, между прочим, говорилось: «Кризис назревает. Близятся решающие события. В деятельности германской компартии, а стало быть, и всего Коминтерна начинается новая решающая глава. Германская компартия должна быстро и решительно ориентироваться на надвигающийся решающий революционный кризис. Кризис назревает. Ставка громадна. Близится момент, когда нужна будет смелость, смелость и еще раз смелость».

Почти одновременно с получением этих тезисов в Москву прибыли гг. Зиновьев и Бухарин. Вернулся и тов. Троцкий. Тезисы Зиновьева были признаны правильными и приняты Исполкомом. Представители германского ЦК были тотчас же приглашены в Москву. Но ЦК отвечал, что они «еще не могут» приехать. Прекраснодушные германские товарищи (не левые, те уже и тогда не были «прекраснодушными»), находясь в са-

мой гуще начавшегося революционного движения, еще не отдавали себе никакого отчета в его значении и серьезности.

Это обстоятельство служит наилучшим показателем того, с какой зоркостью тов. Зиновьев уловил смысл германского движения. Тов. же Троцкий, по-видимому, совершенно забыл об этой весьма «своевременно» сделанной оценке положения.

4. В СЕНТЯБРЬСКОЙ КОМИССИИ

Тов. Зиновьев еще в течение целых трех недель отстаивал свою точку зрения. Представители ЦК ГКП явились в Москву только в середине сентября. Им оставалось лишь признать, что ход событий за последнее время вполне оправдал поставленный Зиновьевым еще месяц назад диагноз и намеченные им революционные перспективы, хотя сами они, дескать, не сумели себе этого сразу уяснить.

Тов. Брандлер тут ударился даже в революционную фантастику. Захват власти казался ему теперь делом легким и несомненным. Он сильно преувеличил готовность к борьбе и военную подготовку ГКП и этим сильно затруднил Исполкому составление правильного представления о ближайших трудностях и запросах германского движения.

В сентябрьской комиссии Коминтерна тов. Троцкий соглашался относительно общей оценки положения с тов. Зиновьевым и другими товарищами. Зато между ними обнаружилось серьезное расхождение в вопросе о лозунге Советов рабочих депутатов. Тов. Зиновьев и другой товарищ считали необходимым не ограничиваться одной пропагандой идеи Советов, а приступить к созданию Советов в первую голову в тех районах, где условия складываются для этого наиболее благоприятно.

Тт. Троцкий и Брандлер упорно против этого выступали. Так как к их мнению присоединились и прочие германские товарищи, тт. Зиновьев и другой не сочли возможным настаивать на принятии во что бы то ни стало их предложений. Решение по этому вопросу было, таким образом, в конечном счете принято в комиссии единогласно.

Не думаю, что решение это оказалось правильным. Мне кажется, что таким образом был похоронен важнейший лозунг мобилизации и организации сил рево-

люции. Тов. Троцкий пытается в своих «Уроках Октября» защищать это решение. Его мотивировка кажется мне несостоятельной, но останавливаться подробно на этом спорном вопросе в рамках этой статьи считаю излишним, так как это отвлекло бы нас слишком в сторону. Ведь по этому пункту в основу решения было положено мнение Троцкого, а не Зиновьева. Из тогдашних статей тов. Зиновьева каждый увидит, что он вполне лояльно подчинился этому решению и в соответствующем духе писал. А потому ни один здравомыслящий человек не может утверждать, что предложение Зиновьева могло хоть сколько-нибудь способствовать *поражению* германской революции. В данном случае для нас этого достаточно.

Весьма странное и необоснованное обвинение выдвинуто против т. Зиновьева в следующих словах тов. Троцкого: «Ошибка «наша» в том, что «мы» в течение многих недель повторяли старые пошлости насчет того, что «революция не совершается в срок», и таким путем упустили все сроки» («Запад и Восток», стр. 59).

Как могло ему вообще прийти нечто подобное в голову? Где обсуждался этот вопрос «в течение многих недель»?

В комиссии не было потрачено впустую ни единого дня на обсуждение вопроса, совершается революция в срок или нет. Правда, во время обсуждения более существенных вопросов мимоходом затрагивалось и нечто в этом роде. Односторонняя ориентировка тов. Троцкого на строго календарное проведение революции почти всем присутствовавшим товарищам казалась узкоорганизационным и несколько немарксистским подходом к делу. Очень возможно, что кое-кто из товарищей это высказал вслух. Но вместе с тем казалось бесполезным основательно встряхнуть и растормошить прекраснодушных германских товарищей даже и путем, пусть весьма одностороннего, подчеркивания организационно-технических задач. Вот почему в комиссии никто во время дискуссии особенно не налегал на приватную календарную теорию тов. Троцкого.

Повторяю, на спор по этому вопросу не было потрачено ни одного дня. Следовательно, «таким путем» упустить какие-нибудь сроки было абсолютно невозможно.

Серьезные разногласия обнаружались в комиссии в связи с *«подбором руководящего персонала»*. Не в той плоскости, что тов. Троцкий хотел бы устранить из со-

става ЦК кого-либо из оппортунистических его членов. Нет, против членов ЦК, впоследствии — в октябре — уклонившихся от боя, он не имел ничего возразить. Наоборот, он хотел устранить из ЦК ГКП одну из руководящих сил левого крыла: тов. Рут Фишер. Он предложил, чтобы Исполком Коминтерна задержал ее в Москве, дабы она не могла «мешать» революционной работе брендлеровского Центрального комитета.

Тов. Зиновьев был абсолютно против этого предложения тов. Троцкого, и в конце концов с трудом ему удалось составить в комиссии незначительное большинство за отклонение этого предложения.

Уже не помню, за какое из двух предложений подавал голос я. Очень возможно, что за предложение тов. Троцкого. Во всяком случае, я еще считал тов. Брендлера стойким революционером. Я лично поэтому не имею никакого права упрекать другого товарища за то, что он сделал ошибку в вопросе о подборе лиц германского ЦК. Так как, однако, тов. Троцкий претендует быть наставником Исполкома в деле «отбора руководящего персонала», не говоря при этом ни слова о собственных ошибках, я вынужден заявить: нет, в этом направлении тов. Троцкий подал нам не совсем хороший пример.

Тов. Троцкий отчасти преувеличивает значение отбора членов центральных комитетов. Но, невзирая на это преувеличение, мы могли бы согласиться, когда он относительно германского ЦК говорит: «Игнорировать такие уроки (как уроки прошлого года.— О. К.), не делать из них необходимого вывода в смысле отбора людей — значит идти навстречу неминуемым поражениям...» (стр. LXIII). Просим, однако, при этом не упускать из виду действительно поучительного эпизода относительно Рут Фишер в сентябрьской комиссии.

В остальных, отчасти очень важных практических вопросах в комиссии не было разногласий.

Братские партии важнейших соседних стран были Исполкомом мобилизованы и, поскольку возможно, ориентированы на перспективу германской революции.

5. НЕМЕЦКИЙ ОКТЯБРЬ, КАК ОН БЫЛ

События в Германии разворачивались не в соответствии с нашими желаниями. Произошло крупное пора-

жение революционного пролетариата. Причины тому заключаются частью в объективных трудностях, частью — в плохом руководстве партией.

Нельзя сказать, чтобы оценка положения, данная Исполкомом в августе и сентябре, по существу была неправильной. Ничего подобного. Возможность победы действительно была налицо. Эту возможность, правда, несколько переоценивали (в сентябре, а не в августе). Отлив девятого вала стихийного массового движения наступил раньше, чем мы это предполагали. Социал-демократия оказалась в некоторых отношениях более сильным оплотом капитализма, чем об этом можно было судить со слов германских товарищей. Собственные силы были представителями ГКП в германской комиссии переоценены.

Конечно, фантастическим преувеличением является то, что пишет тов. Троцкий в «Востоке и Западе» (стр. 129): «В смысле всех предпосылок революции мы имели наиболее благоприятную обстановку, какую только можно себе представить». Нет, в сентябре положение не представлялось нам столь преувеличенно благоприятным. Тов. Троцкий в своей победоносной самоуверенности упускает из виду величайшие различия в объективных предпосылках германской революции 1923 г. и российской 1917 г. в той мере, в какой они были благоприятнее для победы русской революции, как, например, наличие вооруженной многомиллионной армии, которая в своем подавляющем большинстве была осенью 1917 г. за пролетарскую революцию. Ничего подобного не имелось в Германии в 1923 г., а тов. Троцкий такие «мелочи» совершенно упускает из виду в своем изображении истории.

Но и в Германии в общем ситуация не была неблагоприятной. Положение было таково, что тов. Зиновьев на V Всемирном конгрессе, когда вся картина событий уже достаточно выяснилась, мог с полным правом сказать: «Если суждено повториться революционной ситуации, каковая была в октябре 1923 г., мы еще раз будем настаивать на открытом признании того факта, что революция стучится в дверь... Повторяю: если подобная ситуация еще раз наступит, мы проверим цифры, лучше подсчитаем свои силы, но и на этот раз все поставим на карту революции».

Существовавшая возможность одержать победу в октябре не была использована германской партией.

Партия готовилась к бою, но боя не приняла. Это было для нас величайшим разочарованием.

Вина за это падает в первую голову на брендлеровский ЦК. Брендлер утверждал, что, благодаря наличию невероятных трудностей, отступление являлось неизбежным. К этому утверждению, как мы уже видели, присоединился в январе и тов. Троцкий. И ряд других товарищей, в том числе и тов. Зиновьев (а также и пишущий эти строки), опираясь на полученную главным образом через Радека и ЦК германской партии информацию, вначале, в ноябре и декабре, держались того же мнения. Оно было отчасти поколеблено во время январского совещания, благодаря новой информации, исходившей от левых. Исполком не мог, положа руку на сердце, в своей резолюции сказать, было ли отступление действительно неизбежным или нет. Он отклонил требование правых (Радек, Троцкий, Брендлер и др.) «одобрить» отступление.

То или иное решение этого исторического вопроса в ту пору уже не могло иметь актуального политического значения. Ведь — совершенно независимо от того или иного ответа на этот вопрос — руководство партией в октябре заслуживало самого сурового осуждения. Необходимость отступления, если таковая и существовала, не могла служить оправданием полнейшей несостоятельности, обнаруженной ЦК КПГ.

В классовой войне, как и в любой другой, обстановка борьбы обуславливает те или иные формы и цели стратегии; и наступление, а при случае и отступление, определяется условиями борьбы. Но никакие, даже самые неблагоприятные, условия борьбы не могут служить в революции оправданием пассивности. Капитуляция не есть форма борьбы. Она — отказ от борьбы.

На V Всемирном конгрессе тов. Зиновьев, между прочим, сказал: «Мы ведь и Брендлера не упрекаем в том, что он не победил. Нет, мы знаем, что в борьбе зачастую приходится терпеть поражение. Мы бросаем ему другой упрек. Мы не говорим: почему ты не победил, а говорим: почему ты не боролся, почему ты не сделал все, чтобы победить?»

Германский ЦК провел не борьбу, а капитуляцию без борьбы. По существу говоря, он вел себя ничем не лучше вождей «левой» социал-демократии, которые тоже при случае обещают бороться, но никогда в борьбу не ввязываются.

В основе действий Брендлера и др. не было, разу-

меется, сознательного, т. е. предательского, расчета. Нет. Если бы то, что говорит т. Троцкий теперь (о якобы блестящих предпосылках для победы и об абсолютной недопустимости отступления), было правильно, то теперь надлежало бы сказать: Брандлер и все, кто с ним,— предатели. На деле же это обстоит не так. Они, бесспорно, коммунисты, но коммунисты, совершившие целый ряд тяжких оппортунистических ошибок. Они собирались бороться, но затем (пользуясь излюбленным выражением тов. Троцкого) «сдрейфили». Они в Саксонии разыгрывали из себя министров вместо того, чтобы вывести массы на улицу. Они «готовили самих себя» к революции, но не сделали ничего для развязывания революционных сил в массах. Наоборот, они даже дали прямую директиву приостановить все массовые выступления «впредь до решительного боя». Эта директива всюду (за исключением Гамбурга) была выполнена хорошо. И ничего больше.

Таким образом, опасения и предостережения тов. Зиновьева летом прошлого года относительно повторения болгарских событий в Германии были небезосновательны. В своих августовских тезисах он даже предостерегал как раз от той ошибки, которая имела в октябре наиболее роковые последствия. «Держать порох сухим,— писал он тогда,— вплоть до решающего боя нам невозможно... Было доктринерством в теории и громадной политической ошибкой на практике откладывать какое бы то ни было выступление до решающего боя».

Такова, таким образом, была инструкция, данная тов. Зиновьевым уже с самого начала.

Но германский ЦК поступил как раз наоборот, он совершил ту именно «громадную политическую ошибку», от которой недвусмысленно и настойчиво предостерегал его Исполком.

6. КОГДА ЛЕВАЯ РУКА НЕ ВЕДАЕТ, ЧТО ТВОРИТ ПРАВАЯ

Понятно, что после столь тяжкого опыта состав ЦК ГКП подвергся радикальной смене. В январе Исполком решительно провел его обновление. Правое крыло ЦК было отсечено.

Позднее, в мае, тов. Троцкий писал: «То обстоятельство, что германская коммунистическая партия ра-

дикально обновила свои руководящие органы,— в порядке вещей». Принимаем это запоздалое признание к сведению. Но лучше было бы, если бы тов. Троцкий поддержал это обновление еще в январе. А он тогда был против него. В уже упомянутом проекте тезисов тт. Троцкого и Радека говорится, что «требование смещения ЦК» означает «панику, грозящую самому существованию партии».

Итак, вплоть до последнего момента тов. Троцкий поддерживал германскую правую, тогда как Исполком и в первую голову тов. Зиновьев против нее боролись. Пример тому мы наблюдали уже и в сентябрьской комиссии в случае с Рут Фишер. И так он поступал вообще.

А между тем от его «Уроков Октября» у читателя составит обратное впечатление. Так, например, он пишет о значении отбора «руководящего персонала» следующее: «Об этом вопиет опыт несостоявшегося немецкого Октября. Но отбор этот должен происходить под углом зрения революционного действия. Германия дала за эти годы достаточно случаев проверки руководящих членов партии в моменты непосредственной борьбы» (стр. LXIII).

Это верно, и именно поэтому из германского ЦК неоднократно удалялись правые вожди (Леви, Фрисланд, Гайер и др.), впоследствии оказавшиеся ренегатами. С другой стороны, Исполком неоднократно вводил в состав ЦК партии представителей левой. Но ни то, ни другое ни разу не произошло по инициативе тов. Троцкого. Инициатива обычно принадлежала тов. Зиновьеву и зачастую наталкивалась на противодействие тов. Троцкого.

Это — не случайное явление. При обсуждении русской дискуссии в секциях Коминтерна обнаружилось, что сторонники политики тов. Троцкого, правда немногочисленные, обычно выделяются крайне правым крылом партии. И это тоже нельзя считать простой случайностью.

Нет надобности останавливаться здесь специально на русских или на несколько отошедших в прошлое международных вопросах. Стоит лишь указать на последние набросанные Троцким перспективы международного положения. Вопреки всем фактам текущего момента, доказывающим противоположное, он все еще твердит о продолжительной (разумеется, не длящейся вечно, но захватывающей относительно долгий пери-

од) «эре» пацифизма и демократии. Это свидетельствует о том, как сильно в нем влияние тяги к уклону вправо. Совсем подобно влиянию магнитной «аномалии», настойчиво дающей стрелке компаса «новый курс».

Но это еще не вся правда; это, так сказать, лишь одна сторона медали. Ничего не поймет в Троцком тот, кто увидит в нем лишь обыкновенного, заурядного оппортуниста.

Тов. Троцкий — человек не однорукий: есть у него и шуйца, и десница. Мы уже видели его в двух ролях при изображении «немецкого Октября»: в роли «классической» и в роли «шляхтича».

И это — не случайность у т. Троцкого, а общее правило. В своей политике он всегда представляет, так сказать, два различных «типа». Один — с уклоном вправо, другой — влево. У поверхностного наблюдателя при этом может сложиться впечатление, будто здесь происходит постоянное шатание от одного типа к другому, своего рода «перманентная революция». Но так только кажется. Тов. Троцкий не из легкошатающихся. Курс у него обычно определенный, но неверный.

Дело у него обстоит так: *действует* он с уклонами вправо, изображает же дело в левых, очень левых тонах. Правый тип — человек дела, мало говорит, мало публикует и делает дело. Левый же — падок на публичные выступления, говорит много, делает мало, дело... изображает. *Но изображает его совсем иначе, чем правый делает.* Как в библии сказано: левая рука не ведает, что творит правая.

Сложным это явление кажется лишь на первый взгляд. В действительности оно легко объяснимо: нечто подобное — в меньшем масштабе — часто наблюдается в природе. Представим себе, например, очень большой компас. Укрепим на тупом (южном) конце магнитной иглы флажок или знамя. Там, где земной магнетизм особенно силен (магнитная аномалия), мы сможем наблюдать следующее явление: острие магнитной иглы отклоняется от правильного направления в одну сторону, а знамя одновременно с этим и в той же мере отклоняется в противоположную. Стоит острию отклониться вправо, как знамя на столько же отклонится влево. Будем ли мы свой курс определять по направлению острия магнитной иглы или по направлению, к которому зовет знамя, мы и в том и другом случаях заблудимся. Вот почему опытному мореплавателю важно всегда тщательно учитывать коэффициент отклоне-

ния магнитной иглы и исправлять ошибку, дабы держаться правильного курса. Еще важнее это в политике.

Тов. Троцкий не просто заурядный оппортунист. Он обладает тонким эстетическим чутьем. Он чувствует эстетическую неудовлетворенность неприглядностью внешней формы оппортунистической политики; ему больше по вкусу внешние формы политики, сколь можно более левой. В искусстве это хорошо и прекрасно, а в библии даже восхваляется как добродетель, но в политике всякое противоречие между формой и содержанием, между изображением и действительностью, между теорией и практикой приносит лишь вред.

Всего яснее это выявляется на рассмотренном нами примере Германии. Тов. Троцкий говорит в своих «Уроках Октября», что германским событиям прошлого года «никакого другого объяснения никто другой не пытался представить», чем то, которое он дал в схеме, набросанной в его статье от мая, и в его речи, произнесенной в июне текущего года.

Извините, но здесь — ошибка. Исполком Коминтерна пытался это сделать. Пыталась и германская партия. Был опубликован целый ряд статей. В различных странах это породило массу речей и резолюций. Исполком Коминтерна выпустил даже специальную книжку об этом — «Уроки германских событий».

Жаль, что тов. Троцкий совершенно не дал себе труда ознакомиться хотя бы с частью этих работ и накопившегося обильного фактического материала раньше, чем начать создавать свою новую схему. Поэтому-то все дело им и изображено в таком поразительно искаженном виде. В мае месяце он уже совершенно позабыл действительность прошлого года (да и января 1924-го). Очевидно, под свежим впечатлением сравнительно благоприятных для ГКП результатов парламентских выборов ситуация прошлого года стала казаться ему превосходной, блестящей. И он расфантажировался вовсю.

Из этого могло бы возникнуть безобидное произведение искусства, дающее даже некоторый пропагандистский эффект, не вплети он сюда *злой тенденции*. Именно эта тенденция заставила меня разрушить его искусное построение. Искусство и творческую силу тов. Троцкого я ценю высоко — в истории мало людей подобной силы. Я имею, разумеется, в виду искусство в широчайшем значении этого слова. Искусство воору-

женного восстания — среди прочего — его специальность. Недавно, например, он в области углубления этого искусства проявил ценную, чрезвычайно важную для всех компартий инициативу.

Но он — не мастер в области тактической и стратегической математики *ленинизма*. Здесь прочно сидит в седле ЦК РКП, а не он. Он зачастую берет положение удивительно односторонне. В политике он часто дает сбивать себя с пути чувству и форме, например, личным симпатиям и антипатиям, чего никогда не случилось с Лениным и не должно бы случиться ни с одним из вождей партии Ленина.

Так и в рассматриваемом случае тов. Троцкий сбился в сторону чудовищной попытки, взяв за опорный пункт октябрьское поражение в Германии, разнести председателя Коминтерна.

Вот злая тенденция даваемого им изображения истории. Он, правда, утверждает, что о такой тенденции не ведает, но каждый день видит ее насквозь. Выглядит это не совсем «эстетично». Троцкий говорит сам: «Это было бы слишком мизерно». Да, это мизерно и фальшиво.

От этой тенденции ему следовало бы отказаться.

Ведь это — не только лично заостренная, но и политически вредная правая тенденция. В лице тов. Зиновьева он косвенным образом обрушивается на руководство Коммунистического Интернационала и линию его Исполкома.

Эта фланговая атака справа заранее обречена на полную неудачу. Ибо линия Исполкома была и есть правильна. Курс же самого тов. Троцкого был и есть таков, что не дает ему никакого права претендовать на роль непогрешимого суперарбитра.

Что и было доказано.

7. ДВА СЛОВА О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ФИНЛЯНДИИ

В заключение — пара замечаний по поводу финского примера.

Вот что говорит в своем предисловии тов. Троцкий: «В 1917 г. мы видели это на примере Финляндии. Революционное движение развивалось там в исключительно благоприятных условиях, под прикрытием и при

прямой военной поддержке революционной России. Но финская партия оказалась в руководящем большинстве своем социал-демократией и провалила революцию» (стр. LX).

Отчасти — только отчасти — это неправильно.

В 1917 г., во время всеобщей стачки в ноябре месяце, мы действительно упустили благоприятную революционную ситуацию, во-первых, потому, что мы были в ту пору с.-д., а во-вторых, потому, что у нас почти совершенно не было оружия. Неправда, что наше революционное движение пользовалось в то время прикрытием и прямой военной поддержкой революционной России. Наша всеобщая стачка разыгралась как раз в те дни, когда в Москве еще шли уличные бои за власть. Красный Петроград в ту пору не мог еще оказать нам поддержки. Что касается находившегося в Финляндии русского гарнизона и флота, то, правда, значительная часть их (не все целиком) была настроена к нам дружелюбно, но до такой степени устала от войны, что на активную поддержку с их стороны — особенно в чужой стране — рассчитывать не приходилось.

«Сдрейфили», — может сказать т. Троцкий, и мы не будем протестовать. Впрочем, мы сами это уже говорили в 1918 г., подвергнув себя строгой самокритике.

Но кое-чему мы тогда научились, и довольно-таки быстро: два месяца спустя мы начали борьбу (в январе 1918 г.). На этот раз революционная Россия действительно служила для нас прикрытием и оказывала военную поддержку. Но в марте в Финляндию прибыл на помощь белогвардейцам германский десант, и это решило участь борьбы: против регулярных германских войск наш рабочий фронт держаться не мог.

В этом кроется решающая причина нашего поражения. Вторая причина заключалась несомненно в том, что мы сами боролись не так хорошо, как следовало бы. В ту пору мы еще были не коммунистами, а социал-демократами, и у нас почти совершенно отсутствовал большевистский опыт. Но худо ли, хорошо ли, а *партия наша в ту пору боролась.*

Вот почему пусть германские товарищи не считают самовосхвалением то, что я порицал их за капитуляцию без боя, состоявшуюся после *шести лет* русской революции и *четырех с половиной лет* большевистского руководства Коминтерна.

Мы, финские коммунисты, не имеем никаких при-

чин для самовосхваления; но не имеем и причин бояться «октябрьского» пороха и дыма.

Забыл упомянуть еще и *третью* причину поражения нашей революции в 1918 г.: известный театральный жест тов. Троцкого при первых мирных переговорах с представителями германского правительства в Брест-Литовске (в январе и феврале). Тогдашние условия мира, предлагаемые германским правительством, были не только для Советской России, но и для нашего финского рабочего правительства гораздо более благоприятными, чем продиктованные впоследствии. Накануне последней поездки тов. Троцкого в Брест-Литовск (в конце января) тов. Ленин указал, что в момент предъявления немцами ультиматума он должен немедленно подписать мирный договор. И тов. Зиновьев, по собственному свидетельству тов. Троцкого, говорил, что «оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас»² (Протоколы VII съезда РКП, стр. 79).

Будь в ту пору заключен мир Советской России с Германией, германское правительство, по всей вероятности, и не ввело бы своих войск в Финляндию. К такому выводу мы приходим на основании ряда опубликованных после войны мемуаров германских военачальников.

Но т. Троцкий отверг (19 февраля) предлагаемые немцами условия мира. Был упущен драгоценный месяц для заключения мирного договора, а в течение этого месяца Советская Россия отдала немцам Ревель и другие города, в наш же тыл в Финляндии в это время ударил германский десант.

Эх, если бы Ленин сумел своевременно оказать надлежащее давление!

КАК ПОДХОДИТЬ К ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ!

Число исторических работ, воспоминаний, сборников, документов, посвященных 1917 году и Октябрьскому перевороту, быстро растет. Тем не менее и 1917 год и Октябрь еще ждут своего историка. Нельзя не согласиться с т. Троцким в том, что «до сих пор еще у нас нет ни одной работы, которая давала бы общую картину Октябрьского переворота, выделяя его важнейшие политические и организационные моменты» («Уроки Октября», вводная статья в недавно вышедшем III томе сочинений). Нельзя не согласиться с т. Троцким, что нужно усилить изучение Октября. Но никак нельзя согласиться с теми методами «изучения Октября», которые применяет т. Троцкий, равно как и с выводами, которые он извлекает из этого изучения. Именно потому, что история подготовки Октября и история Октябрьского переворота существуют только в фрагментах, что документы не собраны, не систематизированы, что ряд важнейших фактов вообще не зафиксирован документально, всякий пишущий о событиях 1917 г., если для него имеет цену близость к исторической правде, если он сознает ответственность перед иным верящим ему на слово читателем, обязан с величайшей тщательностью собирать и проверять факты, на которых он строит свои обобщения.

История Октября написана т. Троцким не в этом стиле, и этого нельзя не поставить ему в укор. В са-

мом деле, взяв с определенным «умыслом» стержнем своей работы разногласия в руководящей верхушке большевиков в 1917 г., он сбивается (несмотря на повторные, очень декоративные, но тем менее убедительные оговорки о «мизерности» попыток делать из октябрьских ошибок некоторых большевиков орудие борьбы против них теперь) с позиции якобы объективного «летописца» и «педагога» на позицию пристрастного прокурора, по заданию лихо сочиняющего обвинительный акт, на позицию «разоблачителя», подходящего к истории партии «со стороны».

Но от этого прокурорски разоблачительного подхода безнадежно пострадали методы «изучения» Октября, ибо прокурор неизбежно сбивается на доказательство при помощи чтения в сердцах косвенных улик, ссылок на «благонадежных», но уже не могущих взять слово свидетелей и т. п., т. е. прибегает к способам не столько выясняющим, сколько запутывающим дело.

Начнем с примера, имеющего значение второстепенное, но тем не менее рельефно показывающего, как т. Троцкий «переворачивает» историю Октябрьского переворота. Этот пример — история апрельской демонстрации.

«Речь Ленина на Финляндском вокзале о социалистическом характере русской революции произвела на многих руководителей партии впечатление взорвавшейся бомбы. Полемика между Лениным и сторонниками «завершения демократической революции» началась с первого же дня. Предметом острого столкновения явилась вооруженная апрельская демонстрация, в которой раздался лозунг «Долой Временное правительство!». Это обстоятельство дало повод отдельным представителям правого крыла обвинить Ленина в бланкизме: низвержение Временного правительства, поддерживавшегося в тот период советским большинством, могло-де быть достигнуто только в обход большинства трудящихся. Формально упрек мог казаться не лишенным убедительности, но по существу в ленинской апрельской политике не было и тени бланкизма... Апрельская манифестация, взявшая «левее», чем полагалось, была разведывательной вылазкой для проверки настроения масс и взаимоотношения между ними и советским большинством... Ленин, проделав разведку, снял лозунг немедленного низвержения Временного правительства...»

Так пишет т. Троцкий. В его изложении: 1) вооруженная апрельская демонстрация является предметом

острого столкновения Ленина со многими руководителями партии; 2) Ленин был за вооруженную апрельскую демонстрацию, бравшую «левее» под лозунгом «долой Временное правительство», как за разведку, после которой снял этот лозунг; 3) позиция Ленина по отношению к апрельской демонстрации дала повод к обвинениям его «правым крылом» в бланкизме.

Заглянем в документы. Вот статья Ленина в «Правде» от 23 апреля — «Уроки кризиса». Ленин заканчивает статью так: «Урок ясен, товарищи-рабочие! Время не ждет. За первым кризисом последуют другие. Все силы отдайте делу просвещения отсталых... Все силы на собственное сплочение... Не давайте сбить себя ни мелкобуржуазным «соглашателям» с капиталистами, оборонцам, сторонникам «поддержки», ни одиночкам, склонным торопиться и, раньше прочного сплочения большинства народа, восклицать «долой Временное правительство!». Кризиса нельзя изжить насильем отдельных лиц над другими, частичными выступлениями маленьких групп вооруженных людей, бланкистскими попытками «захвата власти», «ареста» Временного правительства и т. д. (Курсив наш.— Г. С.) Лозунг дня: разъясняйте точнее, яснее, шире линию пролетариата, его путь к окончанию войны... Сплачивайтесь вокруг своих Советов; внутри их товарищеским убеждением и перевыбором отдельных членов старайтесь сплотить вокруг себя большинство!»¹

В том же номере «Правды», в статье «Как запутывают ясный вопрос», Ленин, высмеивая искажение банковской газетой «День» истинной позиции большевиков, пишет: «...попытка взять власть была бы авантюрой, или бланкизмом («Правда» особо, специально, точно, ясно, недвусмысленно предостерегала против этого), пока нет поддержки большинства народа. В России теперь такая свобода, что волю большинства можно определять составом Советов рабочих и солдатских депутатов; значит, чтобы серьезно, не по-бланкистски идти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри Советов»².

Наконец, 25 апреля Ленин выступает со статьей «Неумное злорадство».

«Рабочая Газета» (меньшевистская.— Г. С.),— пишет он,— злорадствует и пляшет по поводу последней резолюции ЦК (содержание резолюции совпадает с содержанием цитированной статьи Ленина — «Уроки кризиса». — Г. С.), обнаружившей (в связи, между прочим,

с напечатанным уже заявлением представителей большевистской фракции Совета) * известные несогласия внутри нашей партии. Пусть злорадствуют и пляшут меньшевики. Нас это не смутит... Удивительно ли³, что люди без организации, без партии с легким сердцем пляшут и играют по поводу обнаруженного недостатка в чужой организации. Нам нечего бояться правды.. Кризис обнаружил очень слабые попытки взять «чутьочку полевее» нашего ЦК. Наш ЦК не согласился, и мы ни на минуту не сомневаемся, что согласие в нашей партии уже восстанавливается⁴, и притом добровольное, сознательное, самое полное»⁵.

Итак, Ленин в апреле: 1) против одиночек, склонных торопиться и восклицать «долой Временное правительство» раньше прочного сплочения большинства народа; 2) против бланкистских попыток и частичных выступлений маленьких групп вооруженных людей; 3) осуждает очень слабые попытки взять «чутьочку левее» ЦК, а раздувание меньшевиками этого очень слабого несогласия внутри нашей партии клеймит как «неумное злорадство».

Но с кем же было раздутое т. Троцким загадочное «острое столкновение» по поводу апрельской демонстрации? Оно было, вопреки т. Троцкому, не с «правым крылом» руководителей партии, а с небольшой группой питерских работников, во главе с тогдашним секре-

* Это заявление, равно как и примечание к нему редакции, были напечатаны в «Правде», № 39. Приводим их полностью:

ВНИМАНИЮ ТОВАРИЩЕЙ!

Товарищи Лангевич (Лашевич? — Г. С.), Крымов и Маврин, уполномоченные большевистской фракции Сов. раб. и солд. деп, просят нас заявить, что подавляющее большинство рабочих, участвовавших в манифестациях 20 и 21 апреля и несших плакаты: «Долой Временное правительство!», понимали этот лозунг исключительно в том смысле, что вся власть должна перейти к Советам и что рабочие хотят взять власть, лишь завоевав большинство в Советах раб. и солд. деп. Данный состав Совета выражает не вполне точно волю большинства рабочих и солдатских масс. Поэтому фракция большевиков считает резолюцию ЦК от 22 апреля неточно характеризующей положение дела в данный момент.

От редакции [«Правды»]. Само собой разумеется, что вовсе не против организаторов массовых демонстраций направлена резолюция ЦК и что при таком понимании указанного лозунга исключена всякая мысль о легкомыслии или авантюризме. Во всяком случае громадной заслугой названных товарищей, как представителей организаторов манифестаций, является мирный и внушительный массовый характер их. Они единственно организовали достойный отпор буржуазии, демонстрировавшей в пользу *своего* Временного правительства⁶.

тарем ЦК тов. Багдатьяевым. Эти товарищи взяли «точку полее» ЦК, и именно их осуждали и резолюция ЦК, и статья Ленина, отвергшая их выступление, как бланкистскую попытку «захвата власти», «ареста» Временного правительства и т. д.

Итак, т. Троцкий, претендующий на «глубокий» анализ, спутал все: 1) апрельская демонстрация не была предметом ни острого, ни какого-либо иного столкновения между Лениным и другими членами ЦК; 2) Ленин не был за направление демонстрации левее линии ЦК; 3) не Ленин был по случаю апрельской демонстрации обвинен «правым крылом» в бланкизме, а Ленин, в связи с ошибками маленькой группки при проведении апрельской демонстрации, выступил против бланкистской тактики (прения на Апрельской конференции ничего не меняют в этой картине). Как могла приключиться такая ошибка у тов. Троцкого, ошибка, соответствующая «истории», как она писалась газетой «День» и как она записана меньшевиком Сухановым, но стоящая в противоречии с действительной историей нашей партии? Именно потому, что он увлекается прокурорскими методами доказательства для заранее поставленной цели, что, вместо точного анализа разногласий, колебаний, ошибок, вместо установления их подлинных пределов, изображения их в исторической связи с развитием ленинской линии, как отклонений в ту или другую сторону, но отклонений, тем или другим концом всегда примыкающих, при всей остроте расхождения, к основному стержню большевизма, он пытается изобразить историю большевизма перед Октябрем как борьбу двух партий, борющихся внутри одной партии.

Именно поэтому тов. Троцкому, вопреки истории, и приходится утверждать, что «расстановка фигур» при Октябрьском восстании была за несколько месяцев до того дана «расстановкой фигур» во время апрельского похода т. Багдатьяева и «индивидуалиста» Линде⁷ на Марининский дворец. Тов. Троцкому до зарезу нужно показать всю «закономерность» разногласий, имевших место в Октябре. Именно поэтому у него «апрель» предвосхищает «Октябрь». В этой ошибке тов. Троцкого — и это особенно важно — полностью отразились все специфические черты его «исследования»: очень плохая осведомленность, очень большое «злорадство» и поход враждебно настроенного «разоблачителя».

Обратимся теперь к периоду сентябрь — октябрь. Излагая позицию Ленина и позицию ЦК партии со вре-

мени Демократического совещания по день восстания, т. Троцкий «искусно» делит имевшие место расхождения между ЦК и Лениным на две категории: 1) те, где тов. Троцкий разделял предложения Ленина,— в этих случаях, по нынешнему изложению тов. Троцкого, ЦК уклонялся на позицию правого крыла и впадал в «социал-демократизм»; 2) те, где тов. Троцкий разделял позицию ЦК и расходился с Лениным,— в этих случаях тов. Троцкий готов «оправдать» ЦК. Так, по поводу опротестования Петроградским Советом приказа Керенского о выводе части гарнизона на фронт тов. Троцкий замечает: «Ленин, находившийся вне Петрограда, не оценил этот факт во всем его значении». И там же: «Он (Ленин.— Г. С.) не имел возможности из своего подполья оценить тот коренной перелом уже не в настроениях только, но и в организационных связях, во всей военной субординации и иерархии, после «тихого» восстания столичного гарнизона к середине Октября...»

Искусное маневрирование разногласиями между ЦК и Лениным,— причем дело представляется так, что ЦК прав тогда, когда согласен с тов. Троцким, а Ленин не прав тогда, когда не согласен с тов. Троцким,— имеет в виду представить ЦК партии перед Октябрем как учреждение, находящееся в плену у правого крыла и «принимающее» восстание только после «настойчивого, неутомимого, непрерывного напора» Ленина⁸. Это не изложение, а искажение истории Октября. Конечно, «настойчивый, неутомимый, непрерывный напор Ленина на Центральный Комитет в течение сентября — октября» напрягал энергию ЦК, ни на минуту не позволял забыть о задаче восстания, буквально электризовал ЦК и организации партии. Так именно действовал и не мог не действовать Ленин. Но ЦК, как непосредственный организатор восстания, ни на минуту не расходясь с боевыми директивами Ленина, должен был в то же время, точно оценивая ситуацию, выбирать формы, место, сроки восстания, обеспечивающего его победу. И участие в Демократическом совещании, и участие в Предпарламенте были проведены в значительной мере благодаря предостережениям Ленина против опасных уклонов так, что не дали тех отрицательных результатов, которые, конечно, были возможны и которых справедливо опасался Ленин, а позволили большевикам политически и организационно придвинуться к восстанию. Именно историк теперь может сказать это спокойно и беспристрастно.

По поводу Демократического совещания Ленин в статье «О героях подлога», напечатанной в «Рабочем пути» 24 сентября, писал: «И участие большевиков в этом гнусном подлоге, в этой комедии имело исключительно такое же оправдание, как участие наше в III Думе: и в «хлеву» надо отстаивать наше дело, и из «хлева» давать разоблачающий материал в поучение народу»⁹. Иначе оценивает он участие в письме, датированном 22 сентября¹⁰, но написанном, по-видимому, позднее статьи: «Надо было бойкотировать Демократическое совещание, *мы все ошиблись, не сделав этого, ошибка в фальшь не становится*¹¹. *Ошибку мы поправим, было бы искреннее желание стать за революционную борьбу масс...*»¹² (курсив наш).

Таковы были два варианта Ленина по поводу участия в Демократическом совещании. Это не мешает бесцеремонному автору примечаний к книге т. Троцкого утверждать: «Ленин в разногласиях по вопросу об участии в Демократическом совещании и бойкоте Предпарламента самым категорическим образом поддерживал бойкотистов». Послушайте, тов. примечатель: можно... «примечать», но все же надо знать и меру! И за такие-то «примечания» берет на себя ответственность т. Троцкий! Под таким «соусом» подается история Октября! Впрочем, все это неудивительно, поскольку сам т. Троцкий взял совершенно ложный, *неленинский* тон по вопросу об октябрьских ошибках нескольких большевиков.

Но если участие в Демократическом совещании и Предпарламенте вызывало осуждение со стороны Ленина, то еще более резко характеризовал он политику ЦК с конца сентября до дня восстания — связывание восстания с созывом съезда Советов, что представлялось ему политикой ненужных «оттяжек». Тов. Троцкий приводит эти отзывы Ленина: «...у нас в ЦК и в верхах партии,— пишет Ленин 29 сентября,— есть течение или мнение за *ожидание* съезда Советов, *против* немедленного взятия власти, *против* немедленного восстания. *Надо побороть* это течение или мнение»¹³.

В начале октября Ленин пишет: «*Медлить — преступление, ждать съезда Советов — ребяческая*¹⁴ *игра в формальность, вздорная*¹⁵ *игра в формальность, предательство революции*»¹⁶ (курсив наш). В тезисах для Петербургской конференции 8 октября Ленин говорит: «Надо бороться с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд Советов...»¹⁷

Что же говорит т. Троцкий по поводу *такой* характеристики Лениным подготовки съезда Советов? Тов. Троцкий, с таким «злорадством» ловящий всякое гневное замечание Ленина, брошенное по адресу того или иного большевика, «наивно» игнорирующий в этих случаях тактический умысел Ленина, который скрыт за тем или иным выражением, и сознательный «перегиб палки», если он может раздуть его в указание на «кризис партии», как он оценивает тут ленинскую оценку, попадающую в план ЦК, с которым был согласен и тов. Троцкий? Тов. Троцкий на этот раз не принимается за вдохновенные доказательства того, что «предательство революции» и «конституционные иллюзии» ведут прямо к буржуазному парламентаризму и т. п. Тов. Троцкий не спешит, ухватившись крючкотворски за буквальный смысл ленинской фразы, «записаться» сам в социал-демократы: обвинения, попадающие в *него* самого, он расценивает уже *не как злопыхательствующий разоблачитель, а как политик*. В других случаях он находит этот метод «излишним». Он начинает со скромного замечания: «Все письма, где каждая фраза ковалась на наковальне революции, представляют исключительный интерес и для характеристики Ленина, и для оценки момента». После чего основательно доказывает, что конкретный план восстания, проводившийся ЦК, был далеко не плох. Впрочем, тов. Троцкий несомненно впадает в преувеличение, когда изображает гибельные последствия, которые мог бы иметь план начала восстания в Москве, о котором говаривал Ленин. Напрасно, совершенно напрасно тов. Троцкий изображает дело так, как будто *Ленин чуть не погубил успех восстания* неудачным планом назначения начала восстания в Москве! К чему это? Вряд ли имеет смысл гадать теперь о том, как вел бы подготовку восстания Ленин, если бы не должен был скрываться от ищеек Керенского. Вряд ли имеет смысл разбирать теперь вопрос о том, могло ли восстание успешно быть проведено месяцем раньше.

И опять-таки т. Троцкий неточно передает ленинскую постановку вопроса о сроках восстания. Тов. Троцкий пишет: «В сентябре, в дни Демократического совещания, Ленин требовал непосредственного перехода к восстанию». Нет. Ленин гораздо осторожнее формулировал свое «требование». Как, в самом деле, заканчивает Ленин знаменитый абзац об окружении Александринки, занятии Петропавловки, аресте гене-

рального штаба и правительства и т. д. в письме к ЦК, писанном в дни Демократического совещания? Предлагал ли он в самом деле немедленный захват Александринки и т. д.? Ленин заканчивает свою «деловую программу» восстания следующей фразой: «Это все примерно, конечно, лишь для *иллюстрации* того, что нельзя в переживаемый момент остаться верным марксизму, остаться верным революции, *не относясь к восстанию, как к искусству*»¹⁸. В другом письме в ЦК, писанном в те же дни, Ленин говорит уже вполне ясно: «Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» в его узком смысле. Это решит лишь общий голос тех, кто *соприкасается* с рабочими и солдатами, с *массами*... Вопрос о том, чтобы задачу сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, как агитировать за это, не выражаясь так в печати»¹⁹.

Бесспорно одно: ленинская критика участия большевиков в Демократическом совещании и Предпарламенте полностью увязана с рисовавшимся им планом восстания, осуществляемым вне зависимости от съезда Советов; тактика Центрального Комитета в отношении Демократического совещания, и не столько «вхождения», сколько «происхождения» через Предпарламент (вхождение для действительного «участия» в Предпарламенте, конечно, было бы опасной ошибкой, но эта ошибка вовсе не была сделана), увязана с планом провозглашения Советской власти на съезде Советов и обеспечения этой власти одновременно путем вооруженного свержения правительства Керенского (конечно, весь «нажим» Ленина против возможной опасности «конституционных иллюзий» и подмены задачи захвата власти задачей получения большинства на съезде Советов был архинужен и полезен); тов. Троцкий в свое время поместился посредине между этими двумя вариантами повстанческой стратегии, конечно не заключающими в себе ничего, кроме чисто деловых, непринципиальных расхождений. Тов. Троцкий пытается теперь использовать выгоды этого среднего положения, *представляя в двусмысленном виде и ЦК и Ленина*. На самом деле именно сочетание ленинского принципиального руководства партией и конкретного руководства по подготовке восстания со стороны ЦК и Петроградского и Московского комитетов обеспечило победу Октября, несмотря на ошибки отдельных виднейших боль-

шевиков. Еще и еще раз: ЦК и Ленин были едины, буквоедские попытки противопоставить их — смешны; ЦК не имел иной «линии», кроме «линии» Ленина. Но именно это глубочайшее единство, которое выражало собой единство Ленина и партии, позволяло ЦК вовсе не рассматривать Ленина как противостоящую ЦК инстанцию, каждое «распоряжение» которой подлежит буквальному исполнению. Именно в порядке этого глубочайшего *единства и сотрудничества* ЦК претворял политическое руководство Ленина в практическую работу партии. Не было бы подлинного единства, если бы не было этого сотрудничества внутри ЦК между Лениным и прочими членами ЦК (в том числе и тов. Троцким, который в те дни умел работать как член коллектива).

Здесь полезно восстановить для истории и для правильной характеристики отношений ЦК и Ленина ряд «расхождений», имевших место между Лениным и ЦК в период между июлем и октябром. Ленин после июльских дней предложил совершенно снять лозунг «власть Советам», до захвата власти и создания *тогда* новых революционных Советов. В этой категорической форме предложение Ленина не было принято. Корниловский заговор, давший вновь возможность большевикам начать с успехом работу за завоевание большинства в Советах, подтвердил справедливость более осторожной линии ЦК, с которой затем согласился т. Ленин. В связи с этим было и другое расхождение: Ленин советовал переводить партийный аппарат на нелегальное положение, готовиться к изданию нелегальной газеты, не верил в возможность дальнейшего сохранения легального органа ЦК в Петрограде. Между тем ЦК решил сохранять открытую организацию и легальную печать, конечно во всех нужных случаях комбинируя «легальность» и «конспирацию».

VI съезд партии удалось провести вскоре после июльских дней в Петрограде с минимальными конспиративными предосторожностями. Контрреволюция не была еще настолько организована и сплочена, чтобы иметь возможность в самом деле раздавить нашу прессу и организацию. Орган ЦК запрещался под одним заглавием, но вновь начинал выходить под другим и т. д.

В корниловские дни Ленин выступил со статьей «О компромиссах». Редакция ЦО высказалась против помещения статьи, считая, что обстановка не дает оснований для предложения «компромисса». Ленин настоял

на помещении статьи — она была напечатана в «Рабочем пути» через два дня; конечно, в этом случае прав был Ленин, а не редакция ЦО, желавшая взять «чуть-ку левее» Ленина.

В чем же состоял бы компромисс, условно предлагавшийся Лениным? Ленин писал: «Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), *отказались бы от выставления немедленного требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование* (курсив наш). Условием, само собой разумеющимся и новым для эсеров и меньшевиков, была бы *полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания, без новых оттяжек или даже в более короткий срок*»²⁰. Это предлагал Ленин. Этот тактический ход он делал 3 сентября 1917 г.

Обо всем этом у тов. Троцкого — ни словечка. Между тем тот, кто хочет дать подлинную картину большевизма перед Октябрем и в дни Октября, не может пройти мимо статьи «О компромиссах». Без ее учета — нет картины ленинской тактики, без ее учета — непонятен истинный характер колебания Зиновьева — Каменева, непонятно отношение Ленина и партии²¹ к их колебаниям. Тот, кто хочет не разъяснения, а запутывания, действительно должен замалчивать статью Ленина «О компромиссах». К сожалению, так и поступил тов. Троцкий.

Эти беглые замечания не претендуют, конечно, ни в какой мере на то, чтобы осветить «общую картину Октябрьского переворота». Их задачей является — показать всю придуманность «схемы» тов. Троцкого, наметить действительные отношения в партии перед Октябрем, такими, какими они были. У тов. Троцкого все идет по прямой линии, проведенной по линейке; но факты нельзя выстроить в шеренгу, как солдат на параде. Отсюда явные ошибки, противоречия, крупные искажения, которыми пестрит «исследование» тов. Троцкого. В живой действительности все было иначе: Ленин вместе с ЦК, вместе с основными большевистскими кадрами маневрировал в сложнейшей и круто меняющейся обстановке; и Ленину и другим случалось

ошибаться (конечно, ленинские «ошибки» были особого характера), нащупывая путь, и признавать свои ошибки; *на крутых поворотах одни отставали, другие забежали вперед, но фронт неизменно выравнивался в короткий срок.* Пройти без разногласий, без уклонений, без ошибок путь от Февраля до Октября никакая политическая партия не могла бы. Большевистская партия прошла этот путь дружнее, чем прошла бы его всякая иная партия. Конечно, партия не действовала в безвоздушном пространстве. Она претерпевала давление смежных классов и слоев. В известной мере она обязательно должна была с ними считаться, к ним приспособлять свою тактику. В свою очередь, она стремилась подчинить их своему руководству. Когда уступить и выждать, до каких пор выжидать, до каких пределов уступать? Эти вопросы не существовали и не существуют только для тех, кто воображает, что в политике, как в геометрии, прямая линия есть кратчайшее расстояние между двумя точками. Ленин, в противоположность подобным политикам, маневрировал, шел в обход, отступал — и бросался в бешеное наступление. Разногласия среди большевиков в 1917 г. могут быть представлены как «борьба двух партий в одной партии» — только при нарочитом подходе, естественном только для «историка», судящего о партии «со стороны». Если бы был прав тов. Троцкий в своем суждении о внутренних разногласиях среди большевиков, если бы были две партии в одной партии, то разногласия обязательно приводили бы к кризисам внутри партии, т. е. таким кризисам, в которых организации раскалывались бы между собой или с ЦК. Но именно этого-то и не было в 1917 г. Разногласия весной 1918 г. в связи с Брестским миром гораздо сильнее задели партию, чем октябрьские разногласия, промелькнувшие на верхах. Если теперь тов. Троцкий поставил октябрьские ошибки нескольких большевиков в *центр* своего «изучения Октября», то он *тем самым* осудил свою попытку «изучения» на полную неудачу.

Но, наконец, в чем состоят «уроки», извлеченные тов. Троцким из «изучения Октября»? Увы, он не формулирует выводов. Почему же? Да потому, что эти «выводы» таковы, что автору, пожалуй, даже самому неловко их «формулировать»! Поэтому все сводится к намекам на необходимость такого «руководящего персонала», который бы не «дрейфил», и к усиленному обстрелу «химическими» снарядами нынешнего партий-

ного руководства под прикрытием белого флага «изучения Октября». Но это вовсе не новый урок, а «повторение пройденного», зады прошлогодней «дискуссии». И так как это «пройденное» у всех еще вполне свежо в памяти и ни у кого нет охоты еще раз «повторять пройденное», то поистине напрасно тов. Троцкий поддается «неведомой силе», которая вновь и вновь влечет его к «грустным берегам» дискуссионных потоков!

КАК НЕ НУЖНО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ ОКТЯБРЯ!

(По поводу книги
тов. Троцкого «1917»)

Недавно вышедшая книга тов. Троцкого («1917»), посвященная «урокам Октября», быстро делается «модной» книгой. Это немудрено, ибо она бьет на внутрипартийную сенсацию.

После того как итоги истекшего года *доказали* всю неправоту нашей партийной оппозиции, после того как *факты* доказали еще и еще раз правильность руководства в нашей партии, тов. Троцкий вновь поднимает дискуссию, но уже «иными средствами». Предисловие к книге (а в этом предисловии, равно как и в примечаниях к ней, ее «гвоздь») написано полуэзоповским языком, так что для совсем неопытного читателя пройдут незамеченными намеки и полунамеки, которыми наполнено это предисловие. Этот своеобразный шифр (процветающий у тов. Троцкого, несмотря на требование «критической ясности») необходимо все же расшифровать. Ибо работа тов. Троцкого, претендующая на роль спутника в деле «изучения Октября», грозит превратиться в спутника «всякой настоящей и будущей дискуссии». Она ведь берет на себя, по сути дела, ответственность за выступление против линии, взятой как партией, так и Коминтерном, причем она вовсе не носит характера теоретического анализа, а больше похожа на политическую платформу, на базе которой можно будет вести подкоп против точных, принятых соответствующими съездами решений.

Книга тов. Троцкого написана не только для русского читателя — это без труда увидит всякий. В значительной мере она написана для «информации» зарубежных товарищей. Теперь, когда в целом ряде компартий на очереди дня стоит проблема их «большевизации», когда, несомненно, интерес к истории нашей партии поднимается, книга тов. Троцкого может сослужить плохую службу. Она не только не научит большевизму, но в известной мере будет фактором «разбольшевичивания» иностранных компартий — настолько однобоко, односторонне, а иногда и чудовищно неверно она излагает события, пытается их анализировать и сделать выводы, касающиеся современности.

Вот почему необходимо дать критический разбор этой новой работы тов. Троцкого. Ее нельзя оставить без ответа. Можно высказывать лишь сожаление, что тов. Троцкий, который делает неправильные выводы из «уроков Октября», не хочет делать никаких выводов из более близко к нам лежащей «эпохи» прошлогодних споров. Лучшей проверкой точек зрения, как это признает и сам тов. Троцкий, является опыт, сама жизнь. А жизнь показала, что руководящая и партийно-признанная линия политики не только не привела страну «на край гибели», как это предрекала прошлогодняя оппозиция, пророчившая этой «стране» все казни египетские, но сравнительно быстро двигает страну вперед, несмотря на такие не зависящие ни от какой «платформы» явления, как неурожай и проч.

С другой стороны, накопилось громадное множество новых задач, трудностей, связанных с процессом *роста*. Вся партия хочет поэтому, раньше и прежде всего, деловой работы под таким руководством, которое проверено опытом, на «платформе», этим опытом проконтролированной. Вот почему менее всего желательно было поднимать, хотя бы и в иной форме, старые споры.

Но тов. Троцкий счел уместным это сделать. На нем, конечно, лежит за это полная ответственность. Волею-неволею приходится отвечать на эту книгу, ибо партия не может допускать, чтобы без возражений оставалась пропаганда, направленная против решений, которые партия с такой дружностью и с таким единодушием принимала. Постараемся же посмотреть на тот идейный багаж, который тов. Троцкий представил теперь в распоряжение партии, на те «уроки», которые он получил от Октября и любезно преподает сейчас нашим молодым и старым товарищам.

1. ВОПРОС ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОВЕРКЕ

Осью рассуждений тов. Троцкого является представление о значении различных периодов в истории нашей партии. По существу, у него дело обстоит так: весь период партийного развития до Октября — это нечто совершенно второстепенное; только момент захвата власти решает вопрос, только этот период выделяется из всех остальных, только тут мы имеем возможность проверить классы, партии, их руководящие кадры, отдельных лиц.

«Теперь заниматься оценкой различных точек зрения на революцию вообще, русскую в частности, и обходить при этом опыт 1917 г. значило бы — заниматься бесплодной схоластикой, но никак не марксистским анализом политики. Это все равно, как если бы мы стали упражняться в спорах о преимуществах разных систем плавания, но упорно отказывались бы повернуть глаза к реке, где эти самые системы применяются купающимися людьми. Не существует лучшей проверки точек зрения на революцию, как применение их во время самой революции — совершенно так же, как система плавания лучше всего проверяется тогда, когда пловец прыгает в воду» (XVI).

«Что такое большевизация коммунистических партий? Это такое их воспитание, это такой в них подбор руководящего персонала, чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября. Здесь Гегель, и книжная мудрость, и смысл философии всей» (65).

В этих положениях — только *половина* правды, и поэтому из них можно сделать (а тов. Троцкий это и делает) совсем уж *неправильные* выводы.

Тов. Троцкий говорит компартиям: изучайте Октябрь, чтобы победить; нельзя *обходить* Октябрь.

Конечно, нельзя. Точно так же, как нельзя забывать ни о 1905 годе, ни об особо поучительных годах реакции. Но кто, где и когда предлагает эту несуразность? Кто, где и когда мог отважиться на то, чтобы вынести такой вздор на свет божий?

Этого никто не предлагал. Но *именно* для того, чтобы *понять условия Октябрьской победы*, нужно обязательно выйти *за пределы* непосредственной подготовки к восстанию. Ни в коем случае нельзя *отрывать* одно от другого. Ни в коем случае нельзя оценивать группы, лица, течения вне связи с тем периодом подготовки, ко-

торый тов. Троцкий сопоставляет с упражнениями в споре «о системах плавания». Конечно, в «критический период», когда речь идет о решительном бое, все вопросы становятся ребром, и все оттенки, течения, группировки имеют тенденцию обнаруживать свои наиболее характерные внутренние, им присущие свойства. Но, с другой стороны, далеко не всегда их положительная роль во время подъема революции объясняется правильностью их «точки зрения».

«Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась...»¹ Так формулирует эту сторону дела тов. Ленин (Сочинения, том XVII, стр. 183). В другом месте: «Революционер — не тот, кто становится революционером при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции... отстаивает принципы и лозунги революции»² (Ленин. Соч. XII, 2, 151).

Это не совсем то, что у тов. Троцкого.

Поставим все точки над *i*. Чем определялась позиция партии большевиков в Октябре? Она определялась всей предыдущей историей партии, ее борьбой со всеми видами оппортунизма, от крайних меньшевиков до троцкистов включительно (например, «августовский блок»). А можно ли сказать, что правильная (ибо совпадавшая с большевистской) в Октябрьские дни позиция тов. Троцкого вытекала из его позиции в подготовительный период? Очевидно, нельзя. Наоборот. *Если бы* случилось в свое время историческое чудо и рабочие-большевики вняли бы проповедям тов. Троцкого (единство с ликвидаторами, борьба против ленинской «кружковщины» и «сектантства», меньшевистская политическая платформа, во время войны — борьба против циммервальдской левой и т. д.), *то тогда не было бы и Октябрьской победы*. Между тем тов. Троцкий всячески избегает касаться именно *этого* периода, хотя сго-то обязанностью было бы поделиться с партией как раз *этим* «уроком».

Приведем еще пример. На октябрьских баррикадах бок о бок с нами мужественно сражались и многие левые эсеры. В решительный момент Октября они внесли и свою лепту в дело победы.

Но значило ли это, что они-то были раз навсегда «проверены» Октябрем? Увы, отнюдь нет, что и показал *послеоктябрьский* опыт, который подтвердил в значительной мере *дооктябрьскую* оценку этих мелкобуржуазных революционеров.

Итак, одного Октября, изолированного, для «проверки» отнюдь не хватает. Скорее перевешивает другой мотив — тот, на который так категорически указывал тов. Ленин.

Итак, положение тов. Троцкого о том, что «большевизация» компартий состоит в таком воспитании их и в таком подборе «руководящего персонала», «чтобы они не сдрейфили в момент своего Октября», это положение делается правильным, *поскольку в него включается усвоение опыта «подготовительного периода»*. Ибо даже *непосредственный* опыт русского Октября не может быть ни понят, ни усвоен, *если не усвоить как следует уроков этого подготовительного периода*.

Тов. Троцкий, который рассматривает дело так, что, по сути, у него партия большевиков начинает существовать «по-настоящему» лишь с Октябрьских дней, не видит *преемственности* партийной линии вплоть до «текущего момента».

И точно так же он поэтому не видит, что *после* взятия власти, даже после конца гражданской войны, история вовсе не кончилась. Равным образом не кончилась и история нашей партии, история, которая *тоже* есть «проверка линии», ибо она включает в себя не только разговоры о той или другой точке зрения, но и опыт *практической политики*.

«Дрейфить» нельзя было в Октябре. Но «дрейфить» нельзя было и во время Бреста (где дело, по пониманию тов. Троцкого, шло о «голове», т. е. о жизни или смерти Советской власти). «Дрейфить» нельзя было и в дискуссии 1921 г., ибо без ленинской линии мы и здесь рисковали почти всем. «Дрейфить» не годилось и в прошлом году, ибо без денежной реформы, без проводимой партией экономической политики и т. д. мы тоже были бы в отчаянном положении. А во всех этих «критических» пунктах тов. Троцкий «дрейфил», причем «дрейфил»-то он *по тому же типу*, что и в дофевральский период своего политического существования, когда он еще не порвал с прямыми противниками большевизма.

«Традиции революционной партии,— пишет товарищ Троцкий (62),— создаются не из недомолвок, а из критической ясности». Очень хорошо. Но требование «критической ясности» должно быть полностью сохранено не только по отношению к действиям, разыгравшимся в Октябре, но и к предыдущему и к последующему периоду развития. Только так можно дать «действитель-

ную проверку», ибо партия пролетариата *постоянно* действует и «критический» период у нас не один.

2. УРОКИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И БОРЬБА ВНУТРИ ПАРТИИ

Нужно ли замалчивать Октябрь и его пролог — Февральскую революцию? Отнюдь нет. Это было бы или недобросовестно, или глупо. Но совершенно напрасно тов. Троцкий намеками, полунамеками, а также и открытыми возгласами хочет создать такое впечатление, что истории Октября «не повезло», ибо тут был какой-то умысел (неверная «полусознательная оценка»). Вряд ли уместны такие, например, сентенции, что «еще недопустимее было бы из-за третьестепенных соображений персонального характера молчать о важнейших проблемах Октябрьского переворота, имеющих международное значение» (XII).

Конечно.

Но, во-первых, тов. Троцкий скрывает, что об Октябре было написано никак не меньше, чем о всяком другом периоде; в сочинениях Ленина этот период получил блестящую оценку, из которой все действительные уроки Октября партия может черпать еще долгое время.

Во-вторых, тов. Троцкий замалчивает, что означенные «персоны» неоднократно признавали свою ошибку, и она (эта ошибка) известна всей партии.

В своей «Истории РКП» и в более ранних выступлениях об этом совершенно открыто говорил тов. Зиновьев, который не раз и перед партией и перед Коминтерном заявлял о том же: об этом говорил тов. Ленин, который, однако, никогда и нигде не ставил этой ошибки в связь с текущей послеоктябрьской работой ошибавшихся в Октябре товарищей.

Кстати, необходимо упомянуть о некоторых фактах.

Несмотря на разногласия, Каменев был, по предложению *Ленина*, выбран на Апрельской конференции в ЦК партии и председательствовал по поручению ЦК на II съезде Советов в момент восстания; уже в ноябре 1917 г. Зиновьев, который расхотелся с ЦК вообще лишь на несколько дней, по поручению ЦК партии выступал во ВЦИКе с докладом за разгон учредилки; на VII съезде (начало марта 1918 г.) Зиновьев выступал по поручению ЦК с защитой ленинской линии против

Троцкого и «левых». Следовательно, вся партия отнюдь не рассматривала октябрьской ошибки названных товарищей иначе как преходящее разногласие; наоборот, она поручала им ответственные роли, несмотря на то что она ни на одну минуту не оправдывала ошибок этих товарищей.

Теперь же тов. Троцкий, используя эти ошибки, хочет ревизовать всю партийную линию и «исправить» всю партийную историю. В этом гвоздь рассуждений тов. Троцкого.

Весь анализ событий от апреля по октябрь ведется так, будто разногласия, «раздиравшие» партию, все обострялись, пока не разразились конфликтом, чуть было не приведшим к краху. И только благодаря усилиям тов. Ленина, имевшего смелость идти против ЦК и поддержанного тов. Троцким, «предвосхитившим» основные идеи Ленина, революция была спасена.

В этом анализе вряд ли есть что-либо, что соответствовало бы действительности.

Прежде всего у тов. Троцкого исчезает партия. Ее нет, ее настроение не чувствуется, она исчезла. Есть Троцкий, издали виден Ленин, есть какой-то непонятливый анонимный ЦК. Отсутствует целиком Петроградская организация, действительный коллективный организатор рабочего восстания. Вся историография тов. Троцкого скользит исключительно по «верхнему верху» партийного здания. Что же касается всего партийного костяка, то напрасно мы стали бы рассматривать эту загадочную картинку: «Где партия?», нарисованную искусной кистью тов. Троцкого. Разве марксисты могут так писать историю? Это карикатура на марксизм. Писать историю Октября и проглядеть партию — это значит обеими ногами стоять на индивидуалистической точке зрения, на точке зрения «героев и толпы». На ней воспитывать членов партии нельзя.

Но и с точки зрения анализа *только руководящей верхушки* летопись тов. Троцкого не заслуживает одобрения, ибо она *искажает* действительность. Посмотрите, как изображает тов. Троцкий ход событий.

«Решения Апрельской конференции дали партии принципиально правильную установку, но разногласия наверху партии не были ими ликвидированы. Наоборот, им еще только предстояло вместе с ходом событий принять более конкретные формы и достигнуть величайшей остроты в наиболее решающий момент революции — в дни Октября» (XXXI).

После июльских дней:

«Мобилизация правых элементов партии усилилась, критика их стала решительнее» (XXXII).

Наконец — перед Октябрем:

«Надобности в экстренном съезде не оказалось. Давление Ленина обеспечило необходимую передвижку сил влево как в Центральном Комитете, так и во фракции Предпарламента» (XXXVI).

Все это крайне... «неточно». Ибо уже ко времени VI съезда партии произошла полная идейная консолидация партии. Выбранный на VI съезде Центральный Комитет безусловно стоял на платформе восстания. Колоссальное влияние Ленина на ЦК имело место, ибо сам Ленин был руководящим цекистом, как это известно всем и каждому. Но изображать дело так, будто бы большинство ЦК было чуть ли не против восстания, это значит — не знать ни партии, ни ее тогдашнего ЦК, это значит — грешить против истины. Разве 10 октября восстание не было решено подавляющим большинством ЦК? При чем же тут необходимость в особой роли тов. Троцкого? Величайшая энергия, поистине неистовая революционная страсть, гениальный анализ событий и громадная гипнотизирующая сила писем тов. Ленина оформляли то, что было и мнением подавляющего большинства самого Центрального Комитета. Но тов. Троцкому обязательно хочется *оторвать Ленина от ЦК, противопоставить их, разорвать между ними ту неразрывную связь, которая на самом деле ни на минуту не прерывалась*³. Искажать историю нельзя.

Если бы это было не так, если бы было верно то, что говорит тов. Троцкий, то тогда было бы совершенно непонятно: 1) каким образом при конфликте партия не раскололась; 2) каким образом она могла победить; 3) *каким образом конфликт (выход из ЦК нескольких его видных членов) мог быть ликвидирован буквально в несколько дней возвращением этих товарищей на свои посты.*

А это «чудо» (чудо с точки зрения предпосылок тов. Троцкого), как известно, совершилось, и притом без особенного труда. Можно, конечно, сделать здесь намек на то, что после победы есть много охотников примкнуть к победителям, ибо оных победителей «не судят». Однако не следует забывать, что победа в Петербурге и в Москве означала лишь *начало* борьбы, начало громадных трудностей, что понимал решитель-

но всякий член партии. Так что эти соображения несколько не могут объяснить то, что подлежит объяснению.

А между тем все нам становится весьма понятным, если только взглянуть на события не с такого эгоцентрического угла, с какого их рассматривает тов. Троцкий. Тогда получилась бы примерно такая картина: с апреля по октябрь остатки шатаний внутри партии все время исчезают. К Октябрю они становятся минимальными; *партия* целиком, сомкнутым строем идет в бой: наверху остается все же несколько несогласных с общей линией товарищей. Но именно потому, что *партия* (это очень немало, тов. Троцкий!) была *едина*, именно потому, что подавляющее большинство ЦК шло вместе с Лениным, и эти товарищи были увлечены общим партийно-классовым потоком и немедленно стали на свои посты. Они были «проверены» гораздо более основательно, чем одними днями Октября...

3. ВОЙНА, РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЗИЦИЯ ТОВ. ТРОЦКОГО

Но «летопись» тов. Троцкого, равно как и примечания к ней, изображают неправильно не только пропорции внутри партии, но и подготовку «большевизации» самого тов. Троцкого (нас интересует здесь, разумеется, *только* политическая позиция).

Из примечаний к книге тов. Троцкого мы узнаем, например, что «статьи» Л. Д. Троцкого, написанные в Америке, почти целиком «предвосхитили» (!) политическую тактику революционной с.-д., основные выводы этих статей почти до деталей (!) совпадают с теми политическими перспективами, которые были развиты тов. Лениным в знаменитых «Письмах из далека» (370). Мы узнаем, что «в ходе войны все уменьшались разногласия между точкой зрения «Нашего слова» и Лениным» (377). Мы узнаем, с другой стороны, целый ряд подробностей об ошибках «Правды», ряда большевиков и т. д.

Но мы чрезвычайно мало будем осведомлены после прочтения книжки, в чем же *были* разногласия, которые «все уменьшались»; и мы прямо будем введены в заблуждение, если поверим, что тов. Троцкий «предвосхитил», — как выражается ужасно услужливый редактор книги и автор примечаний тов. Ленцнер, — ленин-

скую линию (Ленин и не знал, говоря языком тов. Троцкого, что он «совершает плагиат»).

Между тем вопрос о позиции во время войны дает ключ и к ряду других вопросов, вводя нас в ту лабораторию, где формировались лозунги, сыгравшие вскоре исключительную, можно сказать, всемирно-историческую роль.

Постараемся напомнить кое-что из этой области.

«Мир» или «гражданская война»

Это первое разногласие, разногласие очень принципиальное, ибо здесь как раз и видно, кто и как «предвосхищал» события и «тактику революционной социал-демократии». Лозунг гражданской войны, который был поставлен Лениным и большевиками ЦК еще в самом начале войны, был специфическим лозунгом большевизма, лозунгом, который проводил грань между действительными революционерами и всеми оттенками не только шовинистов, но и интернационалистов мещанского, пацифистского, «гуманитарного», ищущего сближения с центристскими элементами, толка. Только резкая постановка вопроса о гражданской войне позволяла отобрать кадр таких революционеров, которые стали впоследствии ядром коммунистических партий.

Тов. Троцкий был самым решительным образом *против* этого лозунга, считая его узким, непригодным для массовой проповеди и т. д. Это ли «предвосхищение» ленинской позиции?

Пораженчество и борьба с ним

Второй отличительной особенностью большевистской позиции было положение, что революционные соц.-демократы (теперь мы бы сказали «коммунисты») должны в *империалистской* войне желать поражения прежде всего своему правительству. Тов. Троцкий определял эту позицию как национализм навыворот, или национализм с отрицательным знаком. Однако теперь совершенно ясен глубокий смысл этой ленинской позиции, корнями своими уходящий к основным истокам большевистской мысли. Именно к основным истокам ее. Стоит только посмотреть, например, на недавно опубликованную полемику Ленина с Плехановым по

поводу проекта программы РСДРП («Ленинский сборник» № 2), чтобы понять это. В полемике с Плехановым В. И. упрекает плехановский проект в том, что это учебник, а не объявление войны; там говорится о капитализме вообще, а нам нужна *война* против *русского* капитализма — таков смысл этой полемики со стороны В. И. Почему настаивал на этом Ленин? Именно потому, что он был *борцом*, а не декламатором. Лозунг поражения своего правительства был *объявлением войны* всякому, хотя бы и скрытому под тюфяками благородных фраз, пацифизму, всякой, хотя бы и скрытой искуснейшими масками, оборонческой позиции. Это был наиболее резкий разрыв, разрыв *на деле*, всякой связи со «своим» буржуазным государством. И именно *такой* позицией обуславливалась на деле, на живом примере, *интернационалистская* позиция большевизма. Это было второе принципиальное расхождение Троцкого с большевиками.

Единство с меньшевистской фракцией Чхеидзе

Уже во время войны тов. Троцкий продолжал стоять за единство с такими элементами, как фракция Чхеидзе, не имея мужества пойти на решительный организационный разрыв, который был необходимой предпосылкой правильной политики. Недаром Ленин так боялся, что некоторые товарищи поддадутся на удочку троцкизма. Любопытно также и то, что тов. Троцкий еще в мае 1917 г. не понимал своих прежних ошибок.

Так, на стр. 380 разбираемой книги мы читаем: «7 мая 1917 г. открылась общегородская конференция объединенных с.-д. (большевиков и интернационалистов). Конференция приветствовала тов. Троцкого, присутствовавшего в качестве гостя. Отвечая на приветствие, тов. Троцкий заявил, что для него, *всегда стоявшего за необходимость единства с.-д. сил* (курсив наш.— Авт.), само по себе единство не является самоцелью, и в формулу эту должно быть вложено революционное содержание» и т. д.

Отсюда с полной ясностью вытекает, что тов. Троцкий не только *не проклинал* своей борьбы за единство с ликвидаторами и т. д., но эту свою громадную ошибку, губительную ошибку, подводил чуть ли не как базис для объединения с большевиками, на этот раз,

к счастью, соглашаясь вложить в «формулу» «революционное содержание».

К сожалению, та же *недооценка* всей глубины ошибок в организационном вопросе (она целиком проявилась у тов. Троцкого в прошлогодней дискуссии) сквозит *даже теперь*. Тов. Троцкий оправдывается от упреков (какого-нибудь из глубокомысленных дьячков, вроде тов. Сорина), упреков в борьбе против большевистской «кружковщины» методом более чем странным: «Возражение мое в статье было таково: кружковщина, как наследие прошлого, существует, но, чтобы она стала меньше, межрайонцам нужно прекратить обособленное существование» (66). (Речь идет о так называемых «межрайонцах», которые существовали параллельно большевикам и отстаивали в это время единство с «левыми» меньшевиками. Вошли вместе с тов. Троцким после июльских дней в большевистскую партию.)

Итак, уже призывая к объединению с большевиками, тов. Троцкий *порицал* большевистскую кружковщину, как злое наследие злого прошлого. Но «отказываемся ли мы от наследства»? *Ни капли*. Ибо эта так называемая кружковщина была на самом деле *методом задания*⁴ *нашей партии*, т. е. организационным принципом большевизма. И если тов. Троцкий на 55-й стр. своего «Предисловия» пишет, что он признал «свои большие организационные ошибки», а на 66-й стр. оправдывает обвинение дореволюционного большевизма в «кружковщине», то это значит, что он еще не свел концов с концами и не извлек еще всех уроков из истории нашей партии. Но он и не сможет этого сделать, если днем рождения партии будет считать день ее объединения с межрайонкой или даже славные дни Октября, когда сам тов. Троцкий в муках рождался как большевик.

Борьба с циммервальдской левой

Наконец, следует упомянуть и о позиции тов. Троцкого в «мировом масштабе». Ведя борьбу с шовинистами, социал-патриотами и т. д., тов. Троцкий был издевательски настроен по отношению к циммервальдской левой. Он считал ее тоже «кружковщиной» и большевистской дурью, которая уже совсем мало приспособлена к «заграничным условиям». Еще в Америке, где, по уверениям тов. Ленцнера, тов. Троцкий предвосхитил позицию тов. Ленина, он вел активную борьбу

бу против солидаризации с циммервальдской левой. Этот «раскол» с «центристами от Циммервальда» тов. Троцкий одобрить не мог. Между тем товарищи-редакторы «Семнадцатого года» отнюдь не позаботились о том, чтобы осветить для международного пролетариата и этот пункт нашей партийной истории, который для Интернационала так же важен, как и вопрос о гражданской войне, о пораженчестве и т. д. Ибо речь шла ни больше ни меньше как о выборе между Вторым и Третьим Интернационалами.

Концепция «перманентной революции»

Тов. Троцкий, оказывается, не только «предвосхитил» ленинскую позицию, но и оказался «прав» по одному из существеннейших пунктов нашей революционной теории и одновременно нашей революционной стратегии, именно по вопросу о «перманентной революции».

Тов. Троцкий пишет по этому поводу следующее: «Ленин дал еще накануне 1905 г. своеобразию русской революции выражение в формуле демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Сама по себе эта формула, как показало все дальнейшее развитие, могла иметь значение лишь как этап к социалистической диктатуре пролетариата, опирающегося на крестьянство» (XVII).

Что сей сон означает? В 1905 г. была борьба между большевиками, выставившими лозунг «диктатура пролетариата и крестьянства», с одной стороны; группой Троцкого — Парвуса, выставившей лозунг «долой царя, а правительство — *рабочее!*», — с другой; и поляками, во главе с Розой Люксембург, которые выставили формулу «пролетариат, опирающийся на крестьянство», — с третьей.

Кто же оказался *прав*? Тов. Троцкий *уклоняется* от того, чтобы дать решительный ответ, ответ всеми словами. Но *косвенно* он «утверждает» именно свою правоту: ленинская формула могла быть «лишь» (!) этапом к формуле Троцкого.

Но вот это-то и неверно, что тов. Троцкий оказался прав. Он оказался именно не прав, и именно «дальнейшее развитие» доказало его неправоту. Ибо специфичность позиции тов. Троцкого как раз в том и заключалась, что он *хотел перескочить через такой «этап», че-*

рез который перескочить было нельзя (забывал «мелочь»: крестьянство).

«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще,— писал тов. Ленин.— Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и *подготовить прочно переход к следующему звену*»⁵ (Соч. XV, 223).

Но именно этого и не давали лозунги тов. Троцкого. Он «перемахивал» *через* то «особое звено», за которое нужно было всеми силами уцепиться, он недооценивал роли крестьянства, а поэтому *практически* изолировался и от рабочих. «Лозунги превосходные, увлекательные, опяняющие,— почвы под ними нет,— вот суть революционной фразы»⁶ (Ленин. Соч. XV, 100).

И из того, что через много лет, и *после* того, как мы *перешагнули* через определенный этап, началась социалистическая революция, отнюдь не следует, что тов. Троцкий был прав. Такое утверждение одновременно противоречило бы действительности и опиралось бы на непонимание сути тактики большевизма, всей его, если так можно выразиться, политической методологии, которая соединяет упорное движение к одной великой цели с суровой трезвенностью, отбрасывающей прочь все предрассудки и все лишнее в оценке каждой конкретной ситуации. И здесь тов. Троцкий оказался *не прав*. И здесь его книга *совершенно неверно ориентирует читателя*. Мы уж не говорим о том, что тов. Троцкий умалчивает, как его «перманентная» и ультралевая фраза сочеталась с весьма правой политикой и с ожесточенной борьбой против большевиков.

4. «УРОКИ ОКТЯБРЯ» И КОМИНТЕРН

Одним из практических стержней, на которых построено «Предисловие» тов. Троцкого, является стремление, мягко выражаясь, «оспорить» политику Исполкома Коминтерна. Дана задача: взять реванш за проигранную в 1923 г. дискуссию, выступив уже не только против линии ЦК, но и против линии Коминтерна в целом. Для этого можно исказить и смысл важнейших эпизодов классовой борьбы пролетариата в Германии и Болгарии. Здесь можно намекнуть и на то, что ошибки отдельных наших товарищей в 1917 г. предопредели-

ли неуспехи коммунистов в Германии и в Болгарии в 1923 г.

Схема рассуждений, если ее освободить от облакающих ее словесных одежд вуалеобразного типа, здесь довольно проста. X, Y, Z ошибались в Октябре *русском*. X, Y, Z руководят теперь Коминтерном. Коминтерн проиграл сражения a, b, c. Следовательно, в этом виноваты X, Y, Z, которые продолжают здесь свои русско-октябрьские традиции. В этом *der langen Rede kurzer Sinn* (короткий смысл длинной речи).

Рамка этого совершенно смехотворного силлогизма наполнена конкретным содержанием. Нужно поэтому критически осветить это содержание, и тогда сама собой рухнет и вся затейливая постройка тов. Троцкого.

Пункт I. Болгария. Тов. Троцкий пишет: «Мы имели в прошлом году два жестоких поражения Болгарии: сперва партия, по соображениям *доктринерски-фаталистического* (наш курсив.— Авт.) характера, упустила исключительно благоприятный момент для революционного действия (восстание крестьян после июльского переворота Цанкова); затем, стремясь исправить ошибку, партия бросилась в сентябрьское восстание, не подготовив для него ни политических, ни организационных предпосылок» (XII).

Как легко увидит читатель, здесь за основу поражения берется: 1) меньшевистский фатализм, 2) бесшабашный оптимизм («без подготовки» и т. д.). Обе эти черты даны также при характеристике типов октябрьского оппортунизма. Итак, смычка с русским Октябрем и теперешним коминтерновским руководством дана полностью и целиком.

Однако присмотримся поближе к *фактам*. Первое поражение было в результате того, что болгарская партия совершенно неправильно подходила к *крестьянству*, не сумела оценить ни его движения, ни роли Земледельческого союза в его целом, ни его левого крыла. Она стояла скорее на позиции: «Долой короля, а правительство — рабочее». В решительную минуту, когда нужно было взять руководство и подняться на гребне громадной крестьянской волны, партия заявила, что она нейтральна, ибо борьба идет между буржуазией города и буржуазией деревни, а пролетариат здесь ни при чем. *Таковы* были «соображения» болгарской компартии. Они зафиксированы, все это можно проверить документально. Если брать аналогии с нашим Октябрем (кстати сказать, теперь-то мы уже должны, каза-

лось бы, научиться более осторожному обращению с аналогиями), то скорее нужно было бы брать *корниловские дни* (Керенский — Стамболийский, Корнилов — Цанков). Но здесь, если судить даже по изложению самого же тов. Троцкого, *слишком* заступались за Керенского, не понимая «границ» между борьбой *против Корнилова и защитой Керенского*. В Болгарии же была сделана *противоположная* ошибка.

В чем же тут «уроки Октября»?

К тому же товарищи, сидящие в ИККИ, в корниловские дни занимали совершенно правильную позицию, а весь ИККИ в целом совершенно правильно критиковал и подгонял болгарскую компартию.

Второе поражение в Болгарии — факт, и тов. Троцкий описывает условия, при которых оно разразилось. Но скажите на милость, тов. Троцкий, что же, вы поддерживаете здесь старую формулу Плеханова времен его меньшевистского упадка: «Не надо было браться за оружие»?

Надо или не надо было болгарским коммунистам браться за оружие?

Да или нет?

Тов. Троцкий не отвечает. По-нашему, браться за оружие было *надо*, так как только такой ценой можно было удержать связь со стихийно шедшим в бой крестьянством. Времени же на подготовку не было. Вот *действительная* картина событий. «Уроки» тов. Троцкого здесь ни при чем.

Пункт II. Германия. Еще интереснее вопрос о прошлогоднем октябрьском поражении германского пролетариата.

«Мы наблюдали там во второй половине прошлого года *классическую* (наш курсив.— *Авт.*) демонстрацию того, как можно упустить совершенно исключительную революционную ситуацию всемирно-исторического значения» (XII).

Итак, по тов. Троцкому, ошибка состояла здесь в том, что был упущен «классический» момент. Нужно было во что бы то ни стало вести на решающую битву, и тогда победа была бы за нами. Тут тов. Троцкий проводит полную аналогию с Октябрем в России: «Там *тянули* — и здесь *тянули*; там — под давлением Ленина — *решились*, выступили и победили; здесь — *без* давления Ленина — не решились и упустили момент, а теперь — под влиянием русско-октябрьских традиций — расписывают, что силы были недостаточны для решаю-

щего боя». Такова схема «германских событий» у тов. Троцкого.

Однако и здесь перед нами налицо «царство схематизации» и скучное царство серой абстракции. Тов. Троцкий изображает, как писалась бы история, если бы в русском ЦК противники восстания очутились в большинстве: оказалось бы, что и сил было мало и враг был ужасно страшен и т. д.

Все это лишь внешне убедительно. Да, так, вероятно, писалась бы история. Но это вовсе не доказательство того, что силы немецкой революции не были переоценены в октябре 1923 г.

Неверно именно то, что момент был «классическим». Ибо *гораздо сильнее, чем мы думали, оказалась социал-демократия*. Аналогия с русским Октябрем здесь вообще мало уместна. В Германии не было вооруженных солдат, стоящих за революцию; не было в наших руках лозунга мира; не было аграрно-крестьянского движения; не было *такой* партии, как у нас. Но, кроме всего этого, оказалось, что социал-демократия еще не изжила себя. Вот эти конкретные факты нужно было опровергнуть. *Во время решающих событий ИККИ стоял именно за Октябрьскую линию*. Когда она провалилась в силу объективных условий и когда она провалилась *«более, чем следует»*, в силу правого руководства, тогда тов. Троцкий, *на деле поддерживающий именно правое, оппортунистическое, капитулянтское крыло и неоднократно боровшийся против левых* (здесь такой же «метод» политики, как и в дореволюционное время: «левая позиция на словах, правая — в делах»), подводит «глубокий» теоретический базис под свою концепцию и замахивается ею на руководящие круги Коминтерна. Так извлекать уроки не годится ни из русского, ни из немецкого Октября.

И совсем уж не годится настаивать на некоторых своих ошибках, на которых еще и посейчас настаивает тов. Троцкий.

Одним из уроков (действительных уроков) германского Октября является тот урок, что перед выступлением нужна величайшая раскачка масс. Между тем эта работа очень отставала. В Гамбурге, например, во время восстания не было ни стачек, ни Советов. По всей Германии Советы отсутствовали, ибо, по мнению тов. Троцкого, так следовало делать — их «заменяли» фабзавкомы. На самом же деле фабзавкомы не могли заменить Советов, ибо не сплывали всей массы, вплоть

до самых отсталых и индифферентных, так, как это делают Советы в критические и острые моменты классово-вой борьбы.

* * *

Книга тов. Троцкого призывает к изучению Октября. Сам по себе этот лозунг не представляет ничего нового. Он уместен и для наших партийных рядов, он уместен и для наших иностранных товарищей. Но книга тов. Троцкого, вернее ее предисловие, претендует на роль *спутника* в деле этого изучения. И тут мы должны решительно сказать: *этой* роли она выполнить *не может*. Она лишь собьет с толку тех товарищей, которые за внешней стройностью изложения проглядывают полное смещение пропорций, искажение действительной партийной истории. Это — не зеркало партии. Это — ее *кривое* зеркало.

Но появление этого «кривого зеркала» отнюдь не случайно. После всего вышесказанного нетрудно видеть, куда, как выражался Ленин, «растут» намеченные тов. Троцким выводы.

В самом деле. Если, как неправильно изображает дело тов. Троцкий, в Октябре 1917 г. что-либо путное можно было сделать только против ЦК, то не может ли повториться и теперь такая ситуация? Где гарантия того, что руководство будет правильно? И правильно ли оно сейчас? Ведь «единственная» проверка — это Октябрь 1917 г. Так можно ли доверять тем, кто этой проверки не выдержал? И не благодаря ли руководству этих вождей Коминтерн терпит поражение и в Болгарии и в Германии? Не *нужно* ли «изучать Октябрь» так, чтобы прощупать именно эти вопросы?

Вот комплекс тех «проблем», к которым исподволь подводит читателя тов. Троцкий после неудавшейся лобовой атаки прошлого года.

Но тов. Троцкий может быть вполне уверен, что партия сумеет вовремя оценить эту тихую сапу. Партия хочет работы, а не новых дискуссий. Партия хочет подлинного большевистского единства.

[Н. П. ЧАПЛИН —
первый секретарь ЦК РЛКСМ
в 1924 г.]

ОКТАБРЬ И КОМСОМОЛ

*Почему комсомол обязан выступить
против ошибок тов. Троцкого*

Основой большевистского воспитания молодежи является изучение истории партии. Молодое поколение нашей партии только в том случае станет подлинно большевистским, комсомол только в том случае оправдывает название ленинского, если сумеет *правильно*, т. е. в духе ленинского учения, усвоить боевой опыт прошлой революционной борьбы. История ценна для нас именно тем, что она служит арсеналом, откуда берется оружие для будущей борьбы. Ложное изображение партийного прошлого, извлечение неправильных уроков из прежнего опыта может повлечь за собой — и неминуемо повлечет — ложные выводы для настоящего и будущего. Тем важнее эпоха, о которой идет речь, тем большее значение приобретает правильный, т. е. большевистский, подход к ней.

«Уроки Октября» — идея, которой тов. Троцкий снабдил свою недавно вышедшую в свет книгу «1917», — дают, по нашему мнению, неправильный и политически глубоко вредный подход к одному из важнейших моментов истории нашей партии, к Октябрьскому перевороту. «Уроки Октября» являются продолжением целой цепи ошибок и извращений, которыми сопровождаются у Троцкого (в ряде его прежних книжных статей и устных выступлений) моменты, рисующие этапы борьбы нашей партии. С другой стороны, тов. Троцкий в своем последнем произведении подошел к

вопросу не только с исторической стороны, но и наметил в вопросе международного коммунистического движения свою политическую платформу, резко расходящуюся с позицией руководящих учреждений партии и последнего конгресса Коминтерна. Поэтому ЦК РЛКСМ не может пройти мимо указанного выступления тов. Троцкого, но считает долгом открыто высказать свое отношение к нему.

О действительной роли партии

Мы привыкли считать основой всех основ для каждого большевика — уважение и преданность партии, как *целого*, как боевого коллектива. Ленин, имя которого с гордостью носит наш союз и партия, сливается для нас воедино. Ленин никогда не ставил себя *над* партией. Он был впереди. Он видел дальше. Но Ленин был именно вождем партии, ее первым и лучшим солдатом и бойцом. Ленина нельзя отделить от партии, и партию нельзя отделить от Ленина. В этом духе под руководством Ленина воспитывался комсомол. И поэтому мы не можем не выступить с протестом против того изображения большевистской партии и ее роли в Октябрьском восстании, которое тов. Троцкий дает в «Уроках Октября».

Большевистская партия, руководительница Октябрьского переворота, отсутствует в картине, нарисованной тов. Троцким. Где Центральный Комитет, руководивший борьбой против Корнилова, подготовивший и организовавший восстание? Где Петербургский комитет? Где районы Питера, проводившие агитационную, организационную боевую работу на фабриках и заводах, в воинских частях? Где летающие¹ заводы, как Путиловский и другие с их тысячами рабочих большевиков? Где революционный Кронштадт? Где Московская организация, где партийная масса, сплотившаяся вокруг Ленина, поддерживавшая его линию без тени сомнения и колебания? Всего этого нет, либо все это стоит на третьем плане, вместо партии — на авансцене отдельные вожди.

Зато тщательно вспоминаются, перебираются, низываются одна на другую и выстраиваются стройной колонной, чтобы создавать «правую фракцию», борющуюся против Ленина, все ошибки, сделанные когда-либо на протяжении 8 месяцев революции кем-либо из

ближайших учеников Ленина, кем-либо из старого большевистского ядра.

Зато старательно выпячиваются и подчеркиваются моменты, могущие уронить партию, как целое, в глазах читателя, не пережившего Октября, недостаточно знакомого с литературой о нем.

Большинство большевистской фракции в Демократическом совещании стало на ложную позицию, высказавшись за участие в Предпарламенте. Тов. Троцкий повествует об этом факте: «Фракция Демократического совещания, насчитывавшая свыше 100 чел., ничем не отличалась, особенно по тем временам, от партийного съезда». Зачем понадобилось тов. Троцкому приравнять фракцию Демократического совещания к партийному съезду²? Это противоречит истине, потому что подлинные съезды партии, имевшие право говорить от ее имени (Апрельская конференция, VI съезд), целиком и полностью стали на позицию Ленина. Это может иметь только тот смысл, что роняет партию в целом, возвеличивая отдельных «спасителей».

Партии нет — вместо партии действуют вожди. Ленин издали дает советы — и то не без ошибок в практическом вопросе — о «сроке восстания», о «советской легальности», о «начале восстания в Москве», а борьбой руководят *помимо* партии и иногда *вопреки* ей отдельные вожди, и в первую голову сам тов. Троцкий.

Тов. Троцкий сбрасывает партию со счетов борьбы и доходит до прямого поклепа на большевистскую партию. Комсомол, от которого сохранилось ядро, принимавшее участие в октябрьских боях, должен отвергнуть такое изображение Октября, ибо Октябрь был делом *всей партии с Лениным во главе*.

Октябрьские «ошибки»

Тов. Троцкий выступает в чрезвычайно резкой форме против ошибок тт. Зиновьева и Каменева, сделанных ими в Октябре. Ошибки эти всем известны и давно уже признаны и исправлены самими ошибившимися товарищами. Всякому, кто сколько-нибудь знает историю большевистской партии, очевидно, что временные октябрьские ошибки этих товарищей тонут в их работе и заслугах за два десятка лет и до и после Октября.

А всем общеизвестно также и то, как тов. Ленин оценивал работу этих товарищей и значение совершен-

ных ими ошибок. В своем письме к итальянскому коммунисту в 1920 г. он писал: «Перед самой Октябрьской революцией в России и до и после нее ряд превосходных коммунистов в России делали ошибки, о которых у нас тут неохотно вспоминают. Почему неохотно? Потому, что нет особой надобности вспоминать такие ошибки, которые вполне исправлены. Через несколько недель, самое большее через несколько месяцев, эти товарищи увидели свои ошибки и вернулись на самые ответственные партийные советские посты»³.

Само собою разумеется, эти ошибки и колебания нельзя выбросить из истории Октябрьского переворота. Однако достаточно прочесть «Уроки», чтобы убедиться, что здесь дело идет не об объективном изложении прошлых ошибок, а о резкой полемике против двух занимающих в нашей партии руководящие посты товарищей, полемике, которую тов. Троцкий ведет сейчас в связи со старыми, давно исправленными ошибками и которая по существу означает не что иное, как попытку после полного поражения в партийной дискуссии использовать прежние споры для того, чтобы добиваться изменения политики нынешнего дня.

Тов. Троцкий не только находит резкие выражения для квалификации действительных ошибок, он преувеличивает и раздувает ошибки. Так, например, приводя из октябрьского письма тов. Каменева и Зиновьева фразу: «Учредительное собрание и Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем», он замечает: «Чрезвычайно любопытно для характеристики всей линии правых, что теория «комбинированной» государственности, сочетающей Учредительное собрание с Советами, была полтора-два года позже повторена Рудольфом Гильфердингом в Германии, также боровшимся против захвата власти пролетариатом. Австро-германский оппортунист не знал, что совершает плагиат»⁴.

Мы не знаем большего оскорбления для членов Коммунистической партии, чем сравнение с прожженным социал-прохвостом Гильфердингом. Но тов. Троцкий позабыл о том, что писал Ленин 6 октября 1917 г.: «...возможны, при переходе от старого к новому, временные «комбинированные типы» (как справедливо указал «Рабочий путь» на днях), например, и республика Советов, и Учредительное собрание»⁵ (XIV, ч. 2, стр. 167). («Рабочий путь», вышедший вместо закры-

той «Правды», был в то время Центральным Органом партии, а статья в «Рабочем пути», на которую ссылается Ленин к неудовольствию тов. Троцкого, принадлежала тов. Зиновьеву.)

Отсюда следует, во-первых, что еще накануне восстания и Ленин и весь Центральный Комитет партии («Рабочий путь») признавали возможным временное сочетание Учредительного собрания с Советами, во-вторых, что говорить о «комбинированном типе» государства до нашего *Октябрьского* переворота совсем не то, что говорить о нем *после* опыта пролетарской диктатуры в России, и в-третьих, что следует... поосторожнее сравнение⁶.

Ошибки, признанные и исправленные, для партии не опасны. Вот почему Ленин и писал, что о них «неправильно вспоминать», но прошлые ошибки превращаются в опасность для сегодняшней борьбы, если на них настаивают или если их затушевывают.

Ошибки тов. Троцкого не случайны

Тов. Троцкий призывает к изучению Октября. Но *Октябрь* неразрывно связан со всей предшествующей и последующей историей партии. Тов. Троцкий в своих различных выступлениях не освещает сути своих неоднократных разногласий с Лениным и даже прямой борьбы против Ленина, а либо отрицает, либо прикрывает свои старые ошибки. Тов. Троцкий расходился с Лениным в вопросе о роли крестьянства в первой русской революции 1905 г. и в вопросе о «перманентной революции».

Признал ли тов. Троцкий правоту Ленина? Нет. Напротив, он говорил об «идейном перевооружении», якобы совершенном большевизмом в 1917 г., то есть что Ленин пришел к позиции Троцкого, а не наоборот. В «Уроках Октября» он по сути дела повторяет и развивает те же взгляды. Тов. Троцкий расходился с Лениным во время войны в ряде коренных вопросов. Признал ли он в этом правоту Ленина? Нет. Он нигде, ни одним словом не обмолвился об отказе от прежних взглядов, ограничившись утверждением, что Февральская революция ликвидировала старые разногласия. А между тем как раз по основному вопросу — об единстве с социал-шовинистами и центристами — Ленин в своих недавно опубликованных письмах из-за границы, на-

писанных *после* февральского переворота, особо предостерегал партию от позиции тов. Троцкого⁷.

Тов. Троцкий совершил крупнейшую ошибку во время брест-литовских переговоров. В своей книге «О Ленине» он, вместо того чтобы с большевистским мужеством признать ошибку, пытается задрапировать и смягчить ее рассуждением о том, что в восставшем походе⁸ Ленин сделал ту же ошибку, только «с меньшей степенью риска». Троцкий коренным образом разошелся с Лениным в 1921 г. по вопросу о профсоюзах и выступил в дискуссии против Ленина и всего ленинского ядра Центрального Комитета и профсоюзов. Всякий, кто прочтет протоколы X и XI съездов партии, увидит, что тов. Троцкий и эту свою ошибку прикрывает и обходит. Наконец, тов. Троцкий выступил в конце 1923 — начале 1924 г. в роли вождя мелкобуржуазной, антиленинской оппозиции внутри РКП. У всех еще в памяти его заявление на XIII съезде партии с отказом признать свою ошибку, несмотря на то что целый ряд фактов опроверг все основные утверждения оппозиции.

Тов. Троцкий оправдывает и затушевывает свои прежние ошибки. Тов. Троцкий искажает историю и уроки Октября. Поэтому мы вынуждены заявить: *тов. Троцкий мешает молодежи правильно понять историю партии*. Статьи и выступления тов. Троцкого, посвященные прошлому нашей партии, — препятствие в деле большевистского воспитания молодежи.

Каков же политический смысл выступления тов. Троцкого? Он выявляется в той платформе по международным вопросам, которую тов. Троцкий развивает и в своих последних речах, и в «Уроках Октября». По сути дела это — *правая платформа*. Расчет на длительную и относительно прочную демократически-пацифистскую эру, отодвигание германской революции и пр. сближает тов. Троцкого с правым крылом Коминтерна. Но оппортунистические элементы внутри Коммунистического Интернационала совместно с мелкобуржуазной «оппозицией» внутри самой нашей партии ведут атаку против старой гвардии большевизма, против ее руководства в рядах РКП и Коминтерна. И тов. Троцкий приходит им на помощь, обеляя⁹ свои прошлые ошибки и оппортунистические уклоны, искажая прошлое партии и подрывая доверие к старым кадрам большевизма в своих «Уроках Октября». Тов. Троцкий использует левую оппозицию в 1917 г. для того, чтобы протянуть руку оппортунистам в 1924 г.

Давайте изучать Октябрь

Мы принимаем призыв тов. Троцкого — «изучайте Октябрь». Этот призыв относится, естественно, в первую очередь к тому поколению, которое через Октябрь не прошло, но которому суждено довести дело Октября до конца. Но коммунистическая молодежь должна изучать Октябрь во всем объеме: в его подготовке, совершении и продолжении. Она должна изучать опыт Октября в тесной связи со всей историей большевистской партии. История Октября нуждается, конечно, в дальнейшей разработке. Наилучшим источником для его понимания является и остается все то, что написано Лениным.

И мы, вместе с тем, против *такого* изучения Октября, которое приводит к его искажению и подготовке *правой* политической платформы¹⁰ против линии, взятой нашей партией и всем Коминтерном. *По-ленински* понять всю нашу партийную историю, и в частности ее Октябрьские страницы, — вот наша задача. Но ни прежние выступления тов. Троцкого, ни его новая книга не могут служить нам проводником на этом пути.

Центральный комитет РЛКСМ
Ленинградский комитет РЛКСМ
Московский комитет РЛКСМ

Л. ТРОЦКИЙ
ИЗ КНИГИ
«СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ.
Поправки и дополнения к литературе эпигонов»

К вопросу о происхождении легенды о «троцкизме»
(Документальная справка)

В ноябре 1927 г., когда Зиновьев и Каменев, после почти двухлетнего пребывания в оппозиции, почувствовали потребность вернуться под кров сталинской бюрократии, они, в качестве проходного свидетельства, попытались снова предъявить заявление о своем несогласии с «троцкизмом». На свою беду, однако, Зиновьев и Каменев за время своего пребывания в оппозиции успели полностью раскрыть механику предшествующего периода (1923—1926), когда они вместе со Сталиным создавали легенду «троцкизма» лабораторно-заговорщическим путем.

Накануне своей высылки в Центральную Азию я обратился к ряду товарищей с нижеследующим письмом (привожу его, как и ответы, со второстепенными сокращениями).

Москва, 21 ноября 1927 г.

Дорогие товарищи!

Зиновьев, Каменев и их ближайшие друзья снова — после большого перерыва — начинают выдвигать легенду насчет «троцкизма».

По этому поводу я хотел бы установить следующие факты:

1. Когда разразилась так называемая «литературная дискуссия» (1924), некоторые из ближайших к нашей группе товарищей высказывались в том смысле, что опубликование мною «Уроков Октября» было тактической ошибкой, так как дало возможность тогдашнему большинству развязать «литературную дискуссию». Я со своей стороны утверждал, что «литературная дискуссия» все равно развернулась бы, независимо от того или другого повода. Суть «литературной дискуссии» состояла в том, чтобы выдернуть из всей прошлой истории партии как можно больше фактов и цитат против меня и — с нарушением перспектив и исторической правды —

преподнести все это неосведомленной партийной массе. К моим «Урокам Октября» «литературная дискуссия» никакого отношения по существу не имела. Любая из моих книг или речей могла послужить формальным поводом для того, чтобы обрушить на партию лавину травли против «троцкизма». Таковы были мои возражения тем товарищам, которые склонны были считать тактической оплошностью опубликование «Уроков Октября».

После того как наш блок с ленинградской группой сложился, я на одном из совещаний задал Зиновьеву в присутствии ряда товарищей примерно следующий вопрос:

— Скажите, пожалуйста, если бы я не опубликовал «Уроков Октября», имела бы место так называемая литературная дискуссия против «троцкизма» или нет?

Зиновьев без колебаний ответил:

— Разумеется. «Уроки Октября» были только предлогом. Без этого повод дискуссии был бы другой, формы дискуссии несколько другие, но и только.

2. В июльской декларации 1926 г., подписанной Зиновьевым и Каменевым, говорится: «Сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г. правильно предупреждало об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима. Между тем десятки и сотни руководителей оппозиции 1923 г., в том числе и многочисленные старые рабочие-большевики, закаленные в борьбе, чуждые карьеризму и угодливости, несмотря на всю проявленную ими выдержку и дисциплину, остаются по сей день отстраненными от партийной работы».

3. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК 14—23 июля 1926 г. Зиновьев сказал:

«У меня было много ошибок. Самыми главными своими ошибками я считаю две. Первая моя ошибка 1917 г. всем вам известна... Вторую ошибку я считаю *более опасной*, потому что ошибка 1917 г., сделанная при Ленине, Лениным была исправлена, а также и нами при его помощи через несколько дней, а *ошибка моя 1923 г.* заключалась в том, что...

Орджоникидзе. Что же вы морочили голову всей партии?

Зиновьев. Мы говорим, что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г., как это выявила эволюция руководящей ныне фракции, правильно предупреждало об опасностях сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима... Да, в вопросе об аппаратно-бюрократическом зажиме Троцкий оказался прав против нас» (стенограмма IV, стр. 33).

Таким образом, Зиновьев признает здесь свою ошибку 1923 г. (в борьбе против «троцкизма») даже более опасной, чем ошибка 1917 г. (выступление против Октябрьского переворота)!

4. Приведенное признание Зиновьева вызвало недоумение у многих ленинградских оппозиционеров второго ряда, которые, не будучи посвящены в заговор, искренно уверовали в легенду о «троцкизме». Зиновьев не раз говорил мне: «В Питере мы это вколотили глубже, чем где бы то ни было. Там поэтому труднее всего переучивать».

Очень отчетливо помню те слова, с которыми Лашевич накинулся на двух ленинградцев, прибывших в Москву для выяснения вопроса о троцкизме: «Да чего вы валите с больной головы на здоровую? Ведь мы же с вами выдумали этот «троцкизм» во время борьбы против Троцкого. Как же вы этого не хотите понять и только помогаете Сталину?» и пр.

Зиновьев в свою очередь сказал: «Ведь надо же понять то, что было. А была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросам. Для этого и был выдвинут „троцкизм“...»

На нас, участников группы 1923 г., эта беседа произвела большое впечатление, несмотря на то что механика борьбы против «троцкизма» была нам ясна и раньше.

Так как теперь Каменев и Зиновьев снова пытаются проявить то же «искусство», то есть связать старые разногласия с весьма свежим вопросом об их капитуляции, то я прошу вас вспомнить, принимали ли вы участие в одной из указанных выше бесед, и что именно вы помните.

С коммунистическим приветом *Л. Троцкий.*

Письмо Е. Преображенского

Подтверждаю все изложенное в настоящем документе. Только Лашевич сказал: «Ведь мы же сами выдумали» и т. д., без слов «с вами», потому что, насколько я помню, два питерских товарища, о которых идет речь, совершенно искренно беспокоились насчет «троцкизма» и вряд ли были в курсе зарождения всего плана борьбы с «неотроцкизмом». Собрание происходило у Каменева близко к дате 16 октября, до или после, не помню.

29 декабря 1927 г.

Е. А. Преображенский

Письмо Г. Пятакова

Дорогой Лев Давыдович!

Вы просили меня изложить письменно то, что я помню о речах Лашевича и Зиновьева на квартире Каменева, когда происходил разговор о «троцкизме» с приехавшими из Ленинграда товарищами. Всего разговора я не помню. Но так как к вопросу о так называемом «троцкизме» я всегда относился весьма болезненно и отношение оппозиции 1925—26 г. к этому вопросу всегда представляло для меня громадный политический интерес, то я очень твердо помню то, что нам сказали Зиновьев и Лашевич. Я не помню текста речей. Смысл же помню хорошо: «троцкизм» был выдуман для того, чтобы подменить те действительные разногласия мнимыми, то есть разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными в вышеуказанных целях. Это говорилось приехавшим ленинградцам, колебавшимся по вопросу о «троцкизме», и им разъяснялось, почему и как была создана легенда о «троцкизме».

2 января 1928 г. Москва.

Пятаков.

Письмо К. Радека

При первом разговоре не присутствовал. Но слышал о нем от Л. Д. после того, как он состоялся.

Но присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Л. Б. (Каменев) расскажет на пленуме ЦК, как они (т. е. Каменев и Зиновьев) совместно со Сталиным решили использовать старые разногласия Л. Д. (Троцкого) с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст и Зиновьева, и Каменева о том, что они «изобретали» троцкизм как актуальный лозунг.

25 декабря 1927 г.

К. Радек.

Радек вспоминает здесь очень яркий эпизод, упущенный в моем письме. Во время июльского пленума 1927 г. Зиновьев и Каменев попали под особенно жестокий обстрел цитатами из их собственных писаний против «троцкизма». Надеясь вторично выступить по вопросу об оппозиции, Каменев собирался, как он выразился, взять быка за рога и прямо заявить на пленуме, как и по каким причинам была изобретена троцкистская опасность, с целью организованной борьбы против Троцкого. Список ораторов был, однако, закрыт, и Каменев вторично слова не получил.

Л. Троцкий.

Письмо Х. Г. Раковского

Дорогой Лев Давыдович!

В беседе, на которую ты ссылаешься, я участия не принимал (не был в Москве, так как уехал после пленума в Париж). Однако осенью, когда приехал обратно, я слышал от тебя, а также от Преображенского в Париже, как о разговоре с Зиновьевым, так в частности и о заявлении Лашевича («не нужно валить с больной головы на здоровую»). И тот и другой (т. е. и Зиновьев, и Лашевич) утверждали сами, что аргумент от «троцкизма» и «перманентной революции» был притянут за волосы исключительно с целью дискредитировать оппозицию 1923 г.

28 декабря 1927 г.

С приветом Х. Раковский.

Письмо В. Б. Эльцина

Дорогой Лев Давидович!

В одной из бесед, происходивших на квартире Каменева, накануне подачи заявления от 16 октября, я совершенно точно запомнил это, произошел эпизод, касающийся «литературной дискуссии» по «Урокам Октября».

На вопрос Льва Давидовича, состоялась ли бы дискуссия против «троцкизма», если бы на свет не появились «Уроки Октября», Зиновьев ответил, что, «конечно, состоялась бы», так как план начать эту дискуссию был заранее предрешен и искали только повода. Никто из присутствовавших при этом сторонников группы 1925 г. («зиновьевцев») не возражал. Все приняли это сообщение Зиновьева как факт общеизвестный.

2 января 1928 г.

В. Эльцин.

Таковы свидетельские показания, которые я успел перед высылкой получить в Москве. Они только иллюстрируют то, что более осведомленным товарищам ясно было и без того. Они достаточно ярко освещают малопривлекательную идеологическую чехарду в вопросе о «троцкизме». С 1917 до 1923 г. о троцкизме не было и речи. На этот период, помимо всего прочего, падает Октябрьский переворот, гражданская война, строительство советского государства и Красной армии, выработка партийной программы, учреждение Коммунистического Интернационала, образование его кадров, составление его основных документов, в том числе программных тезисов и манифестов Коминтерна. В 1923 г., после отхода

Ленина от работы, вспыхивают в основном ядре ЦК серьезные разногласия, которые в течение дальнейших четырех лет развертываются в две непримиримые линии. В 1924 г. призрак «троцкизма» — после тщательной закулисной подготовки — выпускается на сцену. Вдохновителями кампании являются Зиновьев и Каменев. Они стоят во главе — по тогдашнему — «старой большевистской гвардии». По другую сторону — «троцкизм». Но группа «старой гвардии» раскалывается в 1925 г. Зиновьев и Каменев уже через несколько месяцев оказываются вынуждены признать, что основное ядро оппозиции 1923 г., так называемые «троцкисты», в коренных вопросах разногласий оказались правы. Это признание является жесточайшей карой за злоупотребления в области партийной теории. Более того: Зиновьев и Каменев вскоре сами оказались зачисленными в число «троцкистов». Трудно придумать иронию судьбы, более беспощадную!

XV съезд партии ничего не изменил в политической линии большинства, наоборот — закрепил ее. Он осудил оппозицию и поставил ее вне партии. Этого оказалось для Зиновьева и Каменева достаточным, чтобы припрятать опасность термидора, но зато попытаться снова возродить призрак «троцкизма». Не будет ничего неожиданного, если Зиновьев приступит к писанию брошюры против троцкистской опасности, а Каменев будет ссылаться на свои речи и статьи 1923—1924 гг.

Беспринципность в себе самой несет свою кару. Она расшибается о факты, подрывает к себе доверие и в конце концов становится смехотворной.

Отдельные люди, даже и такие значительные, как Зиновьев и Каменев, приходят и уходят, а политическая линия остается.

Москва, 8 января 1928 г.

После того как были написаны эти строки, прошло более двух лет. Главные свидетели по делу о фальсификаторах, создавших легенду о «троцкизме», Пятаков и Радек, подписывая свое красноречивое показание... не предвидели, что им самим понадобится через несколько месяцев вступить на оный путь. Поистине несповедимы пути идейного сползания! Велика сила революционного отлива: барахтаются в нем люди так, что в пене не отличить голов от ног.

При всей своей трагикомической внешности судьба капитулянтов имеет, однако, очень серьезное значение: слабость людей только подчеркивает силу идей.

Не автор этих строк, а его противники строят и оценивают все группировки в партии по линии их отношения

к «троцкизму». На борьбе с «троцкизмом» Сталин стал «теоретиком», а Молотов вождем. Зиновьев и Каменев шли со Сталиным, порвали с ним, вернулись к нему, — оселком каждый раз служил «троцкизм». Правое крыло (Бухарин, Рыков, Томский) порвало со Сталиным, обвиняя его в «троцкизме». Сталин умудрился возвращать то же обвинение правым. Пятаков, Радек и другие капитулянты второго призыва оказались вынужденными напиться из того же колодца.

Что все это значит? Прежде всего то, что у этих людей и групп нет ничего самостоятельного за душой. Они все от чего-то отталкиваются, временно к чему-то притягиваются, чтоб опять оттолкнуться. Это «что-то» они называют «троцкизмом». Под этим псевдонимом они сводят свои счета с доктриной Маркса и Ленина.

Революция — суровая школа. Она не жалеет позвоночника, ни физических, ни моральных. Целое поколение вышло в тираж, истрепалось нервно, израсходовалось духовно. Сохранились немногие. Опустошенные составляют огромный процент на вершинах сталинской бюрократии. Аппаратные скрепы придают им внушительный вид, как парадная форма генералу-рамолитику. События будут обнаруживать и подтверждать опустошенность сталинской «гвардии» при каждом новом испытании. На капитуляциях по вопросу о «троцкизме» тысячи и десятки тысяч дрессировались в искусстве капитуляций вообще.

Чередование политических поколений есть очень большой и очень сложный вопрос, встающий по-своему, по-особому, перед каждым классом, перед каждой партией, но встающий перед всеми.

Ленин не раз издевался над так называемыми «старыми большевиками», и даже говаривал, что революционеров в 50 лет следовало бы отправлять к праотцам. В этой невеселой шутке была серьезная политическая мысль. Каждое революционное поколение становится на известном рубеже препятствием к дальнейшему развитию той идеи, которую оно вынесло на своих плечах. Политика вообще быстро изнашивает людей, а революция тем более. Исключения редки, но они есть: без них не было бы идейной преемственности.

Теоретическое воспитание молодого поколения есть сейчас задача задач. Только этот смысл и имеет борьба с эпигонами, которые, несмотря на свое видимое могущество, идейно уже вышли в тираж.

7 февраля 1930 г. Константинополь.

Л. Троцкий.

ИСТОЧНИКИ, ПРИМЕЧАНИЯ, КОММЕНТАРИИ

В. И. Старцев

ВТОРОЙ РАУНД СМЕРТЕЛЬНОЙ СХВАТКИ

¹ *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 2. М., 1990. С. 321—322.

² Там же. С. 334—335. — *Ипполит Тэн* (1828—1893) — французский философ и историк. Троцкий имеет в виду его пятитомную работу «Происхождение современной Франции», содержащую, в частности, критику Великой французской революции.

³ См., напр.: *Троцкий Л. Д.* Сталинская школа фальсификаций// Вопросы истории. 1989. № 7—10, 12; 1990. № 1.

⁴ См.: *Васецкий Н. А.* О Троцком и троцкизме. М., 1989; *Старцев В. И. Л. Д. Троцкий* (Страницы политической биографии). М., 1989; см. также: *Кораблев Ю. И.* Троцкий Лев Давидович// Респуб-военсовет Республики. М., 1991. С. 19—55.

⁵ *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. 448 с.

⁶ В протоколе ЦК РСДРП(б) от 16 октября 1917 г., который вел член ЦК А. А. Иоффе, нет записи выступления Л. Д. Троцкого. Однако сам Иоффе в воспоминаниях, опубликованных 12 октября 1927 г. в газете «Бакинский рабочий», писал об этом заседании так: «Владимир Ильич становился все веселее и спокойнее, а после блестящей речи тов. Троцкого за восстание, с изложением тактики его подготовки, и совсем развеселился» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 4 С. 208)

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

⁸ Протокол заседания ЦК РСДРП(б) от 1 ноября 1917 г. с двумя речами В. И. Ленина был изъят уже в корректуре из документальной публикации «Первый легальный ПК большевиков в 1917 г.» (Л., 1927) и 62 года скрывался от советского читателя. Эти речи не были даже включены в Полное собрание сочинений В. И. Ленина.

⁹ В брошюре «Новый курс», вышедшей в середине января 1924 г. и, так сказать, предшествовавшей во многих смыслах «Урокам Октября», Троцкий опубликовал текст своего предложения, внесенного в Политбюро в феврале 1920 г. Оно включало в себя, в частности, два пункта: «1) Заменить изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходно-прогрессивный натуральный налог) с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка предоставляли выгоду; 2) установить большее соответствие между выдачей крестьянам продуктов промышленности и количеством сыпанного ими хлеба не только по волостям и селам, но и по крестьянским дворам» (*Троцкий Л. Д.* Новый курс. М., 1924. С. 54. Новейшая публикация: *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 197—198). Нетрудно

заметить значительное сходство между этими предложениями и первым вариантом предложений по переходу от продразверстки к продналогу, сделанным В. И. Лениным на X съезде РКП(б). Конечно, предложение Троцкого было уже по кругу своего действия, чем ленинское. Второй его пункт означал попытку не допустить свободы торговли путем замены ее скрупулезно проводимым государственным распределением, по сути дела идеальным продуктообменом. Но тут надо вспомнить, что и Ленин в первые месяцы после X съезда не допускал свободы торговли, предполагал открыть по стране сеть пунктов продуктообмена, а никак не товарообмена. Ленинский план сорвался из-за недостатка продуктов в стране и выродился в торговлю, куплю-продажу.

¹⁰ Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 191.

¹¹ Там же. С. 192.

¹² Там же.

¹³ См.: Ленин В. И. Письмо к съезду// Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—344.

¹⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 157—158.

¹⁵ См. там же. 1989. № 12. С. 193.

¹⁶ См. там же. 1990. № 5. С. 174—175.

¹⁷ См. там же. С. 165—166.

¹⁸ См. там же. С. 175.

¹⁹ Там же. С. 172.

²⁰ Там же. С. 175—179.

²¹ Там же. № 6. С. 189.

²² Там же. С. 190.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 191.

²⁵ См. там же. С. 194.

²⁶ Там же. № 7. С. 174.

²⁷ Там же. С. 179.

²⁸ Там же. С. 188.

²⁹ Там же. С. 189.

³⁰ См.: ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. 1898—1925. М., 1936. С. 542—543.

³¹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 202.

³² Цит. по: Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. 2. С. 251—252.

³³ См.: Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 181, 192.

³⁴ Л. Д. Троцкий как мемуарист обладал очень хорошей памятью на ситуации, на идеи, высказанные разными политическими деятелями, с которыми он взаимодействовал. Хуже у него обстояло с памятью на даты. Как историк Троцкий старался опираться на документы, по его заданию велись поиски их в библиотеках и главных хранилищах страны. Но многое так и осталось тогда забытым или найденным. Здесь, в этом предисловии, дана лишь общая оценка «Урокам Октября», показано значение статьи Троцкого для историографии Октябрьской революции. Сегодня историки Октября знают фактологию событий во многом полнее, чем Троцкий в 1924 г. Поэтому мы видим немало неточностей и даже фактических ошибок в этой его работе. Некоторые из этих конкретных ошибок оговорены в комментариях.

³⁵ См.: Бурджалов Э. Н. 1) О тактике большевиков в марте — апреле 1917 г. // Вопросы истории. 1956. № 4; 2) Еще раз о тактике большевиков в марте — апреле 1917 г. // Вопросы истории. 1956. № 8.

³⁶ См.: *Бугаев Е. И.* К вопросу о тактике партии в марте — начале апреля 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1957. № 1.

³⁷ См.: *Партия и Великий Октябрь*: (Историографический очерк). М., 1976. С. 183.

³⁸ *Ленин В. И.* Русская революция и гражданская война. *Пу- гают гражданской войной*// ПСС. Т. 34. С. 216.

³⁹ См. об этом: *Прохватиллов Ю. А.* Июньская демонстрация. Л., 1967. С. 68 и др.

⁴⁰ В опубликованных работах В. И. Ленина таких слов нет. Но вот «разведкой» Ленин июльские дни называл. В докладе на VII съезде РКП(б) он говорил: «...в смысле разведки в стане врагов июльские события имели огромное значение» (ПСС. Т. 36. С. 4).

⁴¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 196.

⁴² Там же.

⁴³ *Ленин В. И.* О борьбе внутри Итальянской социалистической партии // ПСС. Т. 41. С. 417.

⁴⁴ См.: *Орджоникидзе Г. К.* Ильич в июльские дни // Воспоми- нания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 525.

⁴⁵ См.: *Ленин В. И.* Русская революция и гражданская война. *Пу- гают гражданской войной*// ПСС. Т. 34. С. 216.

⁴⁶ *Ленин В. И.* Большевики должны взять власть: *Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комите- там РСДРП(б)* // Там же. С. 240.

⁴⁷ *Ленин В. И.* Письмо к товарищам // Там же. С. 403.

⁴⁸ Б. Бажанов свидетельствует как очевидец, что, когда Ста- лин в конце 1926 г. отстранил Каменева и Зиновьева от власти, Зиновьев напомнил ему, что ведь именно им удалось спасти его в свое время от падения в политическое небытие, и с горечью спросил: «Знает ли товарищ Сталин, что такое благодарность?» Товарищ Сталин вынул трубку изо рта и ответил: «Ну как же, знаю, очень хорошо знаю, это такая собачья болезнь» (*Бажанов Б.* Кремль, 20-е годы: *Воспоминания бывшего секретаря Сталина*// Огонек. 1989. № 40. С. 26).

Л. Д. Троцкий УРОКИ ОКТЯБРЯ

ТРОЦКИЙ ЛЕВ ДАВИДОВИЧ (1879—1940). В революцион- ном движении с 1897 г. Член большевистской партии в 1917— 1927 гг. Член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1919—1926 гг. Входил в Оргбюро ЦК в период между VIII и IX съездами партии и с сентября 1923 г. по май 1924 г.

Активный участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917 г.

С 1917 г. председатель Петроградского Совета, нарком по иностранным делам РСФСР. В 1918—1925 гг. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета, одновременно в марте — декабре 1920 г. нарком путей сообщения и председатель ЦК союза транспортных рабочих (в 1920—1921 гг.). С 1925 г. член Президиума ВСНХ СССР, председатель Главконцесскома. Член ВЦИК и ЦИК СССР.

На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1926 г. вы- веден из Политбюро, в октябре 1927 г. исключен из состава ЦК. Постановлением ЦК и ЦКК 14 ноября 1927 г. исключен из партии. В 1927 г. сослан в Алма-Ату, в 1929 г. выслан за границу, в 1932 г.

лишен советского гражданства. 20 августа 1940 г. убит в Мексике подосланным Сталиным агентом НКВД Р. Меркадером.

¹ Ленин В. И. К лозунгам // ПСС. Т. 34. С. 10.

² Данные рассуждения Троцкого и оценка им меньшевиков показывают, насколько беспочвенными были обвинения его в меньшевизме.

³ Курсив Л. Д. Троцкого. Во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса эта мысль изложена в следующем переводе: «И в определенный момент, который наступает не всюду одновременно и не обязательно на одинаковой ступени развития, она начинает замечать, что ее неразлучный спутник — пролетариат — стал перерастать ее» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 416).

⁴ Неточность: данная формула была изложена В. И. Лениным летом 1905 г., а не «накануне 1905 г.» в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (см.: Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 72—74). Там же говорится о том, что у диктатуры пролетариата есть прошлое и будущее. Это будущее — «дорога от мелкобуржуазной демократической республики к социализму» (с. 74). Выражение же «социалистическая диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство» принадлежит Троцкому периоду начала 20-х гг., когда он пытался согласовать свои старые взгляды с работами Ленина. В чистом виде взгляды самого Троцкого на диктатуру пролетариата 1905 г. см. в его работе «Итоги и перспективы. Движущие силы революции» (Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990).

⁵ Ленин В. И. Письма о тактике // ПСС. Т. 31. С. 133.

⁶ Там же. С. 140.

⁷ Возможность прихода большевистской партии к власти в случае новой революции и свержения царизма В. И. Ленин предусматривал еще в статье «Несколько тезисов», написанной совместно с Г. Е. Зиновьевым осенью 1915 г. (ПСС. Т. 27. С. 50). При первых же известиях о Февральской революции В. И. Ленин в письмах А. М. Коллонтай из Цюриха (Швейцария) выставил лозунг борьбы за завоевание власти Советами рабочих депутатов (ПСС. Т. 49. С. 400—403). В Апрельских тезисах Ленин выдвинул эту задачу уже перед партийными работниками в Петрограде (ПСС. Т. 31. С. 113—116).

⁸ У Ленина: «империалистской».

⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 29—30.

¹⁰ У Ленина: «демократический мир».

¹¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 49.

¹² Там же. С. 51.

¹³ Ленин В. И. Доклад на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов 4 (17) апреля 1917 г. // ПСС. Т. 31. С. 107.

¹⁴ У Ленина: «правительства».

¹⁵ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии) // ПСС. Т. 31. С. 170—171.

¹⁶ Можно даже сказать «с первой же ночи». Сохранившиеся заметки Ленина с конспектами ответа на приветствия во время встречи в особняке Кшесинской показывают, что он сразу же начал возражать Л. Б. Каменеву и другим по вопросам о переходе революции ко второму ее этапу.

¹⁷ Протоколы VII (Апрельской) Всероссийской и Петроградской общегородской (14—22 апреля 1917 г.) конференций РСДРП(б)

были впервые изданы Истпартом ЦК РСДРП(б) в 1925 г., затем переизданы Институтом Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) в 1934 г. и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1958 г.

¹⁸ Троцкий неточен. Ленинская позиция учитывала оба варианта: переход власти к эсеро-меньшевистским Советам или их большевизацию прежде.

¹⁹ У Каменева: «мелкобуржуазного блока».

²⁰ Л. Д. Троцкий приводит фрагменты из содоклада Л. Б. Каменева на Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) (см.: Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 80—81).

²¹ У Ногина: «не сможем».

²² У Ногина: «При Советах же, как они есть теперь».

²³ Из выступления В. П. Ногина на Петроградской конференции (там же. С. 102—103).

²⁴ Из выступления А. И. Рыкова (там же. С. 106, 107).

²⁵ Идея классового сдвига была разработана В. И. Лениным еще в мае — июне 1917 г. 27 июня в «Правде» была напечатана ленинская статья «Классовый сдвиг» (ПСС. Т. 32. С. 384—386).

²⁶ Эта «качественная» оценка нуждается в количественном дополнении: большинство высказалось за позицию Ленина и предлагаемый им план борьбы за переход революции ко второму этапу. Все проекты резолюций Ленина, кроме одного, были приняты конференцией.

²⁷ На заседании ЦК поздно вечером 9 июня 1917 г. по вопросу об отмене демонстрации большевиков, намечавшейся на 10-е число, Г. Е. Зиновьев впервые присоединился к Л. Б. Каменеву. Его голос решил вопрос об отмене положительно. Ленин был против отмены демонстрации, но при голосовании воздержался, так как не хотел выступать против большинства ЦК. За отмену демонстрации Ленин не голосовал потому, что считал решение I съезда Советов об этом незаконным и антинародным.

²⁸ Здесь Л. Д. Троцкий лишь приближенно передает ленинскую мысль. 21 июня 1917 г. В. И. Ленин писал в «Правде» в статье «Революция, наступление и наша партия»: «С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая, по-прежнему, рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления. Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы, попав в зависимость от империализма, проводят этап мелкобуржуазных иллюзий, мелкобуржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм. Этот этап надо изжить. Поможем скорее и болезненнее изжить его» (ПСС. Т. 32. С. 355—367).

²⁹ Среди того, что опубликовано на сегодня из ленинских документов за 4 июля 1917 г. (3 июля Ленин все еще находился на отдыхе в Мустамьяках на Карельском перешейке и о событиях в Петрограде узнал только рано утром 4 июля), нет ничего, что давало бы повод думать, что Ленин склонялся к возможности попытки взятия власти в этот день. Но ретроспективные оценки событий показывают, что Ленин не был чужд мысли о возможности взятия власти, так как признавал, что город моментами был «в наших руках» (см.: ПСС. Т. 34. С. 77—78, 243).

³⁰ Ленин В. И. О конституционных иллюзиях // ПСС. Т. 34. С. 44.

³¹ Ленин В. И. О выступлении Каменева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции // Там же. С. 70.

³² Там же. С. 71.

³³ За перемену названия партии В. И. Ленин впервые выступил не 10 апреля, а сразу же по приезде в Петроград (см.: ПСС. Т. 31. С. 100, 111, 116).

³⁴ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Там же. С. 183.

³⁵ У Ленина: «сбросить».

³⁶ Там же.

³⁷ У Ленина здесь: «(подобно Володарскому)». В ПСС письмо воспроизведено не по газете «Правда» от 7 ноября 1920 г., а по рукописи, написанной В. И. Лениным 30 августа (12 сентября) 1917 г.

³⁸ Ленин В. И. В Центральный Комитет РСДРП // ПСС. Т. 34. С. 119.

³⁹ У Ленина: «иные».

⁴⁰ Там же. С. 119—120. — Л. Д. Троцкий привел только часть статьи В. И. Ленина с замечаниями. Но статья кончается таким постскриптумом: «Прочитав, *после* написания этого, шесть номеров „Рабочего“, должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М.-на и Вол-го (В. Милютин и В. Володарского. — Сост.). О речи Володарского прочел письмо его в редакцию, которое тоже «ликвидирует» мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания!» (там же. С. 121).

⁴¹ Ленин В. И. О героях подлога и ошибках большевиков // Там же. С. 253. — Демократическое совещание вначале вызвало у всех большевиков, включая В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева, однозначно положительную оценку. Все они выступали до открытия совещания за участие в нем. Но накануне открытия совещания Ленин изменил свое отношение к нему. В письмах о восстании содержались призывы к большевистской фракции совещания взять на себя функции партийного съезда и немедленно принять решение об организации восстания в течение ближайших дней (см. там же. С. 240, 244—247). Троцкий, как и Каменев, как и большинство членов ЦК, не согласился с Лениным на заседании ЦК РСДРП(б) 15 сентября 1917 г., где были оглашены письма В. И. Ленина. Они продолжали на совещании ту же линию на поиски компромисса с меньшевиками и эсерами, чтобы побудить их образовать свое правительство и заставить Керенского уйти в отставку. Далее — 17—18 сентября — сменил свою позицию Троцкий: он пришел к выводу (схожему с ленинским), что совещание не сможет выполнить эту задачу, а соглашатели заключат компромисс не с большевиками, а с Керенским. Тогда он выдвинул идею созыва съезда Советов для решения на нем вопроса о власти. Каменев же и большинство фракции остались на старых позициях. Это и проявилось при обсуждении вопроса о вхождении в Предпарламент. Только тут позиции Троцкого и Ленина действительно совпали. Ленин аплодировал Троцкому за его предложение бойкотировать Предпарламент (см. там же. С. 262).

⁴² В тексте: «парламентом» (опечатка в обоих изданиях 1924 г. сборника «Об „Уроках Октября“»).

⁴³ Ленин В. И. Марксизм и восстание // Там же. С. 245. — Эти слова В. И. Ленина взяты из указанного здесь письма, написанного 13—14 сентября 1917 г., когда сам Троцкий придерживался

еще противоположного взгляда. Цитируя разные ленинские произведения, Троцкий нередко нарушает принцип историзма (как часто делают и его оппоненты). В данном случае Троцкий пытается создать иллюзию, что сам он все время разделял ленинские взгляды на Демократическое совещание и Предпарламент. Ленин признавал и свою ошибку, и заявлял, что надо было бойкотировать и Демократическое совещание, а не только Предпарламент. Такой позиции в середине сентября еще не занимал ни один руководящий работник большевистской партии.

⁴⁴ Ленин В. И. Кризис назрел// Там же. С. 282.

⁴⁵ Неточность: большевики вышли из Предпарламента 7 октября. Сам Троцкий и огласил декларацию о выходе, после чего большевистская фракция покинула Белый зал Марининского дворца. Далее есть некоторая неточность и в датах образования Военно-революционного комитета Петроградского Совета. 9 октября были приняты решения Исполкома и общего собрания, затем 11 октября руководство военного отдела Исполкома утвердило проект «Революционного штаба обороны». 12 октября он был утвержден Исполкомом, причем Троцкий предложил изменить название на «Военно-революционный комитет». 13 октября Положение о ВРК было утверждено солдатской секцией Петроградского Совета, а 16 октября — общим собранием всего Совета. 18 октября и в ночь на 19-е состоялись организационные собрания ВРК; а 20-го — первое заседание выделенного им бюро. С этого дня работа ВРК стала регулярной.

⁴⁶ Письмо Г. Е. Зиновьева и Л. Б. Каменева «К текущему моменту» см.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 87—92. Тогдашнюю же критику этого письма В. И. Лениным см.: Ленин В. И. Письмо к товарищам //ПСС. Т. 34. С. 398—422.

⁴⁷ Идея о том, что у крестьянства не может быть самостоятельной политической позиции, принадлежала к стойким убеждениям Троцкого. Ее буквально в тех же словах можно обнаружить в его итоговой работе 1905 г. «Итоги и перспективы» (см.: Троцкий Л. Д. К истории русской революции. С. 80—110).

⁴⁸ Образно говоря, победу в вооруженном восстании в Петрограде можно считать бескровной. При штурме Зимнего дворца было убито 6 солдат Павловского полка, ранено около 50 нападавших и 3 юнкера, было также несколько человек погибших в городе в ту же ночь при невыясненных обстоятельствах. В Февральскую революцию, которую тоже нередко называли «бескровной», погибло несколько сот человек только в Петрограде. Но в октябре 1917-го, уже через четыре дня, при подавлении восстания юнкеров счет убитых пошел на десятки, а при подавлении похода Керенского — Краснова — на сотни. Силы контрреволюции были действительно невелики, но и о «нуле» говорить — некорректно.

⁴⁹ Троцкий здесь абсолютно прав (идя за Лениным) и по отношению к России, и по отношению к Германии. Если бы момент был упущен в конце октября 1917 г. и Учредительное собрание было созвано Временным правительством, и в срок, 28 ноября, никакого восстания уже нельзя было бы устроить. Мелкобуржуазная масса колебнулась бы в сторону правительства и эсеровской партии — партии большинства в Учредительном собрании. Точно так же, пропустив момент в октябре 1923 г., германские коммунисты больше не дождались новой революционной

ситуации. Они дождались только конституционной победы национал-социалистов и гитлеровских концлагерей.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 74—75.

⁶¹ Ленин В. И. Марксизм и восстание// Там же. С. 247.

⁶² Мысль о том, что Ленин предлагал провести восстание в сентябре «партийным путем и от лица партии», наиболее яростно оспаривалась оппонентами Троцкого в данной «литературной дискуссии». Между тем основания для этого есть. Вспомним хотя бы названия некоторых ленинских работ этого времени. Письмо в ЦК — «Большевики должны взять власть». *Большевики*, а не Советы должны взять власть. Брошюра — «Удержат ли большевики государственную власть?». Опять же *большевики*, а не Советы. А с каких слов начинается вышеуказанное письмо? «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки». Чуть ниже: «Большевистское правительство *одно* удовлетворит крестьянство»; «Почему должны взять власть именно *теперь* большевики»; «...задачу сделать ясной для партии... завоевание власти, свержение правительства»; «Ждать „формального“ большинства у большевиков наивно: ни одна революция *этого* не ждет» (ПСС. Т. 34. С. 239—241). Но, с другой стороны, Ленин считал, что аппаратом восстания и взятия власти, первым аппаратом новой государственной власти должны стать Советы — Петроградский и Московский — и демократические организации. Среди его рассуждений о возможности взятия власти большевиками в Москве есть такой тезис: Московский Совет объявляет себя правительством. Так что в постановке вопроса Троцким есть некоторое заострение, пренебрежение тем, что ему казалось второстепенным. В то же время Троцкий прав в том, что ЦК не принял этого подхода. Вначале он отверг вообще предложение Ленина о восстании. И лишь 29 сентября, приняв написанное Г. Е. Зиновьевым обращение «Перед съездом Советов» (опубликовано 30 сентября 1917 г. в «Рабочем пути»), согласился как с Троцким, предлагавшим подождать съезд Советов для решения на нем вопроса о власти, так и с Каменевым, предлагавшим не выходить из Предпарламента. Но этот курс продержался только пять дней. 5 октября ЦК РСДРП(б), несмотря на возражения Каменева, решил выйти из Предпарламента, а в ночь на 11 октября Ленину удалось настоять на том, чтобы ЦК одобрил проведение восстания в ближайшие дни, без всякой связи со съездом Советов. Решение расширенного заседания ЦК, принятое в ночь на 16 октября, формально не ставило восстание в связь со съездом Советов, но указывало, что сигнал к нему дадут «ЦК и Совет». В эти дни, вероятно, был достигнут какой-то компромисс между Лениным и Троцким. Ленин согласился с тем, чтобы сроки восстания и съезда Советов сблизились, но все равно настаивал на том, чтобы съезд был поставлен уже перед фактом предварительного захвата власти большевиками от имени Петроградского Совета.

⁶³ Ленин В. И. Кризис назрел// ПСС. Т. 34. С. 280—281.

⁶⁴ У Ленина: «ребячья».

⁶⁵ У Ленина: «позорная».

⁶⁶ Ленин В. И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам// ПСС. Т. 34. С. 340.

⁶⁷ Ленин В. И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд// ПСС. Т. 34. С. 343.

⁶⁸ У Ленина: «много».

⁵⁹ Ленин В. И. Письмо членам ЦК // ПСС. Т. 34. С. 435, 436.

⁶⁰ В известном смысле Л. Д. Троцкий прав: все перечисленные им меры во многом предопределяли будущий успех восстания. Они возродили фактическое двоевластие, ибо своим авторитетом Петроградский Совет обеспечивал защиту тех военнослужащих, которые отказывались выполнять приказы штаба округа и повиновались теперь распоряжениям Совета. Однако возникшее равновесие долго продержаться не могло. Если бы не началось «настоящее» восстание, Временное правительство имело бы некоторые шансы переломить ситуацию в свою пользу. Как всегда парадоксальный, ход мысли Троцкого, по которому восстание 24—25 октября «имело только дополнительный характер», привел к явному литературному преувеличению. Его не следует понимать буквально. Благоприятная обстановка для вооруженного выступления способствовала его успеху, но никак не могла «заменить» это восстание и арест Временного правительства.

⁶¹ Эти соображения Троцкого тоже имеют под собой реальную почву. Изучение резолюций солдатских митингов и собраний с начала октября по двадцатые числа показывает, что солдаты в особенности с охотой принимали идею о решении вопроса о власти съездом Советов. Вообще они выражали желание идти за Советом, выполнять его распоряжения, но никак не партии. Рабочие же, напротив, чаще в своих резолюциях настаивали на передаче власти в руки большевистской партии, говорили о доверии большевикам. Поэтому лозунг съезда Советов как организации, которая возьмет власть, облегчал подготовку солдатских масс гарнизона к участию в вооруженном выступлении против Временного правительства. Это нисколько не отменяет правоту ленинского требования начинать восстание до съезда, ибо опасения контрнаступления правительства перед заранее объявленной датой перехода власти были оправданны. Другое дело, что слабость правительства оказалась так велика, что оно практически не смогло воспользоваться своим тактическим преимуществом. Начав первым — нападение на типографию газеты «Рабочий путь», предположение об аресте членов ВРК и возможной экспедиции против Смольного, — правительство так и не смогло довести это наступление до конца в день 24 октября 1917 г.

⁶² «Игра» со штабом округа и правительством продолжалась 22 и 23 октября под прямым нажимом Троцкого. Керенский потому и решился напасть на типографию «Рабочего пути», что ему доложили о принятии ВРК условий штаба об урегулировании конфликта по поводу телефонограммы ВРК о неподчинении приказам штаба. Таким образом, был упущен наиболее благоприятный день для начала восстания — 23 октября 1917 г., что и вызвало огромное беспокойство В. И. Ленина. Если бы у Временного правительства оказалось больше сил, то эта «игра» дорого бы обошлась ВРК и Петроградскому Совету. Так что, как правильно замечал Троцкий, всякий обман противника есть дело тонкое, можно и самому обмануться.

⁶³ Троцкий имеет в виду Л. Б. Каменева, который, судя по протоколу утреннего заседания ЦК РСДРП(б) 24 октября, вел переговоры с ЦИК Советов первого созыва об урегулировании конфликта и был в курсе хода переговоров делегации ВРК со штабом округа.

⁶⁴ Говорить о «широком обволакивающем маневре» можно было бы, если бы он был заранее подготовлен и носил тщательно продуманный характер. На самом деле этот «маневр» складывался

стихийно как некая равнодействующая сила между яростным и страстным напором Ленина в пользу немедленного восстания, категорическим неприятием восстания со стороны Каменева и Зиновьева и стремлением Троцкого найти какую-то среднюю линию, позволявшую ему лично все время держаться на поверхности событий. Поэтому «широкий обволакивающий маневр» есть очередное красивое литературное преувеличение Троцкого, его не следует принимать всерьез.

⁶⁵ Троцкий правильно указывает на колебания руководства большевиков в Москве как на одну из причин затяжки восстания. Справедливо замечание и относительно гарнизона. Но было и еще одно условие: храбрость и инициатива юнкеров, сила сопротивления штаба Московского военного округа в противоположность полной апатии питерских юнкеров и протрации, в которую впал штаб Петроградского ВО во главе с главнокомандующим войсками округа полковником Г. П. Полковниковым.

⁶⁶ Эти рассуждения Л. Д. Троцкого показывают, что те годы, которые мы сегодня знаем как время стабилизации капитализма и постепенного выхода из социальной напряженности первых послевоенных лет, он (вероятно, под влиянием германских и болгарских событий 1923 г.) считал близким преддверием мировой революции. Это делает ему честь как революционеру, но говорит одновременно о его теоретических и политических просчетах.

⁶⁷ В воспоминаниях Г. К. Орджоникидзе, посетившего В. И. Ленина и Г. Е. Зиновьева в Разливе в середине июля, говорится об этом (якобы слова Ленина) так: «Меньшевицкие Советы дискредитировали себя; недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они — не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября. Нам надо перенести центр тяжести на фабзавкомы. Органами восстания должны стать фабзавкомы» (*Орджоникидзе Г. К. Ильич в июльские дни// Воспоминания о В. И. Ленине. Т. 1. М., 1956. С. 525. Перепечатка из «Правды» от 28 марта 1924 г.*). Но в тех статьях и письмах, которые опубликованы до сих пор, Ленин нигде не говорит так о фабзавкомах. Свидетельства одного Орджоникидзе мало.

⁶⁸ Еще один намек на Каменева, Зиновьева, Рыкова и Ногина.

⁶⁹ Ср. у Г. Гейне (стихотворение «Думы и грезы», перевод П. Вейнберга):

Возьми барабан и не бойся,
Целуй маркитантку звучней!
Вот смысл глубочайший искусства,
Вот смысл философии всей.

⁷⁰ Имеется в виду книга Л. Д. Троцкого «1917», которой предпослана вводная авторская статья «Уроки Октября».

⁷¹ Задача проверки этого утверждения о сходстве американских статей Л. Д. Троцкого марта 1917 г. и «Писем из далека» В. И. Ленина еще стоит теперь заново перед советскими историками.

Л. Каменев ЛЕНИНИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ

КАМЕНЕВ ЛЕВ БОРИСОВИЧ (1883—1936). Член партии в 1901—1927, 1928—1932 и 1933—1934 гг. Член ЦК в 1917—1918 гг. (в октябре и ноябре 1917 г. выходил из состава ЦК) и в 1919—1927 гг. Член Политбюро в октябре 1917 г. и с марта 1919 г. по декабрь 1925 г.; до октября 1926 г. кандидат в члены Политбюро.

Входил в Оргбюро ЦК в период между VIII и IX съездами партии.

Участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917 г.

В 1917 г. в редакции газеты «Правда». С 27 октября по 8 ноября 1917 г. председатель ВЦИК. В январе—августе 1918 г. находился в заключении в Финляндии. В 1918—1926 гг. председатель Моссовета, одновременно, с 1922 г., зам. председателя Совнаркома РСФСР (СССР), председатель Совета труда и обороны (СТО) (с 1924 г.) и директор Института Ленина (с 1923 г.). В январе—августе 1926 г. нарком внешней и внутренней торговли СССР. С 1926 г. полпред СССР в Италии, председатель научно-технического управления ВСНХ СССР и Главконцесскома.

В 1932—1933 гг. в ссылке в Минусинске.

С 1933 г. директор издательства «Академия», в 1934 г. — Института мировой литературы АН СССР.

Член ВЦИК и ЦИК СССР.

На Объединенном пленуме ЦК и ЦКК в октябре 1926 г. выведен из состава Политбюро ЦК, постановлением ЦК и ЦКК 14 ноября 1927 г. исключен из состава ЦК. XV съездом ВКП(б) исключен из партии, 22 июня 1928 г. решением ЦКК восстановлен, 9 октября 1932 г. вновь исключен, 14 декабря 1933 г. опять восстановлен и 20 декабря 1934 г. в третий раз исключен из партии. Репрессирован: в октябре 1932 г. осужден к ссылке, в декабре 1934 г. арестован и в январе 1935 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения, в июле 1935 г. — к 10 годам и в августе 1936 г. — к смертной казни. 25 августа 1936 г. расстрелян.

Реабилитирован Верховным судом СССР 13 июня 1988 г.

¹ С этим докладом Л. Б. Каменев выступал на расширенном заседании МК РСДРП(б) 18 ноября 1924 г., затем на пленуме фракции ВЦСПС 19 ноября и на совещании военных работников 21 ноября (см.: Об «Уроках Октября». Л., 1924. С. 3).

² Как может убедиться читатель, именно отсюда идет традиция установки на «официальную идеологию» в вопросах истории партии, на единственную, утвержденную свыше схему, на пресечение инакомыслия и даже просто научного спора в историко-партийных сюжетах.

³ Каменев здесь противоречит тому, что сам рассказывает несколько ниже: в 1902—1903 гг., до раскола на II съезде, Л. Д. Троцкий принадлежал к числу ближайших соратников Ленина. В. И. Ленин относился к юному Троцкому с искренней симпатией.

⁴ В декабре 1911 г. В. И. Ленин в статье «О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев» писал: «С Троцким нельзя спорить по существу, ибо у него нет никаких взглядов. Можно и должно спорить с убежденными ликвидаторами и отзовистами, а с человеком, который играет в прикрытие ошибок и тех и других, не спорят: его разоблачают, как... дипломата самой мелкой пробы» (ПСС. Т. 21. С. 31).

⁵ Имеется в виду брошюра Л. Троцкого «До девятого января».

⁶ См.: Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство// ПСС. Т. 10. С. 16.

⁷ С конца 1904 г. Троцкий вышел из меньшевистской организации и оставался далее внефракционным социал-демократом. Своё отношение к меньшевикам Троцкий высказал Ленину на их личной встрече весной 1907 г. в Финляндии.

⁸ Это утверждение не соответствует истине. На самом деле между идеей Карла Маркса о «непрерывной» (перманентной) рево-

люции, теорией Парвуса и Троцкого и ленинской теорией перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую имеется много общего в самом принципе. Характерно, что, разоблачая «меньшевизм» Троцкого в 1905 г., Каменев ни словом не обмолвился о революционных делах Троцкого в том же году, о его роли в деятельности Петербургского Совета рабочих депутатов, аресте Троцкого и его заключении в Петропавловской крепости и в «Крестах».

⁹ У Ленина (в ПСС): «Он говорил от „центра“».

¹⁰ У Ленина: «внесение нами».

¹¹ У Ленина: «в нашей партии».

¹² Ленин В. И. ПСС. Т. 15. С. 325—326.

¹³ Для недобросовестной и тенденциозной «критики» Каменева характерно, что и о периоде 1907—1910 гг., когда между Лениным и Троцким в общем поддерживались более или менее нормальные отношения, он не говорит ни одного доброго слова, выпячивая только разногласия между ними.

¹⁴ Ленин В. И. Заметки публициста// ПСС. Т. 19. С. 254.

¹⁵ У Ленина это слово взято в кавычки.

¹⁶ Там же. С. 255—256.

¹⁷ Цитата неточна. У Ленина: «За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются и определенные практические действия — и действия, направленные против партии. Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена предпринятая голосовцами кампания с целью срыва ЦК нашей партии. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против ЦК, есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: разрушить ненавидимые ликвидаторам центральные учреждения, а с ними заодно — и партию как организацию. Эти антипартийные действия голосовцев и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно бороться» (Ленин В. И. О положении дел в партии// ПСС. Т. 20. С. 47).

¹⁸ Слова в скобках — Л. Каменева.

¹⁹ У Ленина: «антипартийный блок Потресова с впередовцами».

²⁰ У Ленина: «поддержит „фонд“ Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и гг. Потресовы и впередовцы» (далее — от слова «получают» — по тексту).

²¹ У Ленина: «в Потресове, в отзовистах» (вставка в скобках — Л. Каменева).

²² У Ленина: «в том и суть».

²³ У Ленина: «Годичный опыт после пленума».

²⁴ Ленин В. И. О положении дел в партии// ПСС. Т. 20. С. 54, 57, 59, 60.

²⁵ У Ленина дальше следует: «в отличие от фракций, скрывающих так или иначе свое „лицо“».

²⁶ У Ленина: «проповедники».

²⁷ Ленин В. И. Резолюция II Парижской группы РСДРП о положении дел в партии// ПСС. Т. 20. С. 285.

²⁸ Цитата из обращения Заграничной организационной комиссии (ЗОК) «Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам» (см. о нем: ПСС. Т. 20. С. 480). Это обращение, как коллективный документ, в ПСС не включено в число авторских произведений В. И. Ленина.

²⁹ Слова «т. е. большевиков» вписаны в ленинскую цитату Каменевым.

³⁰ У Ленина слова «троцкисты и соглашатели» взяты в кавычки.

³¹ Курсив Каменева (у Ленина здесь выделены курсивом лишь слова «обманывают» и «прикрывают»).

³² У Ленина: «группку».

³³ Курсив Каменева.

³⁴ Ленин В. И. Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям») // ПСС. Т. 20. С. 320.

³⁵ Слова в скобках принадлежат Каменеву.

³⁶ У Ленина: «несоциал-демократическими».

³⁷ Ленин В. И. О новой фракции примиренцев или добродетельных // ПСС. Т. 20. С. 347—348.

³⁸ У Ленина здесь отточие.

³⁹ Ленин В. И. О дипломатии Троцкого и об одной платформе партийцев // ПСС. Т. 21. С. 29—31.

⁴⁰ Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России // ПСС. Т. 19. С. 358.

⁴¹ Там же. С. 358—359.

⁴² Слова в скобках принадлежат Каменеву.

⁴³ То же.

⁴⁴ Там же. С. 360, 362.

⁴⁵ У Ленина: «революционным».

⁴⁶ Там же. С. 369.

⁴⁷ Там же. С. 364.

⁴⁸ Там же. С. 375—376.

⁴⁹ В первое время после переименования Петрограда в Ленинград предпринимались попытки «опрокинуть» новое название города в прошлое (т. е. до 26 января 1924 г.). Но вскоре была осознана нелепость такого «исправления» исторической реалии (см. об этом: Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 205).

⁵⁰ VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП (январь 1912 г.).

⁵¹ Ленин В. И. Ликвидаторы против партии // ПСС. Т. 21. С. 254.

⁵² У Ленина слово «по-прежнему» взято в кавычки.

⁵³ У Ленина далее: «— из-за границы —».

⁵⁴ У Ленина: «рреволюционной».

⁵⁵ Ленин В. И. Ликвидаторы против партии // ПСС. Т. 21. С. 254.

⁵⁶ Цитата неточна. См.: Ленин В. И. Аноним из «Vorwärts'a» и положение дел в РСДРП // Там же. С. 203.

⁵⁷ Ленин В. И. Ликвидаторы против партии // Там же. С. 252.

⁵⁸ У Ленина здесь в скобках два восклицательных знака.

⁵⁹ То же.

⁶⁰ Ленин В. И. Лозунги Всероссийской конференции РСДРП в январе 1912 г. и майское движение // Там же. С. 351.

⁶¹ Там же. С. 352.

^{62—63—64} У Ленина во всех трех случаях: «Социал-демократический пролетариат».

⁶⁵ Там же. С. 341—352.

⁶⁶ Ленин В. И. Революционный подъем // Там же. С. 340—341.

⁶⁷ Ленин В. И. Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов // Там же. С. 420.

⁶⁸ Статья была опубликована в газете «Новая звезда» 22 и 29 июля 1912 г.

⁶⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 21. С. 422.

⁷⁰ Ленин В. И. Платформа реформистов и платформа револю-

ционных социал-демократов// ПСС. Т. 22. С. 170.— Статья была опубликована не в 1913 г., как указывает Л. Б. Каменев, а в ноябре 1912 г. (см. там же. С. 175).

⁷¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение// ПСС. Т. 25. С. 313.

⁷² У Ленина далее: «Ф. Д., Л. С., Л. М., Ежова, Потресова и К^о». (Ф. Д.— Ф. Дан, Л. С.— Д. Кольцов, Л. М.— Л. Мартов, Ежов— С. Цедербаум.)

⁷³ Ленин В. И. Распад «Августовского» блока// Там же. С. 3.

⁷⁴ У Каменева: «связанной». Это явная опечатка, искажающая смысловое содержание фразы.

⁷⁵ Ленин В. И. О нарушении единства, прикрываемом криками о единстве// ПСС. Т. 25. С. 204—206.

⁷⁶ У Ленина: «К числу первых принадлежит, например, Семковский из ОК (№ 2 его „Известий“). К числу вторых Троцкий и Буквоед (Д. Б. Рязанов.— *Ред.*), а в Германии Каутский».

⁷⁷ У Ленина: «Если бы Буквоед и Троцкий подумали, то увидели бы, что они стоят на точке зрения войны *правительства и буржуазии*, т. е. они раболепствуют перед „политической методологией социал-патриотизма“, говоря вычурным языком Троцкого».

⁷⁸ Ленин В. И. О поражении своего правительства в империалистской войне// ПСС. Т. 26. С. 286—287.

⁷⁹ Ленин В. И. О положении дел в российской социал-демократии// Там же. С. 295.

⁸⁰ У Ленина далее: «(Гортер, Паннекук)».

⁸¹ Ленин В. И. Социализм и война (*Отношение РСДРП к войне*)// ПСС. Т. 26. С. 324.

⁸² У Ленина: «Роланд-Гольст, как и Раковский».

⁸³ Ленин В. И. [Письмо] А. М. Коллонтай// ПСС. Т. 49. С. 117—118.

⁸⁴ Ленин В. И. Социализм и война// ПСС. Т. 26. С. 349.

⁸⁵ Ленин В. И. О двух линиях революции// ПСС. Т. 27. С. 81.

⁸⁶ У Ленина: «верные».

⁸⁷ Ленин В. И. [Письмо] А. Г. Шляпникову// ПСС. Т. 49. С. 133—134.

⁸⁸ Ленин В. И. [Письмо] А. Г. Шляпникову// Там же. С. 141.

⁸⁹ Ленин В. И. О задачах оппозиции во Франции (*Письмо к товарищу Сафарову*)// ПСС. Т. 27. С. 236.

⁹⁰ У Ленина: «свободы отделения наций».

⁹¹ Ленин В. И. О «программе мира»// Там же. С. 273.

⁹² Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении// ПСС. Т. 30. С. 58.

⁹³ У Ленина: «в 1902 году».

⁹⁴ Ленин В. И. Империализм и раскол социализма// Там же. С. 168.

⁹⁵ У Ленина: не «цели левых», а «циммервальдских левых».

⁹⁶ Ленин В. И. [Письмо] А. М. Коллонтай// ПСС. Т. 49. С. 387.

⁹⁷ У Ленина: «вроде ОК» (без слова «меньшевиков»).

⁹⁸ Ленин В. И. [Письмо] А. М. Коллонтай// Там же. С. 402.

⁹⁹ См. примеч. 95.

¹⁰⁰ Образец некорректных приемов «критики» оппонента. В. И. Ленин выступал за поражение не «буржуазии», а «царизма»! Это существенная разница: русская буржуазия еще не находилась у правительственной власти. Военные поражения царского правительства (Ленин сравнивал здесь положение с русско-японской войной), по мнению Ленина, способствовали бы обострению внутреннего кризиса и свержению царского правительства. Даже

взгляды Ленина на «демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства» изменились во время войны. Он, например, в отличие от своих взглядов периода первой русской революции, считал теперь, что большевики не войдут во временное революционное правительство такой диктатуры, если война будет продолжаться. Несмотря на наличие ряда разногласий, действительные позиции Ленина и Троцкого сблизились во время войны. Осталось личное соперничество, память прежних обид и взаимных оскорблений. Но настоящий политик никогда не дает затуманить себе голову эмоциям. Как только в мае 1917 г. Троцкий приехал в революционную Россию и признал «верховенство» Ленина, их старые разногласия отпали и они начали эффективно сотрудничать.

¹⁰¹ Февральская революция (а для Ленина и Троцкого она была «мартовской», поскольку они узнали о ее победе позднее и по европейскому стилю) действительно ликвидировала старые разногласия относительно характера проведения демократической революции. Ее цель была молниеносно достигнута — царизм свергнут всего за неделю. Исчез предмет спора, ибо ликвидация царизма прошла без всякого личного участия Ленина и Троцкого, в значительной степени в результате стихийного народного взрыва, при котором теории и Ленина и Троцкого были просто отодвинуты в сторону бурей революции. А в отношении дальнейшего хода событий — к социализму — оба были согласны. В этом смысле разногласия были ликвидированы.

¹⁰² Называя создание новой идейно-теоретической базы партии В. И. Лениным в марте — апреле 1917 г. «идейным перевооружением», Л. Д. Троцкий находит удобную и приятную для себя литературную форму. Такое утверждение, конечно, задевало персонально Каменева, Сталина и всех других, кто в споре с Лениным в апреле пытался доказать, что буржуазно-демократическая революция еще не закончилась, так как условия победы «ленинской» диктатуры пролетариата и крестьянства еще не достигнуты. Но эти привходящие обстоятельства не должны закрывать от нас того факта, что действительно Ленин после свержения царизма создал *новую* теорию борьбы за власть в изменившихся условиях. Каменев отстаивает здесь догматическую позицию, заключающуюся в том, что Ленин якобы с самого начала все знал, что теория социалистической революции была разработана им еще в 1905 г., что она оставалась неизменной и победила в октябре 1917 г. Этот догматизм (несмотря на перипетии личной трагической судьбы Каменева) прижился в советской историко-партийной науке и яростно защищался ее адептами из Института марксизма-ленинизма вплоть до последних дней.

¹⁰³ Один из демагогических приемов Каменева, когда суть вопроса и изучение реального развития ленинизма в 1917 г. подменяются общими словами и крикливыми лозунгами.

¹⁰⁴ Опять демагогия. Мысль Троцкого состоит в том, что теория «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» есть лишь этап в теории социалистической революции. По Ленину — это перерастание в диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, по Троцкому — диктатура пролетариата, опирающегося на крестьянство. Только догматик-сектант не видит почти полного сходства. Каменев, защищая «диктатуру пролетариата и крестьянства», догматизировал этот этап в развитии ленинской теории, а в практически-политическом смысле защищал свою неправильную позицию апреля 1917 г. и свое элитарное положение в большевистской партии в декабре 1924 г.

¹⁰⁵ Опять передержка Каменева. Теория не потерпела крах, а оказалась неприменимой, была отодвинута жизнью. Ленин в своем споре: со «старыми большевиками» допускал даже, что теория эта осуществилась в ходе создания Петроградского Совета, но не в чистом виде, а в переплетении диктатуры пролетариата и крестьянства с диктатурой буржуазии в лице Временного правительства. Но Л. Б. Каменев был заинтересован не в выяснении истины, а в оправдании позиции своей и других «старых большевиков» в споре с Лениным, но так, чтобы постараться убедить всех, что и Ленин был на их стороне.

¹⁰⁶ Здесь Л. Б. Каменев некорректно ссылается на В. И. Ленина (ср.: ПСС. Т. 31. С. 133—134). Дело в том, что сам Ленин как бы цитирует обобщенного «старого большевика», стоящего на догматических позициях по отношению к понятию «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». «Эта формула уже устарела, — пишет Ленин. — Жизнь ввела ее из царства формул в царство действительности, облекла ее плотью и кровью, конкретизировала и тем самым видоизменила» (там же. С. 134). Одним из таких «старых большевиков» был и Л. Б. Каменев (полемику В. И. Ленина с ним о принципах революционно-демократической диктатуры см. там же. С. 139—147).

¹⁰⁷ Этот «ленинизм» (в каменевской обработке) никогда не существовал на практике. В. И. Ленин после победы в споре со «старыми большевиками» в ходе VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) никогда больше в своих произведениях 1917 г. не возвращался к теории «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», никогда не цеплялся за нее, как это делает Каменев в своем докладе.

¹⁰⁸ Ленин В. И. Письма о тактике// ПСС. Т. 31. С. 135—136.

¹⁰⁹ Там же. С. 136—137.

¹¹⁰ Вопрос еще сложнее, чем это изображает Каменев. В «Наброске тезисов 4 (17) марта 1917 года», написанном Лениным вместе с Зиновьевым, он не употребляет слов о передаче власти Советам (как делал это в своих письмах к А. М. Коллонтай в эти же дни), а дважды пишет о «рабочем правительстве», т. е. употребляет прямо термин Троцкого. «Дать народу мир, хлеб и полную свободу в состоянии лишь *рабочее правительство, опирающееся, во-1-х, на громадное большинство крестьянского населения, на сельских рабочих и беднейших крестьян; во-2-х, на союз с революционными рабочими всех воюющих стран*» (Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 5). Подчеркнутые нами слова дают полное совпадение с формулой Троцкого, да и вся цитата взята как будто из теории перманентной революции. Чуть дальше Ленин пишет: «Только при осведомлении самых широких масс населения и организации их обеспечена полная победа следующего этапа революции и завоевание власти рабочим правительством» (там же). Видно, вскоре Ленин спохватился, что «случайно повторил» Троцкого, и вновь вернулся к идее советского правительства, передачи власти Советам, а приехав в Россию, публично отрешивался от «рабочего правительства» Троцкого. «Набросок тезисов» впервые был опубликован во втором томе Ленинского сборника в 1924 г. Троцкий в момент работы над «Уроками Октября» еще не видел их. Иначе, несомненно, ухватился бы за них как за подарок судьбы. Естественно, что советская историко-партийная наука почти 70 лет не замечала упомянутого сходства и до сих пор молчит по данному поводу.

¹¹¹ Ленин В. И. Письма о тактике// ПСС. Т. 31. С. 140.

¹¹² Там же. С. 141.

¹¹³ Там же. С. 137—138.

¹¹⁴ Имеется в виду Петроградская общегородская конференция РСДРП(б), прошедшая в апреле 1917 г.

¹¹⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 249.

¹¹⁶ Такой цитаты, относящейся к 1910 г., в ПСС В. И. Ленина нами не обнаружено.

¹¹⁷ Каменев опять «подправляет» Ленина, который двигался вперед не на почве «оправдания» старой теории, а на почве ее критики и отрицания, т. е. подлинно диалектически.

¹¹⁸ Ленин В. И. Письма о тактике// ПСС. Т. 31. С. 141. — Ленин цитирует свою работу 1905 г. «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (ПСС. Т. 11. С. 74).

¹¹⁹ Это уже прямое самооправдание Каменева.

¹²⁰ Каменев вспоминает здесь ленинскую статью «О компромиссах», но не развивает эту мысль. Она получила развитие в выступлениях Зиновьева и Сокольниковца, что, видимо, было заранее согласовано

¹²¹ Ленин В. И. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии// ПСС. Т. 41. С. 417.

¹²² У Ленина: «Цека».

¹²³ Там же.

¹²⁴ Все эти хронологические перечисления призваны скрыть коренной характер расхождений Каменева с Лениным и создать впечатление незначительности и краткости каменевской «ошибки».

¹²⁵ Действительно, данное утверждение Л. Д. Троцкого необоснованно с фактической стороны. Л. Б. Каменев мог бы привести выдержку из письма В. И. Ленина Питерской городской конференции от 7 октября 1917 г.: «Резолюция солдатской секции Петроградского Совета против ухода правительства из Питера показала, что среди солдат зреет убеждение в заговоре Керенского. Надо все силы собрать для поддержки этого верного убеждения и для агитации среди солдат» (ПСС. Т. 34. С. 348). Документ был напечатан впервые в 1924 г. Троцкий, видимо, не знал его, но Каменев мог знать. И. А. Пятницкий в воспоминаниях, впервые опубликованных еще в 1923 г., писал, что во время встречи с В. И. Лениным на квартире Фофановой 14 октября (дата установлена нами) он дал ему прочесть газету, где было напечатано сообщение об одобрении солдатской секцией Петроградского Совета положения о создании ВРК. «Питерский Совет за выступление», — сделал вывод Ленин (см.: Пятницкий И. А. Октябрьская революция в Москве// Ленин в 1917 году. Воспоминания. М., 1967. С. 165).

¹²⁶ У Ленина: «Медлить — преступление. Ждать съезда Советов — ребячья игра в формальность, позорная игра в формальность, предательство революции» (Ленин В. И. Письмо в ЦК, МК, ЦК и членам Советов Питера и Москвы большевикам// ПСС. Т. 34. С. 340).

¹²⁷ В 1935 г. Л. Д. Троцкий писал: «Для ясности я бы сказал так. Не будь меня в 1917 г. в Петербурге, Октябрьская революция произошла бы — при условии наличия и руководства Ленина... Если б в Петербурге не было Ленина, я вряд ли справился бы с сопротивлением большевистских верхов... Исход революции оказался бы под знаком вопроса. Но, повторяю, при наличии Ленина Октябрьская революция все равно бы привела к победе» (Троцкий Л. Дневник и письма. [1986]. С. 84—85).

¹²⁸ Ленин В. И. К пересмотру партийной программы// ПСС.

Т. 34. С. 375. — Каменев вновь передергивает. Да, в этом произведении Ленин положительно оценивал тезис из статьи Г. Е. Зиновьева о «комбинированном типе», но в «Письме к товарищам», специально посвященном критике письма Каменева и Зиновьева от 11 октября, он решительно возражал против того, чтобы под словечками о «комбинированном типе» протасовать тайком отказ от передачи всей власти Советам, боясь отречься от этого лозунга открыто (см.: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 403).

И. Сталин **ТРОЦКИЗМ ИЛИ ЛЕНИНИЗМ?**

СТАЛИН ИОСИФ ВИССАРИОНОВИЧ (1879—1953). Партстаж с 1898 г. Член ЦК с 1912 г. (заочно кооптирован). Член Политбюро в октябре 1917 г. и с марта 1919 г., член Оргбюро с марта 1919 г. по октябрь 1952 г. Генеральный секретарь ЦК с 3 апреля 1922 г.

С 1917 г. в редакции газеты «Правда», член Петроградского ВРК, нарком по делам национальностей (до 1923 г.). С 1919 г. нарком госконтроля, в 1920—1922 гг. нарком РКИ, одновременно с 1918 г. член РВС Республики и ряда фронтов.

С конца 20-х гг., используя пост генсека, сумел сосредоточить в своих руках всю полноту власти в партии и государстве.

С мая 1941 г. Председатель СНК (Совмина) СССР, одновременно в 1941—1945 гг. председатель Государственного комитета обороны и Верховный главнокомандующий, в 1941—1947 гг. нарком обороны, министр Вооруженных Сил СССР.

Член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР 1—3-го созывов. Герой Социалистического Труда (1939 г.). Почетный член Академии наук СССР (с 1939 г.). Герой Советского Союза (1945 г.). Генералиссимус Советского Союза (1945 г.).

Главный виновник деформации социализма в стране, утверждения тоталитарного строя, уничтожения миллионов людей.

¹ См.: *Рид Джон*. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957. С. 53. — Книга была высоко оценена В. И. Лениным. В конце 1919 г. он писал: «Эту книгу я желал бы видеть распространенной в миллионах экземпляров и переведенной на все языки, так как она дает правдивое и необыкновенно живо написанное изложение событий, столь важных для понимания того, что такое пролетарская революция, что такое диктатура пролетариата» (ПСС. Т. 40. С. 48). Книга Джона Рида была опубликована в 1919 г. на английском языке, в 1923 г. — на русском. В годы сталинского самовластья была запрещена для переиздания и чтения. Была впервые переиздана в нашей стране лишь после XX съезда КПСС, в 1957 г. (тиражом 300 тыс.).

² Изложение хода заседания ЦК РСДРП(б) Джоном Ридом действительно не соответствует опубликованному протоколу. Однако сам протокол неполон, прения по вопросу о восстании не записаны, сказано только: «Высказываются за 10, против 2». Присутствовало на заседании больше людей, чем указано в протоколе. Так, точно установлено, что там была от московских большевиков В. Н. Яковлева. А. М. Коллонтай утверждала, что на заседании был и П. Е. Дыбенко. Поэтому возможно, что переданный Ридом факт отражает какой-то действительный момент в ходе обсуждения. Странно выглядит выпад Сталина против «господ Сухановых», если вспомнить, что само заседание ЦК 10 октября проходило

в квартире Н. Н. Суханова (правда, в его отсутствие). Сталин имеет в виду работу Суханова «Записки о революции» (см. о ней: Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова) // ПСС. Т. 45. С. 378—382). Недовольство Сталина и его единомышленников в «литературной дискуссии» Дж. Ридом могло быть вызвано тем, что вслед за рассказом о заседании ЦК 10 октября он писал: «Тем не менее правое крыло большевиков, руководимое Рязановым, Каменевым и Зиновьевым, продолжало вести кампанию против вооруженного восстания» (Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. С. 54).

³ См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918. М., 1958. С. 83—92.

⁴ В протоколе Сталин указан после Троцкого (см. там же. С. 83).

⁵ Сталин ранжирован в протоколе не на третьем месте в Политбюро, а на пятом (после Ленина, Зиновьева, Каменева и Троцкого). Сталин, Сокольников и Бубнов — в конце перечня (см. там же. С. 86).

⁶ Протоколы подтверждают, что в ЦК вплоть до 10 октября существовало незначительное большинство, которое противилось принятию предложения В. И. Ленина об организации вооруженного восстания в ближайшее время. Оно начало разрабатываться 5 октября, когда предложение Ленина и Троцкого о выходе из Предпарламента впервые собрало большинство.

⁷ Политбюро было создано по предложению Ф. Э. Дзержинского, занимавшего в тот момент примиренческую позицию по отношению к Каменеву и Зиновьеву. Включив в него Каменева и Зиновьева, ЦК полагал, что можно будет достигнуть компромисса между ними и Лениным и Троцким. Кроме указанных четырех человек в бюро были избраны также Сталин, Сокольников и Бубнов, как члены редакции «Рабочего пути». Политбюро провело два заседания (на квартире М. И. Калинина и Г. Э. Ялавы), но примирить точки зрения не удалось. В связи с этим оно фактически прекратило работу, а утром 16 октября 1917 г. на заседании ЦК РСДРП(б) был организован «Военно-революционный центр» из одних сторонников восстания и включен в состав ВРК Петроградского Совета (см.: Протоколы ЦК РСДРП(б). С. 86, 104). Поэтому ссылка Сталина на данный факт имела целью прикрыть Каменева и Зиновьева, показать, что суть их расхождений с В. И. Лениным была не такой серьезной, что «мы имели в лице гг. Каменева и Зиновьева ленинцев, большевиков».

⁸ Это не помешало, однако, Сталину расстрелять Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева уже в 1936 г., в преддверии начала массовых репрессий против ленинских кадров партии.

⁹ Ранее распространению подобных «слухов» активно способствовал сам Сталин. 6 ноября 1918 г. он писал в «Правде»: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому» (цит. по: Дейч Г. М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. Л., 1990. С. 154).

¹⁰ Имеется в виду Петербургский комитет РСДРП(б).

¹¹ Надо сказать, что этот довод Сталина сначала поставил Троцкого в тупик. Лишь в октябре 1927 г., готовя свою справку

для Истпарта (она опубликована в книге Троцкого «Сталинская школа фальсификаций», изданной у нас в 1990 г.), он нашел козлов. Так как Военно-революционный центр ЦК должен был войти в ВРК, а ВРК создавался при Петроградском Совете, то Троцкому, как его председателю, просто не было необходимости входить в этот центр (или ЦК включать его туда). Он и так был в центре событий!

¹² См. об этом: *Слабейер Р. Сталин в 1917 г. Человек, оставшийся вне революции*. М., 1989. 314 с.

¹³ И. В. Сталин здесь, в отличие от Л. Б. Каменева, соглашается с тем, что партия в марте и начале апреля «искала новую ориентировку», т. е. признает, что только Ленин, вернувшись из эмиграции, дал партии новые теоретические вехи. Признает он и наличие разногласий с Лениным в течение «не более двух недель».

¹⁴ — Петроградской.

¹⁵ То же.

¹⁶ Цитирование некорректное. У Ленина речь идет не о *крестьянском движении*, не изжившем себя, а о незавершенной *революции*, не изжившей еще крестьянского движения (см.: *Ленин В. И. Письма о тактике*// ПСС. Т. 31. С. 137).

¹⁷ См. там же. С. 138.

¹⁸ Эта сталинская хронология — «период революционной мобилизации масс», объединявшая и часть мирного периода революции (май — июнь), и период немирный (июль — август), нанесла немало вреда нашей исторической науке. Она не выделяла в качестве главного июльский рубеж, потребовавший от партии смены тактики, выдвигая и принятия лозунга вооруженной борьбы за власть. По Сталину же получалось, что большевики уже с Апрельской конференции готовили вооруженное восстание.

¹⁹ — в Петрограде (см. примеч. 49 к статье-докладу Л. Б. Каменева).

²⁰ То же.

²¹ — Петроград.

²² Эти «факты» достаточно убедительно опровергнуты советскими историками уже после XX съезда КПСС (см., напр.: *Найда С. Ф. О некоторых вопросах истории гражданской войны в СССР*. М., 1958. С. 188—214).

²³ — в Петрограде.

²⁴ Здесь не прав не Троцкий, а Сталин. Ленин был *против* отмены демонстрации. Но защищать ее он начал только через день, когда несколько оправился от понесенного поражения (ЦК решил отменить демонстрацию, и он остался в меньшинстве) и подчинился решению об отмене. Это произошло в ночь на 11 июня 1917 г. (см.: *Ленин В. И. Речь на заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 11 (24) июня по поводу отмены демонстрации*// ПСС. Т. 32. С. 330—331). Сталин тоже был против отмены демонстрации и в знак протеста даже подавал заявление о выходе из ЦК (см. об этом: *Питерские рабочие и Великий Октябрь*. Л., 1987. С. 208).

²⁵ См. примеч. 49 к статье-докладу Л. Б. Каменева.

²⁶ В. И. Ленин писал, что Л. Д. Троцкий «в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи и преданным сторонником партии революционного пролетариата» (ПСС. Т. 34. С. 345).

²⁷ Все это опровергается следующим фрагментом из письма В. И. Ленина в ЦК от 30 августа 1917 г.: «По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до

блока с эсерами, до поддержки Временного правительства. Это архиневерно, это беспринципность» (ПСС. Т. 34. С. 119).

²⁸ Здесь и далее в абзаце речь идет о Петроградском Совете (и гарнизоне).

²⁹ Здесь и далее в тексте необходимо учитывать примеч. 49 к статье-докладу Л. Б. Каменева.

³⁰ Мысль о том, что партия маскировала свои приготовления к восстанию под знаком обороны, отражает как собственные мысли Сталина периода подготовки Октября (он колебался между Лениным, Троцким и Каменевым и Зиновьевым, полагая, видимо, что восстание все-таки не состоится), так и попытку известного компромисса с Троцким в условиях 1924 г.

³¹ Здесь видна попытка преуменьшить значение расхождения с Лениным по поводу участия в Предпарламенте.

³² Резолюция ЦК от 10 октября точно не устанавливала срок, но по ее содержанию можно было сделать вывод, что восстание должно было произойти в период работы съезда Советов Северной области — 12—15 октября. Этот срок был сорван в результате выступления Каменева и Зиновьева с их письмом от 11 октября. Резолюция ЦК, принятая в ночь на 16 октября, также не указывала точного дня, но, судя по ее содержанию, восстание должно было произойти 16—19 октября. Этому помешали выступление Каменева в газете «Новая жизнь» от 18 октября 1917 г. и перенос даты открытия съезда Советов с 20 октября на 25-е.

³³ Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 393.

³⁴ Там же. С. 397.

³⁵ Никакой публикации «дня восстания» не было. Троцкий в своих выступлениях говорил о том, что съезд Советов рассмотрит резолюцию о взятии власти в свои руки. Эти сталинские рассуждения попали потом и в «Краткий курс» («На заседании Петроградского Совета Троцкий, расхваставшись, выболтал врагу срок восстания, день, к которому приурочили большевики начало восстания. Для того чтобы не дать возможности правительству Керенского сорвать вооруженное восстание, ЦК партии решил начать и провести восстание раньше намеченного срока и за день до открытия II съезда Советов». — История ВКП(б). *Краткий курс*. М., 1938. С. 198). Никакого такого решения не принималось, начало восстания было форсировано контрнаступлением Керенского в ночь на 24 октября 1917 г. Эти сталинские положения и текст «Краткого курса» были канонизированы и в течение многих десятилетий сковывали изучение истории Октябрьского восстания советскими историками.

³⁶ Вот тут Троцкий обвиняется в главном — в нападении на «кадры» партии. А история была в тот момент для Сталина делом десятим.

³⁷ Еще одно «крылатое выражение» Сталина (после выражения о том, что Троцкий сравнивает «хибарочку с Монбланом»): Троцкий спрятал «троцкизм» в шкаф. Оно почти 70 лет перепевалось советскими историками.

³⁸ Догматизм Сталина уже тогда был не менее крепким, чем догматизм Каменева. Он тоже считал, что большевизм — «цельная теория, возникшая в 1903 г.», следовательно, исключал всякое его развитие, в то время как В. И. Ленин в приведенной Сталиным цитате говорит о большевизме как «течении политической мысли», возникшем в 1903 г.

³⁹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме// ПСС. Т. 41. С. 6.

⁴⁰ Любопытная декларация «вождя», который уничтожил коммунистов несравненно больше, чем Гитлер, Муссолини и Франко, вместе взятые. Л. Д. Троцкий в этой связи писал: «Для установления того режима, который справедливо называется сталинским, нужна была не большевистская партия, а истребление большевистской партии» (*Троцкий Л. Сталин. Т. 2. М., 1990. С. 261*). Что касается судьбы самого Троцкого, то, как известно, в 1927 г. он был исключен из ВКП(б), в 1929 г. выслан из страны, в 1932 г. лишен советского гражданства, в 1940 г. убит сталинским террористом. В издательском примечании к первому тому книги Л. Троцкого «Сталин» сказано: «У каждой книги своя судьба. Но не каждого автора убивают во время работы над текстом по приказанию героя его произведения. Так случилось с Троцким 21 августа 1940 г., и его рукопись „Сталин“ осталась незавершенной» (там же. Т. 1. С. 325).

Г. Зиновьев

БОЛЬШЕВИЗМ ИЛИ ТРОЦКИЗМ?

ЗИНОВЬЕВ ГРИГОРИЙ ЕВСЕЕВИЧ (1883—1936). Член партии в 1901—1927, 1928—1932, 1933—1934 гг. Член ЦК в 1912—1927 гг. (кандидат с 1907 г., в ноябре 1917 г. выходил из состава ЦК). Член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. и в 1921—1926 гг. (кандидат с марта 1919 г.). Член Оргбюро ЦК с сентября 1923 г. до мая 1924 г.

Участник революции 1905—1907 гг. и Октябрьской 1917 г.

В 1917—1926 гг. председатель Петроградского (Ленинградского) Совета, одновременно, в 1919—1926 гг., председатель Исполкома Коминтерна, в январе—марте 1918 г. председатель ВЦСПС.

С 1928 г. ректор Казанского университета. С 1931 г. член коллегии Наркомата просвещения РСФСР. В 1932—1933 гг. в ссылке в Кустанае, затем член правления Центросоюза и редколлегии журнала «Большевик».

Член ВЦИК СССР.

Объединенным пленумом ЦК и ЦКК в июле 1926 г. выведен из Политбюро, а в октябре 1927 г. — из состава ЦК. Постановлением ЦК и ЦКК 14 ноября 1927 г. исключен из партии. 22 июня 1928 г. восстановлен в партии, 9 октября 1932 г. вновь исключен. 14 декабря 1933 г. восстановлен, 20 декабря 1934 г. окончательно исключен. Репрессирован: в октябре 1932 г. по постановлению коллегии ОГПУ осужден к ссылке, 16 декабря 1934 г. арестован; военной коллегией Верховного суда СССР 16 января 1935 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения, а 24 августа 1936 г. — к смертной казни. Расстрелян 25 августа 1936 г.

Реабилитирован Верховным судом СССР 13 июня 1988 г.

¹ У Ленина вместо «они»: «Такие виднейшие большевики и коммунисты, как Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин, Милютин».

² Ленин В. И. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии// ПСС. Т. 41. С. 417.

³ См.: Ленин В. И. Предисловие к сборнику «Против течения»// ПСС. Т. 36. С. 124.

⁴ См. примеч. 17 к статье Л. Д. Троцкого.

⁵ Как указывалось выше, первое расхождение Г. Е. Зиновьева с В. И. Лениным имело место в ночь на 10 июня 1917 г., когда

Зиновьев после мучительных для него колебаний присоединился к Каменеву и Ногину и подал свой голос за отмену большевистской демонстрации. Страх перед возможными репрессиями перевесил словесный радикализм, которым отличался Зиновьев, десятилетиями популяризируя ленинские идеи.

⁶ Ленин В. И. Резолюция ЦК РСДРП(б) по вопросу об оппозиции внутри ЦК 2 (15) ноября 1917 г.// ПСС. Т. 35. С. 45.

⁷ Из этого заявления видно, насколько далеко ушел Зиновьев от своих социал-демократических убеждений осени 1917 г. Тогда он и Каменев действительно боролись в рядах большевистской партии за недопущение насильственного восстания, за то, чтобы шанс демократического развития страны не был искусственно прерван захватом власти большевистской партией. Однако семилетнее пребывание в рядах правящей элиты, привычка к бесконтрольной власти, толпы обожающих рядовых членов партии в Ленинграде, командование компартиями десятков стран Европы, Америки и Азии — все это способствовало тому, что эти убеждения (или заблуждения?) сентября — ноября 1917 г. исчезли навсегда. Внешняя мягкость скрывала патологическую тягу к власти, бешеную борьбу за сохранение своего места среди «вождей», жажду расправы над Троцким — человеком, посмевшим посягнуть на его, Зиновьева, место «идейного наследника» Ленина.

⁸ Здесь Г. Е. Зиновьев косвенно цитирует В. И. Ленина: «Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично...» (Ленин В. И. Письмо к съезду// ПСС. Т. 45. С. 345).

⁹ При выборах в ЦК В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий получили по 34 голоса, Я. М. Свердлов и Г. Е. Зиновьев — по 33, Н. И. Бухарин, Г. Я. Сокольников, И. В. Сталин и Н. Н. Крестинский — по 32 голоса; остальные меньше (см.: Седьмой Экстренный съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1962. С. 170).

¹⁰ Там же. С. 66.

¹¹ Там же. С. 129.

¹² Там же. С. 178.

¹³ Там же. С. 167; Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 67.

¹⁴ Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции// ПСС. Т. 44. С. 147.

¹⁵ Ленин В. И. К пересмотру партийной программы// ПСС. Т. 34. С. 373—374.

¹⁶ См.: Ленин В. И. О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова)// ПСС. Т. 45. С. 378—382.

¹⁷ У Ленина: «избирательные соглашения».

¹⁸ Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России// ПСС. Т. 19. С. 375.

¹⁹ Ленин В. И. Идеиная борьба в рабочем движении// ПСС. Т. 25. С. 133.

²⁰ У Зиновьева: «в кампании».

²¹ Ленин В. И. О праве наций на самоопределение// Там же. С. 313.

²² У Зиновьева: «субъективно».

²³ См.: Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении// ПСС. Т. 30. С. 58.

²⁴ У Ленина: «(1905—1909—?? гг.)».

²⁵ Ленин В. И. [Письмо] И. И. Скворцову-Степанову// ПСС. Т. 47. С. 229—231.

²⁶ У Зиновьева: «Виссолати».

²⁷ Ленин В. И. Что же дальше. (О задачах рабочих партий по отношению к оппортунизму и социал-шовинизму)// ПСС. Т. 26. С. 114—115.

²⁸ Ленин В. И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне)// Там же. С. 331.

²⁹ Ленин В. И. О положении дел в российской социал-демократии// Там же. С. 296.

³⁰ Свою речь на пленуме Моссовета 20 ноября 1922 г. В. И. Ленин закончил словами: «...из России неповской будет Россия социалистическая» (ПСС. Т. 45. С. 309).

Э. Квиринг

ЛЕНИН, ЗАГОВОРЩИЧЕСТВО, ОКТЯБРЬ

КВИРИНГ ЭММАНУИЛ ИОНОВИЧ (1888—1937). Большевик с 1912 г. Член ЦК в 1923—1934 гг., член Оргбюро ЦК в 1926—1927 гг.

В 1917—1918 гг. секретарь Екатеринославского комитета партии и председатель Совета. В 1918—1919 гг. секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1919 г. председатель СНХ Украинской ССР. С 1920 г. секретарь Екатеринославского и Донецкого губкомов партии. В 1923—1925 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1925 г. виструктор ЦК РКП(б). С 1925 г. зам. председателя ВСНХ СССР. С 1927 г. зам. председателя Госплана. С 1931 г. зам. наркома путей сообщения СССР. В 1932—1934 гг. зам. председателя Комитета товарных фондов СТО СССР. С 1934 г. первый зам. председателя Госплана СССР.

Доктор экономических наук.

Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Репрессирован: военной коллегией Верховного суда СССР 25 ноября 1937 г. приговорен к смертной казни и в тот же день расстрелян.

Реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР 14 марта 1956 г. 27 марта того же года КПК при ЦК КПСС восстановлен в партии.

¹ Квиринг цитирует не «Уроки Октября», а воспоминания Л. Д. Троцкого «О Ленине». Утверждение Троцкого, что Ленин «санкционировал» «тот путь, которым пошли события», по меньшей мере спорно, хотя оно и подтверждается аналогичными воспоминаниями И. В. Сталина 1920 г. Ленин послал вечером 24 октября письмо в Выборгский районный комитет большевистской партии для организации протестов против оттягивания Центральным Комитетом восстания до 25 октября. Ленин без разрешения ЦК прибыл в Смольный вечером 24 октября 1917 г. (историки все еще не могут прийти к единому мнению относительно точного часа прихода Ленина в Смольный). Так что он вплоть до этой минуты не мирился с откладыванием активных действий до открытия съезда Советов. Но, конечно, убедившись в том, что восстание все-таки началось, Ленин мог из тактических соображений высказать и одобрение тому пути, по которому оно все-таки пошло. Троцкий в большинстве своих произведений путает дату начала восстания. Он всегда говорит о 25 и 26 октября, в то время как восстание началось 24 октября и победило в 2 часа ночи на 26-е. Так что разговор с Лениным, если он имел место (а он несомненно был, было даже неформальное заседание, без протокола, Цент-

рального Комитета большевистской партии), состоялся поздно вечером 24 октября или в ночь на 25-е.

² В статье «К лозунгам» (середина июля 1917 г.) В. И. Ленин писал: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней» (ПСС. Т. 34. С. 16).

³ Ленин В. И. Большевики должны взять власть. Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б)// Там же. С. 239.

⁴ Пропущены слова: «позорная игра в формальность».

⁵ Ленин В. И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам// Там же. С. 340—341.

⁶ Ленин В. И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд// Там же. С. 343.

⁷ Э. И. Квириг тут не прав. Уже в статье «Кризис назрел», написанной 29 сентября 1917 г., Ленин требовал: «Сначала победите Керенского, потом созывайте съезд» (ПСС. Т. 34. С. 281). И в письме в ЦК от 24 октября он прямо высказывал свои (вполне обоснованные) сомнения в исходе голосования вопроса о власти на съезде: «Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направлять своих представителей, даже своих лучших представителей, а не ждать их» (там же. С. 436). Этот документ был опубликован самим Троцким в качестве приложения к III тому его сочинений. Квириг читал его, о чем сам сообщает в конце своей статьи.

⁸ См.: Ленин В. И. Письма из далека// ПСС. Т. 31. С. 20.

⁹ Ленин В. И. Марксизм и восстание. Письмо Центральному Комитету РСДРП(б)// ПСС. Т. 34. С. 242—243.

¹⁰ В цитируемых местах письма «Марксизм и восстание» Ленин говорит о *классе* и *партии*, но никак не о *Советах*. В сентябре 1917 г. Ленин требовал провести восстание от лица именно *партии*, опираясь при этом только на два столичных Совета (см.: Ленин В. И. Большевики должны взять власть; Марксизм и восстание// ПСС. Т. 34. С. 239—247).

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Ленин В. И. Письмо к товарищам// Там же. С. 415—416.

О. Куусинен

НЕУДАВШЕЕСЯ ИЗОБРАЖЕНИЕ «НЕМЕЦКОГО ОКТЯБРЯ»

КУУСИНИЕН ОТТО ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ (1881—1964). Партстаж с 1904 г. Член ЦК с 1941 г. Член Президиума ЦК с октября 1952 г. до марта 1953 г. и с июня 1957 г.; секретарь ЦК с июня 1957 г.

До 1921 г. на партийной работе в Финляндии. В 1921—1939 гг. член Президиума и секретарь Исполкома Коминтерна. В 1939 г. был назначен главой марионеточного «правительства» Финляндии, сформированного на территории СССР на случай полного военного поражения Финляндии. С 1940 г. председатель Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР.

Депутат Верховного Совета СССР 1—6-го созывов. Герой Социалистического Труда (1961 г.).

¹ Ленин В. И. Политический отчет Центрального Комитета 7 марта [1918 г.]//ПСС. Т. 36. С. 22.

² Седьмой Экстренный съезд РКП(б); Стеногр. отчет. М., 1962. С. 66.

Г. Сокольников

КАК ПОДХОДИТЬ К ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ?

СОКОЛЬНИКОВ ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ (1888—1939). Большевик с 1905 г. Член ЦК в 1917—1919 гг. (кандидат в 1930—1936 гг.). Член Политбюро ЦК в октябре 1917 г. (кандидат с июня 1924 г. до декабря 1925 г.).

С 1917 г. член МК партии, исполкомов Моссовета и Петросовета, комиссар банков. В марте 1918 г. председатель советской делегации, подписавшей Брестский мирный договор, затем в редакции «Правды». В 1918—1920 гг. на военно-политической работе в Красной Армии. С 1920 г. председатель Турккомиссии ВЦИК и СНК, Туркбюро ЦК и командующий Туркестанским фронтом. С 1921 г. зам. наркома, в 1922—1926 гг. нарком финансов РСФСР (с июля 1923 г.—СССР). С 1926 г. зам. председателя Госплана СССР. С 1928 г. председатель Нефтесиндиката. В 1929—1932 гг. полпред СССР в Великобритании, затем зам. наркома и член коллегии Наркомата иностранных дел СССР. В 1935 г.—июле 1936 г. первый зам. наркома лесной промышленности СССР.

Член ВЦИК и ЦИК СССР.

В июле 1936 г. исключен из кандидатов в члены ЦК и из партии. Репрессирован: в июле 1936 г. арестован; военной коллегией Верховного суда СССР 30 января 1937 г. приговорен к 10 годам тюремного заключения. Убит в камере подосланными провокаторами.

Реабилитирован Верховным судом СССР 12 июня 1988 г.; 16 декабря 1988 г. КПК при ЦК КПСС восстановлен в партии.

¹ Ленин В. И. Уроки кризиса//ПСС. Т. 31. С. 327. (В цитате исправлены ошибки в падежных окончаниях и другие мелкие неточности.)

² Ленин В. И. Как запутывают ясный вопрос?//Там же. С. 332.

³ У Сокольникова: «Убедительно ли».

⁴ У Сокольникова: «восстанавливается».

⁵ Ленин В. И. Неумное злораство//Там же. С. 337.

⁶ Г. Я. Сокольников, очевидно, не знал, что это заявление в примечание написаны В. И. Лениным (см. там же. С. 323).

⁷ См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 34. С. 546. — В книге много имен, незнакомых массовому читателю. Предлагаем обращаться к «Указателю имен», приложенному к каждому тому ПСС В. И. Ленина.

⁸ Г. Я. Сокольников относился к числу самых деятельных членов ЦК РСДРП(б). Особенно важной была его работа в редакции Центрального Органа партии газеты «Рабочий путь». Поэтому в сентябре и октябре он был в курсе всей политики ЦК. В то же время воспоминания даже такого компетентного человека, как Сокольников, страдают некоторыми неточностями, обнаруживаемыми при сверке его мемуаров с протоколами ЦК. Действительно, нельзя представлять ЦК 1917 г. как учреждение, находившееся «в плену у правых». Но факт колебаний ЦК в сторону поддержки правых тоже отрицать нельзя. Это началось в момент разгрома корниловского мятежа. Выступления Л. Б. Каменева в ЦИК, пред-

ложенный им проект резолюции-декларации ЦК о власти, утвержденный ЦК 31 августа 1917 г., уже содержали колебания в сторону союза или поисков соглашения с партиями меньшевиков и эсеров. Усилением этого крена было решение ЦК от 3 сентября об участии в Демократическом совещании. Когда же в ЦК была получена статья Ленина «О компромиссах», то Каменев получил неожиданное подкрепление. И после этого поворот в «правую сторону» в политике ЦК стал еще более заметен. Когда же в ЦК были получены письма Ленина о восстании — на заседании 15 сентября, — они вызвали обратную реакцию со стороны большинства членов ЦК, только что согласившихся с поворотом в сторону поисков «компромисса» с меньшевиками и эсерами. Возникло прямое противостояние между большинством ЦК и Лениным, длившееся до 10 октября. Однако это большинство было крайне незначительным и колеблющимся. Под влиянием энергичной кампании Ленина в пользу восстания, которую признает и Сокольников, это большинство начало таять, а потом и перешло на сторону Владимира Ильича.

⁹ Ленин В. И. О героях подлога и об ошибках большевиков// ПСС. Т. 34. С. 251.

Одним из доказательств действительного положения в ЦК во второй половине сентября может служить история с публикацией упомянутой здесь Сокольниковым статьи Ленина. Она называлась «О героях подлога и об ошибках большевиков». Редакция «Рабочего пути» (включая и Сокольникова) выбросила из заголовка статьи слова «ошибки большевиков», а из текста — критику этих ошибок, связанных с поведением фракции большевиков на Демократическом совещании. В таком виде статья была напечатана в «Рабочем пути» 24 сентября. Такое обращение с его статьей вызвало ярость со стороны Ленина, о чем он писал в послесловии к статье «Кризис назрел» от 29 сентября 1917 г. (см. там же. С. 248—256, 282). А статья «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии» вообще не была напечатана газетой и ходила в списках по рукам членов партии. Видя такое отношение, Ленин в послесловии к статье «Кризис назрел» заявил о своем выходе из ЦК! Так, спрашивается, под чьим влиянием находилось большинство ЦК в это время? Ленина или Каменева? Ответ ясен. Сокольников же пытается приуменьшить действительный характер разногласий, обнаженных Троцким (хоть и с ошибками и не до конца) в «Уроках Октября».

¹⁰ У Сокольникова: «27 сентября». Это явная ошибка.

¹¹ У Сокольникова: «не ставится».

¹² Ленин В. И. Из дневника публициста. Ошибки нашей партии// Там же. С. 262.

¹³ Ленин В. И. Кризис назрел// Там же. С. 280—281.

¹⁴ У Ленина: «ребячья».

¹⁵ У Ленина не «взорная», а «позорная».

¹⁶ Ленин В. И. Письмо в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам// Там же. С. 340.

¹⁷ Ленин В. И. Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд// Там же. С. 343.

¹⁸ Ленин В. И. Марксизм и восстание. Письмо Центральному Комитету РСДРП(б)// Там же. С. 247.

Со стороны Сокольникова здесь увертка, впоследствии закрепившаяся в трудах поколений советских историков. Читателей пытались уверить, что упоминание «Александринки» В. И. Лениным

случайно. На самом деле Ленин недвусмысленно требовал разгона Демократического совещания и проведения восстания с целью захвата государственной власти *еще в дни работы* Демократического совещания. ЦК категорически отверг это требование. В этом историческая правда.

¹⁹ Ленин В. И. Большевики должны взять власть: *Письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б)*// Там же. С. 240.

²⁰ Ленин В. И. О компромиссах// Там же. С. 135 (курсив Г. Я. Сокольникова).

²¹ В тексте: «к партии» (очевидная опечатка).

Н. Бухарин
КАК НЕ НУЖНО ПИСАТЬ
ИСТОРИЮ ОКТЯБРЯ?

[В 1924 г. статья была опубликована как редакционная, за подписью: Редакция ЦО («Правда»)]

БУХАРИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1888—1938). Большевик с 1906 г. Член ЦК в 1917—1934 гг. (кандидат в 1934—1937 гг.). Член Политбюро ЦК в 1924—1929 гг. (кандидат с марта 1919 г.). Кандидат в члены Оргбюро ЦК с сентября 1923 г. по май 1924 г. Участник революции 1905—1907 гг.

С 1917 г. член Московского комитета партии, участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве, редактор «Известий Московского ВРК». В декабре 1917 г. — феврале 1918 г. и с июля 1918 г. по апрель 1929 г. ответственный редактор газеты «Правда», одновременно, в 1919—1929 гг., член Исполкома Коминтерна и его Президиума, в 1920—1921 гг. член Президиума ВЦСПС и с 1924 г. редактор журнала «Большевик». С 1929 г. нач. сектора в ВСНХ СССР, с 1932 г. член коллегии Наркомата тяжелой промышленности СССР. В 1934—1937 гг. ответственный редактор газеты «Известия».

Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Академик АН СССР (с 1928 г.).

На ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК выведен из состава Политбюро ЦК, на февральско-мартовском (1937 г.) пленуме исключен из состава ЦК и из партии. Репрессирован: 27 февраля 1937 г. арестован, 13 марта 1938 г. военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни и через двое суток (15 марта) расстрелян.

Реабилитирован 4 февраля 1988 г. Верховным судом СССР. 21 июня 1988 г. КПК при ЦК КПСС восстановлен в партии.

¹ Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме// ПСС. Т. 41. С. 82.

² Ленин В. И. Заметки публициста// ПСС. Т. 23. С. 309.

³ Автор статьи проявляет здесь упрощенный подход, затушевывая внутрипартийную борьбу в период от VI съезда РСДРП(б) до заседания ЦК 10 октября 1917 г. Приходится повторить, что хотя 10 октября ЦК действительно согласился с Лениным и принял десятью голосами против двух резолюцию о восстании, но 15 сентября тот же ЦК высказался за уничтожение ленинских писем о восстании и против восстания в дни работы Демократического совещания.

В лице участников «литературной дискуссии» 1924 г. партийные верхи, одержимые (под суровым натиском сталинского Политбюро) прямо-таки манией борьбы за «монолитное единство», пытались доказать существование такого единства и в 1917 г., отрицая или обходя факты, противоречившие этому. Н. И. Бухарин не ведал, что творил, ибо менее чем через 5 лет и он будет пропущен через ту же идеологическую мясорубку.

⁴ Вероятно: «создания» (в обоих изданиях 1924 г. сборника «Об „Уроках Октября“» — «задания»).

⁶ Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти// ПСС. Т. 36. С. 205. (В статье пропущено слово «особый»; курсив — авторов статьи.)

⁶ Ленин В. И. О революционной фразе// ПСС. Т. 35. С. 343.

РЛКСМ. ОКТЯБРЬ И КОМСОМОЛ

[Первым секретарем ЦК РЛКСМ в 1924 г. был Н. П. Чаплин] **ЧАПЛИН НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ** (1902—1938). Член большевистской партии с 1919 г. Кандидат в члены ЦК в 1924—1934 гг., кандидат в члены Оргбюро ЦК с июня 1924 г. по июнь 1930 г.

С 1919 г. на комсомольской работе: секретарь Тюменского и Смоленского губкомов, с 1921 г. зав. отделом и в 1922 г. секретарь ЦК РКСМ, в 1922—1924 гг. секретарь Закавказского крайкома. В апреле — июне 1924 г. секретарь, в 1924—1928 гг. первый (генеральный) секретарь ЦК РЛКСМ (ВЛКСМ). Затем учился. В 1930 г. второй секретарь Закавказского крайкома партии. С 1931 г. на хозяйственной работе в Центросоюзе. С 1933 г. нач. политотделов Мурманской и Кировской железных дорог, начальник Юго-Восточной железной дороги.

Член ВЦИК и ЦИК СССР.

Репрессирован: военной коллегией Верховного суда СССР 22 сентября 1938 г. приговорен к смертной казни и на следующий день расстрелян. Реабилитирован военной коллегией Верховного суда СССР 9 июля 1955 г. 9 августа 1955 г. КПК при ЦК КПСС восстановлен в партии.

¹ Так в тексте.

² В тексте: «совещанию» (исправлено по смыслу).

³ См.: Ленин В. И. О борьбе внутри Итальянской социалистической партии// ПСС. Т. 41. С. 417. — Цитата приведена в статье неточно, приблизительно (кроме того, работа не является «письмом к итальянскому коммунисту», как пишут авторы статьи).

⁴ В первом издании сборника ошибочно: «Австро-германский оппортунизм не знал, что совершает пролетариат» (во втором издании ошибка исправлена).

⁵ Ленин В. И. К пересмотру партийной программы// ПСС. Т. 34. С. 375. — В обоих изданиях 1924 г. цитата приведена неточно (в настоящем издании исправлена по ПСС).

⁶ Так в тексте.

⁷ Речь идет о ленинских «Письмах из далека» (ПСС. Т. 31. С. 9—59). Троцкий в них ни разу не упоминается.

⁸ Так в тексте.

⁹ В обоих изданиях 1924 г. ошибочно: «объявляя».

¹⁰ В изданиях 1924 г. после слова «платформы» ошибочно стоит запятая, что меняет смысл фразы на противоположный.

СОДЕРЖАНИЕ

	Текст	Примечания
В. И. Старцев. Второй раунд смертельной схватки . . .	3	337
Л. Д. Троцкий. УРОКИ ОКТЯБРЯ	67	339
Нужно изучать Октябрь	68	
«Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Февраль и Октябрь	74	
Борьба с войной и оборончеством	80	
Апрельская конференция	84	
Июльские дни, корниловщина, Демократическое совещание и Предпарламент	88	
Вокруг Октябрьского переворота	94	
Октябрьское восстание и советская «легальность»	104	
Еще раз о Советах и партии в пролетарской революции	115	
Два слова об этой книге	122	
ОБ «УРОКАХ ОКТЯБРЯ» Л. Д. ТРОЦКОГО. КРИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ 1924 ГОДА	125	
<i>Л. Каменев.</i> Ленинизм или троцкизм	126	346
<i>И. Сталин.</i> Троцкизм или ленинизм?	190	354
<i>Г. Зиновьев.</i> Большевизм или троцкизм?	213	358
<i>Э. Квининг.</i> Ленин, заговорщичество, Октябрь	259	360
<i>О. Куусинен.</i> Неудавшееся изображение «немецкого Октября»	270	361
<i>Г. Сокольников.</i> Как подходить к истории Октября?	292	362
<i>Н. Бухарин.</i> Как не нужно писать историю Октября? (По поводу книги тов. Троцкого «1917»)	305	364
РЛКСМ. Октябрь и комсомол. Почему комсомол обязан выступить против ошибок тов. Троцкого	323	365
Л. Троцкий. ИЗ КНИГИ «СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ФАЛЬСИФИКАЦИЙ. ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ К ЛИТЕРАТУРЕ ЭПИГОНОВ»		330
Источники, примечания, комментарии		337

ТРОЦКИЙ Лев Давидович

УРОКИ ОКТЯБРЯ
(с приложением
критических материалов
1924 года)

Составитель
Прохватилов Юрий Алексеевич

Заведующий редакцией **И. Ю. Куберский**
Младший редактор **Е. Т. Смирнова**
Художник **Н. И. Абрамов**
Художественный редактор **А. А. Власов**
Технический редактор **Л. П. Никитина**
Корректор **М. В. Иванова**
ИБ № 5482

Сдано в набор 05.03.91. Подписано к печати 24.10.91. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать высокая. Усл. печ. л. 19,32. Усл. кр.-отг. 19,74. Уч.-изд. л. 22,30. Тираж 25 000 экз. Заказ № 710. Цена 2 руб.

Лениздат, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 59. Типография им. Володарского Лениздата, 191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

Троцкий Л. Д.

Т70

Уроки Октября (с приложением критических материалов 1924 года)/Сост. Ю. А. Прохвятилов. — СПб: Лениздат, 1991. — 366 с., ил. — (Серия «История КПСС и российской социал-демократии: обращаясь к истокам»).

ISBN 5-289-01025-4

«Уроки Октября» — историко-революционная работа Л. Д. Троцкого 1924 г. В свое время она вызвала ожесточенную дискуссию, отразившую внутривнутрипартийную борьбу за власть и влияние в партии и государстве после смерти В. И. Ленина. Книга содержит статью Л. Д. Троцкого, выступления Л. Б. Каменева, И. В. Сталина, Г. Е. Зиновьева и других его оппонентов, вводную монографическую статью известного историка Октябрьской революции В. И. Старцева и современные комментарии. В основе данной публикации — сборник «Об „Уроках Октября“», выпущенный в конце 1924 г. (двумя изданиями) ленинградским издательством «Прибой».

Т 0503020400—123
М171(03)—91 34—91

66.61(2)5

2 руб.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!!!

ЗА ПАРТИЮ
ЗА ЛЕНИНИЗМ

ОБ „УРОКАХ ОКТЯБРЯ“

СТАТЬИ И РЕЧИ

II-е дополн. издание

ИЗД-ВО: ПРИВОЙ: ЛЕНИНГРАД

